

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

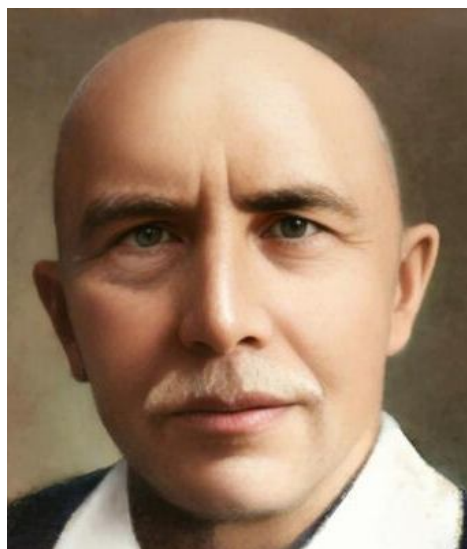
2

2023

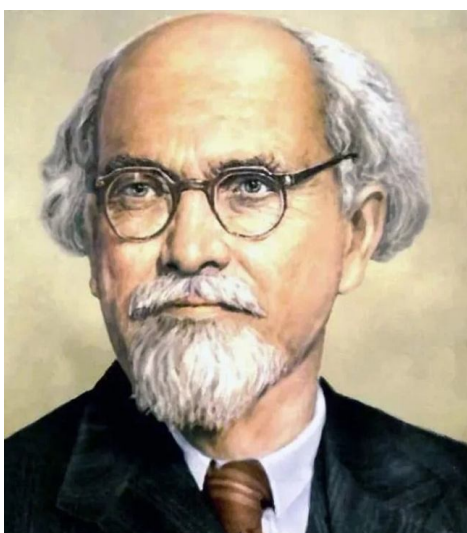
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2023 ГОДА

140 лет
Алексею Николаевичу Толстому
(1883—1945)

160 лет
Александру Серафимовичу
Серафимовичу (1863—1949)

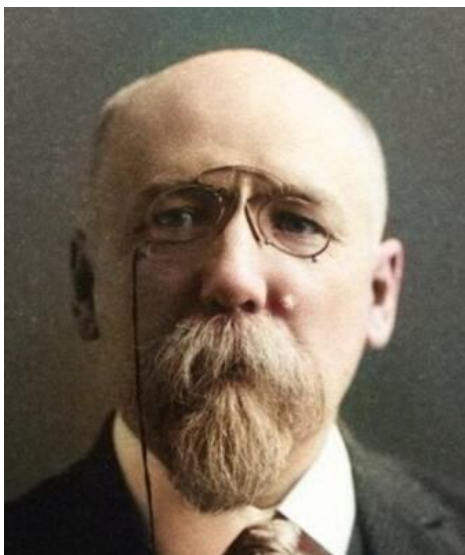

150 лет
Михаилу Михайловичу Пришвину
(1873—1954)

240 лет
Василию Андреевичу Жуковскому
(1783—1852)

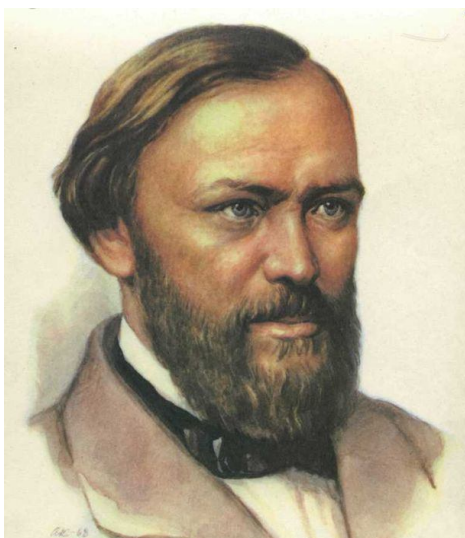
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2023 ГОДА

160 лет
Федору Кузьмичу Сологубу
(1863—1927)

180 лет
Константину Михайловичу
Станюковичу (1843—1903)

200 лет
Александру Николаевичу
Островскому (1823—1886)

140 лет
Федору Васильевичу Гладкову
(1883—1958)

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2023 — 2(69)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Песня Сольвейг об утраченном..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 20

Яков Шафран. Ударный механизм западной цивилизации. Черный Интернационал (очерк)..... 32

Виктор Кустов. Мой командир (пьеса на два голоса)..... 43

Алексей Яшин. Военная цивилизация (главы из повести)..... 70

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Аркадий Мар. Адрес из Никарагуа..... 99

Анатолий Труба. Христова невеста..... 104

Геннадий Маркин. В тылу (глава из повести)..... 115

Николай Макаров. На парашютодроме..... 121

Вячеслав Килеса. Светлячки..... 128

Вадим Федоров. Пожалуйста..... 132

Вячеслав Михайлов. Послушник и гастарбайтер..... 136

Ирина Резник. Воробьиная хозяйка..... 144

Ирина Звягина. Кукушка..... 149

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елена Николаенко. Предчувствие..... 152

Валерий Румянцев. «По горячему по краю»..... 154

Юрий Богомолов. Березы..... 157

Вадим Сергеев. Снег в июне..... 160

Эдуард Побужанский. Третий глаз..... 162

Владислав Бусов. Весенние стихи..... 166

Вера Грибникова. Августовское..... 168

Марина Трусевич. Зачем..... 170

Виктор Борисов. Новогоднее пожелание..... 172

Елена Данилова. «Мы живем от детства в двух шагах»..... 174

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Мы знаем, куда и с кем идем (об итогах работы XVI съезда Союза писателей России).....	176
Валентин Огнев. Невидимый подвиг.....	180
Александр Балтин. К 150-летию Михаила Пришвина.....	184
Алла Новикова-Строганова. Борец за правду и справедливость (к 200-летию А. Н. Островского).....	189
Александр Палладин. Спесь с комплексом неполноценности.....	205
Анатолий Агеенко. «Неповторимая словесная вязь».....	216
Владислава Васильева. «Лови Вселенную, художник».....	218
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ	
Поэт с «Авроры». Взгляд с пристани в бинокль времени (памяти Валерия Георгиевича Ходулина).....	225
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	231

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Владимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):

<http://www.pz.tula.ru>

<http://www.tro-spr.ru>

Портал «Журнальный зал»:

<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ ОБ УТРАЧЕННОМ...

На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался», с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юридические,— они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся.

Н. С. Лесков «Однодум»

♦ В эпилоге одной из предыдущих наших книг*, кстати говоря, «северных», мы уже касались безутешной темы: нет сейчас человека, более ничтожного в социальной иерархии, более тихо презираемого в быту, нежели сочинитель художественных произведений, сам себе стыдящейся именоваться писателем. Даже от природы задорные поэты, «горлопаны и главари» по Маяковскому, и те сникли. И все это случилось за какие-то три десятка лет! Речь, понятно, идет о наших отечественных реалиях, ибо на Западе-Востоке («Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературы напрочь исчезло намного раньше. Уже и «Нобеля» по литературе там дают, ничтоже сумняшеся, певцам-гитаристам и политангажированным дамам-журналисткам. Горестная тема, но уходить от нее — уподобляться страусу в известной ситуации. Да нам и проще найти нужные слова, ибо, будучи «двуликим Янусом», параллельно с литературными упражнениями ведем и научное исследование, дающее аргументированный ответ на вопрос об исчезновении литературного слова из человеческого обихода так стремительно во времени и не оставляющего даже призрачной надежды хотя бы на частичное восстановление *status quo*.

Поверьте, мой дорогой мифический читатель, это не недоедающее бормотание пономаря кладбищенской церковки «со святыми упокой», но честное самопризнание. Увы, от этого прежде всего мне самому не легче. По чисто «утилитарной» причине: и без того крайне немногим оставшимся читателям, последним романтикам души, в соответствии с психологической установкой человека, крайне неприятно читать правду о сегодняшнем дне бывшей великой русской и русской советской литературы. Словом, хрестоматийное «мысль изреченная есть ложь» понимается как извечное «правда глаза колит».

Редчайшего ныне читателя мы прекрасно понимаем, сочувствуем ему — ведь в одной связке с ним! Хорошо бы и он осознал: если во времена Пушкина, Лермонтова и Гоголя литератор, условно говоря, творил для тысяч, максимум для счетных десятков тысяч своих почитателей; в расцвет великой русской словесности, то есть во вторую половину девятнадцатого века, а с учетом стремительного роста читательской грамоты, в последнюю треть этого века и начала века двадцатого, писатель имел

---

* Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. на сайте www.pz.tula.ru — Прим. авт.

уже аудиторию в сотни тысяч; в советские годы, с экстремумом в 50—70-е, счет шел на десятки миллионов, то сейчас — о, горе нам, горе! — современный писатель, отсекая от этого славного имени немногих дельцов-пиарщиков и многочисленных, имя им легион, графоманов, имеет от 1 до ~ 1000 читателей... не миллионов, не сотен или десятков тысяч, а именно от одного до примерно тысячи читателей, конкретных физических лиц, как принято говорить на суконно-цинковом административно-бюрократическом наречии.

Оторопь берет: родоначальник книгопечатания, ювелир из Майнца Иоганн Генсфляйш Гутенберг, тем более его последователи, печатали тиражи в несколько тысяч экземпляров (а это середина XV века!), каждый из которых, особенно папские индульгенции и библии, имели во времени от сотен до тысяч читателей. А здесь: от одного до тысячи; один — это сам автор, вдыхая волнуемый свежий типографический запах...

Не поверят опять же: а как ты подсчитал? а справка есть? (вспомните персонажа Янковского в фильме «Паспорт»...). А вот взял и подсчитал, благо много чему учился — в советских вузах, не в нынешних «онлайковых»: инженерному делу, то есть умению системно мыслить, в Тульском политехе, математике в Ленинградском государственном университете, содержанию и психологии творчества в Литературном институте им. А. М. Горького, Союза писателей СССР — именно такова была принадлежность этой славной «школы Горького». Опять же почти двадцатилетний опыт главного редактора журнала.

♦ Фоме Неверующему, а сейчас мало доверчивых осталось, литераторы и вовсе каждый на своем лужке пасется, что усомнится в обидно малом числе читателей, открою секрет проверки этого антифеномена. Сам изобрел и полтора десятка лет экспериментировал: вторая, научная ипостась исследователя — биофизика приучила только эксперименту доверять.

Итак, сочиняя очередную книгу, стараюсь вставлять в нее, конечно, контекстуально выверено, что-либо касающееся творчества моих коллег по местной писательской организации, как-то: пару стихотворных строчек поэта *N.* — любимого современного стихотворца восторженно-лирической героини повествования; эпиграф к главе, уже с упоминанием ФИО поэта же *M.*; явный намек на «нашумевший» роман провинциального писателя *K.*; сюжетная сценка, в которой обыгрывается недавний скандал с местным литератором *O.* ...И так далее, поток фантазии неиссякаем, когда готовишь легкую, необидную пакость. Как только книга издана сиротским тиражом (на зарплату профессора и бутылочки приличного коньяка, чтобы обмыть, не купишь!), первым делом радостно дарю ее экземпляры литературным собратьям *N.*, *M.*, *K.*, *O* и так далее по буквам латинского алфавита: так солиднее, чем кириллица. Излучая добрыми лицами — от рта до ушей и залысин на макушках, те долго и прочувственно пожимают тебе руку, взяв ее в обе своих, клятвенно заверяют: дома после ужина запрешь в своей рабочей комнатке и не выйду из нее, пока от корки до корки не прочту. Это если книжка тонкая. Если толстовата, то обещают за три-четыре дня одолеть.

Радостно потирая все те же руки, с неугасимым авторским тщеславием жду следующей встречи с *N.*, *M.* И остальными, «помеченными» в своем новом, нетленном творении. Заранее предвкушаю: подходит *N.*, благодарственно жмет мою длань (своими двумя): «Вот спасибо, дорогой мой коллега! Вспомнил-таки, что есть на свете поэтишка *N.*, а твой персонаж строки моего лучшего стихотворения процитировал: *«Прекрасны розы на рассвете, а ты, богиня, ночью горяча»*. Признателен!» Затем и *M.*, потом *K.* за ними *O.* выстраиваются в очередь благодарений. Я-то уже знаю, что *O.* восхитится: как замечательно обыгран судебный процесс, который он недавно затеял с ловким плагиатором *Q.* ... и так далее.

Но попал ваш покорный слуга в ситуации романтической девушки Сольвейг:

«Весна пролетела и лето прошло...» из драмы Ибсена «Пер Гюнт», музыка Эдварда Грига. Сколько бы раз не встречался после издания книги с *N.* и его коллегами, обозначенными латиницей, но *за пятнадцать лет ни один из них* не поблагодарил. То есть все изданные за эти года полтора десятка лет книги они даже не раскрывали! Эврика!

...Мне возразят: что ж хочешь? это же писатели, им некогда читать, они перо из руки не выпускают, свои *ПСС* сочиняют! И к случаю вспоминаю анекдот литинститутских времен о приеме чукотского классика в Союз писателей: «...И что вы, уважаемый, в последнее время читали из отечественной и зарубежной художественной литературы?» — «Хе-хе, однако, чукча не читатель, чукча писатель!» Без обиды для наших славных чукчей... Тот случай, когда справедлива трансформированная поговорка: «Сапожник не носит сапоги другого мастера».

...Значит, диапазон читательского интереса смело снизим до 1...500, причем верхние 100...500 отнесем к публикациям в журналах, выходящих «в бумаге» таким же тиражом. Но здесь не обольщайтесь: читать будут намеренно не вас, избранника муз, а весь журнал *in summa*. Опять же человеческая психология: если купил, кровные потратил, то обидно, если все не прочитаешь! Это как не съесть целиком заказанный в ресторане бифштекс за невероятную цену.

Остается 1...100 читателей произведения, изданного в виде авторской книги. Сто? да это же целиком рот на марше! Но не радуйся ста читателям, как будто сотенную бумажку с видом Большого театра на дороге нашел (лучше того же достоинства долларовую банкноту с портретом Франклина). Дело намного хуже.

♦ Сразу исключим из оставшейся сотенки два десятка знакомых коллег-сочинителей (см. описанный выше эксперимент); остается в заголовке, в домашней кладовке, восемьдесят экземпляров. Еще тридцать ближним и дальним родственникам, давним друзьям, коллегам по работе, в главные городские библиотеки (место действия — областной город)... словом в те руки и на те полки, где книгу никто и никогда не раскроет. Вот и полусотенка осталась. Сакральное число: ни много, чтобы задумываться: куда девать; ни мало, чтобы успокоить себя: а-а-а, на всякий случай пусть полежат, много места не занимают, есть не просят. Опять же пять десятков возможных читателей! Это вам не фунт изюма, пока еще натурального, не китайского из переработанной пластмассовой тары...

Но печатать книги в твердом переплете безумно дорого для безгонорарного писателя, а сброшюрованные в мягких обложках, склеенные по торцам дешевым китайским же клеем, очень скоро для чтения становятся непригодными: рассыпаются при раскрытии страниц. Волей-неволей надо избавляться от них, раздавая случайным людям, а если есть возможность посылать по почте «за счет заведения», то осчастлививать редакции литературных журналов и правления писательских союзов, которых сейчас в наличии имеется поболее чем пальцев на обеих руках. Уже не надо пояснять: никто и нигде эти «авторские дары» не раскроет, названий и фамилии сочинителя в памяти не отложит.

И как добрый старинный бухгалтер-счетовод, в роговых очках и в надетых на рукава пиджака суконных нарукавниках траурного цвета, пощелкаем костяшками счетов, подведем итог: из изданных ста книг раскрытыми оказались не более десяти. В основном машинально, из вежливости при получении подарка, раскрытыми. Из них «пролистаны» шесть-семь, а собственно прочитаны не более трех-четырех ... включая автора (см. выше). И это радует безмерно: не один во Вселенной!

«Бездумный гротеск, фантазия воплощенного пессимизма, следствие выпитой от творческой безысходности полубутылки империалистического виски «Джонни Уокер» или чего попроще из «расейского!» — воскликнет читающий эти строки, то есть один из тех трех-четырех реальных читателей.

Увы, мой редкостный и досточтимый, это самая что ни на есть горькая правда. У

моих книг также читатели суть: супруга, грамотная, из учительниц, приученная к чтению матерью, педагогической доцентшей; сын, дитя переходного периода отечественной истории, единственный читающий, как он сам говорит, из своих сверстников; пара-тройка постоянных авторов журнала «Приокские зори» и одна профессиональная критик-литературовед из Минска. Исполать им! Все точно просчитано, экспериментально (см. выше) подтверждено, аналитически взвешено и пр. Не зря же двойной доктор наук и двойной профессор: не лыком шит и научной методологией владею отменно.

Огорчу и вас, собратья-литераторы, у каждого столько же читателей. Сами можете аналитически и экспериментально проверить...

«Но как же литературные премии (почти все безденежные), награды, звания, которых сейчас превеликое множество и только самый ленивый ими обделен? Это снова Фома Неверующий встрянет. *Шалом леха адонай* Христов апостол Фома, поприветствуем его из уважения на арамейском, но в части литпремий нынешних разьясим.

Опять же исходим из наиболее достоверного, то есть из личного опыта. Когда полтора десятка лет тому назад учреждали литпремию за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», сам бог подсказал здравую мысль: не создавать всякие комитеты, жюри и пр. из видных писателей, а принимать решение самой редакцией — только на основании знакомства с публикуемыми в журнале произведениями. Поэтому небезосновательно полагаем: премия «Левша» имени Н. С. Лескова есть честнейшая из других, подобных ей... безденежных в том числе. Есть с чем сравнить. Недавно друг нашего журнала, входящий в одно премиальное жюри, откровенно рассказал о своем коллеге по этой организации: тот ставит высший оценочный балл своему хорошему знакомому и «на автомате» ставит нулевую оценку всем остальным книгам, участвующим в конкурсе. Естественно, эти книги, включая премиальную «от знакомца», оценщик не раскрывает.

Грустно, девушки, грустно. В пору действительно утешиться рюмахой доброго шотландского «Джонни Уокера». Не потому что к Западу приязнь испытываю, а просто по материнской линии имею дальних предков из шотландских переселенцев в Россию.

◆ *Ах, боже, сколько скуки
В искусстве палача,
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча...*

— начинает своего знаменитого «Нюрнбергского палача» Федор Сологуб, далее описывая начало жизненного пути своего героя:

*... И я учился в школе,
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Мучительно горя...*

Первую строфу отнесем ко всякому, кто, подобно нам, берется за описание тягостного положения современной литературы и ее тружеников (см. выше). Вторую же к нижеследующим рассуждениям о «качестве», так сказать, этих самых современных тружеников пера.

В русской классической литературе, а тем более в советской, заорганизованной в рамках Союза писателей СССР, писательство было профессией. Даже не столько по присказке «какова пса ловля, такова ему кормля», сколько по профессиональному мастерству, к которому всякий пишущий стремился по мере отпущенного ему природой таланта, ориентируясь на признанные авторитеты. То есть тогда писатель всю жизнь *учился*, а не просто «выдавливал из себя». Разумеется, и в девятнадцатом веке,

и в двадцатом существовала динамическая литературная пирамида. Писателей было достаточно, но в антологию русской литературы входили относительно немногие. Это естественно и неотрицаемо.

...В шестидесятые-восьмидесятые годы, когда прежде сплошь деревянная Тула радением первого секретаря обкома Ивана Харитоновича Юнака, давнего знакомого Брежнева еще с довоенных днепропетровских времен совместной партработы, на глазах перестраивалась в «пятиэтажный город» (это название романа классика советской латышской литературы Вилиса Лациса...), народ, переселяясь из родовых домишек в новые квартиры, массово избавлялся от всевозможного старья. Поэтому в те годы тульская «Буккнига», располагавшаяся в самом начале проспекта Ленина, почти под стенами кремля, радовала серьезных книголюбов (не мелких перекупщиков!) изобилием староизданной литературы девятнадцатого — начала двадцатого веков, в которые собственно и создавалась русская литература. Заходя после работы — благо по пути — в бумага, чего только не отыскивал там! Кое-что и приобретал на скромные инженерные рубли. Наряду с разрозненными томами собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков — от дешевых «бесплатных приложений» к журналу «Нива» до фабрично тисненых томов издательства Товарищества М. О. Вольф и совершенно роскошных изданий А. Ф. Маркса и Товарищества «Просвещение» — и уже полузабытых, а некогда популярных писателей навроде В. Г. Тана, Ольги Шапир, С. В. Максимова, А. А. Потехина, П. М. Невежина, Н. Я. Соловьева и других, часто встречались книги авторов, имена которых не значились ни в каких литературных энциклопедиях, даже в восьмидесятитомном Брокгаузе и Ефроне.

И ведь совсем недурственно написаны, главное, литературно грамотно: семейные помещицы хроники, романы с авантюрными завязками и развязками, «дамская» беллетристика, вроде бы хорошо рифмованные стихи, даже пьесы и поэмы. Но при чтении их чувствовалось: автор просто отдыхает в своем сочинительстве от более важных для него дел; да, безусловно, склонен к литературному творчеству... но и только. То есть не имеет стремления стать писателем профессиональным, трезво оценивая потенциальные возможности своего скромного дарования. А потому и не отдает всего себя литературному творчеству, главное — не относится к своему сочинительству как учебе длиной в собственную жизнь, о чем уже было упомянуто выше.

В чем-то схожая ситуация и сейчас, но с тем *огорчительным отличием*, что (а) напрочь отсутствует понятие авторитета; (б) по этой причине нет устремления к профессионализму, а еще более существенная — «нет кормли» от литературы. Из совокупности (а) и (б) следует: современная писательская среда суть непрофессиональная по определению, сплошь любительская и не имеющая даже представления о том, что писательство неотделимо от учения писать!

Всего два десятка лет назад (в девяностые годы еще сохранялась инерция советских времен, наличествовали литературные кадры того же времени) ситуация (а) и (б), но последняя уже без «кормли», представлялась некоей пессимистической фантазией. Взять ту же тульскую писательскую организацию — типичную для всех остальных в стране областных и республиканских. Весь ее состав на исходе советского времени был «обилечен» членством в Союзе писателей СССР. А вступить в Союз тогда, как совершенно справедливо гласила расхожая присказка, было равнозначно достижению степени доктора филологических наук. То есть двадцать-тридцать членов Союза писателей на два-три миллиона жителей области (речь идет о среднестатистическом по стране), что означает одного писателя на сто тысяч населения? — редкие профессии могут представляться таким масштабированием; разве что генералы, высшие в области партийные и административные чины могут себе такое позволить...

Не случайно, не оговоркой мы употребили выше слово «профессия». Да, состав тех же областных писательских организаций был именно *профессиональным!* Более половины членов тульского отделения Союза писателей окончили Литературный ин-

ститут или Высшие литературные курсы (двухгодичные) при нем. А это был еще тогдашний Литинститут! — школа Горького. Другая же часть либо имела высшее филологическое образование*, или же занималась неформально литературным самообразованием. Имелись и творческие самородки, что свойственно обычно поэтам.

Тульские писатели не замыкались на издании своих книг, а достаточно активно участвовали в местной и всесоюзной литературной жизни: от публикаций в областной периодике до авторства в «толстых» столичных журналах. Даже публиковали в них (Александр Харчиков, например) романы с продолжением из номера в номер. А это по тем временам «высший класс»! Уже не говорим о писательских собраниях, семинарах, конференциях всех уровней, литературных чтениях, творческих командировках, выступлениях на предприятиях и в организациях и пр.

♦ В нынешней областной писательской организации Союза писателей России (а других организаций еще под десяток...) членов таковой поболее, но имеющих литературное образование, то есть окончивших Литинститут или Высшие литературные курсы, осталась от прежних времен трое. При этом за прошедшие тридцать с лишком лет из вновь принятых — ни одного! И в перспективе не предвидится. Обычная реакция на подобные слова, что-де «в институтах на писателей не учат!» — малоубедительная фигура речи. Правда, почему-то подобного не услышишь в адрес артистов, музыкантов, художников, журналистов и представителей других творческих профессий. Наоборот, даже оговариваются: артист такой-то *даже не имеет* соответствующего образования — самородок!

Конечно, Литинститут, тем более ВЛК, из литературного *tabula rasa* за время обучения не смогут вырастить «среднестатистического» писателя, особенно поэта, но ведь и в «Школу Горького» (в советское время конкурс туда не уступал театральным и пр. вузам) допускали к сдаче обычных экзаменов (к ним число абитуриентов сводилось как 2:1 — чтобы всем легче было...) после серьезного творческого отбора: по присланным публикациям и/или рукописям! То есть бесталанные люди туда и не шли, а другие отказ по результатам отбора получали. А обучение давало, наряду с *университетским* курсом филологии, практическую литературную школу — семинарский день в неделю, которые все годы обучения вел один и тот же писатель или поэт «с именем». Даже не в группы, как обычно в вузах, но в семинары по 10...15 студентов объединяли. Я, например, состоял в семинаре известного писателя-фронтвика, первого главного редактора возобновленного «Нашего современника» Бориса Михайловича Зубавина. Что ни семинар, то классик советской литературы его возглавляет... И учебные литературные дисциплины не абы кто у нас вел. Аза Алибековна Тахо-Годи, автор всех советских учебников по истории Древнего мира и его мифологии, заведующая кафедрой классической филологии МГУ, вела античную литературу, читая (наизусть, конечно) по-древнегречески целиковые главы из «Одиссеи» и «Иллиады». Еремин, Артамонов — имен много — по их учебникам же и монографиям во всех гуманитарных вузах страны изучали русскую, зарубежную литературу, творчество литературных эпох России и Европы. Даже зачеты по скромному, семестровому курсу кинематографии («Искусство кино» он назывался) сдавали не кому иному, как Леониду Траубергу, классику советского кино, автору трилогии о Максиме...

Преподававший поэтику русского фольклора, молодой тогда Константин Кедров, ныне известный своей книгой «Поэтический космос», выдающимся философско-поэтическим произведением (М.: Советский писатель, 1989), время от времени публикуется в наших «Приокских зорях». Критик Владимир Гусов за тридцать лет возглавляет Московскую писательскую организацию. Зачет по своей дисциплине он

---

* По правилам поступления в Литинститут советского времени такое образование являлось препятствием для обучения в нем, что, вообще говоря, объективно обусловлено. Но можно было и это обойти.— Прим. авт.

принимал у нашего курса на пару с будущим министром культуры России — правда, недолго и как-то незаметно он министерствовал... На душе становилось легко, когда встречался в коридорах «Дома Герцена» всегда веселый и улыбочивый армянин Гарольд Эль-Регистан, сын соавтора Сергея Михалкова по словам Гимна Советского Союза. А руководители поэтических семинаров — сплошь самые известные стихотворцы того времени... за исключением, быть может, Евтушенко, не имевшего высшего образования. По-отечески всех нас опекал ректор Владимир Федорович Пименов, бывший «сталинский главный по театрам». История и современность в единых лицах сливались на Тверском бульваре, 25...

В роскошном же «сталинском» (опять же) общежитии с видом на близкую останкинскую телебашню, где один из этажей занимала гостиница Союза писателей, за годы учебы перевидали весь литературный бомонд страны. И на своем этаже кого только не увидишь? — вот Олжас Сулейменов, поэт и член ЦК комсомола Казахстана, автор много шумевшей тогда книги «Аз и Я» (то есть Азия), входит в комнату к своим землякам-студентам. А за стенкой, в соседнем «нумере», весь вечер, до полуночи, гомон, песни и топот лихой пляски: это зашел к своим «курянам» (если не ошибаюсь с городом?) Николай Тряпкин, поэт в зените своей всесоюзной известности...

Даже могли позволить себе легкий снобизм, например, выбирать куда отправиться после занятий: на дневной спектакль с Высоцким в Театр на Таганке на дармовщину или в любимую литинститутскую пивную «Серебряная ладья», что в подвале дома между зданиями Моссовета и Генеральной прокуратуры СССР...

Не сочтите сказанное за нахлынувшие ностальгические воспоминания. Просто сразу поймете, чем являлся Литинститут для своих воспитанников: давал базовое филологическое, литературное образование; на семинарах руку будущего сочинителя романов и поэм, рассказов и сонетов тож, умело направлял известный писатель или поэт; но, пожалуй, самое практически полезное, чего не приобретешь ни в какой другой обстановке, это «вживание» в литературный мир, его творческую мастерскую, налаживание дружеских связей со своими однокашниками со всего Союза, из других стран... афганцы, эфиопы, гэдээровские немцы — кто только не учился с нами или близко к нам по годам, включая будущего президента Монголии... и будущего же главаря чеченских боевиков Яндарбиева*. Мир он разнолик.

Словом, такое «вживание» дает понять будущим мастерам пера, что не боги горшки обжигают, но к горшечному делу надо приступать с определенными навыками мастерства...

♦ Вот уже тридцать лет как все это кануло в Лету, реку забвенья о некогда великой русской и русской советской литературе и самой читающей стране мира — не в лозунгах, но в самой что ни на есть реальности. И что имеем? А в наличии, как это ни грубовато звучит, дырка от бублика — это о крохотной читательской аудитории; сапожник без сапог — о безлошадных писателях; а в целом о тлеющем литературном процессе сто лет назад проскандировал лихой наш поэт: «Жили-были я и он, подружались с похорон...» Имя намеренно не называем: хоть и не велика литературная тренировка, но все же поройтесь в памяти... или в трижды треклятом интернете.

Кстати об интернете. Одно время телерадио-официоз, комментируя падение тиражей издаваемых книг, их невостребованность, то есть отсутствие читателей, с восторгом *вопьял* в том смысле, что читатель никуда не исчез, просто переключился с бумажных книг, источника бытовой пыли, к чтению с экранов мониторов, ныне всяких там экранов-дощечек (о том, что интернет есть источник мозговой пыли, дипло-

---

* Тогдашний чеченский писатель Зелимхан А. М. Яндарбиев окончил Высшие литературные курсы в 1989 году. Один из главарей чеченских террористов, одно время являлся И.О. президента Ичкерии. Побив горшки с Масхадовым, обосновался в Катаре, где организовал финансирование войны на Кавказе. Террорист по спискам ООН. Взорван в 2004 году в автомобиле.— Прим. авт.

матично массмедиа умалчивает). Дудки и шиш с маслом! — снова оговоримся по фольклорному: неполиткорректно, но вековая народная мудрость важнее. С экранов читают-смотрят что угодно, только не художественные книги. Впрочем и все иные. Это каждый может проверить: по самому себе, своим родственникам и пр. Лично я в последние три десятка лет «всеобщей компьютеризации» — при широком круге общения и природной наблюдательности — знал только одного человека, читавшего книги с такой мобильной штуковины с экраном в формате обычной книги. Читал же он классику потому, что был советского воспитания; читал с экрана по чисто «технической» причине: работа его связана с постоянными длительными командировками. Не сумки же с полными собраниями сочинений с собой возить?

Стоп-стоп! Зарапортовался. Еще один давнишний знакомый читает с экрана свежие номера «Приокских зорь» и других тульских художественных изданий. Он всегда должен быть в курсе, поскольку ведет на местном радио литературно-просветительские передачи. Если кто в городе и области еще помнит смысл слов *писатель* и *литература*, то только благодаря ему... Честь и хвала Виктору Васильевичу!

То есть внушаемое с ТВ-экранов мнение о пользе «новых технологий» — слышать этого, прежде уважаемого технического термина, слова не могу! — для целей просвещения и культуры — это «сказки бабушки Телевизоровны». Был такой периферийный эквивалент передачи «Спокойной ночи, малыши» на мурманском телевидении шестидесятых годов — из детских заполярных воспоминаний...

Чтобы перейти к следующему разделу, приведем многозначительную цитату из книги «Беседы Вельзевула с внуком» Георгия Гурджиева, своеобразного философа, эпатажного мистика и... однокашника Иосифа Виссарионовича, тогда Джугашвили, по духовной семинарии: *«И поэтому сегодня, мой мальчик, на этой несчастной планете каждый взрослый человек вместо того, чтобы получить подлинные знания, которыми нормальное трицентричное существо должно обладать о событиях, произошедших на его планете в прошлом, изучая все механически и бессознательно, «воспринимает» всем своим существом «информацию» о Египте и занимается различными спекуляциями об этом при помощи своего Разума».*

♦ Как тут не поверить в провидчество столь загадочных мистических личностей как Рерих, Блаватская и Георгий Гурджиев! Не зря же в тридцатые годы Сталин часто интересовался: где находится и чем занимается его бывший однокашник... Сам автор цитированной книги выделил закавычиванием слово *информация*, причем совершенно в нынешнем ее понимании как *цифрофрения* (термин наш). И ответы — в контексте сегодняшнего умаления литературного слова — на традиционные русские вопросы *Кто виноват?* и *Что делать?* следует искать в этой самой цифрофрении, то есть в стремительном угнетении аналогового, творческого мышления современного человека, замещаемом цифровым, утилитарным, расчеловечивающим мышлением цифровым — что есть мощнейшее оружие глобализации*.

... Весьма многие ныне пишут о гибели русской художественной литературы (на Западе она давно сгинула) в ее естественном двуединстве «писатель ⇔ читатель», приводя почти что стандартный набор доводов: возвращение атавизма частнособственничества, равно как и буржуазного *«homo homine lupus est»*, ускорение темпа жизни («не до того, Федя, не до того»), технизация и цифрофрения современного мира, «усталость всероссийская» от частой смены ситуации в стране за последние де-

---

* Глобализация есть один из начальных этапов биосферно-ноосферного перехода (по В.И. Вернадскому). Наша концепция такого перехода издагается в продолжающейся серии авторских монографий (на сегодняшний день издано 20 томов) под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы». Опубликовано в различных издательствах: «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Изд-во ТулГУ и др. Размещены на различных научных сайтах.— Прим. авт.

сятилетия, деидеологизация и отсутствие нравственных и вообще любых ориентиров («Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет...») и пр., и пр.

Очень умно, обстоятельно пишут. Мы с удовольствием публикуем произведения авторов таких рефлексий в «Приокских зорях», с интересом читаем их материалы в других журналах. Самое огорчительное то, что проникательные писатели-публицисты забывают о правиле логического вывода: *из причины вытекает следствие*, но никак не наоборот: главенство дедукции над индукцией. А перечисленные выше доводы суть именно следствие. Нетрудно вроде бы назвать истинную причину, но... скорее всего любого человека внутренне страшит, отвращает категорический императив. А в данном случае это непреложность законов эволюции, то есть социальной эволюции человечества в настоящий период, которые непререкаемо и неотрицаемо гласят: в развертывающийся сейчас период глобализации биосферно-ноосферного перехода человек разумный, творческий стремительно перерождается в биотехнического, цифрорфенического робота — приатка глобализующейся мегамашины, управляющей посредством мировых телекоммуникационных сетей уже во многом расчеловеченным (термин А. А. Зиновьева) человеком — похоже на тавтологию, но это наиболее точное определение. А таковому субъекту глобализации художественное слово, словесность в целом, не то что не нужны, не востребованы, но прямо противоположены самим процессом расчеловечивания по его определению.

Исходим из фактора расчеловечивания, которое неотвратимо и сейчас, что называется, «на взлете». Это наша действительность, уже давно никем из «высоколобых» и просто здраво мыслящих людей не отрицаемая. А на вопрос «зачем эволюции такое издевательство над человеком потребовалось?» — читайте опять же книги: «западников» Сантаяну, Тоффлера, Фукуяму, Тойнби... Сорос опять же хорошо пишет о своем финансово-олигархическом империализме; но лучше своих, отечественных: от Достоевского и Вернадского до А. А. Зиновьева и Вадима Кожина. Наши аргументированные соображения на этот счет смотрите в серии «Живая материя и феноменология ноосферы», на которую ссылка дана выше. Надеемся, не совсем пустые соображения, если недавно за один из томов этой серии автор был удостоен старейшей в России, престижной Макариевской премии в области естествознания и точных наук (учредители: Московская Патриархия, Российская академия наук и Правительство Москвы). Не в похвальбу себе говорим, но для сушей объективности.

...А выраженный гибридный характер глобализации, внешне воспринимаемый как алогичный «ни да, ни нет, а третье, четвертое и так далее подразумевается», расчитан на массовую психологию... и психоистерию. Что мы и наблюдаем сейчас в опидорасенных, как любил говорить Никита Сергеевич, европах-америках.

...Вспомним аналогичный пример более чем столетней давности, а именно описание Львом Толстым приезда в Петербург французского президента Пуанкаре с целью вовлечь Россию в антигерманскую Антанту. Лев Николаевич предельно язвительно описывает, как на торжественной встрече оркестр исполнил «Боже, царя храни» и «Марсельезу», в словах которой как раз и рекомендуется этих самых царей изничтожить... Чем не гибридный политический подход?

♦ Как разоткровенничался (за нехитрой сервировкой) знакомый труженик массмедиа, когда верстают программу радиовещания на ближайшие сутки-двое и обнаруживают «пустое место» на полчаса-час эфирного времени, то втыкают, особо не задумываясь, уже ставшие доброй стариной одну из двух безнадежных и вечных тем: почему народ перестал есть рыбу и о полисах ОСАГО. То есть бессмысленная и пустопорожняя болтовня. Зато пустое место в эфирном времени заполнено.

Пустопорожнее же потому, что всем прекрасно известны причины отсутствия рыбы в рационе трудящихся (и не очень) и вековечных — с века двадцатого — недоумок с автострахованием. Поясним для наивных и легковверных. Для ясности примера гибридного расчеловечивания.

Фосфор является одним из наиболее важных биогенных элементов, то есть элементов поддержания и эволюции жизни. Уж поверьте доктору биологических наук. Для человека фосфор — основа «энергетики» процессов мышления и, собственно как и для всех биообъектов, механизма наследственности, ибо молекулы ДНК и РНК содержат его в своих нуклеотидных основаниях. Нет регулярного поступления фосфора — процессы мышления и механизмы наследственности человека нарушаются. Наиболее усвояемый организмом фосфор человек получает от съеданной рыбы. И в диетологии подсчитано: человек должен для покрытия дефицита фосфора съесть в год не менее восьми кило рыбы; хоть за раз или по двадцать граммов в день. Это издавна, до того еще как биология стала строгой наукой, было известно: те же посты церковные, когда дозволялась в пищу только рыба («ее же и монахи приемлют...»); а вспомните русскую классику: обычный сюжет, когда персонаж повествования встречается на зимних дорогах обозы с возчиками-солдатами: «Что, солдатики, за рыбой едете?» И так далее. А в советское время — биология уже строгая наука! — уже целенаправленно заботливая о народе власть (это не диссидентский юморок, но истина!) ввела в общепите рыбный день (четверг — партийный, среда — рыбный...), рыба *никогда* не была торговым дефицитом. Более того, дешевизна, то есть всеобщая доступность, рыбы обеспечивалась государственной доплатой, то есть она продавалась *ниже себестоимости!*

...Гибридная война западного империализма-глобализма против России с начала девяностых годов умело использовала «рыбный демпинг»: лишила страну источника жизнеобразующего фосфора — рыбы. Дескать, тупейте и вырождайтесь в поколениях, русские *Untermenschen!* И сделано было мгновенно, в русле всеобщей приватизации «по гражданину с растительностью рыжего оттенка». Как и у Борьки Джонсона. В одночасье все рыбные флота страны развалили, суда передали частникам, а те выловленную рыбу, не заходя в родные порты, оптом продают западно-восточным странам «золотого миллиарда». Чтобы еще больше умнели в своих глобалистских кознях.

Если на моей исторической родине в советские годы два мощнейших мурманских флота — Траловый и Сельдяной — *всю* страну снабжали треской и сельдью, соответственно, то сейчас в самом Мурманске (земляки пишут) считается за счастье купить эту самую треску... привезенную из Норвегии, куда российские (по флагу) рыбопромысловые сейнеры сдают-продают все свои уловы.

Такая же ситуация и на Дальнем Востоке. А в магазинах страны в условно «рыбных отделах» народ с испугом, ускоряя шаг, проходит мимо витрин, в которых, с этикетками двух-трехзначных цен за сто грамм, лежат мумифицированными останками бывших рыб, семижды семи раз перемороженные, с многолетней биографией после их вылова...

А что касается полисов ОСАГО, что здесь еще проще: столкновение двух могущественных сил: власть, по своему назначению отвечающая за безопасность на дорогах, и еще более мощное лобби, живущее и жирующее за счет наращивания импорта легковых автомобилей (кстати, 95...98 % населения вовсе не нужного...).

Теперь же смело можем добавить: для занятия «пустых мест» в телерадиопрограммах с таким же успехом можно использовать беседы на темы современной литературы с безутешными «расейскими» вопросами: *Кто виноват?* и *Что делать?*

...Получится такой же пустопорожный треп, а на указанные вопросы, учитывая, что истинное *status quo* объяснить политкорректность не позволяет, можно часами петь «песни народностей» — по Ильфу и Петрову.

♦ Но мы не политкорректные СМИ, поэтому ответим на хрестоматийные вопросы. «Виновата» вроде как эволюция человечества, которой, по ее никому не ведомым законам, потребовался биосферно-ноосферный переход, условием которого является расчеловечивание «бывших человек» (см. выше), для которого литература нужна

как козе баян. Но обвинять эволюцию все одно, что гневать бога упреками в извечном несовершенстве сотворенного им мира, где никак не улягутся рядом волк с овечкой... Примем такой ответ как априорный, где некого судить и сами судимыми не будем.

Но вот по части *что делать?* Порассуждать следует. В самом деле, не скорбить же молча, набрав в рот воды? Вода ведь не грузинский коньяк «Греми» десятилетней выдержки и не шотландский виски «Балантайн», что тоже семь лет томился в дубовой бочке, много не выпьешь, а выплюнуть и воду жалко. Так для какой высокой цели в наше неуютное, оцифрованное и сугубо утилитарное время следует (безгононарно и безвестно) писать-сочинять многотомные эпопеи, задумчиво-нравоучительные романы, душеразслабляющие повести, занимательные рассказы и новеллы? А поэтическое творчество, которое по определению не мыслится без скандирования рифмованных строк поэтами, воодушевленными, с горящими глазами, в различных людских сборищах: от кухонной компании на троих творческих личностей до зала Политехнического музея, где некогда тот же Маяковский состязался с Игорем Северянином за титул короля поэтов (Маяковский проиграл). Где им теперь собираться, главное — для кого скандировать-то вирши? Тем более в эпоху рукотворных пандемий и гибридных войн по планам глобализаторов-империалистов. Опять же, Федя, не до того...

Вопрос поставим еще проще: для кого писать-творить? Не уподобляется ли современный литератор пацану Ваньке Жукову, что, обливаясь горячими слезами («ейной (селедкиной) мордой мне по харе!») пишет жалостливое письмо на деревню дедушке, Константину Макаровичу? То есть без адресата — получателя, да еще в адрес времени: *электронное письмо по e-mail*.

Возможный ответ в наводящих вопросах из разных исторических эпох и в различных сферах творчества. Разве задумывался о возможных адресатах юный математический гений Эварист Галуа, когда в ночь накануне гильотинирования в лихорадящей спешке исписывал страницу за страницей формулами, из какой-то рукописи вышла вся современная алгебраическая математика? А ведь в эти листы бумаги тюремщики запросто могли завернуть свои скудные революционные пайки: вареную луковицу, яйцо и кусок хлеба...

Отскочим на два тысячелетия вглубь истории: думал ли Платон, создавая свои сократические диалоги, что записи его учеников не только переживут их самих и самую Элладу и станут основой всей современной европейской философии? Или, спустя всего лишь несколько веков, апостолы-евангелисты и их последователи, создавая корпус Нового Завета — Христовых заповедей, самое многое думали сохранить это учение в узком кругу обитателей римских катакомб, где собирались на всеобщие бдения тайные христиане. Вряд ли им приходил в головы даже намек на мимолетную мысль, что скоро, очень скоро по неторопливым тогда историческим временным меркам, христианство начнет семимильными шагами овладевать телами и душами миллионов, а затем и миллиардов людей по всему земному шару, станет *ведущей* канонической религией, а главное и эпохальное: даст всемирному человечеству высочайшую и единственную в своей неповторимости мораль и этику вселенского добра, побеждающего зло: от Заповедей блаженств Нового Завета — Нагорный проповеди Христа. И вовсе помыслить не могли апостолы-евангелисты, что в немыслимо далеком от них двадцатом веке эти заповеди очеловечатся, овеществятся в пробном, опережающем ходе эволюции созданием мировой же системы советского социализма. Причем этика и мораль которого один-к-одному, как инженеры ставят масштаб на чертежах, будет взята из Христовых заповедей, только под другим названием: «Моральный кодекс строителя коммунизма»...

♦ Вот мы и подошли к ответу на вопрос: что делать? «Поэтом можешь ты не быть...» «Если можешь не писать — не пиши» и так далее — это правильно сказано

людьми, знавшими толк в писательском ремесле, для подступа к которому важно оценить свои возможности, то есть сочетание данных природой способностей и уверенности в своей целеустремленности. «*Есть разница*, — пишет в своей эпохальной «Алхимии слова» Ян Парандовский, — *между писателем, которого вдохновила идея, и писателем, призванным самим писательским инстинктом. Первый выбирает перо среди нескольких возможных орудий деятельности и, если оно было для него единственной возможностью, откладывает его, как только выполнит свою миссию. Для второго же творчество чаще всего прекращается вместе с жизнью*».

...Замечу, что уникальную эту книгу должен проштудировать каждый примеряющий на себе виртуальные эпюлеты писательского мундира, а затем сделать ее настольной. Не столько справочным руководством, сколько своего рода контролирующим чтением «на каждый день». Или «На каждый день» — как название сборника афоризмов и изречений у Льва Толстого (тт. 43, 44 ЮБПСС в 90 томах).

Из слов же Яна Парандовского следует: литературное творчество не баловство, не эпатаж (хотя бы Оскар Уайльд и бахвалился, что пишет от скуки жизни...), но исключительно серьезное занятие: и когда оно является «единственной возможностью» достижения цели, и если оно становится целью и содержанием жизни. Ибо в обоих случаях имеет место *творческое самовыражение*. И это не приевшийся словесный штамп, но терминологически и семантически точное определение. Вся сущность в единстве творчества и самовыражения, а отдельно это совершенно иные понятия. Ведь и творчество может быть вовсе не самовыражением, например, сугубой профессией. А великое братство «датских поэтов»? Так же и самовыражение, как социально-биологический инстинкт, в той или иной степени присущее всем людям, но — без дополняющего его творчества. Примеров и искать особо не надо: женские, извиняемся, многочасовые разговоры, когда собеседницы говорят одновременно, не прислушиваясь к словам визави — типичное самовыражение. Инверсивный спектакль для двоих... можно и для большого числа.

И вот здесь — внимание! Следует верно оценивать акценты, логические ударения в словосочетании *творческое самовыражение*, то есть когда то и другое присутствуют в человеке, вступающем на литературную стезю, но в различной степени отнесения. Вне всякого сомнения, творческое начало, как внешнее отображение литературного таланта, есть непременно условие реноме состоявшегося писателя. А самовыражение — это индивидуальное преломление видения мира, которое писатель запечатлевает, условно говоря, на бумаге, после чего созданное им произведение автономизируется от автора, существует уже своей, виртуальной жизнью. И жизнь эта протекает веками, а то и тысячелетиями, лавируя между преградами забвения и равнинами памяти в общественном мнении. А мнение это капризно и переменчиво, постоянно колеблется между догмами: «мысль изреченная есть ложь» и «рукописи не горят».

Во времена устоявшегося течения литературного процесса, как оно в русской литературе имело место быть в девятнадцатом и двадцатом веках, когда писательство являлось профессией, были авторитеты-ориентиры, а главное, имелась многомиллионная читательская аудитория, доминанта творческого начала при условии самовыражения являлась несомненной. Кристаллизация же, точнее выкристаллизовывание писательской иерархии, создание творческой литературной среды обеспечивалось, создавалось «равновесным» действием следующих факторов.

Непрерывная, длиной во всю творческую жизнь, литературная учеба, о чем уже сказано выше — это единственный путь от неясного еще осознания тяги к художественному творчеству до читательского признания. Отсюда и выработавшиеся «чины» писательской иерархии: начинающий, подающий надежды, способный, талантливый, самобытный, видный, признанный, выдающийся и вершина: гениальный; это о Пушкине и Достоевском; расширительно сюда включают Гоголя, Лермонтова (нерас-

крывшийся гений), Льва Толстого. Возможно так и о Бунине с Шолоховым сказать. И вовсе не по причине их «нобелизма»...

Если в девятнадцатом веке эта учеба являлась самообразовательной, то уже на рубеже веков она начинает становиться организованной: от Университета Шанявского, многочисленных в столицах литературных обществ, далее Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ) до создания Литературного института.

Другой же фактор пути к профессионализму и стимулированию своего творчества — это то, что в среде литераторов просто называется «пробиться в печать». В отличие от житейского «выбиться в люди», здесь материальная составляющая практически отсутствует... по крайней мере на всем этапе достижения приемлемой степени литературной известности. Талант талантом, но *имя* завоевывается долго и обильным потом, напряжением воли и терпения. Перечитайте «Мартина Идена» Джека Лондона! Сам вспоминаю многолетнюю переписку с редакциями литературных журналов... понятно, речь идет о советских временах. Но именно такой нелегкий путь к печатанию и создавал творческий, профессиональный писательский круг, становясь непреодолимой преградой для бесталанных и ленищихся учиться литературному делу.

♦ Все рухнуло одновременно вместе с нашей советской страной. Если суровый в своих назиданиях Лев Николаевич как-то сказал, что изобретение Гутенбергом книгопечатания открыло дорогу невежеству, то другой Лев, только Давидович, стало быть Троцкий, великолепный литературный публицист (см. «Литература и революция», 1923), поправил Толстого, что-де невежество — слишком сильно сказано, а вот печатание книг открыло путь дилетантизму — это в точку!

...Здесь особо гадать не требуется: речь идет о переходе от государственной монополии на печатное слово к «самиздату за наличные». Такая платная печать, хотя бы и крохотными тиражами, вмиг разрушила русскую литературу, а именно: (а) нивелировала ее качество до стенгазетного уровня; (б) упразднила само понятие авторитета-ориентира; (в) ликвидировала устремленность к литературной учебе; (г) привнесло характер «кружковщины». Перечисление можно продолжить на весь алфавит, что называется, от альфы до омеги. Все по Льву Давидовичу и даже по Льву Николаевичу... Изящная словесность во многом приблизилась к образцу того незадачливого сочинителя, что выведен персонажем в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского (грешно смеяться, конечно):

«— Владимир!..— шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...»

Новый, ужасный брак был свершен! ...Через полчаса старый граф вошел в будuar жены своей.

— А что, душенька, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потрепав жену по щеке».

Самое угнетающее: даже добротнo написанная вещь, литературно грамотно, с классической композицией, или наоборот, новаторски, не закрепится в памяти читающего, что есть крах всех надежд и ожиданий писателя. А почему? — просто нет эффекта повторения — запоминания автора, его индивидуальной творческой манеры, ибо нет уже *всероссийского литературного процесса*, не на чем глазу остановиться в россыпи малотиражных изданий. Все одно, что разглядеть жемчужину, выброшенную морской волной на галечный пляж.

...Вспоминаются строки из книги литературных очерков известного писателя (вроде как Телешов, хотя фамилия здесь роли не играет) о некогда испытанном им *чувстве узнавания*. Читал он как-то книгу Гарина-Михайловского, «ниевского» издания, в переплете из выпусков «бесплатного приложения». Писатель этот — добротный, классик «второго ряда», читать его одно удовольствие (уже от себя вставляю), особенно теплым летним вечером или зимним в тепло натопленной комнате, под мягким светом торшера, в тишине, а еще после ужина с «разгонной» стопкой... Сло-

вом, автор литературных воспоминаний, еще только собирающийся посвятить себя служению писательской музе, читал в молодые годы книгу Гарина-Михайловского (помните? о детстве, учебе в гимназии, начале творческой жизни), как вдруг что-то заставило его вздрогнуть, посерьезнеть. Что-то новое предстало на страницах, хотя бы сюжет и продолжал развиваться в той же социальной среде, в кругу общения примерно тех же людей. Слова те же, чувства схожие, но что-то иное читал он, заставившее внутренне напрячься, а на душе появился осадок того беспокойства, что посещает человека, когда он читает книгу, равно смотрит спектакль или кинофильм, когда по ходу развития сюжета все нарастает и нарастает напряженность, явно не обещающая пресловутого «хэппи энда».

... И только встретив имя Настасьи Филипповны, сообразил: переплетный мастеровой по ошибке в блок тетрадей (типографский термин: свернутый в формат страницы печатный лист) книги Гарина-Михайловского вложил тетрадку из «Идиота»! Далее автор воспоминаний замечает, что невозможно хотя бы по отрывочному тексту, даже по абзацу не различить хорошего, талантливого писателя и литературного гения.

Надеемся, что подобной иллюстрацией мы не отклонились от темы очерка.

♦ Тема же эта подводит к нынешнему определению сущности писательства и носителя этого славного в прошлом, а сейчас крайне неопределенного занятия. В двух словах его не дашь, потому позволим себе «попросторнее» изъясниться — в смысле каноническом конечно: словам тесно, а мыслям просторно...

Современный писатель, а де-факто «стучатель по клавишам» (пока речевой ввод в компьютер еще не совершен; с правилами орфографии и синтаксиса не все так гладко), — это атавизм прошлого, хотя бы недавнего, почти уже артефакт. Как, например, исчезающие наличные деньги в кармане и в домашней записке. Их виртуализировали пластиковые карточки. Тем самым банки, распевая в телерекламе сладкие песенки на американско-нижегородском диалекте про мифический кешбэк (...вашу онлайн), выполнили свою *сверхзадачу*: весь денежный социумно-гражданский оборот взяли в свои руки *беспроцентно*! И оруэлловский Старший Брат доволен: вся, самая мелочная, финансовая жизнь его подопечных под полным контролем. Кроме киберворов, разумеется. Им ведь тоже надо жить! На то и щука, чтобы карась не дремал...

Писатель и деньги (наличные и виртуальные) суть понятия ныне несовместимые. Сближают их только категории уходящего, то есть атавизма и артефакта.

Писатель, в устоявшемся доселе понятии, сейчас выключен из активной социальной жизни, неостребован по самому определению этой жизни, в которой усилиями доминирующего глобализма творческое аналоговое мышление семимильными шагами замещается утилитарным цифровым. Умозамещение и цифрофрения суть содержание процесса расчеловечивания. Писатель же, как носитель творческого начала, рассматривается Великим глобализатором (Старшим Братом в романе «1984» Дж. Оруэлла) если не как прямой враг — слишком велика честь на эту козявку усилия затрачивать! — то как щепка на паркетном полу: излишняя она здесь и антураж портит. Словом, не комильфо.

Так чем же, какой надеждой живет нынешний художник слова? — без читательской аудитории и отлученный от СМИ во всех ее широких понятиях: от печатного станка типографии (платный тираж в сто экземпляров — кот наплакал!) до так называемого «общественного мнения», в котором само слово «писатель» твердо ассоциируется с ушедшими эпохами.

Ладно, литератор прежней закалки, успевший вступить неуверенно, хотя бы одной ногой, на стезю изящной словесности. Все же он успел разогнаться и остановиться не может: сладкая зараза творческого позыва столь мощно-инерционна, что сравниться может разве что с раскрученным колесом, помещенным в вакуумную среду...

Сложнее понять пишущего в охотку (это как фотоохота — без «вещественной» добычи... то есть без гонорара) из нынешних возрастных генераций. Но — присмотрелся, хотя бы как главред литературного журнала. Опять же современных авторов читаю — и не только по этой (общественной) должности.

Надо исходить из аксиомы: писатель страшно одинок в своем творчестве (Ильф с Петровым, братья Гонкуры и Стругацкие здесь не указ). Одиночество — это не норма социального бытия человека, даже персонаж Дюма в одиночной камере замка Иф нашел себе собеседника... Поэтому творящий сам-один в своих мыслях писатель восстанавливает свою социумную принадлежность в виртуальном мире: через свое сочинительство он общается с людьми, своими читателями, заочно, опосредовано через печатное слово. Он не знает: сколько их будет, читателей? Останется ли написанное им во времени... хотябы пока еще ощущается запах типографской краски при перелистывании страниц свежепечатанной книги? Понятно, что типографская краска — это лишь образ; высокая печать сейчас используется только для тиражирования на веленовой бумаге — чтобы на века хранения! — особо значимых изданий... А офсет и лазерная печать без запаха.

А если даже знает, сейчас и вовсе уверен, что исчезают последние его читатели (см. выше), то остается... только потребность самовыражения, почти что выработанный социальной эволюцией инстинкт. Побочное явление литературы без читателей и официального статуса — расширение писательской среды, в которой редкие природные таланты полностью затенены любительской массой. Настолько обширной, что намного превышают выработанные социальные (процентные) нормы. Сочувственно относясь к обеим категориям, все же позволим себе усомниться в их суммарной творческой продуктивности. «Кадры решают все» и в литературе, но если под кадрами привычно понимать писателей профессиональных с иерархией дарований и наличием авторитетов-ориентиров, то их отсутствие делает массу «безлошадной».

Ладно в художественной прозе. Здесь можно обойтись и без литературной (само)учебы, если ограничиться писанием коротких рассказов-зарисовок. Можно «вытянуть» и литературную публицистику, где акцент ставится на самодовлеющую цель, которая если и «не оправдывает средства», но сглаживает шероховатость сюжетно-композиционного построения. Но вот драматургии противопоказано любительство! — строжайшие формальные правила построения пьесы и насыщенная образность представления при их написании (драматург в процессе работы «на равных» совмещает в себе создателя произведения и его зрителя-слушателя!) требуют профессионализма.

Самая невообразимая ситуация в нынешней поэзии. Во-первых и в основных, по-этому можно только родиться; это тоже аксиома — потребно особое (игра природы) индивидуальное строение правого полушария головного мозга; так сказать, особое сплетение аксонов и синапсов — это шутка, но со смыслом! Во-вторых, даже верлибр, белый стих, не говоря уже о сонетных и александрийских формах, подчинены строгим формам стихосложения, так что, «не мог он ямба от хорея, как мы не бились, отличить» — это крепкий замок на двери в страну поэзии. Наконец, образы и тропы поэзии, их совершенствование, выработка индивидуальной манеры — все это в творческом единении требуют неустанной, изнуряющей работы; опять же длиной в поэтическую жизнь. С сомнением относясь к словам (тогда молодого) Евтушенко «до тридцати поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати» (сам он сочинял до восьмого десятка...), в то же время осторожно относимся и к тем, у кого поэтическая муза проявляется во второй и более поздней половине возраста. Вообще-то говоря, о любительстве все уже сказал Хлестаков: *«Я ведь тоже разные водевильчики... И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях».*

...А уж если «легкости» нет, то и вовсе обидно: трудишься, потеешь и все напрасно. А сейчас все вокруг «поэты», видно массово в головах перепуталось; справедливую присказку «в юности все поэты» переиначили на другой лад: «Попашешь, попашешь, попишешь стихи»,— но, в отличии от первоисточника, с логическим ударением на слове «попашешь»... Вроде бы смешно, пусть люди от безысходности унылой и серой оцифрованной жизни хоть малую отраду в стихосложении находят, хотя бы и слабо рифму чувствуют? Все пристойнее, чем водяру на кухне глушить... Ведь и раньше малоумело рифмовали? Верно, рифмовали, но в лучшем случае цеховой стенгазетой жизнь любительских стихов завершалась. А сейчас? — у меня, дескать, две поэтические книжки изданы, примамай, дьявол, в писательскую союзу! И «примают». Итак, высшая степень дилетантизма с членским билетом. Не в обиду будет сказано.

А раз вспомнил про сорокаградусную «злодейку с зеленой наклейкой», то не удержусь привести отрывок из недавно услышанного по радио рассказа для детей современной сочинительницы: «...От вошедшего в помещение <имярек> неопрятно одетого мужчины отвратительно пахло дешевым *алкоголем*...» Отвлекаясь от сомнительной «детскости» такого повествования, выделим слово *алкоголь*, как иллюстрацию к нынешнему (насильственному) оскудению русского языка. Любой, даже записной трезвенник, заметит: доселе чисто «химическое» слово это, ранее употреблявшееся лишь в специальной литературе, сейчас полностью вытеснило — в названиях магазинов, в «казенной» и обыденной речи и вообще везде! — былое разнообразие: от арго «кирка», «кирять» и пр. до улично-бытового «выпивка», «червивка» и «чернила», «плодово-выгодное», та же «водяра», и расхожего «поллитровка» с «четвертинкой» (в горбачевщину «раиска» — в бутылочках 0,33 литра из-под пепси-колы), «огнетушитель» — это 0,71. Казенное «спиртное» тож.

Усмехнулся горестно, а в голове объявилось продолжение того сермяжно-детского рассказишки: «...К восторгу детворы, особенно молодых мам, следом в помещение <имярек> легкой походкой вошел молодой стройный красавец с бородкой *а ля* Абрамович, в дорогом английском костюме, от которого ласковой волной исходил аромат элитного *алкоголя*. Молодые мамы инстинктивно завели за спины руки с обручальными кольцами на безымянном пальце».

Поздравил сам себя с титулом современного детского писателя и мысленно принял стопку «Джонни Уокера» двенадцатилетней выдержки, пожалев о неимении британского прикида...

♦ Продолжим, как тот присяжный поверенный у Ильфа и Петрова, в подражание которому Остап Бендер, раз уцепившись за знаковое слово, так и тянет его в течении всего судебного процесса. Понятно, у нас это упомянутая выше «кирка». Вспомнилось хрестоматийное, из школьного учебника, как академик Павлов ставил на себе эксперимент: выпил полбутылки рома и стал записывать свои мысли. Наутро попробовал прочитать и... разобрал только первые слова. Попозже школьных лет, уже студентом, довелось приватно беседовать с пожилым отставным военврачом, что в свое время слушал лекции Павлова, в частности, рассказывавшего о знаменитом эксперименте. И здесь я расширил школьные познания. По словам Павлова, выпил он не полубутылку, а полуштоф рома, то есть шестьсот миллилитров. Ай да Иван Петрович, ай да Нобелевский лауреат — нехило для академика! Еще в школьном учебнике опущены слова экспериментатора, что вслед за последним стаканом в голове явственно зазвучали на контрах две музыки: яростно-веселый цыганский хор из «Яра» и что-то навряде моцартовского реквиема. Великий физиолог объяснил такое сочетание раздвоением сознания в состоянии опьянения. Еще он посетовал, что по хроническому безденежью в молодости смог купить только дешевый ямайский ром, а не высококачественный кубинский, что красовался на витрине елисеевского магазина.

...Вот и у нас к окончанию этого опуса, даже без употребления рома (хотя бы

магазин сети «Красное & белое» в торце родного дома разместился), этакая рассеянная двоякость мысли в голове образовалась. С одной стороны, радует причастность к сочинительству широких масс, преимущественно пенсионеров и домохозяек: какое-никакое, но ведь элементарное творчество? Ведь тянутся же люди к безденежному занятию — и это в подавляюще-частнособственническое время! Но с другой — обидно присутствовать при закате самого социального института словесного творчества.

Глобализация, расстудить ее в качель! — ей творчество ни к чему. «Правду ли говорят, будто ты можешь соединить отрезанную голову с туловищем?» — спрашивает персонаж древнеегипетского письменного памятника «Сказки сыновей фараона Хуфу». А это самое начало человеческой эпохи цивилизации и культуры! Если в современном *status quo* голову и туловище проассоциировать, соответственно, с художником слова и его читателями, неважно, почитателями или хулителями, а разъединение их признать почти что состоявшимся, то где тот волшебник-жрец, что вновь соединит их в единое целое?

Но жрецы давно ушли в небытие тьмы египетской, а социальная эволюция не повторяет пройденный путь, но допускает определенную цикличность в форме диалектической спирали Гегеля — Энгельса. То есть повторение на совершенно ином качественном уровне. Но последующие ходы эволюции человеку знать не дано.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Наш постоянный автор.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

17. НАСТОЯЩИЙ ЦВЕТ ОБЛАКОВ

Рами, узнав, что я еду на рынок, попросил купить вина.

— Не скупись, выбирай лучшее. Пью я редко, но без шуток.

Он расхохотался и протянул горсть монет. Я зажал их в кулак.

— Стой, тютя! — окликнул он, — что ж ты так и поедешь, просторукий?

Я не понял его. Остановился в нерешительности. Рами порылся на полке, извлек что-то и протянул.

— Держи-ка вот кошель. И свои деньги туда ссыпь. Знаешь хоть, как носить-то, чтобы не выдернули?

Этот самый кошель, сделанный из плотного грубого материала, похожего на холстину, был украшен цветными камнями и рисунками. Размером чуть больше кулака, с крепким ремешком. Рами обмотал ремешок над моим локтем, продернул завязки так, что сам кошель оказался у моей ладони.

— Вот так и держи. Ежели и дернут, только с рукой оторвут.

Он вновь беззлобно рассмеялся.

В мастерской Фадо все было по-прежнему. Тот же запах краски и сырой глины. Полки, уставленные расписанной посудой. Фадо сердечно обнял меня.

— Я знал, что ты приедешь. Вместе мы ее запросто выкупим.

Вот закрою мастерскую и тут же поедем.

— Постой, ты о чем?

Вначале я не понял Фадо, но, уже задавая вопрос, начал догадываться.

— Я думал, ты в курсе, — сказал он.

— Я узнал только вчера, от Рами.

— Она там уже вторую неделю. Ее, как только ее выпустили после того случая с аркой, тут же понесло к южникам. Она ко мне заходила. Переночевала. Полночи шутила, как покажет аморфникам, что есть жизнь.

— Фадо, почему ты не остановил ее?
— Разве Дану остановишь? Ты можешь себе такое представить? — Фадо улыбнулся.
Он выдвинул один из ящиков и выложил на стол горсть монет.
— Как думаешь, этого хватит, чтобы ее выкупить? — спросил он.
— Выкупить?
Фадо посмотрел на меня, слегка задумавшись, пошел вглубь мастерской и из стены у самого пола вынул камень.
— У меня тут на черный день. Вот он как раз и настал.
Вытащил кошелек.
— Постой, у меня тоже есть деньги.
— Ссыпай, пересчитаем.
Мы высыпали на стол все деньги, в том числе и деньги Рами. Фадо быстро пересчитал, прикинул что-то в уме, глянул на меня.
— Думаю, этого хватит.
Мы вышли. Он запер мастерскую.
— Расскажи, что произошло?
Мы направлялись на внешнюю платформу.
— Понимаешь, друг, есть люди, едущие на платформе. А есть такие, как Дана, — бегущие по этой платформе в обратную сторону.
Фадо вскочил на полотно и сделал несколько шагов в обратном направлении. При этом успел столкнуться с десятком пассажиров. И, хоть прошел совсем немного, уехал далеко назад. Сошел, догнал меня.
— Короче, Дана из тех, кто вечно идет против течения. И вечно попадает в историю. Это не первый случай, когда кто-нибудь из нас едет ее вывозить.
— Она у презренцев? — наконец до меня стало доходить.
— У них, друг.
— А что значит «выкупить»?
— Адан, знаешь, за что я тебя люблю? За то, что ты мне как младший брат. Мне интересно тебе объяснять такие обыденные вещи. Я их вдруг вижу в ином свете. И они начинают казаться мне странными. Абсурдными. У нас как-то так повелось и давно уже вошло в норму, что любого, даже убийцу, можно выкупить. Были бы деньги. И такие находят. Дают выкуп, их выпускают на свободу. Все довольны. И убийца, и презренцы. Вот только обычные люди остаются в дураках. И всякий раз рискуют наткнуться на нож в темном переулке.
Все, что рассказывал Фадо, с большим трудом вмещалось в мою голову. Об убийцах мне доводилось только читать, да и то в новостях о жизни нижних ярусов.
Мы дошли до внешней платформы. Она была почти пуста. Сквозь запыленную прозрачную поверхность тускло пробивалось дневное солнце. Выбрав места, чтобы видеть внешний мир, мы сели. Он простирался бесконечно далеко. Белесая пустыня с редкими клочками зелени или скоплениями черных валунов всегда пугала меня. Всякий раз, пытаясь представить себя там, я невольно содрогался. Вот уж где мне никогда не хотелось оказаться. Но стоило увидеть голубеющую дымку гор, как я чувствовал непреодолимое желание попасть туда.
Фадо приник, словно ребенок, к прозрачной панели и долго смотрел вдаль.
— Как думаешь, те, кто живут на Первом ярусе, могут выходить во внешний мир? — спросил он.
— Не знаю. Не думал об этом.
— Всегда мечтал попасть туда. В детстве часто бегал на *внешку* и катался до ночи, пока можно было что-то разглядеть. Пытался увидеть нижние ярусы, но облака такие плотные. И эта дурацкая реклама на них. Как ты думаешь, если бы облака не закрашивали рекламой, какие бы они были? — повернувшись ко мне, вновь спросил он.

— Они белые. Как...— я задумался,— как наши с тобой рубахи.
Фадо с некоторым недоверием посмотрел на меня.
— Ты уверен?
— Я работал в облачной рекламе. Когда аннигилируют предыдущую пленку — ее надо тщательно уничтожить — как раз обнажается цвет облака.
— А какие они на ощупь?
Я улыбнулся.
— Облако нельзя потрогать. Да к нему никогда и не приближаются. Распылители действуют с приличного расстояния.
— А ты когда-нибудь видел сразу...— Фадо попытался что-то представить,— сразу десять или двадцать облаков без рекламы?
— Нет. Я думаю, такое невозможно. Рекламодатели тут же в суд подадут, если реклама исчезнет надолго. Тут все должно происходить быстро. Это как снять одну рубашку и тут же надеть другую.
Фадо вновь приник к окну, смотрел вдаль и долго молчал.
— Грустно все это,— наконец тихо произнес он.
— Что?
— Да это все,— он неопределенно махнул рукой.— Какой был бы красивый мир, если бы этого всего не было,— снова тихо произнес он.

18. ЮЖНИКИ

Мы приближались к каскаду южников. Он ворвался в меня новыми запахами, цветом, суетой, звуками. В отличие от каскада Фадо, бледного и невзрачного, здесь пестрело все. Не только облачная реклама, в которой я не нашел ни одного оттенка серого, но и стены, и люди. Вдоль платформы тянулись кусты и клумбы, часто попадались необычные по форме деревья, усыпанные яркими цветами.

Сойдя с платформы, мы окунулись в это буйство красок и звуков. Я заметил множество *летонов* на одного-двух пассажиров. Они бесшумно проносились в полуметре от земли, переноса на себе седоков.

Я ошеломленно смотрел. И вдруг почувствовал удар. Один из летонов задел меня. Я смог устоять.

— *Йопол!* — услышал я за спиной.

Фадо, ушедший было вперед, вернулся, схватил за руку и потянул за собой.

— Здесь лучше никого не раздражать. Рискуешь быть побитым.

Оглянувшись, я увидел удаляющийся летон. Седок продолжал злобно смотреть на меня и кричать что-то вслед.

— Что такое йопол?

Фадо завел меня за арку и наконец перевел дух.

— Это он еще любя,— не отвечая на вопрос, сказал он.

Оглядев меня, вдруг воскликнул:

— Я дурак! Не дотумкал! Надо было тебе надеть жак. Он бы здесь нам очень помог. А я бы сошел за твоего прислужника. Презренцы перед такими стелются. Они бы даже и денег не взяли. Отпустили бы Дану на раз.

— При чем здесь жак?

— Адан, да твой жак — это пропуск даже на самый верхний уровень каскада. Знаешь, как бы тебя там приняли! Все у нас, скажу я тебе, зависит от рангов. А уж ты, житель Четвертого яруса, вовсе должен быть неприкосновенен.

— Я отключен от системы.

— Не думаю, что они стали бы это проверять.

Мы прошли арку и оказались на обширной площади. Всюду здесь буйствовала зелень деревьев, словно это было Верхнее плато. Но походило это, скорее, на Дикие

места, потому как росло все бессистемно и радовало глаз самой этой бессистемностью. Летонов, к счастью, я здесь не заметил. Люди ходили пешком.

— Это городской центр, — сказал Фадо, — здесь школы, больницы и *Презентура*.

Я увидел знакомый символ: островерхий треугольник, в него вписан овал, пересеченный вертикальной линией. Думаю, не стоит объяснять, что означает этот знак. Презренцы всегда начеку. Они все видят и все знают. Эта формула внушается каждому с детства, потому у нас нет и не может быть преступности. Хотя... теперь-то я знаю совсем другую действительность. Третий ярус — это иной мир со своими законами. И порою мне кажется, здесь возможно все, даже убийство. От этой мысли делалось противно. Убийство мне было чуждо и непонятно. Я с детства сторонился подобного даже в мыслях. У нас были, конечно, визобои, где происходили драки, погони, убийства. Но все это, как правило, происходило на нижних ярусах. Сейчас я вспомнил некоторые эпизоды, вспомнил, как представляли наши режиссеры жизнь на других ярусах, и невольно улыбнулся. Все это походило на неумелую карикатуру с неестественными каскадами и неживыми людьми. А ведь на нашем ярусе никто и никогда даже не задумывался, что все, что преподносили нам в визобоях, неправда. Во всяком случае, внешняя картинка резко отличалась от настоящей. Выходит, что я единственный представитель Четвертого яруса, увидевший чужой мир своими глазами.

Пока я размышлял, стоя в тени деревьев, Фадо успел сбегать в *Презентуру* и вернуться.

— Придется ждать. *Капсулы*, в которых держат заключенных, открывают через два часа. А деньги забрали. Подчистую.

Фадо улыбнулся.

— Какие капсулы? — мне вновь нужна была расшифровка.

— Ну, такие штуки в башне, — он указал на возвышающиеся круглые башни по обе стороны от *Презентуры*.

Сначала я принял их за лифты, ведущие на Верхнее плато, но, присмотревшись, увидел лишь круглые, сверкающие медью на солнце стены. В них не было ни окон, ни вообще каких бы то ни было отверстий.

— Там люди?!

Видимо, в моем голосе прозвучало столько неприкрытого удивления, что Фадо дрогнул и перестал улыбаться.

— Да. Сам я там никогда не был. Повезло. А Дана однажды рассказывала во всех подробностях... в общем... да, это ужасно на самом деле. Но все привыкли.

— Расскажи, — попросил я.

— Нам бы уйти куда. А то стоим тут в белых рубахах. Можем не пригляднуться некоторым.

Фадо привел меня в кафе. Длинное и узкое, тянущееся вдоль какого-то здания. Барная стойка скрывалась за поворотом. Встроенные длинные узкие лавки повторяли линию стойки. Мы сели почти в самом конце. Фадо повел себя странно. Оглядевшись, украдкой схватил два бокала, которые оставили ушедшие только что посетители. На дне еще осталась многоцветная жидкость. Судя по запаху — *сула*. Один бокал сунул мне в руку, над другим навис сам, низко опустив голову, словно пьяный.

— Денег-то нет. Иначе выгонят. А так пусть думают, что мы давно сидим, — сказал он тихо.

Мимо прошел бармен, безучастно скользнув взглядом по нам, взял какую-то бутылку с полки и вновь ушел за поворот.

— Скорей бы ее выпустили, — произнес я, — как-то здесь неуютно.

— Южники вообще не любят нас. А теперь еще эта игра...

— Постой, постой. Я не успеваю всего охватить, — я резко оборвал Фадо, — давай по порядку. Сначала капсулы, потом игру. А потом еще про этих, как их... аморфников расскажи.

— Ну, что сказать про капсулы? Гениальное изобретение цивилизации,— с легкой иронией начал Фадо.— У нас арестовывают часто и много. Как размещать заключенных, решали еще во времена моего детства. Но однажды все круто изменилось. Кто-то там изобрел эти самые башни. Теперь в каждом каскаде есть. Говорят, одна такая башня вместит в свое брюхо половину жителей. Поэтому их всегда по две. Так что, если презренцам понадобится, пересажают всех в одночасье.

— При всем своем воображении не могу представить, как в эти узкие трубы можно вместить даже полсотни человек.

— А вот тут как раз и нужны те самые капсулы. Дана рассказывала, когда ее в первый раз арестовали, долго спускали на лифте вниз. Вывели в ярко освещенный узкий коридор, вдоль которого плыли капсулы. Ну, наподобие летонов. Так же передвигаются, только медленно. Уложили в одну, сверху крышкой до шеи накрыли. По бокам и внизу отверстия, для рук и ног. При желании можно вытащить наружу и пошевелить для развлечения. Внутри, если поднапрячься, и на живот можно лечь, и на бок. Она еще подумала, мол, отосплюсь вдоволь. Да не тут-то было. В затылок что-то вставили через воздушку, и головой пошевелить нельзя. В животе где-то сбоку тоже что-то прицепили, чуть кишки наружу не вывернули. Потом она заснула. Проснулась. Лежит в той же позе, шевелить может только руками и ногами, если из отверстий вытащить. Пролежала так несколько часов и поняла, что недалеко и до сумасшествия. Над собой такие же капсулы видит. Парят медленно на месте. Иногда какая-нибудь дернется, отплывет, а над ней таких же капсул немерено. И верха не видно. Стены сами собой светятся. Тускло так, что и не разглядишь особо. По ее подсчетам сутки прошли, а никто даже не заглянул сюда. Вот тут она по-настоящему испугалась. Долго терпела, потом кричать начала, руками, ногами дергать. Капсула ходуним заходила, но быстро утихомирилась. Словно некая неведомая сила не давала ей свободы. Дана вдруг услышала мужской голос.

— Не ори, дура! Такой сон спугнула.

— Кто ты? — спрашивает, — где ты?

Чувствует, что с ума сходит.

— Рядом я, судя по твоему визгу. В ушах до сих пор звенит, — говорит голос.

Хочет глянуть, голову попыталась повернуть, но тут такая боль прошила, аж застонала.

— Уймешься ты, глупая? В первый раз, что ли?

— В первый.

— Везет мне на новичков, — говорит. — В прошлый раз висел с одной рядом, по голосу тоже ничего была. Я тут уже седьмой раз. Научился по голосу баб видеть. У тебя, например, грудь шикарная, пощупать бы.

— Ты рассказываешь, словно сам все видел, — пошутил я.

— Видеть не видел, а, когда Дана рассказала, все живо представил. Теперь и тебе передаю, чтобы ты атмосферу прочувствовал.

— Да уж, чувствую. Безумие какое-то.

— А я тебе о чем, — Фадо, видимо забыв, что бокал чужой, сделал из него глоток и продолжил:

— Так они и разговаривали. Она спросила, что за уколы делали и почему головой шевелить нельзя? Оказалось, всех таким образом подключают к питательной системе. По ней раствор идет прямо в организм. А в животе отвод, оттуда жидкость уже переработанная выходит. И тогда она поняла, отчего до сих пор не испытывает голода и нужды. В первый раз продержали двадцать дней. Потом капсула вниз поплыла. И плыла долго, наверное, в подземную шахту. Там тот самый коридор. Капсула по нему пролетела и остановилась. Крышка откинулась, и Дана почувствовала, что может головой шевелить. Кто-то ее под руки взял, выбраться помог. Чувствовала она себя полуживой. Голова кружится, ноги не идут. Ее завели в лифт, подняли наверх,

на улицу выпустили и ушли обратно. Потом она рассказывала, как до парка, шатаясь на слабых ногах, едва добралась и рухнула там в тени деревьев. И только к ночи силы вернулись. Вот такие они, капсулы,— тихо закончил Фадо,— однако идем, скоро ее выпустят.

19. АМОРФНИКИ

Мы направились к зданию презренцев. Там помимо центрального входа имелся внутренний двор. Оттуда и стали выпускать бывших заключенных. Некоторые были настолько ослаблены, что падали у самой арки, другие брели, держась за стену. Кого-то встречали родные или друзья. За одним подлетели на летоне. Бедняга, с трудом перекинув ногу, сел. Летон резко взмыл вверх, и человек, не удержавшись, рухнул оземь, разбив в кровь лицо. Я инстинктивно кинулся было помочь, но Фадо удержал за плечо:

— Не надо, Адан, здесь это не принято. Помощь у южников сродни оскорблению.

— А как же те, что пришли встречать? Они же помогают им идти?

— Да, но потом он заплатит за это хорошие деньги.

— Даже родному брату или сыну? — удивленно спросил я.

— Даже родной маме.

Я видел, как упавший человек несколько минут лежал не шевелясь в луже крови. Никто не подходил к нему, даже тот, что прилетел за ним. Некоторые остановились и безучастно смотрели, но многие даже не обратили внимания и продолжали свой путь.

Седок на летоне лишь подал назад. У него был отрешенный взгляд. То ли он слушал музыку через воздушку, то ли смотрел *визо-но*.

Человек наконец очнулся. С трудом встав на колени, дополз до заднего сиденья летона. Кровь стекала с виска тяжелыми черными каплями, оставляя пунктир на земле. Летон с легкостью взмыл вверх, выровнял высоту над головами людей и скрылся за деревьями парка.

— Скорее,— услышал я знакомый голос,— хочу покинуть это кладбище.

Дана стояла позади меня. Я узнал ее лишь по голосу. Она похудела так сильно, что выпирали ключицы. Черты лица заострились, вокруг глаз темные круги, но глаза оставались живыми. Она устало улыбалась мне.

— Я чертовски голодна, Адан.

По ее взгляду я понял, о каком голоде идет речь, и грустно улыбнулся. Подошел и обнял худые плечи. Она коснулась моих губ пальцем, я стал ее целовать. Я вдруг понял, как мне ее не хватало все это время.

Фадо взял меня за руку. Взгляд его был напряжен и тревожен. Он побледнел.

— Друзья мои, не стоит заигрывать с судьбой.

— Фадо! Любимый мой малыш Фадо!

Дана обняла его. Она была выше ростом, и миниатюрный Фадо действительно казался малышом рядом с ней.

Когда мы подходили к парку, я вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Обернулся, но Фадо дернул меня.

— Ты скоро мне руку оторвешь,— пошутил я.

— Лучше я тебе оторву руку, чем они тебе голову,— тихо сказал он, ускорив шаг.

— Почему тот человек смотрит на нас? — спросил я.

— Этого я и боялся,— сказал Фадо.

Дана украдкой обернулась, сделав вид, что поправляет волосы.

— Игрок,— тихо произнесла она.

— Я так и знал,— глухим голосом произнес Фадо.

— Если бы я что-то понимал,— сказал я.

— Тебе сейчас нужно знать только одно,— произнесла Дана.— Ты на чужой территории, среди скрытых буйнопомешанных. В любой момент нас могут прикончить. Но, по их нынешним правилам, это может произойти не сегодня и не завтра.

— Что за правила? — спросил Фадо.

Переговариваясь, мы продолжали идти через парк к арке. Мы спешили на внешку.

— Соседка по капсуле рассказала. Они теперь играют в охоту с преследованием. Выбирают жертву и травят потихоньку. Причем чем дольше травят, тем больше им начисляют баллов. Выиграли тут какие-то, две недели беднягу травили.

— Это та самая игра? — начал догадываться я.

Они не успели ответить. Мы неожиданно увидели какое-то шествие. Людей было много, и они шли строем. Ровными колоннами человек по десять. Мне наконец удалось выбраться на другую сторону. На лицах людей были сила и решительность. Это были совсем молодые люди, по виду старшеклассники. В каждом ряду чередовались юноши и девушки. На юношах блестели голубые комбинезоны, крепко обтягивающие тело. На девушках кроме коротких зеленых юбочек ничего не было. Я видел, как колышутся их обнаженные груди в такт маршу. Груды были разные: и большие, и маленькие, и средние. Все они были безупречны. На сосках посверкивали драгоценные камни. Отражая солнечный свет, они слепили глаза.

Вскоре марширующие обогнули парк и остановились. Зазвучала музыка, школьники разбрелись по поляне и начали общаться между собой. Я видел лица юношей. Молодые парни в окружении стольких полуобнаженных девиц почти не проявляли эмоций. Вернее, они оживленно разговаривали, улыбались, но их вовсе не интересовали девичьи груди. Слово округлые формы девушек были прикрыты одеждой.

— Ну, как тебе такое зрелище? — улыбаясь и грустно, и зло, спросила Дана.

— Я не знаю, что сказать. Здесь многое меня поражает.

— Это и есть аморфники,— сказал Фадо,— молодые люди, которые живут иными понятиями.

Наконец мы добрались до внешки. Благополучно сели на совершенно пустую платформу и покатали домой. Я успокоился. Позволил себе расслабиться. За нами никто не ехал, не следил. И тот пристальный взгляд еще ни о чем не говорит. Мало ли кто на кого смотрит. Но я чувствовал, как подавлены Дана и Фадо.

— Друзья, все хорошо, мы едем домой,— попытался я подбодрить.

Дана улыбнулась, погладила мою руку.

— Это я во всем виновата,— устало произнесла она,— втянула вас. Что, все деньги отдали?

— Меня это меньше всего беспокоит,— ответил Фадо.

— Заработаем еще,— улыбаясь, сказал я.— Знаешь, какой я стал мастер! Дома тебя ждет сюрприз.

Дана снова улыбнулась, но как-то грустно.

— Мне плевать на свою жизнь. Я всегда хожу по краю. Но мне не плевать на ваши жизни. Фадо, у меня есть деньги. Вы уедете. Оба. На Север. Говорят, туда эти долбни не лезут. Там люди сплоченнее. Умеют себя и свои семьи защитить.

— Нет, сестренка! Я готов проводить Адана. У меня там друзья. Они примут его без вопросов. Но сам я остаюсь. От таких не бегут. С такими надо держать удар.

Я чувствовал, что Дана и Фадо словно отстранили меня. Даже если бы я что-нибудь сейчас произнес, они не приняли бы это всерьез. Слово я был дитя неразумное, неспособное осознать масштабы проблемы.

— Едем прямо сейчас,— предложила Дана,— проводим Адана, потом вернемся домой.

— Едем! — решительно сказал Фадо.

— А теперь позвольте сказать мне,— тихо, но твердо произнес я.— Я никуда не собираюсь уезжать. И не собираюсь прятаться. Я остаюсь с вами. И удар принимать

мы будем вместе. А если я что-то не понял, это не повод не считаться с моим мнением и держать меня за мальчика вроде Ами.

Фадо с Даной переглянулись. Улыбнувшись, Фадо толкнул меня локтем. Дана стукнула носком сандалии. Я понял, что меня, наконец, начали воспринимать всерьез.

— Откуда взялась эта игра? — спросил я.

Фадо вздохнул, посмотрел вдаль на закатное небо. Дана решила устроиться поудобнее, вытянула ноги вдоль сиденья и положила голову мне на колени. Я гладил ее пышные рыжие волосы. Они отливали медью в предзакатном солнце. Дана прикрыла глаза и уснула.

— Южники всегда были богаче остальных каскадов, — начал Фадо. — Еще лет триста назад туда ссылали преступников. Весь южный каскад был одной большой тюрьмой. Ярус тогда жил неплохо. Экономика стабильная, преступность под контролем. Потом из года в год все менялось, ломалось. Одна власть сменяла другую. Северный каскад в те времена был столицей, и весь ярус составлял одно целое. Потом вдруг начали откалываться каскад за каскадом. Каждый старался провозгласить себя столицей. Начались беспорядки. Потом война. Народу, говорят, поубивало в те времена много. Столица рухнула, и каждый каскад обрел самостоятельность. И вот тогда-то и начались темные времена. Ну, а сейчас пожинаем плоды. Это я к чему?

Фадо задумался, вспоминая.

— А! Ну да! За тюрьмой больше никто не следил. Заключение быстро организовали свое государство. И стали жить свободно. Первые лет сто ни к кому не лезли. Потом осмелели, начали налаживать торговлю с соседями. Но от воровских методов не отказались. Кто-то быстро с ними порвал. А ближайшие соседи оказались опутаны сетями. И вроде внешне мы выглядим свободными, независимыми. Но на поверку — безвольные марионетки. Хотя и называемся громко — Независимый каскад свободного Третьего яруса. Южники давно установили свои правила. Народ терпит, пояса затягивает и молчит. А южники богатеют. Я не знаю, как там у вас, на Четвертом, но говорят, что по уровню жизни южники вас даже в чем-то превосходят.

— Я этого не заметил. Да и много ли удалось разглядеть! Но первое впечатление — все как-то дико и бессистемно. Взять хотя бы выкуп заключенного. У нас подобное представить невозможно.

— Ну, значит, ошибаются люди. Но то, что они богаче всех каскадов вместе взятых, это несомненно. Ну вот... — Фадо улыбнулся. — А теперь отвечаю и на твой вопрос. У этих богачей рождаются детки. И этим деткам позволено все. Недавно они придумали Игру. Надоело воздушкой баловаться, вот и решили игры из воздушки воплотить в жизнь. Есть Вершители и Исполнители. Ну и конечно, Жертвы. Вершитель выбирает Жертву по собственной прихоти. Просто в толпе и только из соседнего каскада. По поводу своих у них табу. Ну, а Исполнитель «ведет» Жертву. Сначала дается фора. Потом «берется след», к вечеру презренцы уже обнаруживают труп. А сейчас, видишь, новая мода пошла. Нервишки нам попортят, будь здоров!

— Но почему презренцы не могут их арестовать?

— Ха! Всем давно известно, что презренцы, особенно южники, на их стороне. Игроков не так уж много. Их можно по пальцам пересчитать. Великовозрастные сынки самых влиятельных южников. Как же презренцы могут арестовывать тех, кто их кормит?

— Но если их не так много, с ними можно справиться.

— Вот тут ты тысячу раз прав, братишка! Разделяю и поддерживаю. И намерен сделать это.

С приближением к дому я все более отчетливо осознавал нешуточность нашего положения.

— Но как они выискивают? Ведь никто за нами не следит. В нашем каскаде населения — будь здоров.

— Мы все «подключены», друг.
— И вы тоже? — меня это удивило.
— Чем мы хуже вас? — грустно улыбаясь, произнес Фадо.
— В таком случае нам несказанно повезло! — меня осенила идея.
— И... — Фадо с легкой иронией взглянул на меня.
Он все еще продолжал считать меня тютей, как выражался Рами.
— Меня нет в системе.

20. ОТТАЛКИВАЯ, ОБНИМАЮ...

После той поездки что-то во мне изменилось. Я вдруг всем своим нутром понял, что мне нужна Дана. Как бы она нас ни «расставляла», я понял, что люблю ее. Но старался сдерживать себя как мог, помня те ее слова. Конечно же, в первую ночь мы бросились друг другу в объятия, она была ненасытна. Но, когда мы уже лежали уставшие и потные и пытались успокоить дыхание, я обнял ее. Она вдруг напряглась. В темноте я заметил ее взгляд. Она бросила его украдкой. Испуганный, немного растерянный. Но тут же справилась с собой, прикрыла глаза. Потом высвободилась из моих рук. Села, дотянулась до трубочки, чтобы вдохнуть «жизнь», и долго сидела ко мне спиной, выпуская тонкую струйку дыма в оконный проем. Она ничего не сказала тогда. Промолчал и я. Но вдруг понял каким-то неведомым мне чувством: она боится моей любви. Но больше всего она боялась себя и своей любви ко мне...

С тех пор я сделался осторожен. Я просто начал играть роль ее мужчины. Мы жили вместе, спали вместе, сплетались ночью, хохоча и ловя оргазм. Но страсть становилась все более наигранной. Хохота все больше... И тогда она исчезала надолго. Могла пропадать несколько дней. Но когда возвращалась, набрасывалась на меня с новой силой. Она и прижимала меня к себе, и отталкивала. Она делала это и телом, и мыслями. И я стал слышать, как она плачет во сне. Тогда я осторожно придвинулся к ней, прижимал к себе и гладил по плечу, волосам. Гладил, пока она не успокаивалась. Но это было ночью. А утром мы все забывали и продолжали вести игру независимых любовников. Так было проще для нее, но безумно тяжело для меня.

Рами остался без денег и без вина. Но когда я объяснил причину, он обрадовался.

— Дану я с малых лет помню. Бегала здесь пигалица с громовым голосом, командовала всеми. А ведь никто не знает, откуда она. Прибилась к детям на площади и осталась. Тут все, кто моего возраста, ей родителями будут. А она наша доча, выходит. Кох'от ее в мастерские взял, обучил секретам всяким. А теперь вон какая стала. Разве что Кох'от ее превосходит. Да и то вопрос спорный, кто из них мощнее как художник.

Время от времени я звонил Фадо, спрашивал, как дела и не замечает ли он слежки. Он успокаивал и обещал тут же дать знать, когда, как он шутил, «тучи зла сгустятся над нами».

— Как ты думаешь, сколько «исполнителей» может быть? — спросил я однажды.

— Не думаю, что больше трех. Они заиклены на опасности. Эти придурки катаются как сыр в масле, но «перцу» им, видите ли, не хватает. Вот они и готовы себя в опасные ситуации ставить. Прямо-таки жаждут рисковать жизнью.

— Неужели они готовы погибнуть из-за какой-то игры? — спросил я.

— Ну, вот в прошлом году случай был. Там исполнителей двое было и одна жертва. Ребята подготовились по полной программе. Активировали *самонаводящуюся стрелу*. Слышал о такой? — спросил он.

— Нет.

— Изобретение больного на голову. Небольшая штука, размером с ладонь, в виде

стрелы. Сама летает и сама стреляет. Ее активируешь, задаешь квадрат, и все. Дальше она уже сама решает, где и куда палить. Те придурки пустили ее и пошли по следу за жертвой. Основательно его поколотили, а когда он без сознания лежал, эта штуковина прилетела и прямой наводкой игроков расстреляла.

— Фадо, обещай, что позвонишь мне. И еще... мы должны справиться с ними вдвоем. Дана даже знать об этом не должна.

21. НАШИ ИМЕНА

Мы ездили на рынок с Рами, закупать инструменты. Я забежал к Фадо. В дверях столкнулся с Ивеей, она как раз уходила. Мы поздоровались. Взгляд ее не был мимо-летным. Она взгляделась внимательно, но быстро отвернулась и вышла из мастерской. Фадо сидел за низким столиком, расписывал огромное блюдо.

— Сделай нам чаю, хочу закончить эту тарель, — попросил он.

Я с удовольствием достал с полки знакомый чайник и чашки. Все же какое-то время мастерская Фадо была для меня родной. Вскипятил воду, заварил ароматную мяту.

— Как давно я не пил такой чай, — вдыхая аромат, произнес я.

— Что же вы там пьете с Даной? — спросил Фадо, подмигивая.

— В основном вино и таху.

— Узнаю Дану. Любительница ходить по краю. Даже в этом.

— А что здесь такого? — разливая чай по чашкам, спросил я.

— Ну, вино-то ладно, с ним все ясно. Но таха — штука серьезная. Я знал людей, пивших ее. К старости им гарантирована полная потеря памяти.

— Я не слышал об этом.

— Естественно. У вас на Четвертом о таком, видать, и не слыхивали, — Фадо усмехнулся.

— Ну да, у нас пьют пиво. Вино крайне редко. Оно очень дорогое.

Фадо осторожно отложил тарель, вытер тряпичной рукой и взял чашку с чаем.

— Мне бы не хотелось в ваш мир, — сделав глоток и задумавшись, произнес он.

— И мне тоже...

— Неужели ты не чувствуешь тоски по дому? — удивился Фадо.

— Дом... — я грустно улыбнулся. — Мой дом давно исчез во времени. Растворился в прошлом еще при жизни там. Настоящий мой дом был в детстве с родителями. С бабушкой и дедушкой, с праздниками и подарками. А потом издали закон... И теперь у нас принято уходить из дома, как только оканчиваешь школу. Причем уходить сразу и навсегда. В основном молодые люди переезжают в другой каскад.

— И с тех пор ты не видел своих родных? — Фадо опять посмотрел на меня с удивлением.

— Не видел. Какое-то время еще общались по воздушке, а потом и это закончилось. Считается, что так проще пережить смерть родителей. Мол, ты далеко и они далеко, и давно не виделись. Поэтому, когда они умирают, ты вроде спокойнее к этому относишься.

— Какая глупость!

— Чистейшая глупость, братишка, — я допил свой чай и встал.

— Адан, знаешь, я жалею, что мы разъехались. Помнишь, как мы тут работали вместе?

— Еще бы! Вот взял в руки чашку, такое тепло по сердцу разлилось.

— Я не зову тебя обратно. Жизнь такая штука. Сама нас расставляет на нужные ей дорожки.

— А что Ивея? — спросил я.

— Ивея... — Фадо грустно улыбнулся и задумался, — знаешь, я просто счастлив,

что иногда мы можем видаться. Как бы я хотел обнять ее и защитить от этого безумного мира! Ведь она так беззащитна и одинока. Я это чувствую.

Мне надо было идти искать Рами. Пора возвращаться домой. Фадо вышел со мной, и в эту же секунду произошло странное. Он резко отвернулся от меня и быстро пошел в противоположную сторону. Пока я сообразил, в чем дело, Фадо скрылся в одном магазинчике, торговавшем «жизнью». Я хотел было бежать за ним, но тут заметил двоих. Они были молоды. Высокие, худые. Волосы до плеч, прямые и ровно обрубленные на концах. Волосы не имели цвета, они светились, как костюмы, которые носили презренцы. Свет резал глаза и не давал смотреть на них. Но я все же успел разглядеть черные дыры вместо глаз. Потом только сообразил, что это защитные панели. Только таким образом они могли смотреть друг на друга.

Люди издали замечали этих юнцов и, опуская головы, старались скорее уйти с их дороги. Я тоже невольно опустил взгляд. Они прошли так близко, что терпкий запах тахи, исходивший от них, ударил мне в нос. Парни целенаправленно шли в магазинчик «жизни». Я ринулся за ними, но кто-то крепко схватил меня за предплечье.

— Охолонись, дурень! Жить надоело?

Это был Рами. Он сжал мою руку до боли.

— Пусти, там Фадо! Я должен ему помочь.

— Ох, сынок, послушай дядьку! Не вмешивайся.

Рами держал меня уже двумя руками. Он был очень силен, и вырваться из его объятий было непросто. Я дернулся, резко присел и, освободившись, побежал. Весь этот эпизод занял не больше трех минут. Когда я подбегал к дверям магазинчика, юнцы вышли из него и, не обращая ни на кого внимания, с легкими улыбками на лицах пошли к арке.

Я забежал внутрь. Фадо лежал на полу, рядом на коленях сидел старенький продавец. Он поддерживал голову Фадо и стирал платком кровь с его лица.

— Жизнь какая! Ох, жизнь! — тихо бормотал старик дрожащим голосом. — Раньше-то и не ведали...

Я присел рядом, приподнял Фадо. Он раскрыл глаза, посмотрел на меня и улыбнулся. Губа была сильно рассечена, кровь вновь закапала, испачкав белоснежную рубаху.

— Зачем ты убежал от меня? Вдвоем мы бы справились с ними, — сказал я, помогая ему встать на ноги.

Подоспел Рами.

— Живой! Дай-ка, дед, воды.

Рами намочил тряпицу, стер кровь с лица Фадо, посмотрел на него внимательно.

— Головой ударился? Крутит?

— Порядок, Рами. Я с детства правильно падать научился.

— Что делать-то теперь будешь? — тревожно спросил он.

— Не переживай, есть идея.

— Как ты думаешь, они еще здесь? — спросил я, выглядывая наружу.

— Укатали молодчики, — скрипучим голосом произнес старик. — Я уж этого наглядился. Знаю их повадки. Они поначалу только припугнут. Теперь жди дня три. А там... кто его знает, что им в голову-то взбредет. Уехать бы тебе, сынок.

Фадо ничего не ответил. Вышел из магазинчика. Мы с Рами поспешили за ним.

— Старик дело говорит, — заметил Рами.

— Что же, так и будем прятаться от этих подонков?! — в сердцах воскликнул Фадо. — скоро из нас безмолвных рабов сделают. Нет уж! Не на того напали. Зубы обломают в следующий раз.

Я хотел остаться, но Фадо чуть ли не прогнал меня.

— Ты мне что, мамка? Будешь сидеть рядом и сопельки утирать?

— Ты не забывай, что и я в этой «игре» как бы участвую, — Фадо разозлил меня.

— Ладно, ладно, друг, не горячись,— он похлопал меня по плечу,— я дам тебе знать, обещаю.

На том мы и расстались. Рами купил два баула с гвоздями и еще кое-какие инструменты. Мы взвалили их себе на спины и поехали домой.

Войдя в мастерскую, я заметил Дану, сидевшую на полу. Рядом лежал большой холст с начатой работой. Она вдыхала «жизнь», пила таху и что-то чертила на холсте. Она была погружена в свои мысли и не видела меня. Когда я подошел и увидел на чертанное, она, оглянувшись, запоздало растерла ладонью краску. И все же можно было различить наши имена — Дана и Адан. Дана смотрела на меня снизу вверх. Она была пьяна. Грустно улыбнулась.

— Смешно! — устало произнесла она,— смотри, всего лишь три буквы составляют наши с тобой имена. А, Д, Н. Наши с тобой буквы.

Она вновь провела пальцем по сырой еще краске и сделала надпись четче.

— А-д-а-н-Д-а-н-а,— медленно, по буквам произнесла она.— Знаешь, что они означают?

— Нет,— я опустил рядом.

— На древнем языке ардов... заметь, ардов, а не арданов. Арды еще древнее...— она говорила медленно, устало и грустно.— На древнем языке ардов мое имя означает «последняя». Дана значит «последняя». А ты — первый. Адан значит «первый»...

Дана с трудом поднялась, вытерла ладонь о бедро и подошла к оконному проему.

— А знаешь, почему сначала были арды, а сейчас арданы? — снова спросила она, пошатываясь.

Я встал, подошел к ней и взял за плечи, боясь, как бы она не опрокинулась вниз.

— Арды значит «люди». Ар-Даны значит «последние люди»,— произнесла она, горько улыбаясь.

Яков Шафран
(г. Тула)

УДАРНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ЧЕРНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
Очерк

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Нельзя дальше идти по стезе
человеконенавистничества.*

Николай Рерих
«Звучание народов»

В предыдущей статье «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации» мы проследили, как возникло данное уникальное явление — объединенный Запад — и как он проявлялся на протяжении последующих долгих веков, и почему. А проявлялся он, в том числе, как родоначальник капитализма с его безграничным эгоизмом и крайним индивидуализмом, развивающимися до самой высшей степени своих выражений. Оттуда идет, что «сильные призваны завоевывать, а слабые — умирать», считает доктор философии Айн Рэнд. Разве это не откровенный международный и социальный расизм? Кроме того, контентом и методом западной цивилизации как мирового сумрачного царства вынужденной необходимостью является жестокая конкуренция ради максимальной прибыли и безудержного потребления, а глубинными смыслами Русской цивилизации как Царства Христовой Свободы, важнейшими составляющими ее генома — расширенное «духовное воспроизводство» человека, общая польза и «за други своя», а также борьба за недопущение всеобщности западного царства потребности. За сие Запад нас и ненавидит.

Капитализм нынешнего времени стремится к глобализму, к надгосударственному обязательному, а порой и принудительному, порядку, основная, приоритетная задача которого — целенаправленное формирование и успешное практическое осуществление продуктивной деятельности всей жизни на планете, однако в угоду *своим, капиталистическим ценностям*. Для этого организуются всевозможные соответствующие магистральные и оперативные направления для ее неуклонного исполнения и заказанного развития с методичным прибиранием глобалистами к «липким» рукам отдельных, уже переставших быть независимыми, государств, разнообразных национальных обществ, с запретом *всякой* государственной идеологии, а фактически к полному навязыванию *собственной* на любых административных и социальных планах и уровнях. Все действия глобалистов — «западоидов» (по определению А. А. Зи-

---

* Второй очерк из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации» (первый см. «Приокские зори», 2022, № 4).

новьева) направлены к главному достижению, к достижению важнейшего своего назначения — надежной, в том числе и силовой, защиты и успешного продвижения мирового капитализма, различных его официальных и неофициальных учреждений и установлений, материальных и нематериальных выгод и нужд его управленцев как многочисленной всепланетарной управляющей команды; к достижению превосходства многосторонних меркантильных интересов стран западной цивилизации перед национальными, пусть хоть в какой-то степени суверенными, странами и какими бы то ни было иными, той же степени субъектами мировой системы, преимущества каких угодно глобализационных технологий все в том же неугомонном духе. Причем глобализаторы не гнушаются использовать для сего и фашистские с нацистскими теоретические и методические разработки, интерпретируя их для своих корыстных целей и для искусной маскировки, умело и успешно применяя демократическое и гуманистическое суесловие.

Таким образом, истинный, страшный лик глобализма — по сути неорабовладельческого строя — античеловечен, жесток, ибо он активно использует изощренные приемы общественного манипулирования и неприкрытого и замаскированного политического насилия в неблагоприятных целях расчеловечивания и в долговременной перспективе тотального разрушения национальных обществ и государств. У Запада по определению не существует философии мира, а, напротив, есть натуральная философия непрекращающегося, перманентного насилия и войны. Здесь вполне законно вспомнить, что сделали с Югославией, как растерзали Каддафи и Ливию, как повесили Хусейна и уничтожили Ирак, как третируют Орбана и Венгрию, а также нынешнюю Сербию, как «используют» народ Украины, как стараются низвести Россию до уровня обычной колонии и многое-многое другое... В его неистощимом арсенале и «обожествление» безудержного потребления, и планомерное разрушение народных и культурных скрепов, коренных, традиционных религий, фундаментальных законов морали и нравственности. А современные чудовищные извращения на Западе не являются ли прямыми доказательствами откровенного сатанизма?

Капитализм — это вечно голодный мировой вампир, он не может жить без поглощения все новых и новых рынков. Сейчас для него на нашей многострадальной планете осталась только одна Европа. А дальше что? — Конец. Вот поэтому, как было сказано выше, им активно используются и такие старые, «испытанные» формы как национализм, фашизм и нацизм, и их насаждение в странах. Кроме того, после гибели СССР современный глобальный капитализм «приватизировал» во многих странах мира левые и «левацкие» организации... в том числе и вновь созданные. Однако то уже иная история...

Но вернемся к теме статьи и зададимся очевидным вопросом: в чем разница между фашизмом и нацизмом?

Национализм, как следует из самого классического, традиционного определения, — это устойчивая система недвусмысленных взглядов, построенная на предвзятом мнении, что данная, конкретная нация как этническая группа, так и гражданская группа (то есть все граждане страны, независимо от их национальности, когда не предполагается отрицательного, небеспристрастного подхода к другим местным народностям) лучше иных, что ее внутренние многообразные потребности превыше всего, что она является единственным и главным корнем управления и единственным фундаментом государства.

Николай Рерих в работе «Звучание народов» пишет: «Никто не будет возражать против индивидуальности как выражения неповторенного ценнейшего комплекса чувств и творческих способностей. Если же существует всеми ограждаемая индивидуальность личности, то и в каждом коллективе, будет ли это коллектив семьи, государства, народа, отображается своя индивидуальность — значит, и это качество

должно быть охраняемо», и еще: «Национализм <...> не есть шовинистическое ненавистничество, но именно лучшее выявление достойнейшей сущности народа».

Таким образом, национализм, сам по себе,— это еще не зло. Только мы должны отметить, что он нередко делается агрессивным, когда порождает неизбежные межэтнические столкновения, и может доходить до полного шовинизма. А самыми непосредственными, зримыми плодами последнего являются фашизм и нацизм: «сугроб да вьюга — два друга».

Слово «фашизм» происходит от итальянского *fascio* — союз, пучок, связка, объединение. Впервые фашизм зачался в Италии в Первую мировую войну и, развившись, начал оттуда «победное» шествие по европейским странам. Фактически сие глобальное явление — типичное соединение агрессивного национализма и тотального государственного контроля над экономикой. Кроме того фашизм полагает важнейшим всеобъемлющее национальное единство, которого добивается активным формированием и прочным, вплоть до законодательного, закреплением жесткой диктатуры с сильной харизматической личностью во главе. По Умберто Эко существует стройный ряд смысловых признаков, определяющих подлинное лицо данного социального явления,— это «культ традиции, ...иррационализм, культ “действия ради действия”», недоверие к интеллектуалам, неприятие скептицизма — сомнение в режиме считается предательством,— неприятие «плюрализма, ксенофобия и расизм, буржуазность и опора на средний класс, национализм, одержимость теориями заговора»... «враг изображается как очень мощный, но в то же время достаточно слабый, чтобы его можно было одолеть, жизнь — непрерывная война, а пацифизм — сотрудничество с врагом; элитизм, презрение к слабым, культ героизма и смерти...».

Особо крайним, экстремальным видом фашизма является нацизм, когда национализм проявляется как крайний социальный расизм. Слово «нацизм» есть сокращенная форма пресловутого словосочетания «национал-социализм». Нацистская человеконенавистническая идеология общеизвестна по кровавому гитлеровскому режиму тридцатых — сороковых годов 20-го века в Германии. Однако она возродилась и позднее в том или ином виде в различных местах земного шара, возрождается и поныне, в частности на Украине.

Особость «арийской расы», ее мнимое, якобы абсолютное превосходство над иными, по утверждению, неполноценными расами, нациями и социальными группами, начиная от евреев и цыган и кончая физическими и психическими инвалидами и безнадежно больными, в том числе и своими же, немецкими, с практикой сплошного уничтожения представителей данных групп, являлось одной из центральных маниакальных идей и целенаправленной внешней и внутренней политикой германского нацизма. В разном виде и в разной степени это всегда обнаруживалось там, где возникал нацизм, но до такого абсолютизма, как в гитлеровской Германии, он не был доведен нигде. Здесь не лишним будет сказать, что, в отличие от нацистов, в СССР, даже с осознанным риском для жизни непосредственных исполнителей, затрачивая столь необходимые для стойкой длительной обороны, наступления и жизнедеятельности тыла средства, спасали душевнобольных и инвалидов, в том числе из блокадного (!) Ленинграда.

Следует сказать, что фашизму и нацизму свойственна также непрестанная и непримиримая война с левыми, как революционными, так и не революционными концепциями, движением пацифизма и демократией, прежде всего народной. Адольфу Гитлеру принадлежат следующие предельно откровенные слова: «Мы требуем исполнения государством справедливых требований трудящихся классов на основе *расовой солидарности*. Для нас раса и государство — это *единое целое*» (Из интервью Гитлера 1923 года *The Guardian*).

Однако не сие главное, все перечисленное является, если посмотреть пристально, определяющими факторами организации некоего слаженного ударного механизма. И

как только он бывал создан, так тут же объединял подобные образования в разных странах и немедленно направлял согласованные наступательные действия на Россию, на Советский Союз. Это хорошо видно по историческим процессам, происходившим накануне Второй мировой войны. Как возникал этот механизм, и если он управляем, то как данное происходило? Когда мы начинаем исследовать эти важные вопросы, возникает следующий, закономерный: свою питательную среду фашизм и его производная — нацизм имели лишь в Италии и Германии в 20-е годы XX века? Обратимся к европейской истории.

В 1920 — 1930 гг. в Британии радикальные националистические идеи, реализованные в фашистской Италии и нацистской Германии, чрезвычайно волновали, неоднократно вызывали оживленные, и где-то бурные обсуждения как в «демократической» прессе и среди влиятельных политиков, так и в широких кругах тогдашних деятелей английской культуры. При решительном принципиальном неприятии британской левой общественностью фашистских и нацистских концепций и различных средств их практического осуществления, целый ряд таких известных представителей писательской среды, как Р. Киплинг, Г. К. Честертон, Х. Бэллок, Э. Паунд и др. выражали приятие плодов деятельности Муссолини и Гитлера. Также многие видные консерваторы относились к фашизму и нацизму с благосклонностью и даже большим расположением, так как создавали их в качестве близких себе своим решительным антикоммунизмом, быстрым установлением принудительного социального порядка, тягой к неограниченной монархии и древним традициям, но, конечно, более радикальных по применяемым средствам решения консервативных задач. Х. Бэллок и Г. К. Честертон идеологически были связаны с французскими ультраправыми из «Аксьон фраксез».

Ныне не является большим секретом, что для победы праворадикального мировоззрения в Италии и Германии немаловажное значение имел эстетический модернизм. Среди англо-американских модернистов из четырех главных деятелей трое: Э. Паунд, Т. С. Элиот и В. П. Льюис сочувствовали фашизму. Как говорится, «был бы лес, соловьи прилетят».

Речь у них шла о якобы всеобщей духовной деградации современной западной цивилизации. Да, моральное состояние людей того времени, вышедших из Первой мировой войны, было плачевно — они были искалеченными физически и духовно. Только ведь данную войну устроила именно западная цивилизация! Выход многим таким людям представлялся в тоталитаризме, в жестком государстве. Так для англосаксонского мира Льюис предлагал некоторую измененную форму фашизма, с как можно большим участием строго организованного пролетариата.

Правда, Т. С. Элиот и В. П. Льюис, вначале питавшие откровенную симпатию к Гитлеру и Муссолини, потом, после претворения наиболее одиозных пунктов их целевых программ, стали отмежевываться от своих радикальных убеждений.

Поэт же и писатель Э. Паунд до конца убежденно поддерживал итальянскую диктатуру. Паунда к этому привела слепая, простодушная вера в то, что фашизм будет бороться с банкирами, практикующими финансовый кредит в противовес социальному кредиту для поддержки реального производства. Это было главным и в мировоззрении Г. Х. Дугласа, которое имело весомую поддержку среди англо-американских интеллигентов в непродолжительный период между двумя мировыми войнами. Так и известный писатель Г. Уильямсон, оскорбившись массовой безработицей среди многочисленных его товарищей-фронтовиков, стал действительным членом Британского союза фашистов. Даже Б. Шоу в 1927 г. говорит о сравнительном преимуществе итальянской тоталитарной системы над британской. Однако сия вера являлась распространенным заблуждением, ибо едва лишь фашизм и нацизм укреплялись, и это является *nervusprobandi**, они тут же бросались в яростную любовую ата-

---

* Нерв доказательств. Наиболее убедительный, решающий аргумент (латинская пословица).

ку не на банкиров, а на международное коммунистическое движение, на советский социализм, на СССР, а фактически на Россию, показав истинное лицо и истинную, стратегическую цель своего создания. Ибо антисоветизм на всех смысловых уровнях есть не что иное, как русофобия. Вот и Уильямсон позже досадовал о недавних сражениях между Великобританией и Германией и называл данную войну братоубийственной, выгодной СССР (!). В дальнейшем Шоу, в отличие от Уильямсона, меняет собственное первоначальное мнение и занимает недвусмысленную антифашистскую позицию.

На примерах Х. Бэллока, Г. К. Честертона, Т. С. Элиота, П. В. Льюиса, а также Р. Киплинга, Р. Кэмпбелла и других хорошо видно, что личностей консервативного склада фашизм (особенно в 1920-е гг.) привлекал как действенная сила, способная остановить страшное для них крушение социализмом старого миропорядка и вернуть людей к прочным буржуазным ценностям прошлого. Это откровенное проявление было враждебной реакцией на эволюционные изменения, начавшие происходить в результате суммарного позитивного воздействия наглядного примера советского общества на социальные процессы в западных странах. Устрашенные этим и широким и стремительным распространением коммунистических взглядов, многие консерваторы охотно становились на сторону фашистов лишь бы остановить поступательное развитие текущих событий в указанном направлении. Причем этому способствовал и иррационализм, и неодолимое влечение к обретению иной, сверхъестественной практики, и как к слепому повиновению, так и к мнимому, самодовольному превосходству, к необузданной силе, грубому насилию и неограниченной власти. Все сие мы имеем возможность наблюдать в литературных произведениях и недвусмысленных взглядах вышеназванных британских писателей и иных людей, сочувствовавших фашистам. И то не удивительно, оттого что вполне соответствует подлинной глубинной сущности самой западной цивилизации (см. предыдущую статью*). На тесную взаимосвязь иррационализма и фашизма указал еще Бертран Рассел: «Целью иррационалистов нашего времени является не спасение, а власть. Из-за своей страсти к господству они неизбежно включаются в политическую деятельность» («Происхождение фашизма», 1935 г.).

В США нацистская идеология расцвела, как в тихом речном омуте. Корни ее уходят глубоко. После решающего поражения расистов Юга во второй Гражданской войне была создана радикальная группировка Ку-Клукс-Клан с разветвленной военной структурой, общей специальной униформой, с чудовищно-страшными карнавальными сборищами. А в 20-е годы прошлого века у американских консерваторов стал популярен Муссолини. И вслед за приходом к власти Гитлера был учрежден союз «Друзья Новой Германии» — нацистская организация в США, стремящаяся к дружественным, союзническим отношениям с нацистской Германией и к предотвращению вступления США в войну. Еще через несколько лет, следуя примеру гитлеровской Германии и особо по инициативе приснопамятного Рудольфа Гесса, был организован немецко-американский союз, куда могли входить только американцы немецкого происхождения, которых после Первой мировой войны в Штатах стало значительно больше.

То, что произошло с членами сих структур в результате официального объявления президентом Рузвельтом войны странам Оси, не столь важно (кстати, многие бежали в Латинскую Америку (!), а кое-кто и затаился), главное — склонность к фашизму и нацизму имела в стране глубокие корни. В этом США и Латинская Америка стали прямыми наследниками Европе.

---

* Статья «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации».

Также известен весомый вклад Франции в фашизм и нацизм. Так, «арийская» расовая теория «Опыт о неравенстве человеческих рас» графа Ж. А. Гобино (1816—1882) особо активно продвигалась «Обществом Гобино» в Германии вплоть до начала Второй мировой войны. Основополагающие идеи гобинизма: о надлежащей чистоте арийской крови и эсхатологический мистицизм (мистицизм конца времен),— соединенные создателями нацизма в одно, породили выгодную для них прочную идеологическую базу для скорого прихода к безраздельной власти А. Гитлера и агрессивной и кровопролитной войны.

Во Франции данное идеологическое движение возникло достаточно давно, после франко-прусской войны в 70-х гг. XIX века как упрямое стремление старинной родовой знати взять реванш и добивавшейся постоянного и полного господства с помощью искусственного создания новоявленного феодализма из бывшего на то время капитализма. Они в 1899 г. основали из возникших национальных дворянских лиг, офицеров и интеллигентов «Аксьон франсэз». Идеи этой организации базировались на средневековом предании о якобы «великих французских королях», очень похожих на «истинных арийцев». В то же время возникло направление, включавшее в себя экстремистских националистов расистско-дарвинистского, радикального толка с упором на врожденную неполноценность других народов, которые должны быть завоеваны. Их тогдашний глава Морис Баррес в годы Первой мировой войны создал союз ветеранов «Огненные кресты», которые и осуществили затем *ad exemplum** фашистский режим Виши в стране. Похожие «кресты» и позже стремились к власти.

В 20-е и 30-е гг. фашистское движение во Франции являло собой большое многообразие, и никогда не было одной сплоченной партией. Напротив, их на обширном политическом поле обреталось несколько: «Фесо» («Связка»), организованная Ж. Валуа в 1925 г., «Франсизм», «Солидарите Франсез», РНП (Народно-национальный союз) Марселя Деа и Парта Попоулер Франсез (ППФ — Народная партия — SN) Жака Дорио, основанная в 1936 г. Кроме того, активно действовала одна из ведущих фашистских газет «Же сюи парту», где выражали свои недвусмысленные взгляды такие интеллектуалы-фашисты, как Р. Бразильяк и П. Д. ла Рошель. Причем все главные фашистские писатели открыто признавали собственные глубокие идейные корни в учениях таких мыслителей, как Прудон, Моррас, маркиз де Латурдю Пэн, Сорель, Баррес, Пеги и др., а также уходящими в самую питательную почву Франции. И действительно данные идеи обладают вековым прошлым, вплоть до якобинцев поры Французской революции, до бонапартизма, буланжизма** и т. п., которые посеяли отборные семена правых движений, в том числе и фашистских.

Что касается откровенного антисемитизма французских фашистов, то он был характерен, в той или иной степени, и для прочих их «собратьев» из западных стран, и ярко проявился, в частности, в грязном деле Дрейфуса.

Особо следует остановиться на Странной войне Франции с гитлеровской Германией, когда фактически не велась активная оборона и не давался действенный, адекватный отпор врагу, оккупирующему страну. Когда, иначе говоря, не пелась боевая песня «Вперед, дети отчизны!..»***, как это бывало ранее. Странной — потому что суверенное государство с сильной армией и мощной современной экономикой, как будто по прямому приказу свыше, буквально капитулировало через пятнадцать дней вслед за бесцеремонным вторжением нацистов. И это не кажется случайным, ведь перед вероломным нападением на СССР под черным германским орлом со свастикой

---

* Лат. [ад экзэмплум] — по образцу.

** Ультраправое движение во Франции, возникшее в конце 1880-х годов под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканской Конституции 1875 года и роспуска парламента.

*** «Вперед, дети отчизны!..» — *Aliens, enfants de la patrie!* фр. [алинзинфанде ла пар-ти] (Начало военной песни Рейнской армии, позже названной «Марсельеза» (1792), сейчас — гимн Франции).

был объединен колоссальный экономический потенциал всей континентальной Европы (!).

Здесь можно еще рассказать о диктатурах в Венгрии, Испании, Португалии, Румынии, Словакии, Болгарии, Греции и Хорватии — верных союзниках фашистской Италии и нацистской Германии, являвшихся фашистскими или близкими к ним и симпатизировавшими фашизму и нацизму, а в случае любой серьезной внутренней опасности стремившихся к тесному объединению с подобными местными движениями.

Сюда следует отнести и диктатуру (а фактически фашизм) Пилсудского в Польше, хотя она существовала несколько ранее, чем в вышеназванных странах. Скажем только, что сие явление, не реализовавшееся в силу определенных причин на международном уровне, проявилось в зверствах над советскими военнопленными после советско-польской войны 20-х годов и, даже своими «отголосками», в кровавых погромах евреев в 1945—46-х гг., когда зверски убивали даже спасшихся из лагерей смерти.

Кроме того на стороне Германии воевало много французов, бельгийцев, норвежцев, добровольцев из США, Англии и ЮАР, а французов, в частности, было гораздо больше, чем во вместе взятых войсках у де Голя, в эскадрилье «Нормандия-Неман» и в подполье, в котором, кстати, было больше бывших советских военнопленных, чем местных. А рейхстаг, в последние его дни, защищала отборная французская дивизия СС... Известно также, во взятом в 1945-м году Берлине были обнаружены трупы тибетских монахов. Мы знаем, что в любом явлении, даже заурядном, и во всякого рода местах (в том числе и в Тибете) всегда имеются два противоположных полюса направляющих сил. Важно то, какой полюс выбирает самостоятельный человек, суверенный народ и независимая страна или сообщество стран в определенный, тем более критический, переломный момент своей жизни или истории... Однако из-за малой силы непосредственного влияния на общий процесс не станем тратить лишнее время на подробное описание всех этих сходных явлений и стран, хотя там были свои национальные и государственные особенности. Украинскому же (вернее, галицийскому) нацизму будет посвящена отдельная статья.

Возвращаясь к теме, отметим: нацизм вызревал в европейской «культуре» долго. Вспомним известных в эпоху «возрождения» маркиза де Сада и Мазоха, но ведь это лишь те, кто остался в человеческой памяти благодаря литературе... Все те ужасающие явления — только второстепенные по сравнению с идеей национальной исключительности, что гораздо серьезнее. Данная идея была укоренена в европейских нациях, достаточно вспомнить, что в 1958 году в Брюсселе (Бельгия) еще существовал единственный сохранившийся собственно целый человеческий зоопарк (!). А до этого людей из якобы неполноценных, низших рас селили в Бронкском зоопарке, в «Царстве грез» в Кони-Айленде Нью-Йорка и в «Деревне негров» в Германской империи. На Парижской всемирной ярмарке в 1931 году был человеческий зоопарк, был и Берлинский зоопарк в том же году с людьми-экспонатами. Человеческие зоопарки в свое время существовали в Антверпене, Лондоне, Барселоне, Милане, Нью-Йорке, Варшаве, Гамбурге и каждый из них посетили от 200 до 300 тысяч человек. Можно сказать, что это «невинное развлечение» было едва ли не самым прибыльным в шоу-бизнесе начала XX века. Гитлер же, как известно, вдохновлялся американцами, создавшими индейские резервации и забравшими их исконные земли.

Говоря об основополагающих мировоззренческих и идеологических фашистских концепциях и их непосредственной практической реализации, нельзя не сказать о том, что их общие «узловатые» корни растут из питательной почвы крайнего национализма Европы 19-го века. А тогда были страны, запаздывавшие с устройством национального государства вследствие политической раздробленности их, например, Германия и Италия; либо страны — жертвы трагичных разгромов, например, Фран-

ция, претерпевшая позорный разгром в франко-прусской войне. Опорной психологической базой для внушительного роста соответствующих националистических и предфашистских настроений стало стойкое гнетущее ощущение «маленькими» людьми полной собственной стагнации — беспомощности и неизбежного безысходного одиночества из-за трагического крушения, казалось бы незыблемых, вековых традиций перед бесстрастным лицом безымянных экономических законов. Такие умонастроения возникали и в ответ на очень быструю индустриализацию и максимальное сосредоточение финансов и производственной собственности во второй половине 19-го века. И замещение люди искали и часто обретали в эмоциональном переживании глубокой сопричастности национальному, в националистической организации, построенной по военному иерархическому принципу, и в тоталитарной идеологии. Новые идеологические течения были враждебны всякому просвещению, апеллировали к народным массам, проигрывавшим в данной общественной ситуации, страшились социалистического движения и не оспаривали частную собственность и наемный труд, как таковые. Напротив, они выступали за национальный капитал, за национальных мелких и средних собственников, за жизненный успех сильного индивида и стремились к устройству мощной диктатуры.

Именно отсюда в начале XX в. и выросли первые организованные группы, которые на фоне большой дестабилизации и явного упадка, а также неполучения приемлемого решения социально-экономических вопросов стали, кроме указанных ранее глубинных причин, фактической основой фашизма, более всего охватившего Италию, и нацизма в Германии.

Этому способствовали, кстати, и иезуиты, извратившие не писанный, но незыблемый закон совести и нравственные законы Евангелия, утверждавшие, что католическая церковь — один из главных оплотов «черного интернационала» — может для достижения своих конечных целей употреблять любые незаконные и изощренные средства. «Для противника важна не правда, а успешное управление лицемерием» (А. Лосев).

Итак, мы видим, фашизм и нацизм возникли в 20-м веке не на пустом месте, а имеют очень глубокие корни в Западной цивилизации. Потому-то в годы, последующие за 1944—45-ми, которые стали годами гибели фашистских режимов, вслед за безоговорочным публичным осуждением нацизма и фашизма на историческом Нюрнбергском процессе, они не исчезли.

Не следует забывать, что США и Великобритания и финансисты этих стран вскормили Гитлера и нацистскую Германию. Оттого, наверное, в указанных странах не торопились после Нюрнберга предать справедливому суду и доморощенных нацистов. Более того, США, да и все англо-саксонские страны занялись активной политической реабилитацией нацистских преступников и всячески использовали их в разных ключевых сферах в плане постоянного противоборства с СССР. Ибо данные страны с основания НАТО в 1949 году стали активно противостоять Советскому Союзу (читай: Русской цивилизации).

Это можно было предсказать, исходя из того, что была принята капитуляция германских войск, а не нацистского государства, и, более того, последний правитель 3-го рейха адмирал Дениц не был казнен, как другие главари. А главнокомандующие войск США, Великобритании и Франции отказались принять участие в параде Победы в Берлине в 1945 году, послав обычных генералов, и их воинские подразделения участвовали не в парадной, а в полевой форме и шли вразвалку вместо строевого шага... И поскольку конец нацистской Германии не был юридически оформлен, то можно сказать, что Евросоюз стал правопреемником 3-го рейха. Кстати, спланировал его бывший эсэсовец...

Однако вернемся в послевоенные США. А тогда началась целенаправленная и беспощадная «охота на ведьм», агрессивная политика маккартизма, когда равносиль-

но неотвратимой и скоростной социальной смерти было получить красный ярлык коммуниста. В пятидесятых возникла американская нацистская партия, ставившая своей первоочередной целью новый порядок. Такие известные люди, как глава семейства Бушей, Генри Форд, Уолт Дисней и прочие благоволили ей и были яркими антисемитами. В результате и поныне десятки и сотни неонацистских организаций и групп там живут припеваючи и благоденствуют, причем немалая часть из них находится под непосредственным ведением американских спецслужб. Нацисты проводят объединенные факельные шествия, празднуют день рождения Гитлера, вредят проведению мероприятий памяти жертв Холокоста и стремятся к построению новой, нацистской страны.

Что касается Латинской Америки, то компаративный анализ, проведенный по отношению к латиноамериканскому фашизму, сравнительный анализ его характерных черт, определенных соотношений и общих проблем, позволяет отметить — в ее странах истинных нацистов, итальянских фашистов или испанских фалангистов можно было найти лишь среди поселившихся в тех странах членов соответствующих партий, вплоть до НСДАП. А все местные фашистские движения, хотя и находились под их сильным, определяющим влиянием и по идеологии соответствовали им, не представляли собой значительной силы и не могли подняться выше определенного уровня. Только были среди них и такие отдельные разновидности фашизма, которые в разные времена добивались некоторых успехов и были близки к завоеванию государственной власти. Но ни в одной из стран континента данные организации так и не сумели достичь своей вожденной цели. Это происходило во многом и потому, что во всех странах Латинской Америки в тот или иной период правящие элиты властвовали по преимуществу с помощью диктатуры или гражданского «режима жесткой руки» и не считали нужным отдать немалую власть кому-либо. Они-то и не давали фашистам захватить административное управление в стране, подобно событиям в Чили и в Бразилии в 1938 г. А те не сумели добиться власти даже в тех странах, где обладали широкой поддержкой в народных слоях и были политически представлены. Однако, тем не менее, в Латинской Америке фашизм процветал, хотя и оставался, как говорится, в стратегическом запасе. И, характерно, когда возникала явная серьезная опасность для реакционного строя, а возникала она со стороны противоположных, левых, социалистических сил, то он всегда объединялся с фашистскими организациями. Например, в Чили в 70-е годы 20-го века режим Пиночета возник в ответ на мирное, но быстрое и победное шествие демократического социализма. Кстати, и вполне умеренный либерализм является злейшим и принципиальным противником социализма, что служит одним из убедительных доказательств публичного проявления фашизма и нацизма как действенного в опасной ситуации орудия либералов.

И еще в пользу этого свидетельствует подготовка власть предержащими в США и НАТО в настоящее время военных формирований на Украине как войсковых частей хорошо мотивированных и хорошо подкованных нацистов, рядом с которыми бок о бок тренируются американские и другие западные крайне правые радикалы. Эти последние при поддержке разных спецслужб соответствующих стран объединяются в военизированные группировки, получают в свое распоряжение тренировочные полигоны и всевозможное наступательное оружие и затем под надежным прикрытием направляются на Украину. Притом они вместе с боевиками нацистских полков типа «Азова» становятся заразительным примером для подражания доморощенным западным скинхедам и неонацистам, типичным представителям того самого «заповедника», о котором мы говорили. А также, согласно недавнему аналитическому отчету Центра «по борьбе с терроризмом» Военной академии Вест-Пойнт, «конфликт» на Украине «послужил мощным ускорителем» для активного продвижения западных стран к глобализму. К слову сказать, если мы говорим об Украине, то следует заметить, что происходящее сейчас там есть пролонгирование все того же американского плана,

принятого в 1957-м году против СССР. Ибо «Западу нужно от России только одно, — чтобы ее не было» (Леонид Владимирович Шебаршин, разведчик).

Говоря о таких, мягко говоря, неблагоприятных действиях властей западных стран, следует отметить — это многолетняя их устойчивая традиция. В 20-м веке, когда капиталистические страны охватывала экономическая рецессия или их настигал глубокий и всеобъемлющий кризис, они всякий раз обращались к испытанному средству — мировой войне. Не является ли продолжением этого направления атомная бомбардировка Японии в 1945-м году или, неудавшееся правда, планирование атомного уничтожения СССР в 1949-м? Однако после создания ядерного оружия в СССР такие действия и «горячая» мировая война стали невозможными. Потому Запад избрал иные, не быстро действующие, но эффективные методы: торможение научно-технического прогресса, организацию экологического движения и идеологический подрыв изнутри в странах — принципиальных и вероятных противниках Запада. ЦРУ «работало» с кубинскими контрреволюционными боевиками и организовало в Майами антикубинский террористический центр и тюрьму в Гуантанамо, во время войны в Афганистане американцы тренировали моджахедов против советских войск, а в последние годы 21-го века они активно поддерживали созданных ими же игиловцев.

Да и в самих США и странах Европы в настоящее время, несмотря на все гендерные и постмодернистские «изыски», при длительных тотальных угрозах прослеживается отчетливая тенденция — понятно, замаскированная лжедемократией, — движение к нацистским режимам или, в лучшем случае, к жесткой диктатуре. И благоприятная среда для возникновения ударных групп, могущих осуществить сие, есть — это футбольные (хоккейные) фанаты, скинхеды и различного рода люмпены.

Здесь можно было бы остановиться подробнее на одной из новых форм фашизма — экологизме, и на одной небольшой секте одной религии, но это уже иная история... Однако, простите за некоторое авторское отступление, и вернемся к главной нити наших рассуждений.

Итак, на основе всего вышесказанного можно с абсолютной уверенностью констатировать, что имея глубокие корни в европейском прошлом (и даже в глубокой древности, как то будет показано в дальнейшем в последующих, раскрывающих центральную тему статья), фашизм и нацизм активно проявились в 20-м веке, и именно вслед за уверенной победой направления на строительство социализма в СССР — экзистенциальной вершине комплексного развития Русской цивилизации — и на развитие социалистического движения в мире, которое активно поддерживал Советский Союз и которое, в свою очередь, активно тянулось к нему. А то, что настоящим апофеозом нацизма стало его возникновение и бурное развитие на современной «хунтовской» Украине — этом преступном гособразовании, когда «украинство» есть производное тоталитарной идеологии Западной цивилизации, а также функциональная направленность его против России, когда уже 30 лет нет СССР и мирового социализма, и то, что где бы в мире не возникала та или иная международная напряженность, она всегда направлена острием против России, еще раз подтверждает, что нацизм «глобалистского рейха» всех нынешних и минувших времен, как таковой, создавался и направлялся Западом не иначе как против Русской цивилизации. Фашизм и нацизм — это закономерный продукт Западной цивилизации, продукт давних планировщиков, которые планировали, планируют и, видимо, станут планировать в ближайшем будущем согласованные враждебные действия против России. Достаточно вспомнить известную доктрину Даллеса (определенные рамки данной статьи не позволяют изложить ее здесь, поэтому отсылаем заинтересовавшихся читателей к материалу по нижеприведенной ссылке*). Одним из убедительных доказательств

---

* Общероссийская Общественная Организация «Объединение "Оптималист"». Краткое изложение доктрины. <http://husain-off.ru/hb2n/h2doc26-5.html#top>

этого служит и единодушное голосование западных стран в ООН против известной резолюции, предложенной нашей страной, осуждающей нацизм. И еще, всякое решительное справедливое требование уничтожить зверей-нацистов на Украине, творящих целенаправленный геноцид русских людей, приводит к немедленному удалению публикаций на «Фейсбуке» и «ВКонтакте». Ведь объединенный Запад относится к русским и к славянам вообще как к «белым неграм», как к лишним людям на планете. «Смысл вещи лежит не в самой вещи, а в системе ее использования». Как выразился Владимир Соловьев в одной из своих передач цикла «Полный контакт»: «Гитлеры приходят и уходят, а лекала остаются...».

Вот и говоря об очень далекой, седой древности, хотелось бы выяснить, почему древние предки германцев, ставших, как это было показано в предыдущей статье, основателями Западной цивилизации, выделились из общего арийского ареала и устремились на запад. И хотелось бы выяснить, почему некоторые малые, еще более древние племена были изгнаны из Индии, из места их индоарийского пребывания, и тоже двинулись в том же направлении. Да, хорошо бы это все выяснить, но ясно одно: западная цивилизация *in concreto** есть цивилизация люцеферрианская!

Однако не будем забывать: «У зла есть только одна сила — та, которой наделяем его мы сами» (Рэй Брэдбери).

---

* В действительности, фактически — лат.пословица.

Виктор Кустов
(г. Ставрополь)

МОЙ КОМАНДИР
пьеса на два голоса

Виктор Николаевич Кустов из Смоленской области. Окончил Иркутский политехнический институт, горный инженер. Работал в газетах. Член СПР с 2002 г. Участник Всесоюзного совещания молодых писателей СССР в 1984 г. Автор 12 книг прозы, 4 книг публицистики, 2 книг пьес. Лауреат премии им. А. Губина (повествование «Провинциалы» в пяти книгах). Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драматургия» (пьеса «Время шутов»). Главный редактор литературного журнала «Южная звезда».

Говори, чтобы я мог тебя видеть.
Сократ

Сцена разделена на две половины. С одной стороны — уютная, по-женски обставленная комната, в которой необычно смотрится только открытый ноутбук на туалетном столике. Другая скорее кабинет, чем жилое помещение. На столе помимо стопки книг, папок, письменного прибора, предмета больше декоративного, чем функционального, — монитор.

Задняя часть сцены — экраны, на которые во время действия проецируются кино- и фотосюжеты.

ОНА

В комнату входит женщина. Она в халатике, тапочках. На вид ей около пятидесяти. Садится перед зеркалом, разглядывает свое отражение и привычно пододвигает ноутбук. Все так же продолжая изучать свое лицо, включает его, настраивает, иногда поглядывая на экран, и вдруг замирает, подвигает ноутбук ближе, что-то быстро набирает... И замирает, пристально глядя на экран. Шепчет.

— Нашла... Я все-таки тебя нашла...

Смотрит в зеркало, словно оценивая себя, потом опять торопливо набивает, но, перечитав, стирает и снова набивает...

— Спокойно, дурочка, спокойно... На что ты надеешься?.. Он, конечно, женат и счастлив, не то что ты...

Смотрится в зеркало.

— Ну и что?.. За женой как за каменной стеной?.. Так сейчас каменных не строят, бетон или в один кирпич, не больше, не себе, на продажу...

Быстро стучит по клавишам. На большом экране проецируется весь процесс, буквы складываются в слова, которые она, набирая, негромко произносит.

— Привет, Командир... Ты еще помнишь меня?.. Только посмей сказать, что не помнишь!

Перестает набирать.

— Стой, красавица... Убавь пыл... Давай сначала посмотрим, кто он и что у него...

Набирает. Ждет, не скрывая нетерпения. Наконец на экране появляется фотография седовласого мужчины. Снимок официальный, сделан в кабинете.

— Командир...

Пристально вглядывается.

— Ты уже седой... Но такой же... загадочный... И не мой...

Продолжает манипуляции с ноутбуком, и на большом экране появляется портрет женщины.

— Значит, ты женат, как и следовало ожидать... Интересно, первая?.. Вторая?.. Нет, скорее третья, явно моложе.

Смотрится в зеркало.

— А может это дочь?

Набивает. На экране — портрет смеющейся девушки.

— Не будь душой, дочь — вот эта... И, кстати, похожа на него... И на нее.

На экране меняются фотографии мужчины, женщины, девушки. Порознь и вместе, в разных местах и ситуациях. Затем чередуются фотографии девочки. Маленькой, побольше...

— А это внучка... Значит, ты уже дед... Всего одна? Негусто мы с тобой посеяли.

Встает, выходит из комнаты и тут же возвращается с телефоном в руке. Начинает набирать номер. Спыхватывается.

— Что я, дура, делаю... Второй час ночи... Да и неинтересно это ему. Ну, нашла, мать, ты свою первую любовь, а ему от этого ни холодно, ни жарко... А так хочется поделиться с кем-нибудь...

Устало садится.

— А то еще и приревнует... Я ему все уши прожужжала: «учись, как Командир»; «относись к девушкам, как Командир»... Одним словом, будь похож на моего Командира... Только не на отца... Хотя глупо ревновать к прошлому.

Смотрится в зеркало. Потом оглядывает комнату, о чем-то раздумывая. Наконец решительно пододвигает ноутбук и начинает быстро набирать. Появляющиеся на экране буквы складываются в слова:

«Привет! Я тебя нашла! Как ты?.. Не забыл меня?..»

ОН

В кабинет входит мужчина. Включает компьютер. Начинает просматривать папки. Что-то откладывает, что-то подписывает. Наконец, отодвигает их в сторону и смотрит на экран. Удивленно оглядывается по сторонам, словно желая что-то у кого-то уточнить или чем-то поделиться, потом касается клавиатуры.

На экране — Ее портрет.

— Да это же...

Увеличивает снимок. Разочарованно.

— Н-да, что с нами делает возраст...

Откидывается в кресле.

— Она ведь меня младше лет на... Нет, не намного, кажется, на четыре или пять... Я был на пятом курсе, она — на первом...

Всматривается в портрет.

— Изменилась... Потяжелела... А глаза — те же. И улыбка.

Звучит мелодия «Yestaday». Он подносит к уху мобильник.

— Да, дорогая... Нет, я успел... Хорошо... Слушай, я тут зашел в «Одноклассники». Вот знакомая из юности объявилась. Ну та, с которой до тебя роман был. После лавины... Да чего уж ревновать, что было, то прошло... Нет, она очень изменилась... А что, с возрастом кто-то меняется в лучшую сторону? Кроме тебя, конечно... Да нет, это чистая правда... Ладно, перестань. Сама посмотришь. Пока.

Кладет телефон перед собой. Смотрит на экран.

— Сколько лет прошло... Любопытно, как у нее жизнь сложилась.

Пододвигает клавиатуру.

На экране поочередно появляются фотографии. Она в саду. На фоне гор (явно не южных). На улице с надписями на каком-то языке. На знойном пляже, но на этой фотографии она еще стройная, молодая. Строгая и тоже молодая — с мальчиком. Уже сегодняшняя, улыбающаяся, рядом с высоким юношей, похожим на нее.

— Сын... «Мы с сыном» ... А где же муж?

Теперь фотографии мелькают быстрее, но на них Она или одна, или в компании.

— Муж, судя по всему, обьелся груш...

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

«Привет. Я рад, что ты нашлась. Как живешь?.. У меня все нормально: жена, дочь, внучка. Работа. Ты уже пенсионерка?»

ОНА

В комнату, продолжая на ходу говорить по сотовому телефону, входит женщина. Она в деловом костюме, только пришла с работы.

— Сынок, ты эгоистичен... Может твоя мать иметь если не платоническую любовь, то хотя бы виртуальное увлечение?.. Тем более со своим сверстником... Я же не пристаю, как некоторые старушки, к юнцам. И совсем не хочу быть злобной, хронически неудовлетворенной феминисткой... Да если хочешь, я к нему отношусь, как Петрарка к Лауре, кстати, которого ты так и не осилил, поэтому не знаешь, какие у них были отношения... Да, в моей жизни немало всего и кого было, вот поэтому не стоит за меня беспокоиться.

Глубоко вздыхает, слушая.

— Ну да, ты талантливый программист, у тебя хорошая голова, но вашему поколению не дано чувствовать. Вы любите железки, головоломки и исключительно себя. А мы в твоём возрасте любили друг друга. Мужчины — женщин, женщины — мужчин... Не надо опошлять, я не имею в виду сексуальные извращения. Это сейчас эти отношения стали обыденной мерзостью. Да у нас не было вашего примитивного физиологического секса с кем попало, у нас была настоящая любовь... Вот ты сразу подумал о непристойном, а мы, как и положено нормальным людям, любили противоположный пол... Да, не отрицаю, я нетерпима, не толерантна по отношению к геям, бисексуалам и прочим извращенцам, называй их как хочешь, потому что я нормальная, настоящая, хоть уже и немолодая женщина.

С раздражением.

— Вот доживешь до моих лет, может быть начнешь понимать, в чем разница. Все, помолчи, иначе поссоримся...

Слушает.

— Нет, отец твой мне не звонил. И дай бог, чтобы никогда не позвонил.

С раздражением выключает телефон.

— Отчего родные дети так эгоистичны?.. Живешь для них, пластаешься, жилы рвешь — воспринимают как должное. Только для себя захочешь пожить, пусть самую малость, — сразу в штыки.

Раздевается и останавливается перед зеркалом в одном белье. Разглядывает себя.

— Грудь, конечно, великовата...

Приподымает ладонями.

— Хотя сейчас это модно... И мужикам нравится... Вон как Маркович заглядывает, через стол перегибается. Того и гляди клонет своим длинным носом и не разогнется...

Вздыхает.

— И оценить некому...

Проводит ладонью по животу, стараясь его втянуть.

— Та-ак, спортом, миленькая, надо заниматься, а не пирожки трескать в обеденный перерыв... Или в тренажерный зал топтать... Хотя чего я там не видела?.. Потные,

озабоченные самки, верящие, что формами можно заманить счастье... Ну да, а ты совсем не озабочена?.. Да... была, во всяком случае.

Крутится перед зеркалом, разглядывая себя.

— Ладно, сойдет для виртуального общения.

Накидывает халат.

— Ну что, дорогой, откликнулся?

Включает ноутбук. На экране появляется портрет мужчины и текст.

— Откликнулся. А куда бы ты делся, мой милый...

Пауза.

— Хотя ведь вот делся... На сколько лет?.. Сыночку уже тридцать. И еще не женат, эгоист...

Вздыхает.

— Поколение пепси, поколение икс... Продвинуто-потерянные... Тридцать лет... Мне двадцать было, когда замуж выскочила. Два года я прожила с его отцом. Год до рождения и год после... Еще годы, пока я тобой переболела... мой Командир... Какая я была тогда романтичная. Совсем не дура, просто романтичная первокурсница. А ты — пятикурсник. Умный, так много знающий того, о чем я даже не слышала... И о Петрарке и Лауре я тогда тоже ничего не знала, ты просветил... Ладно, что тебе сегодня написать?

Звонит телефон.

— Ну, что ты хотел?.. Зачем?.. Нет, я тебя видеть не хочу... Что сын?.. И вообще, какое мне дело, что ты думаешь по этому поводу? Что ты вмешиваешься в нашу с ним жизнь?.. Ну да, теперь он для тебя сын. Когда стоит на своих ногах. А что же ты раньше о нем не думал? Знаешь что, я о тебе еще помню только потому, что он об этом попросил. Все! И не звони больше!

Бросает трубку. Садится напротив ноутбука.

— Неужели каждая баба носит в себе такую тяжесть...

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Привет, дорогой Командир...».

Останавливается. Уходит и возвращается с альбомом фотографий. Садится, неторопливо перебирает, подолгу рассматривая. На экране появляются фотографии молодой девушки, чаще всего смеющейся, с гитарой. Потом снимок туристов, среди которых Он и Она. Потом Он в штормовке и с ледорубом наперевес на снежном склоне. И еще одна — застывшая сошедшая лавина... Откладывает фотографии, касается клавиш.

«Здравствуй! Я рада, что у тебя все сложилось, что ты живешь. Я только что пришла с работы, уже темно, сейчас поью чаю и лягу спать... Нет, перед сном обязательно разыщу старый альбом и старые фотографии из того похода... А потом уже лягу спать. Одна. Сын живет отдельно, в моей квартире, а я — в квартире родителей... Ты ее помнишь?.. Когда ты приезжал знакомиться с ними, ты спал на раскладушке, которая стояла рядом с моей кроватью, и мы держались за руки, пока не уснули...».

Стирает последнее предложение.

«Внуков у меня нет, мой сын никак не найдет свою половинку. Наверное, наследственное...».

Стирает последнее предложение.

«Работа у меня секретная, поэтому писать о ней ничего не буду. Расскажи о себе... И заметь, я внесла тебя в список моих друзей... Помнишь себя такого, Командир?»

На экране крупно снимок: Он на снежной вершине, смотрит на горы перед ним.

ОН

Мужчина включает компьютер, читает текст. Потом долго всматривается в

фотографию, на которой он так не похож на себя сегодняшнего. Набирает номер телефона. Долго не отвечают, и он кладет трубку. Потом звонит по мобильному.

— Ты уже в дороге?.. Да так, уточняю... Тут, между прочим, моя знакомая из юности выставила мою фотографию. На которой я перед лавиной. Не знаешь, где у нас старый альбом?.. Нет, конечно, это не срочно... Не нужно, я сам поищу... Целую, моя родная... До встречи.

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Мужчины стараются помнить то, что им приятно...»

Задумывается. Стирает текст. Набивает.

«Женщины стараются помнить то, что им приятно».

Вновь задумывается и вновь стирает. Решительно бьет по клавиатуре.

«О себе я все изложил на собственном сайте. Даже если и не все, то главное. А так, все обычно, как у всех. Живем в заботах. Чем занимаюсь? Зарабатываю на проживание и в свободное время читаю Библию. В молодости был атеистом, теперь понимаю, что не по убеждению, а по незнанию и младодлупости. И, конечно, вследствие воспитания. И огорчаюсь, нет бы эту книгу прочесть раньше, на самую длинную жизнь загадок бы хватило... Не тратил бы время на разные глупости...»

Вот, к примеру, читаем: «Если жена не осквернилась и была чиста, то останется неведимой и будет оплодотворяема семенем». Отсюда следует, что бесплодие, которого у нас сегодня немало,— это грех измены, может быть даже свершенный ранее, ведь в четвертом колене аukaется... Или вот еще: «И будете приносить жертву Господу, всесожжение или жертву закалаемую, от волов и овец, во исполнение обета или по усердию, или в праздники ваши, дабы сделать приятное благоухание Господу». Почему столь необходима жертва? Может быть, это освобождающаяся душа, очищенная таким образом?.. И что понимать под «приятным благоуханием», ведь запах горячей плоти неприятен? Или это не осязаемое нами благоухание души?.. Ладно, не буду утомлять, думаю, у тебя иных забот хватает...»

Перечитывает. Задумывается. Убирает последний абзац. Дописывает.

«Но это урывками, а в основном все обыденно: утром — на работу, вечером — домой... В отличие от твоей, у меня работа совсем не секретная. И даже наоборот, делюсь своими секретами со всеми жаждущими и страждущими. Оттого и на сайт приглашаю. Зайди».

ОНА

Входит Она, явно навеселе. Мимоходом включает ноутбук, напевая:

— Командир, командир, улыбнитесь. Ведь улыбка — это флаг корабля...

Скидывает туфли, ложится в платье на кровать. Глядя в потолок, раздельно произносит:

— Не провести ли нам совместно оставшиеся годы... Ха-ха... Фу, как звучит... А если я намерена еще лет тридцать-сорок радоваться этому миру? И все эти годы созерцать эту потную гладкую лысину?.. Рядом?.. На одной подушке?.. И этот красный нос... А запах чеснока?.. Ну уж, господин Маркович, фиг вам... Или вигвам, как говорил в детстве сын.

Садится перед ноутбуком.

— Ну что, Командир, заинтересовала я тебя?

Читает текст.

— Конечно, узнаю брата Колю... Ты все еще считаешь меня, как и тогда, глупенькой, хотя и смазливой... Заметь, смазливенькой (поднимает указательный палец) первокурсницей... Ну да, я только что вырвалась из-под маминой опеки, а тут вы, умный, начитанный, философствующий, загадочный... Да, я была послушная домашняя девочка, ты ведь познакомился с моими родителями, они были строгими и целомудренными. И они мне всегда верили. Поэтому я не позвала тебя в ту ночь с раскладушки к себе в постель... И тебе они поверили, когда ты пришел брать ответствен-

ность за меня перед походом. Ты считал, что я прирожденная скалолазка. А я ведь и в секцию пришла, потому что ты там был. И в поход из-за тебя пошла... А ведь ты тогда, в лавине, испугался за меня... И потом так меня любил...

Встает и, расхаживая по комнате, продолжает:

— Ты вот пишешь о душе, а ведь наши души тогда познали друг друга... Они были вместе. Они были едины тогда! А ты этого не понял... Хотя, может быть, я обольщаюсь, и только моя душа пережила это.

Вновь садится за компьютер. На экране появляется:

«Привет, Командир. Ты все так же скуп на слова и все так же пытаешься найти ответы на вечные вопросы?.. Глупо...»

Подумав, последнее слово стирает.

«Может, так и надо, но я не могу долго думать. У меня начинает болеть голова...»

Пауза.

«Правда, сегодня она болит еще и потому, что один мой...»

Пауза.

«...любовник...»

Думает. Вставляет слово и продолжает:

«потенциальный любовник предложил скрепить наш союз».

Стирает три последних слова и набивает:

«расписаться. Это смешно. Как хорошо я вас»

Стирает «вас»

«знаю мужчин...»

Пауза.

«...такого типа. Так что вместо ответа маханула рюмку коньяка и убежала домой бай-бай... И тебе бай-бай.. И твоей жене, а она у тебя вовсе еще не старушка».

Стирает последние четыре слова, подумав, добавляет:

«красивая...».

Решиительно выключает ноутбук. Встает, потягивается... Разглядывает на руке браслет.

— А что, Маркович мужчина надежный. К тому же денежный, вон какие подарки делает... Говорят, правда, импотент... Ну, наберет сил пару раз в год, как-нибудь перетерплю... Сколько нас таких сейчас... Они все думают, что мы без этого не можем, а нам просто тепла не хватает. Внимания. Слова доброго... А может, ты, Командир, и прав, за грехи наши платим... Только какие у меня грехи? Да и что ты обо мне знаешь?..

Садится на кровать и задумывается, глядя перед собой...

ОН

В кабинет входит мужчина. Достает из портфеля диск, вставляет в компьютер, и на экране появляется видеоряд. Судя по качеству, он смонтирован из старых любительских киноплёнок. Без звука мелькают кадры студенческих буден: праздничная демонстрация, то ли осенняя, то ли весенняя, улыбающиеся молодые лица, живо реагирующие на камеру; вечеринка или танцы в студенческом общежитии и пара, отмахивающаяся от оператора. Толпа туристов, навьюченных рюкзаками, идущих к автобусу, и Она с гитарой. Что-то играет. Звука нет, но видно, что-то задорное...

Мужчина останавливает киноряд. Настраивает колонки, вновь включает, и звучит не очень четко, не совсем подходящее для женского голоса: «Лучшие гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»

Он убирает звук.

Дальше киноряд сменяется снимками. Вершины. Горная панорама. Вереница туристов на снежном склоне, сгибающихся под огромными рюкзаками. Она — смеющаяся, скатывающаяся на пятой точке по склону. Взбитая, как сливки, снежная

гора сошедшей лавины... Застолье, за которым те же лица, но не столь веселые, и в центре — Она с гитарой...

И снова кино. Город, зацветающая сирень, под ней на скамеечке Он и Она машут оператору руками. Камера начинает к ним приближаться, они прижимаются друг к другу и, улыбаясь, смотрят в объектив. Потом он поднимается навстречу оператору, мелькает его рука, сирень, небо — и все заканчивается.

Мужчина достает диск. Вертит в руках, явно не зная, как поступить.

— Ну, и что прикажете делать?.. Да, мы были такими... На той лавочке, чтобы никто не видел, тогда этого не делали напоказ, нам нравилось целоваться... Когда мы вышли из-под лавины, я понял, что должны чувствовать люди, вместе пережившие смертельную опасность. Мы стали братьями и сестрами. И мы, такие разные, любили друг друга. Просто любили, ничего не требуя взамен... Интересно, где сейчас остальные... наши лавинные родственники. Вот ты нашла меня. Ты и я — там, в прошлом, на пленке и в памяти... И мы сегодня... Совсем другие...

ОНА

Нарядно одетая женщина рассказывает перед объективом ноутбука.

— Ты хочешь знать, как я жила?.. Без тебя... Как тобой переболела, ненаглядный мой... Хорошо, что ты так стремительно исчез. Естественно, в секцию я больше не ходила. Мы с подружкой пошли на бальные танцы. Это была ее инициатива. Большинство юных девушек, а она относится к большинству, считают, что принца можно встретить на балу. И хотя мне дороже был принц в штормовке, я не стала сопротивляться. Согласись, это все-таки лучше, чем предаваться тоске и самоедству.

...Ты знаешь, я вот смотрю на нынешних наших детей, у них как-то все просто, облегченно, безвкусно. По-животному... Вот мой сын уже несколько подружек сменил. Сойдетя с очередной, спрашиваю: любишь? А он в ответ: брось, мам, при чем здесь любовь, мне нужен секс, ей нужен секс. Чистая физиология. Поживем, пока не надоест... И у девиц этих он не первый. Вот и не знаю, дождусь ли внуков...

Ладно, вернемся в наше прошлое... Подруга легкая, гибкая была. У нее сразу появился партнер, а мне не досталось, мальчиков тогда меньше было. Помнишь, на десять девчонок — девять ребят... А ее выбрал очень даже симпатичный мальчик с машиностроительного факультета. Можно сказать, красавчик. У них — роман, а я сбоку припеку. Они целуются, а я тебя вспоминаю... Как мы подолгу друг друга провозжали. Не могли расстаться... Зато на учебу навалилась, сразу в отличницы выбилась, в научное общество вступила, исследовательский диплом стала делать. Одним словом, к пятому курсу уже в числе лучших в институте значилась. Ты в это время, насколько я знаю, где-то в сибирских просторах обитал... В итоге — красный диплом и распределение по желанию. Может быть, и поехала бы к тебе, если бы знала, куда, а так осталась дома... И, кстати, я уже была замужем. Сразу после защиты диплома выскочила... За того красивенького танцора... И зря подруга со мной тогда поссорилась, совсем я не хотела его отбивать, лучше учиться на чужих ошибках. Но я тогда об этом еще не знала...

Он, между прочим, за мной больше года увивался, а я по-честному все подругу ему сватала, хотя было уже видно, что ничего у них не получится. Между прочим, его, как и тебя, зовут, может, поэтому и уступила. Только ты для меня всегда был и остаешься Командиром...

...Ну что тебе о нем рассказать?.. Он закончил на год раньше, работал на заводе инженером. Пока я беременная ходила, жили неплохо. Он обходительный, внимательный был. Не все в нем мне нравилось. Сначала с насильником сравнивала, так не хотелось его ласк. Но терпела, представляла, что это не он, а ты... Имена-то у вас одинаковые... Но со временем сгладилось: отец моего ребенка плохим быть не может. Вам, мужчинам, этого не понять... Вот отсюда и стерпится — слобится. Только это верно в том случае, если жена рождает одного за другим, а мужа потом начинает

через своих детей любить. Вот только сколько надо нарожать, чтобы слюбилося, никто не знает. Но один ребенок, точно, не поможет. Мне надо было, наверное, с десятком... А потом я вышла после декретного на работу. Коллектив у нас в лаборатории в то время был сугубо мужским, интеллектуальным, эрудированным, ты бы в нем своим был. И я среди моих лобастеньких — одна-единственная женщина. Причем очень даже симпатичная... Ты же согласен, я была не красавицей, но интересной... Не стану скрывать, вниманием не была обделена, более половины из умненьких были женаты на науке, а оттого юридически свободны и внимательны. Я для них стала олицетворением любимой во плоти. И отец моего сына это почувствовал, начал меня ревновать. Я, дурочка, в свое время ему о тебе много рассказала, думала, не должно быть от своей половинки тайн. А тут и тебя начал недобрым словом вспоминать, и коллег в любовники поголовно произвел. Обидно было до того, что хотелось порой рога ему наставить, тем более, было с кем, но воспитание сдерживало. И его жалела. У него на работе ничего не ладилось, все с начальством конфликтовало. Считал себя обиженным, не оцененным. А если честно, не умел он работать. Дома если гвоздь забивал, обязательно по пальцу попадал. Я долго терпела, но когда он меня ударил, выставила. Сыну два года было... Вот такая у меня арифметика семейной жизни: два года хоть и не душа в душу, но ровно прожили, год терпела и жалела, а потом еще год разводилась... Ладно, на сегодня довольно, ложусь спать. Попробую тебя увидеть...

Пояснение. До этой картины герои появлялись порознь. Теперь постоянно видны две половины сцены, кабинет и комната, и пока один из героев говорит, второй живет своими повседневными заботами. И монологи превращаются в диалог.

ОН

Мужчина только что прочитал письмо. Видно, что-то его зацепило в нем, и он, расхаживая по кабинету, отвечает.

— Ты права, нынешнее поколение двадцатилетних отличается от нас, какими мы были в их возрасте. Мы жили чувствами, а они — глазами. У нас было множество запретов — у них практически никаких. Нас опекали и воспитывали с малых лет в садике, школе, институте... Да и потом... Только другими методами... И за непослушание — наказывали... Они же росли сами по себе, как сорная трава, пока мы, взрослые, совсем забыв о них, были одержимы желанием разбогатеть. В нашу молодость все вокруг было стабильно и застойно, отчего мы жили большими и дальними планами и верой в лучшее будущее. У них — перемены каждый день до полной дезориентации. Будущее туманно и неопределенно настолько, что планы строить нелепо. У нас, в прошлом, было все незыблемо и прочно. У них, в настоящем, шатко и переменчиво. Малой части общества перемены пошли на пользу, я не имею в виду обогатившихся казнокрадов, от богатства материального как раз никакой пользы душе. Я имею в виду ту малую часть, которая получила более ценное, чем деньги, — доступ к ранее закрытой информации. Той, что возвращает наше общество из тупика безоглядного служения одной идее к постижению логики развития всего человечества.

Поэтому не буду спорить, да, мы жили в резервации, называемой социализмом, до отупения штудировали марксизм-ленинизм исключительно по критическим статьям прирежимных идеологов, которых учеными, естественно, назвать нельзя, тайно изучали чуждые нам философии. Но это вытаскивание истины из-под напластований изощренной лжи развивало в нас интуицию, заставляло достраивать логические цепочки, учило независимо мыслить. Литература, искусство этого периода, называемые социалистическим реализмом, достигли истинно творческих высот. Я не беру во внимание графоманию и псевдохудожественное ремесленничество партийного прославления, как правило, заурядных, но обласканных властью конъюнктурщиков. И

взаимоотношения мужчины и женщины, как тема, обложенная запретами менее всего, была изучена искусством более всего. Запрет, конечно, был и здесь. Например, запрет опускаться в творчестве ниже пояса. Но ведь это как раз и возвышало, идеализировало отношения полов! Именно это и поднимало подростка на уровень постижения главенства в любви духовной близости, когда астральная энергия двух людей соединяется, когда Он и Она становятся действительно нераздельными половинками, из которых Бог создает единое целое! Физическая близость вторична, и она, чудо физического единения, слияния, есть следствие духовного слияния, реализация Божьего промысла... Отсюда уважение друг к другу, возвышенность отношений. Это Божий дар влюбленным — возможность постичь тонкие материи бытия в высшую точку чувственной любви... У нас в общегитии был один-единственный сокурсник, который называл девушек телками и видел в них исключительно источник удовлетворения физиологических потребностей. Фактически он тем самым принизил себя до животного, до быка-производителя... И мы его терпели, но не понимали.

Более всего мне не хотелось бы верить в фатальную неизбежность конфликта поколений. Как-то не лежит к этому душа. И я не скажу, что наши дети хуже нас. Они просто на иных тренажерах накачали другие мускулы... Мы — многообразие чувственного восприятия мира. Они — визуально-виртуальную эрудированность... Конфликт поколений заключается в избирательном освоении информации и жизненного опыта. А еще в разновеликом временном резерве понимания жизни. Погоня за материальными удовольствиями этот резерв уменьшает. Во всем остальном человек неизменен со дня творения, как бы ни нравилась многим нелепая гипотеза Дарвина... Отсюда следует, что информация столь же материальна, как те же электрическое или магнитное поля, которые мы так же не видим. А время жизни каждого — это способность осмыслить определенный, только ему доступный объем информации. В этом, кстати, истинная индивидуальность каждого, а не в стремлении отличиться внешне. Вот только не знаю, информации усваиваемой или же выдаваемой в ноосферу... Повидимому, важно и то, и другое в равной степени... И измерять ее следует в килобайтах, мегабайтах или в чем-то другом... Впрочем, я не силен в этих терминах, тебе они понятнее...

Мы с нашим чувственным восприятием противоположного пола и окружающего мира, с нашим жизнелюбием, им, нашим детям с очевидным прагматичным и порой циничным подходом даже к непреложным ценностям (кстати, сформированным невниманием с нашей стороны), им, пережившим духовную деформацию, даже деградацию, порожденную девятым валом негативной информации, непонятны. Это больно, но это надо признать.

Мой недавний шапочный знакомый, столичный издатель, выпускающий жвачное и развращающее чтиво, не имеющее никакого отношения к истинной литературе, осознавая это, сохраняет собственное духовное здоровье следующим образом: утром и вечером, на сон грядущий, как противоядие, прочитывает по несколько страниц классики. Я все хочу спросить лицемерного отравителя: он верит, что богатство, нажитое подобной деятельностью, сделает его самого, его детей, внуков счастливыми?.. Он что же, забыл об обязательной расплате вплоть до четвертого колена?

Мне нравится версия о том, почему в Раю Адаму запрещено было вкушать плод древа Познания, в которой запрет обосновывается духовной неготовностью первого человека правильно распорядиться полученным знанием. Мне кажется, нынешнему поколению молодых подкинули плод новых знаний, не подготовив их духовно. И в том, как они поняли вкус отведенного, не их вина... В этом их крест, и очень нелегкий. Вот отчего я не тороплюсь их обвинять, хотя проще всего пойти по привычному пути восхваления собственной юности, а значит, и своего поколения, и себя, это ведь придает силы... Мы ведь черпаем жизненную энергию как из будущего бессмертия, так и из прошлого жизненного опыта... А еще хаять приходящих тебе на смену — это

вполне естественно и объяснимо: кому хочется покидать лучший мир, а из худшего не жалко и уходить...

...Извини, если мудрено. Выплеснулось. Последнее время много думаю об окружающей бездуховности, завышенных претензиях бездарей, гламурной мишуры, накрывшей все таким толстым слоем, что истинного уже почти не видно. Но, может, так и должно быть. Господь ведь любит каждого человека, а значит, все, что происходит с нами плохого, как нам кажется, сегодня, обязательно обернется лучшим в будущем. Моя бабушка говорила: все, что делается,— к лучшему. Она была верующей, а я пионером-атеистом. Не соглашался. Спорил. А теперь вот признаю, она была права... Конечно, приятно и комфортно, когда в стране есть миллионы людей, читающих толстые журналы или любящих, понимающих искусство и его значение, как это было в огромной стране Советов. Но так ли уж плохо, если их тысячи?..

Нет, конечно плохо... Атмосфера удушливая... Хочется свежести, очищающей грозы... Но это другая тема...

В твоём альбоме я не увидел фотографии твоего мужа. Я не говорю об отце твоего сына... Я сам тоже не праведник и знаю, что такое ревность, но унижить любимого человека словом и тем более насилием — значит уничтожить все отношения... Думаю, ты была права, что ушла. И наверное, ты его не любила... Но с тех пор столько лет прошло... Твоему сыну уже под тридцать?

ОНА

Все это время женщина, лежа на постели, читала толстую книгу, порой пролистывая страницы, забегая вперед и возвращаясь обратно, порой задумываясь, откладывая в сторону, иногда недовольно морщась. Наконец закрывает книгу, поднимается, выходит из комнаты. Возвращается одетая в строгий костюм, явно собираясь уходить. В это время звонит телефон. Снимает трубку.

— Привет, подруга! Хорошо, что позвонила... Как живу? Замечательно!.. Слушай, у меня уже несколько дней праздник. Какой?.. Я свою любовь нашла!.. Да нет же, я не о старичке каком-нибудь, не радуйся... И при чем здесь Маркович? Он никогда мне не нравился... Ну и что, что прежде иначе говорила, это я аутотренингом занималась, настраивала себя, чтобы в первую ночь с кровати его не столкнуть... Зачем?.. Не задавай глупых вопросов. Ты не знаешь, каково с нелюбимым любовью заниматься. Скажи спасибо, что я тебя в свое время уберегла, для Гаврика сохранила. Он тебя всю жизнь на руках носит, да еще и собственную карьеру умудрился сделать. А вышла бы тогда за моего красавца, сейчас созерцала бы неудачника...

Ладно, закроем тему, действительно. Но это из Гаврика тебе удалось вылепить, что хотела, а из моего ревнивца замучилась бы... Да, живет один, последняя его тоже выгнала. А может, сам сбежал, не уточняла. Давай лучше не будем о нем, иначе мы с тобой разругаемся...

Слушает долгий монолог. Наконец, не без раздражения, перебивает.

— Так, подруга, или ты меня слушаешь, или я умолкаю... Да, наконец-то ты угадала, я нашла своего Командира... Ну, вот видишь, сколько сразу вопросов. Где живет, пока не знаю, но, судя по всему, в России. Выглядит просто замечательно. Да, седовласый, немолодой, конечно. Но очень импозантный... Сама сходи в Сеть, посмотри...

Олечка, я не хожу по сайтам голых мальчиков. Меня глупые носители единственного мужского достоинства, писюна, не возбуждают. В отличие от тебя. Мы с тобой эту тему уже обсуждали. Я люблю настоящих мужиков или мудрецов. Седина и тем, и другим идет... Именно поэтому я в свое время Игоря Иосифовича и приняла, ты совершенно права... И, между прочим, с ним мы прожили хоть и недолго, но счастливо. В отличие от твоего расхваленного Томазика... Ну хорошо, не твоего, не твоего... Нет, я не виню вас с Гавриком, вы, конечно, от всего сердца добра желали, я просто констатирую факт по прошествии времени... Опять мы ушли с то-

бой от главного... Как от чего? От моей любви... Да, женат. Ну и что?.. Естественно, отозвался, мы с ним переписываемся...

Ты знаешь, мне что-то расхотелось с тобой делиться. Ты звонишь по делу или просто так?..

Когда в столице буду, пока не знаю, шеф командировку отложил... Сын вот собирается... Я его отговариваю, но он у меня, сама знаешь, упрямый, настроился покорять столицу. Ты за ним там посматривай, хоть он и большой вымахал, но ребенок. Слушай, я уже совсем опаздываю... Целую, подруга. И Гаврика за меня чмокни. Пока, пока.

Кладет трубку и выходит.

ОН

Все это время мужчина в своей комнате, обложенный книгами, что-то читал, делал пометки, записывал. От этого занятия его отвлекает телефон. Он медлит, потом все же снимает трубку.

— Да, родная... Уже так поздно?.. Заработался. Муза гостит. Она ведь приходит не тогда, когда хочешь, а когда снизойдет. Вот заглянула, я все дела в сторону и внимаю...

Ладно, не ревнуй. Подобная измена позволительна и ни капельки не обидна ни для кого... Нет, я не голоден... Чувствую себя замечательно. Ты знаешь, я все более убеждаюсь: когда человек чем-то увлечен, он здоровеет. И когда у него много желаний. Я думаю, женщины живут дольше мужчин потому, что у них изначально гораздо больше желаний. Одежда, украшения, дети, дом, путешествия... Это самый короткий список того, чего желает женщина. Кроме мужчины, естественно. Хотя вы не заиклены на мужчинах, как мужчины на женщинах. А у мужчин всего два желания — женщины и хобби. Правда, иногда хобби — это тоже женщины. И когда они, то есть мы, перестаем ощущать в себе позывы самца, никаких желаний больше не остается. И смысла жить тоже...

Нет, я не о себе, ты же знаешь, у меня желания не пропали...

Да, согласен, все болячки от безделья и от грехов. Но эта тема нам неинтересна, мы еще не в том возрасте... Я вот недавно пришел к выводу, что поэзия — это отнюдь не пища эстетов, она имеет свое сугубо прагматичное предназначение. Она является тем самым реактивом или абсорбентом, который очищает словесную атмосферу, информационное поле, ноосферу... Нет, не фильтр, а именно реактив, который уничтожает скверну, выбрасываемую людьми в духовное поле. Помнишь, как в Библии: «Не то, что входит в уста оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Поэзия, только настоящая, не графомания, которой особенно много в интернете,— это противоядие пошлости, той, что сегодня правит бал. И я читаю поэзию молодых и начинаю верить. Они преодолеют это искушение падения...

Да, конечно, не по телефону. Это я по инерции, пока муза...

Да, скоро закончу. К ужину буду. Пока, родная...

Кладет трубку и тут же набирает номер.

— Привет... Прочитал твою статью в Сети... Да, да, получил истинное удовольствие. С первой строки все аргументированно, логично, интересно. Недостигаемая планка для нынешних самозванцев, умеющих более-менее связно изложить на бумаге только то, что перед глазами...

Нет, я не утрирую. Я делаю выводы из ежедневного наблюдения за моими студентами...

Да, согласен, сегодня они уже начинают кое-что понимать, не сравнить, какие приходили и уходили неучами с дипломами лет пять назад. Сейчас уже многие понимают, что диплом без знаний может пригодиться разве что в чиновничьем кабинете. Вот по этой причине такая огромная очередь в эти самые кабинеты и выстроилась...

Да, я тоже не завидую государству, в котором подобные недоучки будут исполнять властные функции...

Нет, я не жалею власть, ты знаешь, я никогда с ней не дружил, а она меня не привечала ни прежде, ни сейчас...

Да, бездарная... Но каков народ, такова и власть... Ты же знаешь, я принципиально против баррикад. Любая революция выносит наверх не лучших. Я думаю, революция — это не прогрессивное деяние, а инструмент реализации тщеславия, жадности, зависти. Это когда неприглядная изнанка становится лицом...

А в чем, по-твоему, роль личности?..

Это миф! С моей точки зрения, роль любой великой или, как нынче принято говорить, харизматичной личности — это всего лишь функция дирижера, и не более того. Пьеса уже написана, рано или поздно оркестр и сам сыграет данную свыше музыку, дирижер лишь расставляет акценты... Да, это тоже имеет значение, но в принципе содержания не меняет...

Хорошо, не будем дискутировать. Я, собственно, звоню, чтобы сказать, что твоя статья очень пришлась. И к месту, и ко времени. Наверное, не я один позвонил... Вот видишь... Все-таки думающие в обществе еще остались... Да, надо бы встретиться, посидеть. Будет свободное время, звони...

Отодвигает телефон на край стола, кладет перед собой раскрытую книгу, начинает читать, держа карандаш наготове.

ОНА

Во время его монолога она то заходила в комнату, то уходила, занятая своими делами. Теперь уже в домашнем халате, садится перед ноутбуком.

— Да, не буду скрывать, флиртвала пару раз... Ну, может быть, три-четыре... Разве не имеет права молодая и симпатичная женщина позволить себе эмоциональную встряску?... Тем более, после почти двухгодичного сидения дома, когда в твоём мире только муж, к которому еще толком и привыкнуть не успела, ожидание ребенка и ребенок... Бессонные ночи, пеленки, изменившееся тело, с которым уже не рискуешь идти в горы. Два года заточения в четырех стенах, череда однообразных забот — и вдруг новые лица, внимание, которым ты была обделена, потому что этого внимания требовали от тебя. Это то же самое, что выйти из тюрьмы... В конце концов, безобидный роман — это восстановление, реабилитация чувств. Почему мужчины считают собственные изменения неизбежным спутником семейной жизни, а женщинам в этом праве отказывают? К тому же флирт — это никакая не измена. Даже если и поцелует кто-нибудь пару раз или в порыве страсти залезет под юбку...

Зачем мы это позволяем?.. Потому что женщине приятно, когда она желанна. Даже если мужчина ей не очень нравится. Женщина может многое позволить, но близости нежеланному никогда не разрешит. Рога женщина наставляет, если совсем перестает уважать мужа, а флиртует, если ревнует или добивается того, что ей хочется получить от мужа. Но ей нужно, чтобы муж сам догадался о ее желаниях. И, между прочим, умные мужчины об этом догадываются. Если действительно любят свою жену, а не себя и свои желания...

Почему мы не торопимся своих любовников переводить в ранг мужей? Все по той же причине. Пока он не узаконил свое право на сексуальную собственность, он желания женщины чувствует. А потом только свои.

Нет, ты не думай, что я грешна, поэтому оправдываюсь. Ничего у меня с коллегами не было. Кроме поцелуйчиков и обжиманий после корпоративных застолий. Но мой красавец все дулся и дулся, обиду лелеял. Вечно недовольный... Только сын и выручал. С работы заскочу в садик, расцелую моего краснощекого, он мне свои новости пролопочет, я ему — свои, даже самые сокровенные, все равно ведь не понимает, и не торопимся к его отцу. В хорошую погоду шли по городу гулять, в плохую заходили в кафе или магазин «Детский мир»... И даже в этом случае мой благоверный умудрялся ревновать, кричал, что я прикрываюсь ребенком... Ты знаешь, как противно слащав он был, когда расспрашивал сына, с каким дяденькой я встрелась. Мне в эти минуты так хотелось его ударить...

Нет, не хочу даже вспоминать. Я лучше дальше полистаю страницы моей ненаписанной книги. Черная полоса ведь обязательно сменяется белой, как в той песне из нашей юности. Про зебру. Помнишь?..

И я не помню. Нам с тобой нравилась тогда другая.

Уходит и возвращается с гитарой. Садится на кровать, настраивает и негромко поет.

— Призрачно все в этом мире бушующем.

Есть только миг, за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется жизнь.

Вечный покой сердце вряд ли обрадует,

Вечный покой для седых пирамид,

А для звезды, что сорвалась и падает,

Есть только миг, ослепительный миг...

Откладывает гитару, возвращается к ноутбуку.

— После того как развелись, он еще долго меня преследовал. То у конторы или подъезда поджидает, то возле садика... Сначала трезвый, а потом все чаще пьяный. Даже, представляешь, пытался изнасиловать в подъезде... Пришлось писать заявление в милицию, в партком. После этого надолго исчез, уезжал на Север. А к нам новый заведующий лабораторией пришел. Старого на заслуженный отдых проводили. А Игорь, Игорь Иосифович... мужчина в самом соку, сорок пять лет, умница, интеллигент в третьем колене. Ни на тебя, ни на бывшего мужа совсем не похож. Не философ, не красавец, но обаятельный и внимательный. Естественно, женат, двое уже почти взрослых детей...

Ладно, не буду идеализировать, не красотой силен мужчина. Был он маленький, лысенький, деликатный до абсурда, стеснительный, как мальчик. Жене своей за все совместно прожитые годы ни разу не изменил. Она у него единственная женщина и была. До меня.

Да, инициатива была моя. Знаешь, Командир, порой женщине надоедает, когда ею командуют, хочется самой покомандовать... Я его в кабинете соблазнила. И не скрою, сама тогда получила удовольствие. Наверное, от новизны ощущений. Мой бывший, как правило, особо не мудрствовал, сам быстренько страсть свою удовлетворял и засыпал. Даже не интересовался, хорошо мне или нет. А тут полная противоположность, раздевает, а в глазах вопрос: хочу ли? Обнимает и интересуется, не больно ли... И все говорит, говорит, какая я красивая во всех местах и умная. Умная, естественно, только в одном месте... Как он меня любит, как без меня жить не может...

Берет гитару, напевает.

— Есть только миг
между прошлым и будущим.

И этот миг
Называется жизнь...

Откладывает гитару.

— Мы с ним так, душа в душу, пять лет прожили. Сначала по вторникам и пятницам, потом совсем ко мне переехал, на развод подал. Только все налаживаться стало, сын с ним подружился, мой бывший успокоился, с Севера жену себе привез, а он возьми да и скончайся в одночасье... Можно сказать, на моих руках. В райком партии вызвали, пришел расстроенный, все валидол сосал... Не помогло. До больницы не довезли... Вот так моя светлая полоса и закончилась.

Вспомнилось, взгрустнулось...

Ты знаешь, Командир, он меня научил уважать не только мужчин, но и себя. Если быть честной до конца, то после развода я почти стала мужененавистницей. Если бы не Игорь Иосифович, сейчас бы ярой феминисткой была. В первых рядах нашего

отечественного, а то и мирового, бабьего сумасшествия... Хотя нет, не была бы, я категорически против однополых браков. Вот таких извращений не понимаю. Ну, нет у тебя мужичка, некрасивая ты, уродина даже, так найди какого-нибудь завалашего, их нынче пруд пруди, за бутылку на все согласны. А деньги есть, так любого отборного самца найти не проблема, найди и оплодотворись. И свою бабью функцию исполнишь, будет у тебя забота до конца жизни. Можно, конечно, и искусственно осемениться, но лучше все же от живого мужичка. Так естественнее.

Сейчас среди молодежи в ходу прозвище «ботаник». Не слышал?.. Я от моего сына в свое время услышала. Оказывается, нынче признавать естественные отношения между мужчиной и женщиной — это значит быть «ботаником», или натуралом. И это не модно. Представляешь, как обрабатывается сегодня молодежь, чтобы утратить способность любить?.. Хорошо, сын у меня стопроцентный мужик, а вот у одной знакомой сын, моему ровесник, в платя мамины переодевался, на каблуках учился ходить. Пока маленький был, смеялись. А вырос, геем стал. А он у них единственный. Продолжатель рода, фамилии. Мать и отец в трансе. Не выдержали общественного давления, уехали куда-то все трое.

Ладно, не хочу больше о грустном.

Пока, Командир.

ОН

— В языческой юности я идеализировал женщин. Это диктовал сублимационный возраст, половое влечение. Но не только оно. Все же мы, мужчины и женщины, разные хомо сапиенс, в этом я, уже находясь в зрелом возрасте, не сомневаюсь. Вероятнее всего, мы антиподы, плюс и минус, если исходить из теории полярности всего сущего. Для нас вечная и нераскрытая тайна — женская душа, для вас — мужская. И вот это неведомое и отличное от собственного «я» и тянет нас друг к другу.

Нет, пожалуй, я не прав, юность не языческая... В юности мы все близки к Богу, как никогда. Ближе, чем даже в пору рассудочного понимания его реальности. Это период, когда мы неудержимо творим энергию любви, единственное, что Ему нужно от нас. Любовь в эти годы столь сильна, что ее хватает на все вокруг: на мир, созданный Им, на себя и себе подобных. И даже на не очень похожих. И совсем не похожих... А Он взамен дарит нам неосознанное понимание нашего бессмертия... Которое мы потом размениваем на рассудочные измышления, лжеоткрытия и раздувание собственного тщеславия...

Впрочем, я отвлекся. Вернемся к роли женщины в нашем подлунном мире. Мое преклонение перед ней все еще в силе лишь по одной-единственной причине. Потому что любая женщина для кого-то является матерью... Не мужчина зачал, но женщина родила Иисуса, Богочеловека... Но порой рожденный ею склонен унижать и даже ненавидеть сосуд, в котором обрел нынешние очертания...

В юности мне как-то не пришлось Шопенгауэр, а тут недавно наткнулся на книжечку, рассчитанную, как я понимаю, на любознательную молодежь. Там есть такие строки.

Он читает из книги, а на экране возникает прочитанный текст.

— «...коренным недостатком женского характера является несправедливость. Она проистекает ближайшим образом от указанного выше недостатка в разумности и сообразительности, но к тому же поддерживается еще тем обстоятельством, что они, как слабейшие существа, одарены от природы не силою, а хитростью: отсюда их инстинктивное лукавство и непреодолимая склонность ко лжи... Поэтому притворство в ней есть врожденное качество и свойственно почти в той же мере как умной, так и глупой женщине...»

Нет, Шопенгауэра после прочитанного я не зауважал и согласиться с этим выводом не могу, но «склонность ко лжи» у современных женщин, мне кажется, в какой-то мере присутствует. Особенно это заметно в нынешнем обществе, когда реко-

мендации, как обмануть окружающих посредством пластических операций и прочих достижений косметики, мы видим и слышим ежедневно. Но, поверь мне, мужчине совсем не хочется знать обратной стороны женской красоты или очарования, и раскрывая ему всю подноготную этой науки оболъщения, творцы подобных телесюжетов формируют не восторг созерцания и уважения, а неверие, неискренность в отношениях, желание выяснить еще вечером, что он увидит рядом с собой утром. Сама того не желая, приукрашивая и изменяя себя, женщина стимулирует потребительское к себе отношение. Такое же, как к любому товару, вещи, от которой при ненадобности или же когда надоест можно легко избавиться. Вот отчего общество потребления, я в этом убежден, не освобождает женщину от мужчины, не добавляет ей независимости, а делает ее рабыней. И интуитивно понимая это, не получая от мужчины желаемого внимания и обожания, она предпочитает общаться в кругу себе подобных, где макияжное равенство создает иллюзию самодовольного благополучия. Отсюда, кстати, и подпитывается феминистская философия самодостаточности существования в границах одного пола.

Впрочем, хочу привести еще одну цитату того же Шопенгауэра.

«Так как женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение, то они постоянно и живут более в роде, чем в индивидуумах, и дело рода принимают серьезнее к сердцу, чем индивидуальные. Это придает всему их существу и поступкам известное легкомыслие и вообще в корне отличное от мужчины направление, которое и обуславливает столь частый и почти нормальный разлад в браках».

Примечательное положение, но вот вывод несколько неожиданен. Я более склонен думать, что назначение жить делами рода свидетельствует о способности женщины исполнять социальное предназначение. К тому же подобная склонность свидетельствует о предпочтении женщинами монархического или единоличного правления, будь то род или страна. И, может быть, мы находимся в начале того процесса, когда именно женщины заменят мужчин в управлении государствами. Пока это единичные примеры, но они уже есть.

Впрочем, можно согласиться и с выводом Шопенгауэра. Действительно, когда расхождения в устремлениях столь велики, как сегодня, когда мужчина озабочен карьерой, богатством и развлечениями более, чем сооружением семейного очага, а женщина все же тяготеет к созданию семьи, укреплению родственных связей и даже в какой-то мере самоизоляции рода от опасностей общества, браки распадаются в пугающих размерах. И именно сегодня мы это видим в нашем обществе...

ОНА

— Ты хочешь, чтобы я обозвала этого женоненавистника болваном, ничего не понимающим в женской душе?.. Господи, отчего все мужчины так похожи на павлинов?! Командир, я тебя в виду не имею. И Шопенгауэра твоего обзывать не стану, пусть продолжает смущать умы других. А вот с тобой соглашусь, ты ведь всегда был умнее меня. Действительно, в юности мы все хотим и умеем любить. Но и не только в юности. Во всяком случае, мы, женщины, служим любви всю жизнь. Любовь — это суть женщины. Нам обязательно нужно, чтобы любили нас и мы кого-то любили. Родителей, мужчину, ребенка, собачку, кошечку, птичку... И если уж любить не получается, то можно жалеть... Я долго своего бывшего жалела. И на работе его не ценят, и ничего по дому не умеет, яичница, и та у него обязательно пригорала. Жалела до последнего. А когда осталась вдвоем с сыном, поняла, что напрасно. А выла я по ночам, когда не стало Игоря Иосифовича... Знаешь, как воют одинокие бабы?.. Наверное, я бы выла и когда ты ушел, но я тогда еще не умела этого делать. Ты только сегодняшних женщин, особенно молодых, не вини. Не они ведь себя в товар превратили, общество из них этот товар вылепило. Общество, в котором правят именно мужчины...

Дурак этот философ, ему не дано было понять женщину. Не было бы у меня о ком заботиться, может и отправилась следом за Игорем Иосифовичем... Хотя нет, не стану лукавить, хоть и любила его сильно, но я все-таки виталистка. «Ботаник» я, все естественное вокруг люблю, жизнь люблю... Да тут еще время перемен наступило...

Как ты пережил его?

Лабораторию нашу прикрыли, нас всех, включая гениев, вышвырнули на улицу. Без денег, но с ваучерами. Помнишь этот глобальный обман всякими, вот уж, действительно, хитрыми да лживыми, даже мужиками их называть не хочется. Лысыми, рыжими, сладкоречивыми прохиндеями. Думаю, неподъемный на них груз проклятий наших лежит. Аукнется он рано или поздно, если не на них самих, то на детях, внуках...

И пошла я, кандидат наук и женщина в полном расцвете сил, между прочим, тогда по всяческим кооперативам посуду да полы мыть. Через одного эти новые хозяева жизни предлагали на содержание перейти. И среди них были не только воры социалистической собственности, легализовавшие наворованное, да бывшие уголовники, общак наработывающие, были и отборные экземпляры умных и умеющих дело делать, вполне приличные. Но подруга правильно диагноз поставила: у меня к ним врожденная классовая ненависть. Так что немало мест поменяла, кое-кого чем под руку попадало приводить в чувство пришлось. А сын подрос. Жить надо было, зарабатывать. В «челноки» подалась.

Не пришлось тебе эту профессию осваивать?.. Догадываюсь, что нет. А я, между прочим, могла бы докторскую написать. Причем на любое звание: экономических, юридических, философских, психологических наук... Это, Командир, отдельная песня моей жизни. И чего только в ней не было... Хотя одного точно не было — ни под кого я не ложилась. Надрывалась, материлась, курить научилась, пить не только шампанское, мерзла, перегревалась, в мегеру превращалась, в бабу-ягу... Когда очнулась через пару лет, скопив кое-что, разглядела себя в зеркале, не поверила, что кандидат наук, что когда-то платья да юбки носила, в театры, на концерты ходила. И вдруг поняла, что еще немного и доживу до амнезии, совсем забуду свое прошлое, продолжу изучать мир по барахлу, которое человечество научилось производить себе в тягость. Но главное, сына потеряю. А он уже у меня парнем стал, оценки безжалостно всем взрослым, и прежде всего родне, выставлял. Бабушка с дедом, на которых я его оставляла, уже для него не авторитет. Да и старенькие стали, куда с оболтусом под потолок ростом справиться. Ну, а мать-челночница, с которой покурить можно да стопарь на равных опрокинуть, тем более не авторитет. И никаким примером для подражания быть не может. Ни как личность, ни как женщина. А отец вроде и рядом, в одном городе проживает, только он и в лучшие времена сыном не интересовался, а теперь сам с трудом выживает, волчье время наступило...

Я тогда за все годы челночества, и даже вперед, все слезы, какие отпущены были, выплакала. Поэтому сейчас только смеюсь...

Долго мы с ним чужими были, пока не вспомнила я себя прошлую. Помогло, что нефтяники продавать страну начали. Компьютеризация грянула, специалисты понадобились. Кое-кто из моих бывших коллег быстро сориентировался. И обо мне вспомнили. Пришлось идеологию подальше запрятать да и податься прислуживать олигархам-космополитам без роду-племени...

Но это уже, как принято нынче говорить, совсем другая история.

ОН

— Я думаю, что нам повезло. Не будь этого самого времени перемен, о чем было бы вспоминать в конце жизни? О том, что исправно служили партии, ведущей страну невесть куда? Делились бы опытом рабского послушания с подрастающими поколениями? Или же исходили желчью по поводу нереализованных желаний и невостремленных талантов?..

Впрочем, скорее всего, такой спокойной старости, с раздачей воспоминаний, у нас не было бы, потому что экономика гигантской страны в восьмидесятые уже дышала на ладан. Ты ведь не забыла пустые магазины и тотальный дефицит на все, что необходимо человеку?

Я более склонен верить тем, кто предрекал полное раздробление не только огромной империи, но и России, и жестокую драку за ту же жратву на ее территории. И, может, на это как раз и надеялись те, кто заботился о будущем золотого миллиарда, кому просторы России виделись всего лишь огромной кладовой с немногочисленным обслуживающим персоналом.

Но я не сторонник клеветать падший социализм, как и не склонен петь панегирики обществу массового жевания, в котором мы сегодня очутились. На мой взгляд, нам нужно вернуться и взять ту культуру и человеческие отношения, которые были в Советском Союзе, и к ним добавить то материальное изобилие, на которое мы в свое время, польстившись, их разменяли. Но изобилие без всяких излишеств. И без обожествления денег. Без деградации, которая сопутствует этому миру поклонения вещам. Идеология бездумных прожигателей жизни или тщеславных денежных ослов нам не нужна.

Ты права, тем, кто нынче кичится наворованными богатствами и уповает на недостижимость, отзовутся проклятия народа. Они, ослепленные тщеславием, не понимают, какой крест несут здесь и понесут там... Но, я догадываюсь, ты все равно не склонна их жалеть. И тебе все равно, что будет с ними или их потомками в будущем, ты хочешь справедливости сейчас. Я бы тоже хотел, чтобы опять страна стала культурной, читающей, думающей, здоровой, а не бравирующей набором матерных слов и накачивающейся пивом. К сожалению, из одной крайности мы бросились в другую. При социализме мы были зашоренные рабы идеологии, нынче — обескультуренные рабы вещей и развлечений...

Я тоже не люблю олигархов и тех, кто сегодня спрятался за охрану и стены особняков, полагая, что тем самым спасут себя. И никто, кроме них, не оспаривает тот факт, что они украли у народа его собственность. Тем более, что эти скороспелые миллионеры уже продемонстрировали свою бездарность, свою способность создавать видимость умения управлять делом. И я их тоже ненавижу. Но не столько за воровство, воры всегда были, сколько за многолетний пример для подражания. В сочетании с купленной властью. У нас в городе долгое время правил мэр-вор. Довольно молодой, но быстро научившийся добиваться власти и отхватывать от общего бюджетного пирога. И главная беда не в том, что он отщипывал из наших карманов, беда в том, что за годы правления он собрал вокруг себя способных учеников, сумел закрепить в народе неверие в законы, власть, справедливость и разнес по городу вирус лицемерия и позволительного безнаказанного наглого воровства. Потом он кинулся в бега, спрятался где-то за границей, кажется, его там поймали, но мало кто верит, что его привезут в город на публичную казнь. Больше в то, что где-то в непрозрачных коридорах столицы оберут как липку похожие на него и, если он владеет опасной для них информацией, нейтрализуют, как принято нынче выражаться, а если нет, пристроят по специальности, но уже в роли чьего-либо раба.

И, тем не менее, не могу с тобой согласиться, что тебя и тех, кто когда-то, начав с кооперативного кафе или цеха, собственной газеты или киоска, а сегодня имеет собственное, созданное действительно талантом, трудом и пОтом дело, разделяет классовая ненависть, через которую не перешагнуть. Согласись, в революционные годы перемен немало было и тех, кто благодаря именно падению партийного диктата начал реализовывать давно выношенные собственные идеи, которые социализмом, увы, не были востребованы. Был все-таки период настоящей свободы, ничем и никем не ограниченного творчества, возможности реализовать себя! Вдруг оказалось, что помимо магистральной идеи построения коммунизма в постоянно отдаляющемся бу-

душем у каждого, а если не у каждого, то у многих, есть своя заветная идея. У кого-то — вкусно кормить людей. У кого-то — шить хорошие костюмы. У кого-то — внедрить свои изобретения. У кого-то — выпускать газеты и книги. Другое дело, что очень скоро это многообразие целей и желаний подменилось одной-единственной целью, на смену идее коммунизма для всех граждан отдельно взятой страны пришла идея материального богатства для отдельно взятого человека. По сути та же самая идея рая на земле, только выхолащенная до абсурда.

Да, сегодня очевидно: большинству выстроенное нынче не нравится. Но и возврата к старому нет. Нам предстоит взять лучшее из прошлого и настоящего. И скрепить все это любовью. И здесь первые роли — женщинам...

Кстати, о Шопенгауэре. Похоже, наши телепродюсеры прошли выучку у верных последователей этого философа, признающего зло категорией позитивной, ибо неукоснительно и с особым рвением воплощают его положение о том, что *«самое действительное утешение в каждом несчастье и во всяком страдании заключается в созерцании людей, которые еще несчастнее, чем мы...»*

К счастью, я не отношусь к его приверженцам и стараюсь не смотреть телевизор и радоваться жизни, какой бы она ни казалась...

ОНА

С этой картины действие вновь происходит поочередно на разных половинах сцены.

...На полу комнаты — раскрытый чемодан. Она стремительно перемещается по комнатам, заполняя этот чемодан и одновременно разговаривая по телефону.

— Да, не говори, вот так, с бухты-баракты. Вызвал, срочно лети, дорогуша, ты незаменимый человек. Используй свое обаяние и недюжинный интеллект... Ну, хорошо, недюжинный он не говорил, это и так понятно. Я ношусь здесь как угорелая, через два часа самолет, а ты меня по всяким пустякам отвлекаешь. Я звоню исключительно предупредить, чтобы вы не скрылись куда-нибудь... Гаврик не работает? Что, сократили?.. А... временно, фирма прикрылась. Ну и что же в другую не пошел, он у тебя такой специалист... Ну да, терять бонус никто не хочет, тем более такой... А что Командир? У него все в порядке... Да я не спрашивала, чем он занимается, мне это зачем?.. Ладно, подруга, скоро поговорим обстоятельно. До встречи.

Тут же набирает номер.

— Сынок, привет. Слушай и не перебивай. Я сейчас улетаю в столицу, в командировку, недели на две. Тетя Оля уже ждет. Если ты за это время закончишь свои дела, я тебя там встречу. С Ольгой все обговорю... Я понимаю, что ты не хочешь жить у нее, но на гостинице разоришься. И, между прочим, Гаврик у нее остался без работы, фирма прикрылась, а ты знаешь, какой он специалист... Нет, пока не ищет, в отпуске без содержания на неопределенное время. А что, ты к нему хотел?.. Ну, откуда я могла знать, ты ведь теперь с матерью своими секретами не делишься! Наташка еще не беременна?.. Разбежались?..

Перестает укладывать чемодан, продолжает, с трудом сдерживая обиду.

— За что ты меня так наказываешь?.. Как? Тебе уже тридцать, а мне за пятьдесят, я уже с маленькими нянчиться хочу. Ты знаешь, что бабушки с внуками переживают свою молодость?.. Ну да, откуда тебе знать. А я могу вовсе не узнать по твоей вине. От Ирины ты сбежал через полгода, а она мне, между прочим, нравилась. Со своей второй сожительницей даже не познакомил. А с Наташей все же два года прожили. *(Повышая голос)*. Я не даю и от первой встречной мне внука не надо, я с невесткой дружить хочу... Ну, все настроение испортил. *(Садится на кровать, продолжает просительно)*. Ты без меня тут заходи хоть через день. Мало ли, домушник приглядит или кран какой пробьет, придется за всякие евроремонты платить, не знаешь, что хуже... И я тебе обязательно позвоню, может не стоит пока и ехать... Уволился уже? А что, обратно не возьмут?.. Ну конечно, ты гордый... Действительно, чего уж теперь кулаками махать... Хорошо. Пока.

Кладет трубку. Открывает ноутбук, медлит, потом опять закрывает.

— А вот и не стану ничего сообщать. Посмотрим, Командир, на твою реакцию...

ОН

Мужчина наводит порядок на столе, раскладывая книги, папки, бумаги аккуратными стопочками. Пододвигает клавиатуру, но ничего не набирает. Звонит телефон. Снимает трубку.

— Привет, привет... Да нет, не сучусь, наоборот, неспешно собираюсь в командировку... В столицу, как всегда... Нет, не очень, за пару недель, думаю, справлюсь. Слушаю тебя... Да, получил... Нет, ты знаешь, подписывать это я не стану... Почему?.. Мы как-то уже на эту тему с тобой говорили... Да, можно сказать, мы вышли с тобой из одной шинели, в застойные годы одинаково мечтали о свободе, в девяностые были по одну сторону баррикад. И даже активно участвовали в смене строя. Не скрывал и никогда не буду скрывать, в то время я совершенно искренне пьянел от свободы, безумно желал демократии, как заждавшийся ласки мужик может желать сводящую с ума женщину. И в конечном итоге она, эта вожденная заграница, с ее кажущимся счастливым обществом, действительно многих свела с ума. Не обижайся, но и тебя тоже. Поэтому, несмотря на наше общее прошлое, не все, что ты пишешь, совпадает с моим пониманием сегодняшнего дня, и не все, что делаешь, я хочу поддерживать. Большая часть жизни у нас позади, делать новые ошибки нет времени, хватило бы его, чтобы исправить старые...

Не спорю, культ, застой и все, что с ними связано, было, но это вполне закономерное движение от единоначалия к тирании, а от тирании, как одной крайности, к коллективной безответственности, как другой. Как столь же естественно движение от нынешней импортированной демократии, которая по незнанию в годы застоя казалась нам золотым ключиком от тайной двери в страну счастья, к распаду страны и, в конечном итоге, хаосу. А хаос, в свою очередь, приведет к новому единоначалию, которое, опять же закономерно, закончится тиранией... Нет, это не я, это придумал Макиавелли. И хаос неизбежен. Если, конечно, мы не вернемся к Богу. Или не построим нечто вроде христианского социализма. Поэтому я против копирования чужого опыта. Вот такие мысли меня посещают последнее время. Не хочется больше с ветряными мельницами воевать. Хотя от руководящей и направляющей роли коммунистической партии я пострадал не меньше твоего, ты это знаешь. Я и сейчас готов повторить, что коммунисты наше поколение, да и не только наше, обокрали, не дав возможность в самые активные годы узнать то, что знал остальной мир. Но обвинять их теперь, по прошествии времени, во всех грехах я не хочу...

Да, сегодня я больше державник, чем демократ. Мне не нужна общая похлебка глобализации, даже если это неизбежное будущее, и, насколько могу, я буду от нее отмахиваться. И свобода вседозволенности и неуважения, нелюбви к себе подобному не нужны. И демократия, которая стимулирует эгоизм, лицемерие, обман, деградацию, безнравственность и бездуховность,— это не та демократия, к которой когда-то я так стремился...

Действительно, не будем дискутировать, слава Богу, во всем остальном мы понимаем друг друга. И я весьма демократично не отговариваю тебя от задуманной акции. Хотя не согласен, что гомосексуалистов надо уважать и разрешить им пропагандировать свой образ жизни. На мой взгляд, это даже не абсурд, который я не могу постичь, это грех, которого надо стыдиться, замаливать, а не кичиться им. Я, как просветила меня одна знакомая, по нынешним меркам «ботаник», натурал. И мимикрировать не собираюсь.

Довольно долго слушает монолог собеседника.

— Ну, не обижайся, я тебя в виду и не имел. Понимаю, политика — изначально безнравственное дело, а это твой электорат, причем активный, который к тому же имеет тенденцию к увеличению. Впрочем, как раз изначально, от Творца, политика,

как наука управления людьми, обществом, как раз была нравственнее всего остального. Но человек оказался более слаб перед искушениями, чем, наверное, мыслилось и Ему, и часто идет не по той дороге...

Да, не будем. Как твои домашние? Внуков добавилось?.. Это замечательно. Ну, вот видишь, твои дочери, как и положено им по Божьему промыслу, рожают будущих граждан... Это же прекрасно, что их политика совсем не интересует. Пусть наслаждаются собственной жизнью, это гораздо интереснее, чем пытаться учить жить других. Вот это, на мой взгляд, и есть истинная демократия... И тебе осуществления желаний.

Кладет трубку. Некоторое время задумчиво сидит, глядя перед собой, словно оценивая только что услышанное, потом выключает компьютер, бросает в портфель пару папок со стола, оглядывает кабинет и выходит.

ОНА

Женщина входит в комнату, ставит у двери чемодан, садится за туалетный столик. Отодвинув в сторону ноутбук, смотрится в зеркало.

— Вот мы и дома... Что ни говори, а хоть в гостях и хорошо, без забот, дома все равно лучше... Надо бы позвонить. Нет, прежде умыться, прийти в себя.

Открывает чемодан, достает оттуда яркий домашний халат, подумав, бросает его обратно, выходит и возвращается в махровом купальном халате. Набирает номер.

— Я уже дома... Да, долетели по расписанию. У вас все в порядке?.. Гаврик на меня не обижается?.. Ну и правильно... Ты там с моим наследником постройте, поняла, какой ветер у него в голове гуляет?.. Ладно тебе, москвичку. Да еще с квартирой и приличную. Не фантазируй! Таких всех, даже самых неказистых, еще в детском садике свои же разбирают. В вашей Москве на виду нынче все приезжие да ушлые... Кто, кто? Наша подруга, боевая провинциалка. Вот какая-нибудь залетная из тьмутаракани за столичного посчитает и поймает на бабье счастье... Да, мы с тобой этого не делали, потому что мы с тобой, подруга моя дорогая, при другом строе воспитывались. Мы с тобой верили, что с милым для счастья и шалашика хватит. И за ним можно хоть на край света топать. Ты что, забыла?..

А что, вот вы с Гавриком пошли на край света, рискнули Первопрестольную освоить, сколько лет-то по чужим углам мыкались, а теперь шалашик у вас вполне приличный. Я вот тоже побежала бы за Командиром в любую сторону. А нынешним сразу все подавай. Можно и без любви...

Ладно, завязываем... Это я расслабилась оттого, что никто не встретил. Раньше хоть сын радовал... Ты его там, смотри, не разбалуй... А Гаврик пусть не обижается, когда его фирма вновь заработает — неизвестно, у него хоть бонус впереди маячит, а у моего малыша ничего. Пусть устраивается куда-нибудь, не бездельничает. Все, подруга, целую. Если что, звони.

Кладет трубку. Включает ноутбук. Пока тот загружается, внимательно разглядывает свое лицо в зеркале. Щелкает мышью.

— Ах, Командир, Командир... Не любишь ты меня. Ни словечка... Вот возьму и обижусь... Только чего обижаться? У тебя — своя жизнь, у меня — своя. Вместе мы были один миг, порознь — жизнь... Я не гордая, напишу... Вон как по столичным кабинетам расстилалась, про годы забыла, обаянием очаровывала. Хорошо, мужчинки пошли сегодня преимущественно импотентные да замотанные, только и способны комплименты выслушивать да деньги брать. Это же надо, до чего дожили, баба мужикам комплименты раздает. Господи, и откуда столько альфонсов развелось! Бабы пашут, а они кое-чем машут... Вопрос, конечно, риторический, наша же сестра их и плодит... Нет, не буквально. Мамы плодят, как правило, хорошеньких маленьких мальчиков, а противными мужчинками их делают всякие там бизнес-бабы. Они ведь тоже всю энергию тратят на невесть что, все на деньги мерят. Им некогда по-

настоящему ни полюбить, ни суженого поискать, а за деньги хоть с ряженым, с куклой живой поиграть. Как подумаю, что могла такой же бизнесменшей стать, страшно становится.

Ладно, это их крест, может и за меня его тащат.

Чем же мне моего Командира порадовать?

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

«Привет, Командир. Опять ты куда-то пропал. А может и заходил, но меня дома не было. Вот только вернулась из столицы. Устала... Что-то все меньше ездить туда хочется. Помнишь фильм нашей юности «Я шагаю по Москве»?.. Это уже для нынешнего поколения вымысел, как для нас штурм Зимнего в семнадцатом. Они убеждены, что его в декорациях снимали, Москвы такой не было, да и отношений тоже. А как поверишь, если Москва сегодня — это стада машин, людской муравейник, бесстыдство рекламы и алчность везде — на улицах, в каждом здании, кабинете... И живут они, бедные, словно роботы, ничего больше не видя, кроме офиса и собственной норы. И снуют туда-сюда, туда-сюда... От отпуска до отпуска... Какые тут могут быть отношения?.. Вот сын туда поехал, мол, перспективы, в провинции профессионально не вырастешь, денег не заработаешь. Я ему говорю, как бы в погоне за деньгами и карьерой главное не пропустил. А он не понимает. А я ведь не дура и до маразма еще не дожидаясь, стараюсь их, детей наших, молодежь нынешнюю, понять. Внушаю себе, мол, сами в их годы такими же были. И одевались не так, как родителям хотелось, и музыку не ту слушали, взрослых, само собой, не слушались... Пытаюсь и не могу... У нас с родителями все же похожие были ценности. Мама считала, что дочь не может себе позволить до свадьбы жить с парнем, и я с ней соглашалась. А теперь вокруг сплошь гражданские браки. Прямо пандемия... Нам твердили, что главное — не деньги зарабатывать и развлекаться, а делать что-то нужное, полезное людям. И мы в это верили и действительно для других жили. Радовались успехам других... А теперь все только о деньгах и думают. И завидуют друг другу...»

Останавливается, некоторое время смотрит на себя в зеркало, потом продолжает.

«Это я такая вредная, потому что с дороги. Смена часовых поясов, обстановки, климата... Но имей в виду, такой занудой я бываю очень и очень редко. А так я всегда веселая и ласковая... Гаврик (это муж подруги, не забыл, а то подумаешь невесть что) говорит, что я расточительно щедра на бесплатный оптимизм. Может, поэтому Томазик и не может меня забыть... Кто это такой? Потом как-нибудь расскажу...

Все, иду бай-бай...

На новом месте приснится жених невесте...

А тебе, Командир, что снится?

ОН

Все это время комната и кабинет без хозяев пустовали, но теперь вновь мы видим одновременно и мужчину и женщину. Женщина занята домашними хлопотами.

На другой половине сцены появляется мужчина. По его поведению видно, что он давно не был здесь. Обходит вокруг стола, садится, привыкая, перекладывает книги и папки. Пододвигает клавиатуру. Потом читает сообщение.

Звонит телефон.

— Слушаю... Привет... Спасибо, неплохо... Ты же знаешь Москву, планируешь одно, а получаешь другое... Нет, московский чиновник лучше не становится. Только запросы растут сообразно инфляции... Ну, что касается самонадеянности нашей власти, то оно уже необъятно...

Вот тут я с тобой соглашусь, сам все больше прихожу к выводу, что сегодня чиновник, как прежде партийный функционер, считает себя самым умным и всезнаю-

щим. Посвященным в нечто неведомое простому, да и непростому, люду. Оттого никаких идей со стороны и не приемлет. Причем даже не задумываясь, органически, вот что страшно. Если бы хоть желание было вникнуть, подумать, обсудить... Нет, это не снобизм, это гораздо хуже...

Да, вернулся я больше пессимистом, чем оптимистом, ты прав... Нет, свои вопросы я решил. За будущее страны страшно стало. И поверишь, в этих кабинетах дышать трудно, я физически это почувствовал. Выскочу на улицу, воздух глотаю, глотаю, чтобы в себя прийти. У них в этих кабинетах атмосфера другая, мир другой. Параллельный. Я бы не ездил, не ходил, но сегодня, как и прежде, все на Москве завязано, ты же знаешь. Все монополисты, как и раньше, там сидят. Все кубышки с деньгами если не за границей, то там... Знаешь, я пришел к выводу, что самые свободные, по-настоящему демократичные годы — это начало девяностых. Пока вверху драка за власть шла, народ мог инициативу проявить. Сколько тогда интересных идей было, желания воплотить их, энтузиазма. А ведь мало кто сумел реализоваться в новой стране. Прежде одна система давила, теперь другая. Прежде власть боялась народа и теперь боится. Прежде, свое получив, насытившись, тормозила развитие и теперь тоже. Прав Макиавелли, каждый новый правитель хуже предыдущего...

Нет, не сожалею. Ты же знаешь, я считаю, что все идет по не нами написанному сценарию и во всем прежде всего ценен опыт прожитого. А что касается каждого человека, то Господь каждого любит и ведет его к лучшему, вот только нам, в силу своей невозможности знать будущее, кажется, что это не так. Но по прошествии времени приходит понимание...

Да, не телефонный разговор, надо бы встретиться, пообщаться неспешно...

Хорошо, давай созвонимся. Я теперь долго никуда выезжать не планирую.

Кладет трубку, вновь читает текст. Начинает набивать.

«Привет. Оказывается, мы оба отсутствовали в разных местах и одновременно присутствовали в одном месте. Совпали место, время, но не обстоятельства, поэтому встретиться не довелось. Хотя порой случается и совпадение всех трех координат... И это порождает действие...»

Когда-то я очень любил Москву. Питер мне не приглянулся. Может, из-за того, что своим белым ночам, как и долгим полярным, я наудивлялся, когда жил на Таймыре, а туманы и слякоть не люблю. Хотя питерцы, несомненно, интереснее и культурнее москвичей. В России — двуглавый орел в гербе, два начала года, Новый и Старый, две столицы... Одна — бежит, торопится в завтра, другая никак не хочет уходить из вчера...

Впрочем, коренных москвичей мы, по сути, и не видим. Москва и раньше была Меккой для тщеславных провинциалов, а сегодня уж и вовсе. И оседают в ней, надо признать, сильные, умные, наглые, тщеславные, способные отодвинуть столичных снобов, прорваться сквозь редуты родства и связей. Так что столица сегодня — это толстый слой взбитых амбиций провинции, наложенный на почти такой же толщины пласт местечковых традиций. Так, во всяком случае, я ее ощущаю.

Я любил Москву восьмидесятых. У меня был знакомый, москвич в невесть каком поколении, он показал мне Москву, которую я не знал. Мы до рассвета бродили по центру, там, где тогда было полно старых домов, тихих дворики, еще жил мещанский уют, по пути заходили в напоминающие ему юность забегаловки, пили пиво, заворачивали в только ему ведомые кустики или закоулки, я тогда впервые и единожды ощутил возвратность времени: надо же, ведь сто, двести, пятьсот лет назад вот здесь так же колобродили такие, как мы, жили, думали...

Москва хороша своей энергетикой. Я всегда уставал и устаю от нее физически, особенно от постоянного шума, но эмоционально заряжаюсь.

Провинция в России, за исключением мегаполисов, и то не всех, — это неспешно-мудрый Восток, а столица — амбициозно-энергичный Запад. Сегодня это очевидно

как никогда. Европейский образ жизни — это следствие замкнутости в пространстве и тесноты, отторжения человека от природы, звездного неба, Бога, вечности. Человек здесь рождается в бетонных стенах и умирает в них же, лишь изредка выезжая на свидания к огромному миру. Восток и Россия — это необъятные пространства, которые не позволяют человеку глупо возгордиться, вообразить, что он всемогущ, ибо все, что он создает, без исключения, не идет ни в какое сравнение с уже созданным Богом. И мегаполисы — это всего лишь муравьиные кучи в огромном и многообразном мире. Мегаполис — это цивилизация самоуничтожения, вымирания, деградации. В этой цивилизации не может родиться мыслитель, философ, творец. В ней предначертано функционировать исключительно производителю и потребителю. Здесь человек не способен прожить один, он становится слаб и зависим от других. В чистом поле он и дом построит, и воду и еду найдет, и город заложит. Даже в одиночестве. В этой же цивилизации его умение творить, выживать атрофируется. Здесь замечательно усваивается и реализуется придуманное другими, но не возникает собственных идей. Здесь оттачивается мастерство обмана, урывания, отталкивания, мастерство присвоения чужого. Коренное население мегаполисов постепенно превращается в некую аморфную массу, служащую лишь благодатной основой для новой агрессивной поросли тщеславных варягов, еще не забывших, не растративших энергию просторов и звезд. Вернись сегодня все провинциалы, заселившие столицы или мегаполисы, обратно, и ты увидишь, как быстро те придут в упадок...»

ОНА

— Командир, ты стал еще умнее. Я вновь почувствовала себя глупенькой первокурсницей, хотя и кандидат наук, да еще заместитель директора секретного центра. Правда, у меня техническое образование, но ведь и ты не гуманитарий. Или за эти годы ты еще что-то закончил?.. Нет, я должна окончательно разочаровать всех феминисток мира, мужики умнее нас. Это бесспорно. Если, конечно, они похожи на тебя...

Вот видишь, и тебе раздаю комплименты, все еще сказывается инерция столичной суеты. Но тебе — совершенно искренне и заслуженно. Признаться, мне никогда и в голову не приходило так взглянуть на столицу и мегаполисы. Хотя собственный опыт заставляет с тобой согласиться: припомнила всех талантливых и энергичных, кого знала, и все они выходцы из провинции. Все Ломоносовы... И это относится не только к столицам. У нас хоть город и не очень большой, но потолок таких, как я, коренных,— разве что докторская диссертация да руководящее кресло. Усваивать знания других мы можем, и довольно успешно, а вот родить что-то свое, оригинальное... Это бывает очень редко. С другой стороны, история мегаполисов не так длинна, для серьезных выводов явно не хватает наблюдений...

Нет, такие размышления не по мне.

Хотя ты прав в том, что городская жизнь сужает мир, атрофирует душу. И мы это чувствуем. Как животные ищут травку, чтобы избавиться от хвори, так и мы в выходные, в отпуски убегаем из города. В выходные — на дачу, маленький кусочек земли под открытым небом, куда манит совсем не меркантильная забота о пропитании, тем более таких, как я, с приличным достатком. В отпуск — куда подальше, хотя бы в относительное, но безлюдье.... Вот у меня есть свое тайное место в предгорье. Там всего с десяток домов, один магазин, множество собак, быстрая холодная речка, крепко, но не хронически пьющие мужики, число которых, к сожалению, каждый год уменьшается, привыкшие к одиночеству и надежде исключительно на себя бабы, единственная цель их жизни — рожать детей, которые, чуть повзрослев, забывают отчий, а точнее материнский, дом. Но они рожают одного за другим, пока мужики в силе, пока живы, не помня себя, не заботясь о том, как выглядят. Они проживают и доживают свой век, если смотреть со стороны, скучно, а если вдуматься — в гармонии с миром, как те же деревья, скалы...

Понесло же меня... Просто я там отдыхаю лучше, чем во всяких санаториях или на морях. Заряжаюсь, как старенький, но еще исправно работающий аккумулятор...

Выходит из комнаты и возвращается с гитарой.

— Давай, Командир, я лучше спою. Эта песня тебе раньше нравилась...

Негромко поет.

— Проходит жизнь,
проходит жизнь,
как ветерок
над полем ржи.
Проходит день,
проходит ночь,
проходит явь,
проходит сон,
любовь проходит —
проходит все...
И жизнь пройдет,
мелькнет мечта,
как белый парус
вдалеке...

Лишь пустота,
лишь пустота —
в твоём зажатом
кулаке...

Но я люблю,
я люблю,
я люблю!..

Откладывает гитару. Возвращается к ноутбуку.

— Что-то погрузить захотелось. Пока, Командир.

ОН

На этот раз мужчина отвечает не сразу. Перелистывает старый альбом, оставляет на экране ее фото с гитарой и прослушивает песню. Потом быстро набирает.

«Ты так и недосказала мне свою историю жизни?»

Подумав, стирает последнее слово.

ОНА

Появляется женщина, подходит к ноутбуку. Потом выходит и возвращается. Садится и, словно что-то окончательно решив, начинает набирать.

«Извини, долго не отвечала. На работе запарка, с сыном проблемы, как я и предполагала. Хоть и вымахал с пожарную каланчу, а особо не поумнел... Свои дела разгребла, им дистанционно поуправляла... У нас, у баб, ведь как: сначала дела-заботы, а потом уже удовольствие. Сначала для других, а потом для себя.

А тебе что, не надоело читать конспект моей жизни? В ней ведь ничего особенного и не было... Но если хочешь, слушай дальше...

На чем мы остановились?.. Ах, да, на том, что я вернулась к своим лобастеньким коллегам. Так вот, замечательное время было, интересная работа, хорошая зарплата, жизнь стала налаживаться. Зарплата при капитализме оказалась даже лучше, чем прежде. Правда, и цены, соответственно, подросли, но, тем не менее, надо признать, при этом режиме хороших специалистов кормят лучше.

Я работала, сын мужал, бывший не тревожил, ухажеры не доставали, а сама на мужиков не глядела. Может, во мне была тому причина, не помолодела ведь, да к тому же за годы челночества прошла хороший тренинг самозащиты от посягательств на честь и достоинство... А может, причина в том, что мужиков переме-

ны оглушили, и поплыли они по жизни кверху брюхом, как мальки, которых мой маленький сын проволочным прутом глушил: ударит по стайке, несколько штук обязательно всплывут, вроде и жизнь теплится, а уже ни на что не способны...

Так и жила бы себе спокойно, да только разве от завистливых языков нынче спрячешься. Как же, возраст бабы-ягодки. А нам только дай повод соучастие проявить. Со всех сторон и начали клевать, надо бы, мол, кого-то пригреть да самой прислониться. Логика понятна, давай, мол, становись такой, как все, чтоб обидно нам не было... А тут к Гаврику партнер из Италии прикатил, я как раз у них гостила. Не скрою, Томазик мне сразу понравился: аккуратненький, учтивый, улыбочивый. И так при разговоре жестикулировал смешно...

Год мы перезванивались. Конечно, он звонил. Каждый звонок в евро на огромный букетище тянул, а цветы, даже виртуальные, женщине получать всегда приятно. И уболтал, поехала я к нему в отпуск. Кокетничать не стану, не девочка, в постель с ним в первую ночь легла. Он такой душистый и быстрый оказался...

Это я к слову.

А если правду говорить, то он и лысый, и с животом, и старше лет на десять. Но вот что быстрый — это правда, без прикрас.

А еще завтрак в постель он почти неделю мне подавал. И я поняла, что это садистская традиция. Не знаю, отчего это считается жестом внимания и заботы, для меня это самой настоящей пыткой было. Самой невозможности сходить, куда все люди с утра ходят, а ты должна обжигаться кофе, который я, кстати, не люблю, давиться булочками, что никак не способствует сохранению фигуры, да еще изображать любовь и искреннюю благодарность.

Но клин клином вышибают...

Завтрак он перестал подавать, когда начал ревновать меня к своему двоюродному брату. Который, надо признать, был и моложе, и симпатичнее. Мы с ним час-то болтали по-итальянски, он взялся меня учить, и у него неплохо получалось. «*Tu — donna per quale io pronto assassinare dei nostri...*» Знаешь, как это переводится?.. «Ты женщина, из-за которой я готов убить своего брата...»

Одним словом, мафия...

Томазик от меня был без ума, выбил у меня все-таки согласие, решила, что все равно уже сплю с ним, уступлю и в этом и смоюсь, будем жить на расстоянии. Начал хлопотать о свадьбе. Ты даже не представляешь, с какой вереницей его родственников мне пришлось знакомиться. И чем ближе приближался этот день, тем все больше он ревновал. Забрал паспорт, запретил выходить одной на улицу. А если заставал с кузеном, начинал так кричать, ну, и естественно, тот тоже в ответ, что я ни одного слова не понимала. Думаю, это был их местный мат, которому я не успела научиться. Но смотреть, как они жестикулируют, было любопытно.

И вот я как-то проснулась утром, когда в постель завтрак уже не подавали, все разложила по полочкам. С одной стороны, заманчиво стать героиней современной драмы, на этом при капитализме можно было бы даже заработать. Представляешь заголовок: «Два брата вступили в смертельную схватку из-за русской женщины». Но у меня советское воспитание все еще не выветрилось, решила, пусть лучшие мирно живут без меня... А паспорт Томазик не отдает и даже, уходя из дому, стал меня запирать. Я думаю, не столько боялся, что сбегу, сколько ревновал ко всему, что двигалось. Почему-то все мои мужчины очень ревнивы были...

Ладно, проехали.

Так вот, я кузену напела, что собралась с ним сбежать на какой-нибудь безымянный остров, и если не женой, то любовницей его точно буду. Он и паспорт у Томазика стащил, и меня выпустил. Я сделала вид, что по магазинам соскучилась, а сама на вокзал. А лир у меня этих — ну сущие копейки, не догадалась, дура, кузена раскошелить. Так и поехала на электричках по странам. А границу переехать уже

лир и не хватило. Хорошо, мир не без добрых людей, мужик машину перегонял, повесил, посадил. Такой спокойный, рассудительный обрусевший армянин. Как я поняла, ему машину родственник, который в Германии жил, подарил. Я ему так долг и не отдала, в Киеве разъехались, он мне билет до Москвы взял, ну, а там уж Ольга выручила. А я бумажку с адресом потеряла. И все из головы напрочь вылетело, даже города не помню. Или деревня была... Не помню и все. Обещала ведь долг вернуть, а теперь вот мучаюсь. Между прочим, он из ваших краев, я еще спрашивала, знает ли тебя, хотя, конечно, это было бы так же невероятно, как наша встреча в столице...

Вот такой у меня был заграничный роман.

А ты как жил? У тебя тоже, наверное, были приключения?»

ОН

Мужчина очень занят. Он что-то увлеченно пишет. Появившееся сообщение на мониторе его раздражает. Он быстро прочитывает, тут же набивает ответ и возвращается к отложенным бумагам.

«Поездить по стране пришлось немало, всяческие перипетии были. И предательства, и дружба. Но ничего выдающегося. Из социализма в капитализм я сам перешел, никто не выгонял. Наше предприятие еще дышало, а я открыл кооператив. Обучал, издавал газеты, книги... И чем только еще не занимался. Даже одно время политикой, входил в местный теневой кабинет, правда, быстро понял, как это мерзко... Сейчас тоже от государства не завишу. Разве что от всяческих фискальных органов, которые специализируются на поборках. Но и те особо не надоедают, не значное у меня дело.

Собственно, рассказывать-то нечего. Как говорят, колебался вместе со всей страной. Скорее даже не колебался, шарахался из стороны в сторону... А вот тебе действительно немало довелось пережить. Впору роман писать. Но теперь-то, я понимаю, все устроилось как нельзя лучше. Я имею в виду материальную сторону, о прочем не говорю».

ПОЯСНЕНИЕ.

Теперь они просто разговаривают друг с другом.

ОНА

— Я где-то в Сети читала, что у тебя проблемы были с советской властью, в диссидентах ходил?

ОН

— Это она меня за что-то невлюбила в свое время... Но я не в обиде. Да и об ушедших плохо не говорят.

ОНА

— А что же у тебя за дело?

ОН

— Совсем маленькое... Пишу, издаю, учу уму-разуму молодых.

ОНА

— Ладно, расслабься, я тебя пытать не буду. Счастлив?.. Я имею в виду личную жизнь?

ОН

— Да, в этом мне очень повезло. Я действительно встретил свою половинку. А знаешь, что имеется в виду в этой притче о разделенных половинках целого? Это не банальное слияние плоти, это объединение двух центров космической энергии. Вот отчего в любви человек силен бывает. Вот отчего Господь призывает нас любить, ибо любовь — это ключ к космической силе.

ОНА

— Это слишком сложно для меня... Хотя, мне кажется, я тоже в свое время любила. Вновь садится за ноутбук, и снова сцена разделяется стеной.

«И что, собственно, я перед тобой расписалась?.. И богат ты, и в любви живешь. А я, дура, свою песню пою, ничего не слышу. Вот баба-дура...»

Стирает три последних предложения.

«Я нашла в интернете твои статьи. Честно скажу, не все поняла в твоей философии, это еще один аргумент против феминизации... Хотя знаешь, прав Шопенгауэр, женщина действительно является хранительницей рода. И Наверное, в будущем, может даже недалеко, без любви к мужикам обходиться сможет. В физиологическом смысле это уже и сегодня не проблема. Вопрос только в том, кому тогда нашу бабулю любовь отдавать?...»

ОН

Набивает текст.

«У тебя же какие-то отношения с Марковичем? Кстати, это фамилия или отчество?»

ОНА

Появляется в комнате явно навеселе. Привычно открывает ноутбук и, переодеваясь, поглядывает на экран. Потом садится и долго вчитывается в появившийся текст.

— Маркович, Маркович...

Берет гитару, поет.

— Если друг оказался вдруг

и не друг и не враг, а так...

Откладывает гитару. Набирает.

«Выхожу замуж за Марковича. А что?.. Сын вон какую-то москвичку себе нашел, отрезанный ломоть. А у меня дача. Одной куковать, что ли, век бабий? А так, глядишь, вместе теплее, будет кому если не завтрак, то воды подать...»

Вздыхает. Кладет подбородок на руки и, глядя в зеркало, говорит.

— А то уеду в свою деревню. Буду с пропащими мужиками самогон пить, с простыми бабами на лавочке сидеть, восходами-закатами любоваться... Если разобраться, человеку так мало нужно в этом мире. Только любви, и больше ни-че-го. А спросить себя, была ли любовь, страшно... И Командиру я не верю. Он совсем чужой стал. Из этих, приспособившихся. А я вот не хочу приспособливаться. Потому что раньше было лучше. Все было лучше. И не говори мне, что лучше, потому что мы были моложе. Не спорь со мной. Просто было лучше. Потому что была надежда. А ты ее забрал...

Женщина выключает ноутбук и уходит.

Ее нет, но на экране появляется текст.

«Ты не прав, Командир. Я счастлива, хотя и не нашла свою половинку. Я счастлива, потому что щедро одаривала своей любовью каждого, кто в ней нуждался. Счастлива, потому что у меня есть сын и я его очень люблю. И обязательно будут внуки, которым я тоже буду отдавать свою любовь. И я буду любить, пока у меня хватит сил, пока буду жить в этом мире...»

Он выключает компьютер и выходит.

На экране появляется текст.

«Стоит ли возвращаться в прошлое?.. Надо ли соединять разорванное временем?.. Воспоминания гораздо ценнее реальности, являющейся спустя жизнь. В воспоминаниях минувшее очищается, неважное забывается, проявляется истинное. Связывая времена, мы вновь поднимаем муть... Можно, конечно, удовлетворить любопытство, но за это придется расплатиться разочарованием. И пониманием, что у каждого свой, указанный только ему путь...»

Алексей Яшин

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Повесть

ОТ АВТОРА: ЧЕМ БОЛЬШЕ МЕНЯЕТСЯ, ТЕМ БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ САМИМ СОБОЙ

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Никколо Макиавелли. «Государь»

Пятьсот десять лет назад — строки эти пишутся в 2023-м году — во Флоренции увидел свет трактат Макиавелли «Государь», принесший его автору неувядаемую славу, хотя бы другие его произведения, такие как «История Флоренции», «О военном искусстве», «Мандрагора», «Рассуждения», тоже по сию пору не забыты... хотя бы в литературоведческих кругах, в трудах историков Европы соответствующего периода. Некогда проклинаемая, даже внесенная Римским папой в индикт запрещенных книг и сожженная на ритуальном костре, в советской школе полагавшаяся аморальной, хотя бы и была издана в середине тридцатых годов, нынешнему читателю она не принесет никаких эмоций. Нас отделяют от Макиавелли не только трудно представимые полтысячи лет, но и равные по своей антицивилизаторской деятельности почти всей эпохе человеческой последние десятилетия — почти что счетные годы взлета глобализации с ее расчеловечиванием. На таком малорадостном фоне наставления флорентийского мудреца суть образцы высшей морали!

Времена Макиавелли, тем более в тогдашней Италии с ее обилием вечно враждующих государственных образований, иначе и не представишь как перманентную, гибридную по современной терминологии, нескончаемую войну. Поэтому «Государь» и близкие к нему по теме «О военном искусстве» есть по существу трактаты о войне, как *modus vivendi* и *modus operandi* (образа жизни и образа действия, лат.) тогдашнего итальянского, вообще европейского человека в его социуме.

За все прошедшие пятьсот лет — до наступления Молоха глобализации уже на недавней нашей памяти,— плюс еще где-то пять тысячелетий, что остались в памятниках письменности, человечество тесно сочетало свои успехи в цивилизации и культуре с войнами. Какой-то досужий историк, скорее всего из дотошных немцев (известный наш ученый Н. В. Тимофеев-Ресовский как-то заметил, мол, не следует заниматься тем, что все равно сделают немцы...), подсчитал: за всю ретроспективно зримую историю человечество провело без войны что-то с пару десятков лет!

Отбрасывая большей частью лицемерный, сюсюкающий пацифизм, скажем, что

сочетание мира с его цивилизационно-культурным прогрессом и войны (сразу вспомним эпопею Толстого) есть не человеческая дурость, не произвол и пр., но рабочий метод социальной эволюции. По нашей терминологии* война — системный вирусный регулятор движения эволюции (сивиред). Увы, отбрасывая заодно и политкорректность с ее толерантностью (на Западе — толерастией) и всякими общечеловеческими ценностями (долларом и евро), война — это эволюционная данность. Последние же десятилетия яростной глобализации «классические» войны перешли в разряд распределенных во времени и земном пространстве гибридных. Ну-у, это все сейчас на наших глазах происходит. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Итак, война в эпоху цивилизации по эволюционному определению есть также составляющая — как это диковато не звучит — цивилизации. Отсюда и название предваряемой этими рассуждениями нашей новой книги, очередной в цикле «северных повестей». Несомненно, сама нынешняя обстановка в мире и вокруг нашей страны по преимуществу дала толчок к ее написанию.

В определенном смысле автор вырос во «владениях» такой уникальной военной цивилизации как Северный флот, в городе Полярном и окрестных его местах, а это исторический центр самого молодого в стране флота и... самого активно действовавшего в Великую Отечественную войну. В послевоенные же годы, особенно в семидесятые-восемидесятые,— и самого мощного, современного флота СССР. Уникальность этой военной цивилизации еще и в том, что, в отличие от других советских флотов, так или иначе перемешанных в своей инфраструктуре с обычной гражданской жизнью в обжитых местах, во многом исторических, с ровным климатом, Северный флот изначально создавался, в буквальном смысле, на голых гранитных арктических скалах. Да и дальше развивался, воевал, крепчал как самоотность, в отъединении от гражданского социума.

И в таком специфическом мирке под военно-морским флагом СССР автор был не случайным, временным жителем, но родился там, провел детство, отрочество и начало совершеннолетней юности. То есть редкая для тех мест категория: коренной житель на фоне подавляющего большинства людей временных, по долгу службы там пребывающих: военных моряков, служилых людей береговых частей в составе флота, членов семей офицеров и мичманов. Даже сугубые гражданские лица лишь на малую часть коренные, да и то в первом поколении; остальные прибывшие с Большой земли: кто за «длинным» заполярным рублем**, иные после срочной или сверхсрочной службы остаются, других судьба по иным причинам сюда заносит.

Наконец, что и вовсе делает наше повествование в высшей степени своеобразным, правдивым и занимательным, в своей заполярной жизни автор узнал и прочувствовал военно-морское бытие и бытование во всех его оттенках, тонах и полутонах — как на живописном полотне. Действительно, маячное детство на береговых и островных маяках, что в совместном ведении Северного флота и легендарного Главсевморпути, тогда возглавляемого Иваном Папаниным; одиннадцать лет учебы (первая одиннадцатилетка, привезенная Хрущевым из Америки) в знаменитой средней школе имени М. А. Погодина города Полярного, из них первые шесть классов — проживание в интернате для детей маячников и офицеров с дальних военных «точек»; собственно пять лет жизни в Полярном, куда перебралась семья; последние два года учебы, совмещаемые с работой электриком в Доме офицеров флота Полярно-

---

* Данная концепция (сивиреда) разработана в книге: А. А. Яшин. Феноменология ноосферы: Универсальная эволюционная регуляция: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 18; в 2-х кн.— СПб: Астерион; Кн. 1., 2021.— 245 с.; Кн. 2, 2022. 295 с. (см. на различных сайтах по поисковику). Эта работа была удостоена старейшей в России, престижной Макариевской премии за 2022 год в области естественных и точных наук.— Прим. авт.

** То есть для живущих и работающих за Северным полярным кругом к общей в стране ставке (по профессии) добавляются 40 % поясной надбавки и — в описываемые времена — 100 % полярной надбавки.— Прим. авт.

го — старейшего на Северном флоте; три года производственного обучения: по тогдашней школьной программе, по специальности радиотелеграфиста, сугубо военной, флотской... и много чего другого. А под окнами школы пирсы Екатерининской гавани, уставленные в три номера подлодками Четвертой орденов <таких-то> эскадры, а дома рассказы (если повезет в полностью «сухих» местах базирования флота достать матерому мореману бутылочку сорокаградусной...) отца, прослужившего на Северном флоте с призыва 1936-го года десятком с лишним лет, включая две войны: Финскую кампанию и Великую Отечественную. Чего стоили для военно-цивилизационного воспитания подростка картины обыденной жизни? Наверде виденной встречи в Кольском заливе и обмена приветственными гудками двух ледоколов: построенного адмиралом Макаровым «Ермака» и только что введенного в строй атомохода «Ленин».

Многотысячный, рассредоточенный за пределами Полярного и Североморска, перманентно меняющийся по срокам службы в лицах, но при этом такой замкнутый в обобщенно понимаемой «домашности» мир заполярной военной цивилизации! Географически отъединенный не то что от Большой земли, но даже от Мурманска, сугубо гражданского города, и его области, этот военно-морской мир в его истории, начиная с восемнадцатого века, и ведомый автору, действительно связан с самыми знаменитыми именами. Кого только не довелось увидеть автору!

Далекая во времени, но близкая автору в воспоминаниях советская, заполярная военно-морская цивилизация, конечно, к сегодняшнему дню претерпела большие изменения.

После разрушения СССР силами мирового империализма через агентов влияния в стране и возрождения индивидуалистического атавизма частнособственничества, Северному флоту, как основной противодействующей Западу военно-морской силе, был нанесен мощнейший удар. Опустим печальное, трагическое и всем хорошо известное. И нынешнее его возрождение, когда Молох империализма-глобализма поставил задачу полного уничтожения России, которая его уже ни в каком качестве не устраивает, во многом опирается на советское, сталинское в основном, наследие, которое почти что чудом удалось сохранить в зловещие девяностые — начальные двухтысячные годы. Даже сверхалчным разрушителем и грабителям сложным оказалось скоренько уничтожить советский атомный подводный флот в количестве двухсот пятидесяти единиц — больше чем во всем остальном, империалистическим мире, построенных в Северодвинске и Комсомольске-на-Амуре. И на Северном флоте ядро сохранилось. Уцелела титановая серия ударных атомных подлодок, что базируется в Видяево, равно как и стратегические подводные крейсера в Гаджиево. И надводный флот на рейде Североморска хотя и поредел, но что-то ведь и осталось? Главное, ожил северодвинский Севмаш. Дай-то бог! Увы, ликвидированное строительство атомных подлодок в Приморье уже не вернешь...

А Полярный и «его окрестности», моя малая родина, родоначальница североморской военно-морской цивилизации, сильно изменились к сегодняшнему дню: сам город с открыток и фотографий узнается только по его сопкам, горе Энгельгардта, Екатерининской гавани и острову же Екатерининскому. Впрочем, все города, как и люди, изменяются даже в короткие исторические сроки. Взять ту же близкую от нынешнего проживания Москву — и ехать-то туда страшно: заблудишься ведь! Новые названия улиц и остановок метро. И если раньше геометрически правильно расставленные сталинские высотки служили ориентирами, то нынешние «сити» с их американизированными небоскребами издали смотрятся как челюсть бомжа с осколками выщербленных зубов. Тоже мне Лонг-Айленд на просторах Срединной России. А Полярный — заново построенный многоэтажный город, но сейчас некоторые дома уже опустели, действует программа расселения: некоторые мои одноклассники, оставшиеся в Полярном, выйдя на пенсию, получили квартиры в Средней полосе Рос-

сии. Нет уже у пирсов дизельных подлодок, нет Четвертой эскадры. Только военные катера. Ни единого дымка и огонька на территории бывшего Судоремонтного завода Северного флота. Сгорели в «лихие девяностые» знаменитые на весь флот Дом офицеров и интернат при школе. И самой средней школы имени М. А. Погодина уже нет, а здание ее передано под флотское начало. Магазины, улицы заполнены частными автомобилями, которых в мое время в городе ни одного не имелось: Полярный имел только морское сообщение с остальным миром. Даже бывший стадион заставлен пресловутыми «иномарками».

Только неизменное зеркало города — Циркульный дом и здание штаба Северного флота СССР в тридцатые-сороковые годы узнаются на видах современного Полярного. Может поэтому... да, именно желая сохранить в памяти облик *своего* Полярного, с сожалением отклонял приглашения приехать на столетие города от администрации Полярного, на очередные юбилеи *своей* школы... Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

...Тем более увидеть совсем иные окрестности Полярного: упраздненные *мои* маяки Палагубский и Большой Олений, а на безлюдном Седловатом маяк работает в автоматическом режиме: уже не осталось желающих проживать на крохотном скалистом острове. Опустел и некогда многолюдный остров Кильдин; в Кольском заливе насупились нефтедобывающие платформы, а поселок Белокаменка, что отмечен в моем паспорте как место рождения, стал огромные нефтяным терминалом...

А почему так загрустил, товарищ автор? Да потому, что интернетовская *цифроренция* напрочь вытеснила печатное слово. Число же читателей книг уверенно стремится к нулю, причем абсолютному. Как и Ванька Жуков, ныне сочиняют повести и романы для безадресной отправки. И держим в голове нетленные строки Бальмонта:

*Где я? Что я? Запою
Все по-новому о старом.
Все бы дальше, все бы к чарам,
Вею, рею, вею, вью.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЖИВАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Учреждения хорошие, но лишённые вооружённой поддержки, распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного королевского дворца, украшенные драгоценностями и золотом, но ничем не защищённые от дождя... Кто должен больше любить мир, как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх Божий, как не в том, кто ежедневно подвергается бесчисленным опасностям и всего более нуждается в помощи Всевышнего? Благодаря этой необходимости, которую хорошо понимали законодатели империй и полководцы, жизнь солдата прославлялась другими гражданами, которые всячески старались ей следовать и подражать.

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

◆ В провинциальном, но недалёком от столицы областном городе проживали два старинных приятеля. Настолько давних, что помнили друг друга со времен учебы в здешнем политехе. Именно помнили визуально, тогда знакомы не были, учась на разных факультетах, корпуса которых располагались на противоположных сторонах

территории института, хозяйство которого раскинулось, попеременно с жилыми домами и целиковым кварталом одного из старейших в стране артиллерийских училищ, преимущественно вправо от главного в городе проспекта, на территории почти половины городского же района. Но ведь запомнились с тех почти исторических времен их лица друг другу? Понятно, что не в учебных корпусах виделись, скорее всего соседствовали одновременно в часы душевного отдыха в пивных заведениях, кафешках-стекляшках, что в шаговой доступности от учебных корпусов, а в табельные дни выдачи стипендии и вовсе шикавали в «девятом корпусе», что впридачу к восьми учебным институтам, то есть в ресторане «Дружба». Именно с него территориально и начиналась северная окраина студгородка. Тогда и с заначенной зелененькой, трехрублевой бумажкой, можно было смело входить в это заведение, к вечеру заполнявшегося на треть политеховскими, на другую молодыми офицерами из штата артучилища, а на остальную — молодыми девушками-женщинами, ищущими знакомств. Не подумайте плохого — не проститутками! Их тогда и в заводе не имелось. Именно для знакомства, оправдывая само название заведения.

...И не просто с трояком войти, а встретить тем многих знакомых, опять же с девушками познакомиться, до закрытия погулять, а то и выйти на улицу пьяным и веселым, и нос в табаке, а в кармане (если день не стипендиальный) занятый червонец, красненькая, если появлялось желание «банкет продолжить». И тогда места такие имелись.

Словом, в учебные годы узнавали лица друг друга. Но все проходит, минули и яркие, на всю последующую жизнь, студенческие советские годы. Николай Андреянович, тогда просто Николай, учившийся на факультете военной техники, что прямо, напротив через проспект, дома с «Дружкой» на первом этаже, получил диплом инженера-ракетчика, а Игорь, что впоследствии стал именоваться Игорем Васильевичем Скородумовым, закончил радиотехнический факультет в главном корпусе, который замыкал политеховскую территорию на ее южной окраине.

Оба по распределению отправились работать в прославленное Научно-производственное объединение «Меткость», трижды орденосное, возглавляемое знаменитым оружейником академиком Гусаковым. И хотя, согласно своим специальности, попали они в различные подразделения, но при первой же случайной встрече на территории огромного предприятия друг друга тотчас признали и заприятельствовались. Далее и по работе каким-то боком, скорее по принадлежности к общей теме разработки, пересекались. Хотя Николай еще робко осваивал вычерчивание детализированных тактических ракет, а Игорь орудовал паяльником на макетах узлов мобильных радиолокаторов, тем не менее участвовали они в одном проекте создания на самоходном шасси уникального зенитного ракетно-пушечного комплекса — лебединой песни академика Гусакова, что в наши времена является непременным участником военных парадов на Красной площади.

В огорчительные для отечественной промышленности, тем более военной, девяностые годы, Игорь — и уже Васильевич! — в безысходности уволился с «Меткости», правда, успев уже защитить кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Поменял радиофизику на биофизику, как сам он говорил. Стал замдиректора медико-биологического научно-исследовательского института, где набрал полный иконостас степеней, званий, наград и отличий. Когда в середине нулевых двухтысячных институт сгинул из-за отсутствия финансирования, Игорь Васильевич закрепился профессором на схожем по профилю факультете университета, то есть бывшего политеха.

Крепкой дружбы Игорь Васильевич и Николай Андреянович в эти годы расстали не теряли. Во многом следуя советам профессора Скородумова, и Николай Андреянович уже постпенсионно уволился с «Меткости», где также стал кандидатом наук, и устроился доцентом на тот же факультет, что когда-то закончил. Так многократно заслуженный профессор-биофизик Скородумов и новоиспеченный доцент-ракетчик

Николай Андреевич снова оказались в одном учреждении и уже который год передают молодому поколению свой обширный корпус знаний — каждый по своей специальности.

Жизнь наших друзей текла размеренно, с пользой для отечества, а сами они, оптимисты по натуре, получали «глубокое увлечение», как выговаривал с высоких трибун «поздний» Леонид Ильич, от своих университетских занятий. Профессор Скородумов издавал том за томом описания и толкования своей теории о сущности прежней, нынешней и будущей эволюции человеческого вида. Более технически специализированный Николай Андреевич так умело строил свои лекции и практические занятия по проектированию наземных, корабельных и авиационных тактических ракет, что даже девушки-студентки и самые хронические «тройбанисты» отвлекались от напрасных мечтаний о муже-миллионере (в инвалюте) и вполне трезвых прикидок о собственной бензоколонке и с интересом слушали красочные рассказы препода о флаттере* хвостовиков ракет и что это за собой влечет. Если же студиязусы заскучают, когда Николай Андреевич начинает покрывать аспидную доску трехэтажными формулами решений дифференциальных уравнений в частных производных, то тот, уловив этот момент невнимания и усталости неотточенных еще юных умов, уже по-преподавательски умело снимал их ступор уместно политкорректным анекдотом-быльё на военно-технические темы...

Словом, жили не тужили, врагов не имели, поводов для злопыхательств и непременных в вузах доносов не давали, к женским сплетням и жалобам не прислушивались, к прогрессирующей год от года тупоголовости студентов относились отечески снисходительно. Единственно кого они огорчали, также год от года, так это Пенсионный фонд.

♦ Как люди старинной интеллигентской, хотя бы и в первом поколении, закваски, более всего из материального друга уважали и ценили книги. Надо ли при этом пояснять, что всякими интернетами и хреновинками, по экрану которых народ пальчиками водит — это как карапузы-несмышлениши свои простудные сопли с интересом по тарелкам размазывают, Николай Андреевич и Игорь Васильевич не пользовались. Первый — и посреди ночи разбуди — мог сходу нарисовать макетный разрез ракеты, которой бойцы-хэсболлисты израильские «меркавы» насквозь прошибают в очередных своих стычках, ее полную детализировку и исписать целиковую ученическую тетрадь формулами, поясняющими полет этого славного «изделия» гусаковской «Меткости». Почти сорокалетняя практика — это вам не фунт (сейчас турецкого) изюма! А *компутерами*, как их язвительно именовал академик Гусаков, пуцая внуки развлекаются, раз их с самых начальных классов приковывают каторжански к этому исчадию сатаны расчеловечивания. Это со слов Игоря Васильевича.

Сам же профессор Скородумов, как уникам, обладая абсолютной памятью (как первая скрипка в оркестре абсолютных слухом) и сложным образовательным цензом, знал из естественных и прикладных наук все, что потребно ученому его рода занятий. Тем более, создаваемая им дисциплина являлась сугубо авторской, не имеющей предшественников и научных конкурентов. Так что хоть экран монитора глазами насквозь выешь, ничего даже отдаленно близкого идефикс профессора не сыщешь. И как справочник, научную энциклопедию, Игорь Васильевич компьютер не использовал. Если что-то требовалось профессору из ранее не знакомого, то поступал он явно подражая великому Нильсу Бору: тот ленился рыться в книгах, отыскивая доказательство того или иного, поэтому выводил нужную формулу или решал заинтригованное его уравнение заново. Как говорится, изобретал велосипед для себя.

...Уважая же и цена книги, одновременно кладези знания и предметы материальной культуры, Николай Андреевич и профессор Скородумов с давних лет своего

---

* Дрожание, дребезг хвостовых оперений в полете, особенно на резких изгибах траектории.— Прим. авт.

дружества имели установившуюся традицию по личным знаковым дням своего визави дарить тому книгу, желательно чем-то раритетную и по интересу своего друга. Загодя готовились к трогательному подношению знаков внимания. Где можно найти сейчас книжный раритет? Конечно, единственный в городе букинистический магазин, что расположился с полвека назад в старинном купеческом доме в самом низу проспекта. Еще раньше, с довоенных времен, находился хранитель староизданной мудрости и вовсе в самом начале проспекта, под стенами кремля — географического центра города. Теперь на том месте и всего прежнего квартала высится здание областной администрации, а перед ним одноименная с названием проспекта площадь Ленина. С его же памятником. В семидесятые годы по финскому проекту внушительное здание под обком (*нашей* партии) возвел первый секретарь, друг Леонида Ильича по довоенной парторботе в Днепропетровске и перестройщик прежде деревянного города в современный многоэтажный.

Словом, городская «Буккнига» давно уже выручала друзей. Но — нет худа без добра — в новые времена неожиданно-негаданно появились еще два источника книжных раритетов. Первый из числа благоустроенных: два навесных остекленных шкафчика, закрепленных на фонарных столбах и с американским названием *Буккроссинг*, появились в центральном парке. Желающие цивилизованно избавиться от ставших ненужными книг сознательные, по-советски воспитанные пожилые граждане складывали их в шкафчики, а интересующиеся, обычно тоже пожилые, пополняли ими свои домашние библиотеки. Среди обычной приключенческо-детективной чепухи и массово издававшейся в девяностые годы баптистами, адвентистами, иеговистами и кришнаитами — все на американские деньги — малобогоугодной литературы иногда можно было отыскать что-то стоящее... не в смысле денег, а содержания и редкости издания. Главное, обходить эти шкафчики следовало до двух часов пополудни. Чуть позже появлялся умеренно хромоногий, ростом метр-с-кепкой, но плечистый крепкий мужичонка, который подчистую сгребал в свой бездонный туристский рюкзак содержимое «лабазов». Парковые работяги в оранжевых жилетах охотно поясняли любопытствующей публике, что-де «книголюб» отвозит добычу в единственный городской приемный пункт макулатуры где-то на глухой окраине в Ханинском переулке. «К пенсии прирабатывает, — сокрушенно говорили жилетные, — и законов, охраняющих эти кроссинги, нет. Так нам наши парковые сержанты разъяснили».

Но истинным эльдорадо еще на рубеже веков и тысячелетий стали... обычные городские помойки. Народ, особенно молодой, вступающий в положенные законом права наследования квартир, тотчас затевал евроремонт, а ставшие в те переломные времена излишними книги выносили на помойку. Что-то смутное, слышанное в детстве от родителей о книге, как источнике знаний, еще шевелилось в памяти молодых офис-менеджеров и средневозрастных охранников, водил-таксеров и заправщиков с бензоколонок. Поэтому стопки книг клали рядом с помойкой на чистые камушки.

Конечно, первопечатного «Апостола» Ивана Федорова во всех трех источниках выловить не удавалось, но худо-бедно было чем обрадовать друг друга в дни тезоименитства, перехода внука в следующий класс... словом, было бы благое намерение, а повод найдется.

Так и позавчера, отмечая в излюбленном кафе «Наливай-ка!», что чудом в наше строгое время самоорганизовалось почти-что на территории университетского студгородка, окончание «трудовой каторги» — наступление двухмесячного преподавательского отпуска, каждый поздравил друг друга заранее припасенной книгой. Профессор Скородумов восхитился третьим томом курса математики Гурса издания середины тридцатых годов. Конечно, автор является выдающимся французским математиком, но ценность подарка более всего в том, что первые две книги трехтомника давно уже скучали по полнокомплектной подруге в книжном шкафу Игоря Васильевича.

Выпили-закусили, обмыли кладезь математической учености. Но и профессор не сплеховал. Чем еще усладить сердце и умастить душу оружейного в свою бытность инженера, в военной же семье появившегося на свет, прямо-таки чувственно наслаждавшегося чтением староизданных книг с «ятями» и «ерами», «фитами» тож, от страниц которых так завлекающее пахнет заварным кремом? — Конечно, книгой с возрастом за сто лет и лучше всего с военно-воспитательной тематикой, учитывая нынешнее педагогическое статус-кво Николая Андреевича. И тот долго, с чувством пожимал руку своего друга, получив алаверды за том Гурса аккуратно переплетенный томик, сочинение некоего Петра Заринского, изданное в Казани аж сто пятьдесят лет назад и содержащее сборник публичных педагогических лекций для преподавания в солдатских школах. Еще бóльшую библиофильскую ценность подарку добавляли печати на титульном листе: одна Иркутской учительской семинарии — до-революционная, другая, уже советского времени, означала библиотеку Читинского пединститута. То ли в шутку, а может и для поднятия авторитета презентованной книги, но Игорь Васильевич тут же предположил, что она в составе библиотеки учительской семинарии была вывезена из Иркутска хозяйственными тыловиками отступающей колчаковской армии, но добралась только до Читы.

Подняли тост за заботу царя Александра Второго, двойного Освободителя (крестьян от крепостной зависимости, а балканских славян от турок), о приобщении солдатшек, бравых ребятушек, к грамотности и знанию истории отечества.

♦ Отдохнув совершенным ничегонеделанием денек от окончания учебного года и умеренного празднования этого события в заведении «Наливай-ка!», Николай Андреевич с наслаждением истинного библиофила, сравнимым лишь с вожделением гурмана, подносящего к губам, но и носом восхитительный аромат вдыхающего, пузатенькую рюмку грузинского коньяка «Греми» десятилетней выдержки (увы, все это отнесено к советским временам господства ГОСТ'ов), раскрыл новообретенную книгу для просвещения царевых нижних чинов.

Кстати, сотни, может и тысячи раз за жизнь встречалось ему это словосочетание: нижние чины. Редко в живой речи, а обычно в фильмах и уж, разумеется, в русской классике прочитывалось. И почему-то употреблялось это официальное наименование солдат с оттенком презрения. Особенно в голове с детских лет застряло прочитанное: «Входить в городской сад нижним чинам и с собаками запрещено». А вот сейчас подумал, что ничего обидного для носителя серой шинели, презрительного в таком звании и нет. Хоть и нижний, но ведь *чин!* Опять же в русском языке того времени слово *нижний* в такой связи было равнозначно понятию *младший*. Так ведь прапорщички, поручички и капитаны и не помышляли огорчаться, когда их полковник на смотре командовал: «Господа младшие офицеры! Соблаговолите провести свои роты церемониальным маршем!»

Господь добрый с ними, с нижними чинами, тем более, что уже давно они переименованы в рядовых, бойцов, солдат и матросов — в зависимости от обстановки и обстоятельства упоминания или обращения.

Аккуратно перелистывая нисколько не пожухлые более чем за полутора десятилетия страницы с четкой печатью настоящими наборными металлическими литерами, Николай Андреевич словно наяву представлял себе подпоручика Вольнского, что в четвертой роте Нижегородского драгунского полка, расквартированного в Алатыре, приказом назначенного ответственным за посещение нижними чинами их роты полковой же солдатской школы. И не просто отвечать, но вести занятия. Это не немилость начальства, добродушно объяснял его ротный командир Вильегорский, просто на новичков принято сваливать всякие доки навроде солдатской грамотности. Тем более — недавно из юнкерского училища, всего лишь первое повышение в чине получил, значит в курсе всех новых веяний, а мы-то еще старого закала, дореформенного, приучены не с призывными нынешними, а с прежними, рекрутированными на

четверть века, службу нести. И вот по означенным полковой канцелярией дням, по полудни подпоручик Волынский, окончивший Казанское юнкерское училище, растолковывает новобранцам этого года содержание учебника Заринского, что сам преподавал им этот курс, будучи законоучителем училища и одновременно священником Кремлевской — в Казани — церкви военного ведомства.

«Много чудес на свете,— философически рассуждал подпоручик из мелкопоместных, неродовитых, за игрой по маленькой в штосс с сослуживцами в задней, чистой комнате трактира,— нам в училище батька ученый поп растолковывал про обучение солдат, здесь я то же самое по его книжке разьясняю, не в рясе, а в мундире!» Штабс-капитан Вильегорский, тож из обедневшего рода, подбадривал: «Вы, Григорий Аристархович, не ропщите на судьбу. Годика два потяните эту лямку — и следующему молодому перекинете. А ему-то потруднее придется: говорят в полку, что скоро воинскую повинность на татар и башкирцев распространят*; они-то вовсе небельмешят».

...Так живо себе представил эту картину Николай Андреянович, что непроизвольно вслух зачитал понравившийся ему абзац с совершенно замечательным определением: «Способность души удерживать следы внешних впечатлений называется памятью». И при этом изучающе посмотрел прямо перед собою, представив сидящих в напряженных позах на классных скамьях солдат в историческом обмундировании... даже машинально попробовал заложить правую руку за борт форменного сюртука в погонах со скромными звездами подпоручика. Смутившись сам-один, заухмылялся и выписал понравившееся определение на блокнотный листок: Игорю Васильевичу в коллекцию словесных кунштюков, а может и сам в следующем учебном году озадачит своих студюзусов.

◆ Настолько вжился доцент в образ подпоручика, наставляющего солдат русской истории и грамоте, что на миг забыл о книжке в руках, а она и выпала из них, мягко стукнувшись о пол. Похожее случается, если читающий впадает в дрему при чтении. Даже если это завлекательный детектив. Отогнав видение полуторавековой давности, то есть несколько очумело повертев головой, Николай Андреянович согнулся, не покидая уютного креслица, поднял раритетное руководство, что при падении раскрылось на страницах введения, которое попервоначально он пропустил, не листая. Взгляд упал на выделенную красным карандашом кем-то из предыдущих читателей строку: *«Россия есть империя и государство по преимуществу военное»*. Чисто автоматически, не напрягая голову, вспомнил, что и во многом провидец Жириновский не раз говорил с думской трибуны: экономика России только тогда и работает, когда она милитаризована...

Опять Николай Андреянович восхитился точностью формулировки. И не удивился: ведь автор руководства для солдат в сане священника, да еще в кремлевской церкви — хотя бы и казанского кремля. А закончивший духовную семинарию, в отличие от выпускников пединститута, настолько превосходно обучен логике и семантике речи, что умеет порой самые сложно завязанные и переплетенные мысли излагать просто, кратко и предельно понятно. Ведь пастырь говорит с амвона для всех прихожан: от неграмотной старушонки-нищенки до заблудшего душой университетски образованного интеллигента. Точно также Сталин писал и говорил: не только Генералиссимус, но когда-то и семинарист.

...И прочитанная строка, в отличие от часто повторяемых в последнее время в прессе и на телерадио, оттого даже оскмину набивших, слов императора Александра Третьего про армию и флот, как единственных союзников России, не косвенно, но

---

* С введением всеобщей воинской повинности после реформ 1860-х годов и до 1917-го года, из мусульманского населения Российской империи призыву подлежали только татары, башкиры и чувашимусульмане, как давно вошедшие в состав русского государства. Кавказские и среднеазиатские мусульмане в армию не призывались, возможно как малонадежные и по-русски не знающие.— Прим. авт.

прямо и утвердительно, как оттиск полковой печати, лихо отшлепнутый бравым уса-
тым писарем, гласила: много всяких дел в России, но все они в охранительной тени
государства по преимуществу военного! Хотя царя Александра Александровича ува-
жал. Ведь именно он был инициатором создания русского флота на Севере и даже
крестным отцом его родного города Полярного.

А ведь действительно, опять положив раскрытую книгу на колени, отвлекся на
размышления доцент-ракетчик: и правда военное — по преимуществу, исторической
судьбе и, скорее всего, по велению того, кого принято в среде верующих именовать
Всевышним, а у профессора Скородумова это фундаментальный код Вселенной.

Конечно, были в истории, так сказать, абсолютные военные государства, та же
Монголия Чингисхана. От «стен недвижимого Китая» до Европы дошла орда. Русь три
сотни лет заставляла дань выплачивать и ярлыки на княжение потомкам Рюрика вы-
давала... Но немисливо давно сгинула их пассионарность (Николай Андреевич для
любопытства как-то прочитал книгу Льва Гумилева про Великую степь), сама Мон-
голия семьдесят лет на фактических правах союзной республики обреталась на ок-
раине Советского Союза... что же здесь о Казани и Уфе, Астрахани тож, говорить?

Все преходяще: и Александр Македонский, и Древний Рим — от Британских
островов до Северной Африки,— та же Германия краткосрочных времен второго и
третьего рейхов. Воевали, воюют и, конечно, будут воевать, но у всех как-то по-
своему. Англия со своих островов и Америка понятно откуда деловито воюют, со
смыслом хапнуть, причем чужими руками. Как *англичанка*, так в прежней России
владычицу морей называли, Россию все время клюет турками и поляками, шведами и
французами, а в прошлом веке дважды немцами. Даже мудрейший Иосиф Виссарио-
нович не смог предотвратить. Сейчас же *англичанка* с родственниками-американцами
бывших братьев-хохлов натравили... И вообще наступил век гибридных политики и
войн: весь мир сам с собой до полного взаимоистребления столкнулся.

Но вот Россия именно военное государство — от Гостомысла и Рюриков до сего
дня, то есть воюет почти постоянно, без надрывов и стенаний, как пахарь знает, что
сойдет снег — очередной севооборот начнется. И если он, ныне доцент Николай Ан-
дреевич, родился и всю немалую свою жизнь торит, не слыша пальбы и взрывов —
исключая ночные перестрелки братков в лихие девяностые,— то здесь спасибо Ста-
лину, создателю русской, советской сверхдержавы. Слишком мощный задел, особен-
но военный, успел создать, что почти сорок лет после его ухода страна если и воева-
ла, то по-ворошиловски: не на своей территории. И войны те велись, как и сейчас, не
для хапанья, но на дальних подступах, которые ныне, увы, становятся все более
ближними... Неизменны только враги-организаторы: та же *англичанка* со времен Мо-
сковской Руси и янки-полосаты в звездах с середины прошлого века. И без поллитры
понятно: кто зачинщик в драке стенкой, а кто глуповатый, но силищи неимоверной
боец первой линии. Впрочем, у них все по-родственному. Хотя англичанин Редьярд
Киплинг нечто иное в виду имел, но в точку попал: Западу и Востоку вместе никогда
не быть!

Казалось бы, размышлял Николай Андреевич, закулив для четкости работы
сознания, народ в такой военной по необходимости стране должен давно с криком
«Во, попали, ребята! А ну ее, рашку эту, айда на извозчика (сейчас на аэроплан) и
гнать три года, три месяца и три дня до ближайшей заграницы!» Но такой вот народ
собрался, хотя и разношерстный, одних национальностей под сотню, где отчаянный
правдоруб, а где вороватый и охальник матерщинный, в бога и царя не верящий, что
не хочет гнать на извозчиках и аэропланах. Даже сейчас только самые знатные воры
и эстрадные пересемешники, хотя бы и пел некогда Галич: «Не поедут к ним певцы и
танцоры, не поедут к ним еврей-шахтеры», убыли из воюющей страны. Но и те вер-
нутся, когда купилы закончатся.

Что ж за страна? — а она странным народом заселена. Даже Сталин, организо-

вавший этот народ на самую великую битву и победу в ней, как-то признался, что не до конца понимает его сущность. Куда уж западникам с их сакраментальной «загадочной русской душой»?

Николай же Андреянович хлопнул себя рукой по лбу и довольно рассмеялся. Чего гадать-выдумывать, всякими психологиями с социологиями толстенные диссертации исписывать, по многу часов подряд на телеэкранах бойцовыми петухами кукарекать про народ-богоносец и прочую... творожную массу на хлеб намазывать? Все просто и понятно: если государство по преимуществу и по необходимости, не нами созданной, военное, то и народ в нем за тысячу лет с характером воина на бессрочной службе сформировался. Солдат же спит... нет, не про то. Чем только он в перерывах между боями не занимается? — всем, что отцы-командиры прикажут. А попер супостат, так бердыш, саблю, кремневку, мосинку, калаш в руки — и вперед! За веру, царя и отечество.

Именно народ наш зрит в корень, какими бы пряниками заморскими и сладкозвучными байками ему рот и уши не затыкали. Даже обычный парень-пэтэушник в девяностые годы прекрасно понимал: Америка была, есть и будет главным и вечным врагом России в любом ее обличье. Конечно, с политическим поводырем англичанкой. И нечего сейчас слушать разъяснения актеров с телеэкрана, переодетых ведущими политологами и всякими там аналитиками, что «все мы поверили тогда про вечный мир с Западом», потому и разоружились перед всем миром... заодно и Россию оптом и в розницу распродали. Николай Андреянович в болезненном волнении даже раритетной книжкой хлопнул по поручню кресла. Не надо с больной головы на здоровую валить! Народ-то ни на грамм тогда (особенно для трезвости ума остограмившись) не поверил Меченому и его наспех — но с большим тщанием — собранной команде о наступившем рае в подлунном мире. Тем более творцы разрушения страны из числа «лучших» американцев, немцев — далее в политочередь, и в страшном сне не могли бы представить такое, но у них был коммерческий интерес.

Сделав вывод, что торговцы родиной есть главный враг, даже существеннее америкосов и англичанки, военного государства, и вообще здесь торгашам место в маркитанских обозах, Николай Андреянович поуспокоился и даже извинился перед обиженной книгой, дружелюбно похлопав ладонью по переплету.

♦ Почти тридцать лет — только сейчас по необходимости спохватились! — все военное в стране пребывало в некоей полутени. А ведь за каждым из нас стоит в поколениях именно семейная военная родословная? Взять у него самого, так сказать усредненного русского человека. Конечно, отец, того самого эпохального семнадцатого года появления на свет, за четыре дня до свержения Николая Второго. Как призывали в тридцать шестом из-под Ленинграда, с Волховстроя на Северный флот, так и прослужил в матросском и старшинском званиях двенадцать лет, включая Финскую кампанию и Великую Отечественную. И затем еще под двадцать лет гражданским, но во флотских службах там же. Сам Николай Андреянович родился, когда последний год отец его носил фуражку-мичманку.

А дед Николая Андреяновича по отцовской линии, из калужских крестьян, староверов-поповцев*, в Империалистическую солдатом-окопником был, уцелел, но уже дома от оспы богу безгрешную душу отдал. Вся деревня переболела, малец Андряшка тоже. На всю жизнь неглубокие, но заметные оспины на лице остались...

Дед же по матери Андрей Третьяков, из архангельских поморов, тоже не надолго пережил Первую мировую, вернее, и до окончания ее не дожил. И военная судьба с ним покуролесила. Призванный в четырнадцатом году, попозже попал в экспедиционный корпус, один из двух, которыми царь Николай живым оружием отплатил

---

* То есть, в отличии от северных и сибирских староверов, имели своих священников, а значит и архиерея, который их в сан возводил. Калужские староверы — с центрами в Боровске и Калуге — принадлежат к Белокриницкому толку (см. «Очерки поповщины» П. П. Мельникова-Печерского).— Прим. авт.

союзникам за ленд-лизские поставки через Архангельск, затем свежестроенный Романов-на-Мурмане, ныне Мурманск, оружия металлического. Третьяков попал в самый несчастливый из корпусов, что морским путем по северным морям доставили во Францию, в самую бойню на Марне и под Верденом. Тяжело контуженного, после французского госпиталя обратным круглым путем по морям привезли в Архангельск — далее в родную деревню, где он вскоре скончался. Мать Николая Андреяновича родилась уже без отца.

Дальше дедов генеалогические знания Николая Андреяновича заканчивались. Вне всякого сомнения, служили и воевали предки во все предшествующие века. А от девятнадцатого каким-то чудом сохранились и доказательства. Иначе откуда попадались школьнику еще Николке во время летних отпускных приездов в Калугу и деревню Дворцы, где проживали родственники отца, награды тех лет? — Латунный знак Нижегородского драгунского полка; потому-то Николай Андреянович и рисовал в образах обучение солдат подпоручиком Волынским именно в этом славном полку, название которого засело в памяти с детства. В другой ветви отцовских калужских родичей узрел Николка медаль к трехсотлетию династии Романовых. И совсем удивился серебряному военному кресту, хотя бы и не Георгиевскому, но явно не за пиарское усердие пожалованному.

А вот от дедов наград не сохранилось, учитывая время, расстояния и переезды. Хотя мать вспоминала: от отца имелись в их доме в деревне Верхний Халуй солдатский Георгиевский крест, серебряный, значит четвертой степени, и красивая французская медаль. Отец Николая Андреяновича неуверенно припоминал медаль и какой-то знак. Не сохранились в деревенской простоте. Опять же повальная оспа все перекрутила, перепутала...

Но вот отцовы боевые награды хранились в ящике письменного стола Николая Андреяновича: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, четыре медали, в числе которых «За боевые заслуги» и «За оборону Советского Заполярья». Где-то под десяток юбилейных остались у его двух младших братьев. Выпив по поводу, отец с обидой рассказывал про смутную историю, как якобы «не дошел» до него британский орден Георга, вроде как обещанный ему офицером из союзнической миссии в Полярном за обнаружение в тумане застопорившегося английского крейсера «Эдинбург», вывозившего из Мурманска пять тонн золота — в оплату по ленд-лизу. История эта сейчас всячески популяризуется на телевидении, а отец Николая Андреяновича и сам был причастен к ней. Мир тесен в истории его творения.

Со слов отца и матери, самих мало что помнивших по давности времен событий, знал Николай Андреянович, что воевали в Империалистическую братья и другие родственники его калужского и архангельского дедов. Единственный брат матери Михаил, Мишкó по архангельскому говору, участвовал в Финской, несколько охромел по ранению, поэтому всю Отечественную войну председательствовал в своем колхозе, а в сорок пятом уехал на Кольский Север начальником маяка, что во владениях Северного флота, забрав с собой сестру, будущую мать Николая Андреяновича, с двумя малолетними детьми, будущими же единоутробными старшими его братьями. Первый, довоенный муж матери, после срочной служил в охране лагерей, в самом начале Отечественной младшим лейтенантом НКВД был отправлен на фронт, но их воинский эшелон под Малой Вишерой разбомбила немецкая авиация.

У отца братьев не имелось, зато сразу три сестры. У младшей Настасьи муж с войны не вернулся, а у средней Полины ее Мирон, железнодорожный машинист, таковым и оставался всю войну, только военные петлицы, а в сорок третьем сержантские погоны на рабочей тужурке появились. Супруг же самой старшей Прасковьи начал службу еще в двадцатых годах артиллеристом, затем по партийному призыву в НКВД был переведен — по хозяйственной части. Всю войну являлся главноуполномоченным по заготовке фуража для конницы боевых полков этого наркомата, дослу-

жился до полковника, но... за тюрьму, за суму, да за богадельню — не ручись, как по-архангелогородски говорила мать. Словом, военно-хозяйственная карьера Лазаря Федоровича на пике ее стремительно ухнула в пропасть: по статье «за превышение власти» сам в сибирский лагерь на одиннадцать лет угодил. Хорошо начальником лагункта оказался его бывший адъютант... И все остальные двоюродные-троюродные калужские родственники отца прошли через войну: через одного и вернулись.

Из четырех братьев Николая Андреяновича — два довоенных, Сережка и Славка послевоенные — срочную служили самый старший Георгий береговым матросом-радиостом в Севастополе и самый младший Сергей, попавший в команду обслуживания ракетно-артиллерийского полигона Капустин Яр, что на северной границе Астраханской области. «Менее старший» Анатолий и «менее младший» Славка не служили по здоровью: у первого с сердцем непорядки, у второго с легкими. Жизнь в Заполярье не сахар, почти что через одного по организму бьет... И племянник Николая Андреяновича, сын Георгия, флотскую традицию продолжил, служил на крейсере «Киров» Северного флота. Когда подросли дети послевоенных братьев, то и они через срочную прошли — кто не получил высшего образования.

Сам Николай Андреянович полагал себя по армейскому ведомству: военная кафедра в политехническом институте с офицерским званием и специальностью командира взвода систем управления оперативно-тактическими ракетами; три с половиной десятка лет трудился в оборонной промышленности; теперь вот на военнотехническом факультете юношество научает те же ракеты конструировать.

...Но вспоминая свой жизненный путь, Николай Андреянович всегда держал в голове, что была ситуация, когда он сам мог выбрать путь военного моряка. К самому окончанию шестого класса отец огорошил Николая: «А хочешь в Нахимовское училище в Ленинграде?» Из дальнейших его слов следовало, что поступление в это славное военное заведение есть величайшая честь и удача. Попасть в него, что в игольное ушко пролезть. Но у него, у Андреяна, большая льгота: полностью выслуженный флотский стаж (военный год за три) и участие от звонка до звонка в Финской кампании и Отечественной войне. Опять же в школе Николка почти отличник. На размышление ему была дана неделя: срок указан в официальном письме Андреяну от соответствующей службы Северного флота. Почему школьник Николка отказался от перспектив иметь кортик и погоны вплоть до... здесь фантазия пределов не имела — этого и посейчас Николай Андреянович как-то не сообразился сам себе объяснить.

...И потянулась у отпускного доцента, уместившегося в простеньком, но уютном кресле, нить воспоминаний, старт которым дала староизданная книжка в простеньком бумажном переплете, заветшавшем от времени, вроде как в шутку врученная Николаю Андреяновичу его давним другом профессором Скородумовым.

◆ Эта нить Ариадны начала разматываться с веретена в те давние годы торжества военной цивилизации великой страны, а впереди мировая история отпустила это торжеству еще щедрые четыре десятилетия.

Во взрослой жизни, с ее годами, нанизывающимися кольцами и плетущими неразрывную цепь, протянувшуюся от одного века и тысячелетия в другие, номером на единицу больше, Николай Андреянович все четче и основательнее ощущал: его детство, отрочество и юность до пробивающихся усиков прошли в знаковое время, в уникальных обстоятельствах и в местах, о которых все те люди, с которыми жизнь сталкивала его до сего дня, знают только по книгам и фильмам. Конечно, встречались и бывавшие там люди, в основном из служивших на Северном флоте — а других и не случалось, но это совершенно иное, навряд командировки не на один год. К тому же в человеческой массе и таких единицы. Но вот родиться в тех местах и прожить почти восемнадцать лет? — О таких Николай Андреянович не то что не слышал, тем более не видел, но даже в тех же книгах и фильмах подобных персонажей

не встречал. Разумеется, какое-то число знакомых им по житью на островных и береговых маяках, по школе и интернату в Полярном, из неизвестных из соседнего Североморска, из городов Печенги, Заполярного и Никеля на норвежской границе, со становищ — так там называют поселки и деревни — Териберки, Харловки, Терского берега, тоже появились на свет и выросли в схожих местах, некоторые и вовсе всю жизнь там провели и сейчас проводят, но число это в своей относительности бесконечно мало. А именно по маячному детству и отрочеству на выходе из Кольского залива в Баренцево море — таких по пальцам можно перечесть...

Единственной землячкой Николая Андреевича, родившейся и выросшей в этих местах, правда, намного позже, с всероссийской к тому же известностью, есть певица и автор своих песен Елена Ваенга. Когда лет пятнадцать назад Николай Андреевич случайно узнал из телевизора, что есть такая молодая певица из Питера с чудноватой фамилией, тотчас сообразил: родом она с тех северных мест, а Ваенга — это эстрадный псевдоним, поскольку только одно место так по-лопарски называется: небольшая речка, впадающая с востока в Кольский залив, а при впадении располагалось становище Нижняя Ваенга. Сейчас это город Североморск, возникший в пятидесятых годах как преемник Полярного на роли столицы Северного флота. Более всего Николаю Андреевичу претило копаться в биографиях эстрадных звезд, что без конца вертится на телеэкранах, но здесь он сделал исключение: ведь землячка? Да, таковой и оказалась, родилась в Североморске и до окончания школы проживала в поселке Вьюжный, ныне город Снежногорск. Про ее деда по матери контр-адмирала Журавля он что-то еще в Полярном слышал. Еще больше, в течение пары лет слышал, но уже в прямом смысле — ушами, как сооружался военный судоремонтный завод в Оленьей губе, всего в паре миль от Полярного, а по воде так прямо напротив острова Большой Олений, при маяке которого семейство школьника Николки проживало до переезда в Полярный.

Уже зная азы школьной физики, Николка не удивлялся, что в ясную штилевую погоду эхо беспрестанных взрывов проносилось от этой близкой губы до Оленьего острова, над поверхностью морской воды лишь немного приглушаясь. Это в каникулы дома, на острове. В школе же, где большинство ребят из офицерских морских семей, уже все знали: в Оленьей губе строят в гранитных скалах, взрывами создавая огромные пещеры с выходом к воде, завод по обслуживанию атомных подлодок. Какому обслуживанию, ведь у них в Полярном свой судоремонтный завод, где недавно начали атомоходы починять? — Этого не мог сказать даже адмиральский сын командира эскадры подлодок, базировавшейся в Полярном.

...И только в самом начале этого века вся страна, глотая горькие слезы потери и бессильной обиды после гибели «Курска», узнала, что завод «Нерпа», в губе рядом с Полярным, занимается утилизацией выработавших ресурс атомных подводных лодок. На этом-то заводе и трудились родители тогда еще просто Лены Хрулевой. А почему сначала поселок Вьюжный, потом город Снежногорск при этом заводе получили такие названия? — это Николай Андреевич сам додумался, вспомнив из своего северного бытия топографию тех мест: губа с заводом расположена как раз по розе норд-остовских ветров, самых частых и заваливающих ее крутые берега сугробами снега, пронесенного через всю ширину Кольского залива и встретившего здесь гранитное препятствие.

Николай Андреевич не смотрел, конечно, имеется в виду телевизор, выступлений современных исполнителей. Но когда нашел недавно в программе повторение сольного концерта Ваенги в Кремлевском дворце, то компатриотски включил нужный канал. Слушая певицу, даже расчувствовался, когда после уже слышанных как-то случайно песен «Аэропорт» и «Шопен», кстати, произвольно отмеченных памятью, Ваенга спела о своем родном «городе на побережье», где рефреном повторялось «снега, снега». И поэтому именно тогда сделал свои метеотопографические выводы о

названии Вьюжного-Снежногорска, что по прямой линии от западной оконечности Полярного всего-то в нескольких километрах... и в стольких же по водной глади от острова Большого Оленьего, с которого школьник Николка пару лет слышал непрерывные взрывы, которыми стройбатовцы вырубали в граните пещеры под цеха будущего завода.

Когда во второй половине «нулевых» годов Николая Андреяновича — и розыскали же? — официальным письмом от администрации Полярного пригласили на семидесятилетний юбилей родной школы, то он из приложенного буклета узнал, как явно хитроумная администрация вышла из положения: вспомнить первоначальное название города — Александровск, в честь императора Александра Третьего, инициатора основания, а в то же время и от имени Полярного, города Воинской славы и главной базы Северного флота в годы войны не отказаться. Порешили же гениально просто: объединили три города, с сохранением их названий, то есть Полярный и соседние Снежногорск и Гаджиево, город атомных подводников, в общее административное — с добавлением «закрытое» — образование город Александровск. Николай Андреянович восхитился, долго хохотал и пару рюмок принял «за новоселье». Это надо же так придумать: все целы и сыты!

На юбилей он не поехал: что прошлое ворошить? А главное, на открытках присланного комплекта «Полярный — колыбель Северного флота» он увидел совершенно другой город, заново построенный на месте снесенного прежнего, исторического Полярного. Из знакомых ему зданий сохранились, по причине солидности «сталинской» архитектуры, только знаменитый Циркульный дом, штаб Северного флота, ныне Кольской флотилии, родная школа, сейчас имени М. А. Погодина и еще паре домов, в одном из которых обосновался музей города. Все остальное немалое пространство перепланировано и застроено многоэтажками. Если убрать из окоема окрестные сопки, Екатерининский остров и корабельную гавань того же имени — стандартный район обычного среднерусского города. Что больше всего царапнуло по сердцу рассматривающего открытки Николая Андреяновича: нет бывшего центром прежнего Полярного Дома офицеров флота — сгорел в самом конце прошлого века, а соседний с ним, самый северный в мире футбольный стадион превращен в автостоянку...

И когда недавно увидел на городской афише, что около второго университетского корпуса, плакат о скором концерте Елены Ваенги, несколько задумался. Но уже перейдя по подземному переходу на противоположную сторону проспекта — прямо к входу с дорическими колоннами, тоже сталинской архитектуры, в свой корпус военно-технического факультета, мысль пойти на концерт землячки отклонил: без самообъяснения. Впрочем, по очередной, прокатившейся по ведению Минобразования, волне мухослонопревращения (термин острого на язык профессора Скородумова) все факультеты университета переименовали в институты...

И однокашники его школьные, хотя и не маячники, но кое-кто родился в тех местах, далеко не последними людьми в жизни оказались: офицеры-подводники, заведующий кафедрой в солидном питерском (как-то не выговаривалось у Николая Андреяновича возвращенное имя Северной столицы) вузе, преподаватель в одном из военно-морских училищ страны, писатель, руководитель проекта в военной корпорации «Антей», технический руководитель информационной службы области, видный специалист «Севмаша» в Северодвинске. Кто в мурманском «Атомфлоте» трудится, другие до пенсии работали, оставшись в Полярном, на Судоремонтном заводе — ближнем соседе «Нерпы», в смысле в соседних губах.

Все дальше в прошедшие годы разворачивался у Николая Андреяновича свиток воспоминаний — как в знаменитом стихотворении Пушкина. О северном крае военной цивилизации.

♦ Истинное удовольствие не собственно в достижении чего-то, но в ожидании,

приближении этого. Истина, усвоенная им еще в школьном детстве, когда семья их жила на маяках — береговом Палагубском и островных Седловатом и Большом Оленьем, а весь долгий учебный год Николка, затем в последовательности подрастания и брательники Славка и Сережка, проживали в Полярном в интернате при школе — для детей маячников и военных с «точек», раскиданных по побережью северной части Кольского залива и Баренцева моря — от полуострова Рыбачьего до Териберки. Интернатская жизнь с постоянной тоской по дому, по родителям потому и делилась на временные отрезки между каникулами, когда мать приезжала в Полярный и забирала домой. Уже за месяц до каникул Николка строил планы домашнего пребывания, а на душе от этого теплело, хорошело. Всю последнюю неделю и вовсе с шальной улыбкой на лице ходил. Но вот прибыл с обычными приключениями — шторм на море, гидроотдельский попутный катер почти час колобродил, пока сумел-таки высадить маячников на скалистый берег Седловатого, или на пути из Полярного на Большой Олений через Екатерининский остров торосами льда забило проливчик между двумя этими островами и так далее — на родной маяк и провел отведенное школьным расписанием время хотя и не скучая, но как-то обыденно...

Так и в сладостно будоражащих душу воспоминаниях о далеком прошлом: не торопиться. Вот поэтому Николай Андреянович, мысленно распрощавшись с младшей землячкой Еленой Ваенгой, попридержал нахлынувший поток образов северного своего взросления. То есть сам-один в квартире, поскольку проснулся поздно, более деловых домочадцев уже не застал, пошел на кухню, поел, чем домашние не обидели, вскипятил воду и заварил чай, до которого, в память своего отца, был гурманом и большим охотником. Вернувшись в прежнее покойное кресло, поставив фарфоровый заварной чайник и личный стакан в мельхиоровом подстаканнике с узорами «под скань» на свой письменный стол, включил телевизор на военный канал. Хотя до Дня военно-морского флота еще долгонько, три недели с лишним, но на канале этом уже загодя начали показывать старые советские фильмы на флотские темы. По утреннему времени фильма не полагалось, зато попал он на передачу о местах своего детства, отрочества и начала юности тож.

Телеведущая, одетая северной туристкой, рассказывала, несколько путаясь в небрежно накануне прочитанном материале сценария передачи, расхаживала по столь памятной Николаю Андреяновичу, плотно заросшей вереском и вороничником тундровой местности, лавируя между проржавевшими бочками из-под дизельного топлива, кучами железного хлама, а кинооператор выхватывал с дальнего плана домишки с провалившимися шиферными крышами, остовы давно уже «раскулаченных» зилевских грузовиков и что-то похожее на завалившийся набок в болотце трактор «Владимирец» — это который изготавливался без кабины, для летних сельхозработ.

Ведущая же все щебетала про экологический десант в Арктике, уже не первый год проводимый Русским географическим обществом, то есть полуофициальной организации при Минобороны, как это понимал Николай Андреянович. Еще он отметил, причем не сегодня, а двумя-тремя годами ранее, определенное изменение в риторике передач такого рода. Если в девяностых, а по инерции в нулевых двухтысячных годах, говоря об экологии арктических островов и побережий, телевизионщики, особенно бабского сословия, кривя губы и изображая праведный гнев, ругая ругали Советскую армию и флот, «напакостивших в Арктике до испуга белых медведей и засоривших первозданную северную природу железным и иным хламом», то сейчас как-то мягко обходят это самое засорение, дескать, все это необходимо, нужно было, но вот сейчас, когда военные покинули эти места, то и прибратся следует. Как-то так вывертываются, явно следуя директивам. И то хорошо. Хоть над прошлым военным величием не изгаляются.

...Но вот одетая заполярной пейзажкой телеведущая упомянула название места нынешней экологической приборки: остров Кильдин. Николай Андреянович аж под-

скочил на своем креслице: свои места! Кильдин, отделенный узким проливом от северной оконечности Кольского полуострова, чуть восточнее впадения Кольского залива в Баренцево море — самый крупный, относительно конечно, остров мурманского Заполярья. По прикидкам еще школьника Николки — километров пятнадцать в наибольшую длину. Одних островных маяков там было три: Кильдинский Западный, Северный и Восточный. А почему младший школяр с помощью тоже бывшего на Седловатом на зимних каникулах старшего брата Тольки, учился вычислять расстояния и размеры на географических картах, заодно постигая понятия о масштабах? — Потому, что вчера, набегавшись за день по *своему* острову, перевозбудившись, — ведь с осени не был дома! — долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок в жарко натопленной их семейной рубленой избе. Младшие братья посапывали, видя уже не первые сны. Толька с полудня ушел «на гору» в общий маячный дом к своему приятелю холостяку Матронину — вернется полночь. Чуть было задремал, но здесь пришел с полусуточной вахты на маяке отец. Мать разогревала поздний ужин. Дверь с кухни в темную спальню приоткрыта. Невольно Николка прислушивался к разговору родителей, явно продолжению ранее начатого.

— Так что, мать, думаешь насчет Кильдина? А то Толька с Николкой в Полярном, в интернате. Этой осенью и Славку туда же отправлять, через два года и Сережку. Одни на острове куковать будем, а ребятам каково? Седалин говорит, что времени на раздумье нет. И хотя Мотовилин, начальник Кильдинского Северного, давний знакомец Седалина, но и ему резона ждать нет, штат-то некомплектованный. Конечно, там место людное, всегда желающего можно сыскать, но Мотовилину нужны с маячным опытом, потому и Седалина просил поискать.

— Тому-то что озаботилось добряком стать?

— Да проговорился раз — дошли слухи из гидроотдела, из Мишукова: с середины этого года штаты по некоторым маякам урезают, вроде как и одного с нашего Седловатого. О своей бабе думает. Так что молчишь: как будем с Кильдином решать?

— Ведь тоже остров, шило на мыло менять...

— Тьфу! Вот заладила: остров, остров! Федот, но совсем не тот! Да на нем не один Мурманск свободно разместится. Сыромятников, что сейчас в Полярный перебрался, с которым в войну на Торосе служили, несколько лет маячил на Кильдинском Западном, много чего рассказывал. Место там людное, как на Большой земле, вроде как, огулом всех считая, тысяч десять...

— Десять? Да в Полярном-то десять с небольшим. Откуда столько?

— Вот оттуда. Несколько береговых флотских и артиллерийских военных частей, а кроме трех маяков крупный поселок Новый Кильдин: гражданские строители, всякие хозяйственные службы при частях, рыболовецкая артель опять же. Даже научный институт* имеется крупный. По мурманскому радио часто в новостях его упоминают. Главное, школа семилетняя имеется, может со временем в десятилетку переведут.

Дальше отец с матерью перешли на обсуждение всяких бытовых докук, связанных с возможным переездом, совершенно не интересовавших Николку. Потому и сон скоро сморил его.

Но на многолюдный и огромный — по сравнению с крохотным Седловатым — остров Кильдин так и не перебрались. Только отправили Николку с Толькой на попутном гидроотдельском катере в Полярный, как сразу после новогодних каникул налетели январские шторма, всякая связь Седловатого с обитаемым окрест миром прервалась на пару недель. Радиосвязь маячникам по регламенту не полагалась. Гидроотдельское же начальство, обосновавшееся в поселке Мишуково близ Мурманска,

---

* Всесоюзного значения Полярный институт рыболовства и океанологии (ПИРО), научная организация с базой прикладных исследований на мурманских Траловом и Сельдяном флотах. — Прим. авт.

и управление Главсевморпути* с завидной простотой руководящей мысли полагало: раз проходящие мимо того же Седловатого военные корабли, торговые и рыболовецкие суда в сплошной туман слышат шевелящий волосы на голове низкий рев «сирены» маяка, а в кромешной тьме полярной ночи видят вращающийся луч мощного прожектора того же маяка, значит там все в порядке: люди живы-здоровы, а техника в порядке.

...Когда затяжной шторм угомонился, а с корабельной рации все того же гидроотдельского катера Седалин связался через флотский пост на Кильдине с Мотовилиным, то и огорчил крепко отца Николки: отбой с переездом, место занято, не дождалась тебя, Андряйн. Но вот к концу года на маяке Большого Оленьего Иван Трофимов с семейством с северами решили распрощаться, на пенсию в свою вологодскую деревню намылились. Так там до Полярного три версты пёхом через Екатерининский остров, хоть на каждое воскресенье ребят домой забирай! Знаешь ведь, у меня там маячником младший брат. Если хочешь, через него замолвлю слово перед Федоровым, начальником Большого Оленьего?

Так Николка и его семейство вместо многолюдного и таинственного Кильдина попали на Большой Олений.

◆ Уже именуясь молодыми коллегами Николаем Андреевичем, трудясь в «полтинничном» возрасте жизненной и конструкторской зрелости все в той же «Меткости», снова вспомнил он о Кильдине, И вот по какому случаю. Трижды орденоносная «фирма Гусакова» обслуживала своими стальными «изделиями» все три основные сферы советских вооруженных сил: сухопутные войска, авиацию и флот. Конструкторы, если они не главные по направлениям, то есть входящие в состав высшего начальства, не ездят на полигонные испытания, тем более на сдачу-приемку в военные части. Это не их забота, а на то есть в каждом отделении «Меткости» тематические отделы и сектора, отвечающие за все и в общем. Они и проводят в подобных командировках в сумме по несколько месяцев в году. А их сопровождают сугубо практические работники: наладчики и испытатели.

За долгие годы работы в «Меткости» у Николая Андреевича, как человека по натуре общительного и располагающего к себе людей, среди многих знакомств и приятельств, понятно дело, имелись и такие вот разъездные по воинским частям на суше, в воздухе, в смысле на аэродромах, и на кораблях. Много чего интересного узнавал от них Николай Андреевич. И вообще-то, благодаря им, «держал руку на пульсе» — то есть понимал реальное положение дел в армии и флоте: от собственных воинской жизни анекдотических ситуаций до общей картины, которая его, постоянно, с самого рождения связанного с подотчетными богу Марсу делами, радовала: к окончанию семидесятых годов «руководящими усилиями» и талантом государственных мужей — последнего сталинского наркома, министра обороны Устинова и бессменного, в течение трех десятков лет, командующего флотом СССР Горшкова, страна не только была надежно защищена, но и сама половину мира контролировала. Понятно, что такая опека не гастролями балета Большого театра и ансамбля песни и пляски Александрова обеспечивается, а содержимым арсеналов и их пользователей на суше, в море и в воздухе.

Как было принято в советской инженерной среде, разговоры разговаривались по принципу: «на работе о бабах, вне ее — о работе». Так было и в пятничный, уикэндский послерабочий ранний вечер, когда Николай Андреевич зашел снять градус июльской жары в ближайшую по выезду служебных автобусов «из леса», то есть из загородного расположения «Меткости», пивную. Входя в заведение, он заранее с тоской подумал, что не менее получаса придется томиться в плотной, спрессованной

---

* Не знаю как сейчас, но в описываемое время маяки Кольского залива и побережья Кольского полуострова на Баренцевом море имели двойное подчинение: гидроотделу Северного флота и управлению Главсевморпути.— Прим. авт.

очереди к заветному пивному крану. Но тотчас и обрадовался, узрев всего лишь в полутора метрах от крана и пивной королевы Зои своего давнего знакомого и почти что приятеля Егора Зябликова, коллегу по «Меткости», из тематиков, но не из его отделения.

...Уже через десять минут они расположились за высоким круглым столиком со столешницей «под мрамор», что приняты в «стоячих пивных», уставив свой край пивными кружками с лопающейся пеной и готовясь приступить к священнодействию.

— Вот, Егор, бывают же в жизни маленькие радости: зашел и тебя во главе очереди обнаружил! Давай за встречу — такое впечатление, что с майских праздников тебя не видел. Думаю, куда это Сергеич подевался? Небось на полигон загнали?

— Не то слово, Андреяныч, две месячные командировки подряд. Сначала в Донгуз* полюбоваться цветением весенней казахской степи, а затем резко указкой по карте вверх на север — на твою историческую родину, на Северный флот, на остров Кильдин. Ты ведь на нем проживал в детстве?

— Да нет, не довелось, хотя и вполне мог там оказаться. И как Кильдин тебе показался?

— Знаешь, Андреяныч, это ведь самый край Заполярья, дальше земли до Северного полюса, как географической точки, нет ни миллиметра. Но скажу тебе: прекраснее и спокойнее середины лета я еще не видел, не чувствовал, хотя по своей беспокойной работе вроде бы по всем климатическим, так сказать, зонам страны побывал: с севера на юг и от Калининграда до Петропавловска Камчатского. Одно это румяное солнце, что повисло над горизонтом в самую полночь, чего стоит? Впрочем, что я сапожнику рассказываю, как дратву сучить...

— Пена отстоялась, давай причастимся, затем закурим, а ты про обстановку тамошнюю расскажешь. Природу можешь опустить, все же восемнадцать лет и зим в тех местах провел...

За парой кружек, далее дополненных третьей — бог рекомендует троицу, из обстоятельного повествования Егора Зябликова Николай Андреянович составил полное представление о сегодняшнем Кильдине, где жизнь кипела под опекающим крылом Северного флота, самого мощного в стране. Даже по бытовавшей у моряков присказке буквки *СФ* на погонах рядового состава расшифровывались как *Современный флот*. Тихоокеанцы, черноморцы и балтийцы морщились, слыша такое. Пятнадцать тысяч обитателей Кильдина равняли его с нынешним Полярным. И от Североморска, перенявшего в пятидесятые годы от Полярного титул главбазы Северного флота, небольшим отстает. Все те же три островных маяка, ПИПРО с разросшимся хозяйством, корабельные и судовые, последние для гражданских плавсредств, причалы, а главное — многоштатные военные части. На выступе же западного берега одна из двух в стране — другая на входе в севастопольскую бухту — в высеченных в отвесной скале над морем пещерах противокорабельные ракетные установки, охраняющие вход в Кольский залив и весь район побережья Баренцева моря от полуострова Рыбачий до норвежской границы, насыщенный военными «точками» и базами атомных подлодок.

...Воспоминания о несостоявшемся переезде их семьи с крохотного Седлового на большой и многолюдный Кильдин и рассказ коллеги по работе в «Меткости» Егора Зябликова о его командировке на Кильдин также в давние времена конца семидесятых годов пронесли в голове Николая Андреяновича в единый миг, что не помешало их образности и северной пейзажности. И завершились они к окончанию репортажа с Кильдина нынешнего. А телеведущая неуместно веселым и звонким голосом пела отходную бывшему военному форпосту некогда самого мощного флота

---

* В советское время ракетно-артиллерийский полигон на северо-западе Казахской ССР, на границе с Оренбургской областью.— Прим. авт.

страны, ощутимо разрушенного злодейскими силами в девяностые годы: полного разоружения и капитуляции перед недремлющим врагом.

Одетая же заполярной туристкой телевизионщица завершала заданный ей урок: ныне на острове полное безлюдье, даже на единственном оставшемся маяке людей нет, не находится желающих прозябать на пустынном краю света. Маяк же работает на автоматике, беря энергию — здесь Николай Андреевич громогласно расхохотался — от солнечных батарей. Это в полярную-то кромешную многомесячную ночь и в сплошные круглосуточные туманы, что стоят над морем с октября до мая, когда и должен маяк подавать световые и звуковые сигналы — солнечные батареи?

Понятно дело, с теледевицы спрос мал, но ведь кто-то ей текст сочинял? С дурака-то что возьмешь, ибо дураком он и родился, но телевизор-то и мыслящие люди иногда смотрят! Пару лет назад из переписки со своим школьным другом детства, что остался жить в Полярном, узнал Николай Андреевич: из маяков его северной жизни Палагубский и что на Большом Оленьем острове давно уже не существуют. Остался только на Седловатом. Поскольку же к окончанию девяностых годов появились непреодолимые сложности с поиском желающих маячить, а главное, с обеспечением их жизни на острове (ведь «лихие девяностые», не до того, Федя, не до того...), то и этот маяк на безлюдном островке перевели в разряд автоматических с питанием от двух комплектов радиоизотопных энергоустановок *РЭУ-3-2К*. Такие же «солнечные батареи» на ныне диком острове Кильдине.

Пятнадцатитысячное население, несколько военных частей «первого отражения удара», научно-исследовательский институт, обширный поселок Новый Кильдин ранга среднерусского районного городка — и все это в немногие годы исчезло, словно в большой шторм девятый вал сурового Баренцева моря слизнул все живое с пологого острова, оставив на последующие два десятилетия только ржавые артефакты некогда многолюдной и целенаправленной жизни. И еще девица с экрана добавила горечи в загрустившие мысли Николая Андреевича: дескать, Кильдину давно пора большую пользу стране приносить: по примеру соседней, на материковом берегу, Териберки следует создать крупный туристический центр в Заполярье. Словом, перековали мечи... нет, не на орала, они тоже вещь полезная, а на бесцельное шатанье-болтанье по поросшей вереском и вороничником топкой тундровой земле, нанесенной за миллионы лет на гранитный остров, скучающих молодых парней и девиц, задумчиво распевających по вечерам нечто бессмысленное о ветрах и туманах и сожалеющих об отсутствии здесь интернета.

Еще припомнил Николай Андреевич виденное по телевизору, что аналогичную кильдинской базу противокорабельных ракет на Черном море, вырубленную в скалах, уже превратили в экскурсионный маршрут. И навсегда исчезли бывшие кильдинские лопари, которые из всех саамов России, Финляндии и Норвегии имели свой особый диалект.

♦ А вспомнил о лопарских диалектах он по той причине, что братья Седалины, один на Седловатом, другой на Большом Оленьем, как раз вели род от кильдинских лопарей, но кроме русского другого языка не ведали. Но ведь и помимо маяка Кильдинского Западного, куда семейство Николки так и не попало, других на его северной жизни хватило.

Конечно, по младенчеству он не помнил жизнь в Белокаменке, где появился на свет — в смысле в мурманском роддоме, а отец завершал начатую по призыву в тридцать шестом году флотскую службу. Как и маяк в Ретинском, что напротив, через Кольский залив, только-только начинающегося Североморска. А вот отдельные эпизоды, но как кинокадры, жизни на маяке Палагубском, что на стрелке Палой губы и губы Оленьей и прямо напротив западного входа в Екатерининскую гавань Полярного, остались в памяти.

Маяк этот, значившийся в городской черте Полярного, считался первостепенно

важным, поскольку на его световые и звуковые сигналы ориентированы корабельные выходы из Екатерининской гавани, губы Палой (правильно — губа Пáла), где располагался судоремонтный завод Полярного, и Оленьей губы, где через полтора десятка лет возникнет город Снежногорск — родина нынешней певицы Елены Ваенги.

Почему-то наиболее яркими кадрами из палагубской жизни в памяти Николки, а впоследствии Николая Андреяновича, остался теплый августовский день, ближе к вечеру — полярное солнце уже начинало ненадолго прятаться за горизонт. На самой оконечности берегового мыса маячник Шанежкин пристреливал мелкокалиберку, по случаю купленную во время отпуска в родной Коле; понятно, с рук на руки, у одного местного дедка: с военных лет много чего неучтенного у народа сохранилось. Стреляли на пару с Николкиным старшим братом Георгием, уже подросткового возраста, в мишень — кусок картона с начерченными углем кругами, прибитый к палке, воткнутой в обнаженный отливом илистый намыв. Николка с Толькой и двумя другими маячными пацанами толпились рядом, тщетно упрасывая и им дать пострелять.

Не то что малолеткам, но и самим стрелкам мешали заниматься серьезным делом. Сначала спустился с мостков Михаил Третьяков, начальник маяка и брат матери, то есть дядька Николки. Он раскричался, смешно матерясь с архангельским говором, отчего грубые слова казались даже смешными и необидными, по той причине, что в нескольких метрах от мишени, тоже на самой оконечности мыса, по правилам безопасности подальше от жилых и служебных помещений, стояла большая железная бочка с солярккой. Еще несколько таких же рассредоточены вокруг маячной вышки. На солярке работал дизель электрогенератора маяка. Дядька же кричал, что попадете, лешие треклятые, в бочку, загорится, мне за вас на отсидку сухари сушить. Но здесь же и успокоился, вспомнив, что именно из этой бочки всю солярку выбрали еще месяц назад.

Не успел Третьяков уйти по своим начальничьим делам, как из-за южного, скалистого мыса Екатерининской гавани показалась подлодка. Поскольку на выходе зарядка аккумуляторов не производилась, то лодка не тарахтела на несколько миль вокруг себя, а выскользнула из гавани, доселе невидимая из-за высокого мыса, внезапно и почти бесшумно. Хотя она оказалась на траверсе Палагубского на расстоянии километров полутора, но по теплой погоде на открытой площадке верха рубки столпились на перекур офицеры и матросы, а кто-то из них отметил, явно в бинокль, отблеск от ствола мелкашки Шанежкина в лучах низко опустившегося солнца. И тотчас понесся, усиленный жестяным раструбом, такой живописный мат, которого Николка, а потом Николай Андреянович, более в своей жизни и не слышали. Но и здесь скоро закончилось. Видно бдительного наружного вахтенного шутиливо поблагодарили за бдительность, а Шанежкин, еще не отошедший от отпускной беспечности и от кое-чего привезенного с родины в стеклянной таре, тоже шутейски перехватил мелкашку за конец ствола, поднял прикладом вверх и сделал отмашку. Николка сразу вспомнил один из немногих виденных им фильмов: так махал винтовкой сдающийся под Сталинградом фриц.

◆ Если молодого маячника Шанежкина заглаза и в глаза с тех пор на Палагубском стали звать истребителем подлодок, то через два года уже первоклассник Николка получил еще более громкое прозвище: внук маршала Булганина... На этом месте разрозненных воспоминаний Николай Андреянович усмехнулся и даже покачал головой: до чего же тесен мир! Это относилось как к маршалу, министру обороны, так и к наивному хулигану Шанежкину. Отсчитав в памяти полтора десятка лет от того пятилетнего парнишки, что наблюдал сцену условной дуэли Шанежкина с подводной лодки, увидел себя студентом-второкурсником того политеха, что сейчас в ранге «университета классического типа», где сам по сей день трудится доцентом. И увидел в тот день, когда после удачно сданного экзамена в весеннюю сессию зашел с приятелем отметить это благое дело в парковое кафе-стекляшку «Елочка». Дело

ближе к вечеру, народ густо повалил с заводов и фабрик, «Елочка» плотно забила инженерным людом и работягами. Все столики облеплены. Веселый нестройный гул, как будто в стократно увеличенном масштабе слетелись пчелы в улей со сплошь стеклянными стенами и, радуясь удачному за трудовой день взятку нектара, разболтались дружески. В какой-то момент общий гомон ненадолго стих, видно одновременно, не сговариваясь, все поднесли к губам граненые стаканы. И в эту паузу студент Николай явственно услышал слова, произносимые мужиком лет сорока-сорока пяти, что сидел за соседним столиком вполоборота к нему: «...Значит, беру мелкашку наизготовку и навожу на подлодку, а оттуда команда доносится: «Торпедный аппарат товсь!»»

Собутыльники рассказчика хохочут, мол, хватил лишку приятель. Николая словно искра электрическая пронзила. Мигом вспомнился маяк Палагубский и... «Шанежкин! Ты что ли? — даже не подумав, выкрикнул он в сторону рассказчика, — истребитель подлодок!» Тот также вздрогнул, обернулся, непонимающе крутя головой: одни незнакомые лица, а кто-то его по фамилии кличет.

Словом, только через четверть часа втолковываний и принесенных от буфетной сойки стаканов с портвейном, бывший маячник, а ныне труженик вертикально-фрезерного станка на машзаводе Тимофей Шанежкин убедился: его не разыгрывают, а земной шар совершенно круглый; если перемещаться по его поверхности, то рано или поздно на знакомое место выйдешь, тем паче — знакомое лицо встретишь.

Но вот внук маршала Булганина? — Это почище встречи с бывшим маячником Шанежкиным, женившимся на работавшей по оргнабору в Мурманске девушке Даше и перебравшимся с семейством на среднерусскую родину жены, поднакопив «длинных» северных рублей на домик с участком в пригороде. А какой же русский человек не любит приврать чуток на веселую голову: «Торпедный аппарат, товсь!»

Ведь по земной поверхности миллионы и поболее таких студентов Николаев и фрезеровщиков пятого разряда Шанежкиных шагает, а теория вероятностей довольно часто их встречу допускает. Другое дело маршал в должности министра обороны самой большой в мире страны! И хотя страна эта близко к половине охватывает земной шар, считая по долготам, все одно встреча отдельно взятого первоклассника Николки с маршалом Булганиным, вовсе единичным в своем воинском звании и должности, выходит за рамки этой математической теории. Вот если бы ученые на то люди теорию невероятности придумали?

◆ В первый класс Николка прибыл уже с острова Седловатого, на который семья перебралась через пару месяцев после той самой дуэли молодого маячника Тимофея Шанежкина с подводной лодкой, выходящей из Екатерининской гавани Полярного на боевое дежурство в море. В каком — Баренцевом, Норвежском или вовсе в Атлантике близ Исландии с ее натовскими базами будет дежурить? То знал только командир подлодки.

Во многом, если не в основном, переезд с Палагубского маяка на Седловатый, как уловил уже созревающий головой Николка из разговоров родителей, был связан с отъездом материнного брата, начальника маяка Михаила Третьякова с женой Матрeной и дочерью Светланой на свою архангельскую родину. «Хватит с меня, Андреян, здешней жизни, — запомнил Николка прощальную беседу отца с дядькой Мишей осенним вечером, за бутылкой на росстанях, на кухне общего маячного дома, — восемь лет оттрубил, денегат поднакопил, пора и честь знать. В свою деревню, в Верхний Халуй, не поеду — чего там делать? В прошлый отпуск ведь побывал у матери. Мужики звали опять в колхозе председательствовать, но нет, баста, надоело за людей отвечать: там колхозников, здесь маячников. Как уже говорил, решили мы с Матрeной и Светкой осесть в Плесецке. Как-никак поселок, станция железнодорожная «Москва-Архангельск». Рядом Онега-река, на рыбалку буду ездить. Уже в поссовете обговорил насчет участка под дом. А его-то за пару месяцев срублю. Подмогу найду.

Насчет проживания этого времени с будущими соседями обговорил. А насчет работы — в два места уже предлагают, обе по нехлопотному руководству. Дома там большие ставят, в два этажа, так что будешь со своим семейством в отпуску к нам приезжать!»

Примерно так говорил дядька Миша, прощаясь с семьей Андреяна и с Заполярьем. А уже подростку Николке, младшему школьнику, мать поведала, что брат Мишко уехал в сорок пятом на Север не столько денег поднакопить, но переждать голодную послевоенную жизнь на сытом Северном флоте, а главное, побыть подальше от возможных доносов и вообще от опасной председательской должности. А во владениях флота на Крайнем Севере доносы не в чести, и «органы» представлены лишь особыми отделами частей и их интересуют только люди с погонами...

Как бы там ни было, но отъезд опекавшего сестру и ее семью Третьякова и их самих уже на Палагубском ничто не держало. Тем более, что новым начальником поставили Нифонтова, с которым у Андреяна отношения как-то на складывались. Как уже не умом, но каким-то чутьем начал понимать Николка, что все неприятности на маяках начинаются с переменой начальства.

Нет худа без добра. Оказались на островке Седловатом, где еще с двадцатых годов имелся совсем простенький световой маяк, обозначавший вход в Сайда-губу с ее рыбзаводом и указывающий якорное место для кораблей и судов у становища Захребетное на западном берегу Кольского залива... Это Николке отец рассказывал, готовясь к переезду на Седловатый. А он много чего знал об этих местах, двенадцать лет прослужив там в службе наблюдения и связи флота.

О переезде же, огорошив домашних, Андреян сообщил с порога, вернувшись на моторке из Полярного, куда его Нифонтов посылал — в обычную у маячников очередь — на почту, забрать что накопилось и отправить письма и посылки с Палагубского. А сообщил, что в городе встретил давнего, еще с военных лет, знакомого Виссариона Попова*, который только что принял под свое начальство новый маяк на Седловатом, только что построенный, самый большой и мощный на Кольском Севере. «Представь себе,— возбужденно говорил обычно молчаливый Андреян жене (отметили с Виссарионом встречу в знаменитом на весь Северный флот ресторане «Ягодка»),— здание маяка размером с заводской цех, башня железобетонная высотой под двадцать пять метров, круговой световой маяк, вращающийся прожектор с дальностью огня аж в двадцать миль! Главное, звуковая сирена до Североморска будет зимой слышна: в той башне цилиндр размером с две железнодорожные цистерны, заполненные моторным маслом, а в них поршень ходит; поднимается, масло вязкое отрывается от поршня, отсюда и рев оглашенный на много миль. Попов позвал меня, мол, два отдельных семейных дома срублены, кроме общего маячного. Один — тебе. Опять же рабочих ставок тем достаточно, не только мужикам, но и бабам хватает на всех. Ты же тракторной бригадой в войну в своем колхозе командовала? так и устройись дизелистом. Все, перебираемся. Мы с Виссарионом все обговорили. Он с почты в гидроотдел позвонил и мое заявление тут же письмом туда отправил. Давай собираться, через неделю — Виссарион заказал — катер гидроотдельский будет».

Так Николка оказался на Седловатом — крохотном островке с самым мощным маяком в советской Арктике.

◆ И все-таки только с пятилетнего возраста прежняя «кинокадровая» память уступила место настоящей, что накапливается с годами и остается на всю жизнь. Еще раз убедился в этом Николай Андреевич, вспоминая раннее детство, толчком к чему послужила изданная полтора века назад в Казани книжка по обучению солдат начальной грамоте и благонаравью. Если от проживания на Палагубском маяке оста-

---

* Реальное лицо; известный на Северном флоте и в Главсевморпути специалист по маячному хозяйству. Также известен в кругах филателистов страны: написал и издал уникальную книгу по почтовым маркам на северную тематику.— Прим. авт.

лись в памяти проблески навроде истории с Тимофеем Шанежкиным и его мелкашкой, то, прибыв на Седловатый незадолго до своего пятилетия, уже все значимое и даже мелочь всякую запоминал накрепко: и эти два года жизни на маленьком островке, на фоне последующих лет, когда совсем другие мысли вытесняют доселе казавшееся архиважным, Николка считал самыми счастливыми. Он жадно, взахлеб постигал окружающий мир, а немногих жителей острова наивно полагал средоточием доброты, ума и образца для подражания. Свой остров, полная воля и никаких тебе обязанностей! А пилить с отцом или с Толькой дрова, по своим силам колоть на поленья чурбачки, носить ведрами снег, из которого мать топила воду для всех домашних нужд, и множество других хозяйственных дел и делишек — не в счет. Это как обычно спать, есть, слушать по батарейному радиоприемнику, когда отец его включает, непонятные слова, явно неодобрительные, про английского шпиона Лаврентия Павловича Берию...

Но на то оно и счастье безмятежных детских лет от пяти до семи, что оно так резко и внезапно сменяется рутинной школьной дисциплиной. А для маячника Николки и вовсе трагедия: расставанье с семьей до начала следующего лета. И попадешь ли на свой остров на короткие каникулы в течение этих девяти месяцев? Недельные шторма не подчиняются школьному расписанию и гидроотделу Северного флота.

Настолько ужасной была для Николки отправка в Полярный, в интернат при школе, что все связанное с последними августовскими днями дома, самой поездкой на гидроотдельском катере вместе с матерью и Толькой, завершавшим в этом году свое семилетнее школьное обучение, первыми днями в интернате, хотя бы и под опекой старшего брата, пользовавшегося непререкаемым авторитетом, даже началом учебы, не закрепилось в памяти — словно вернулись допятiletние года... Только повзрослев и поумнев, сообразил уже Николай Андреевич, что здесь сработали законы психологии: сам мозг с его памятью отверг этот неприятный эпизод жизни, защитил сам себя беспомощностью...

Только на второй неделе *новой* жизни начал домашний, уютно-островной мальчик Николка приходить в себя, но этот приход ознаменовался немисливо страшной, прямо-таки выгрызающей изнутри тоской совершенного одиночества. Тем более, что деловитый Толька постоянно где-то пропадал после школьных уроков, в интернат заявлялся к отбойному ко сну часу. У него, как понимал Николка, уже своя, полу-взрослая жизнь. Во второй по счету воскресный день обещался сводить брата-первоклассника на утренний фильм в дэкаф*, но в тот день в город прибыла из Мурманска баржа с арбузами, поэтому Толька с утра надолго исчез, вернувшись однако со стадиона, куда прямо с баржи и разгрузили не одну тонну сезонного продукта, аж с двумя штуками, честно выстоянными в очереди. А сбежался весь гражданский Полярный; торговлю вели сразу с трех сторон полосатой пирамиды.

Николка же в этот свободный от школы день, теплый и тихий даже в городе, какими они и бывают в начале осени даже в Заполярье, бездумно и горестно бродил по каменистому наклонному пустырю между школой и интернатом, справа от главной в Новом Полярном улицы, спускавшейся от школьного порога до дэкафа. Вот же свойство памяти о детских годах! Прошли с тех детских лет десятилетия, уже много годов Николай Андреевич живет-то в совершенно другой стране, а с Севера и вовсе в юности уехал, но как только на календаре обозначится начало сентября с его ласковой, чуть грустящей (кончилось лето!) теплотой, тишиной природы в раздумье — а что впереди? и с вечерним запахом уставшей от жары предшествующих месяцев ночной свежести, деликатно, тонко для обоняния, перемеженной оседающей город-

---

* От аббревиатуры ДКФ — Дом командиров флота; осталось в разговорной речи с времен, когда вместо офицеров были командиры, хотя бы с военных лет ДКФ переименован в ДОФ — Дом офицеров флота.— Прим. авт.

ской дневной пылью и запахом увядающей листвы... так школьнику Николке, потом Николаю в старших классах, ему же в институте и в начальной инженерной работе, затем солидному конструктору-оружейнику Николаю Андреевичу, опять ему же доценту-ракетчику, становились не то что тоскливо — время лечит,— но как-то неопределенно задумчиво.

И первая школьная любовь, самая красивая одноклассница, внимательно в такие дни посматривала на Николку. Уже студенческая любовь скрашивала сакральные сентябрьские дни, но, выпив с однокашниками портвешку или знаменитого «солнцедара», возвращался в отдаленное от центра города Косолучье поздним вечером в задумчивости, вдыхая те же сложные запахи, усиливающиеся на городской окраине близостью к растительной природе. То же в инженерные годы, но уже возвращаясь в *свою* семью после дружеского уикэнда в парковой «Елочке». Даже сейчас, начиная университетский учебный год, весь короткий, чуть более шести-семи минут от дома до «пентагона», как именовали во всем городе корпус военно-технического факультета, он, двухмесячно отдохнувший, вместо прилива трудовой энергии испытывал некую неопределенность настроения: как матрос, прибывший из отпуска «отличник боевой и политической», входящий по трапу на свою подлодку...

Как-то за «рюмкой чая» в традиционной «Наливай-ке!» Николай Андреевич высказался по этой теме своему другу, многомудрому профессору Скородумову, стихийному знатоку психологических наук. Тот пару-тройку минут промолчал, разлил по следующей, а выпив-закусив, признался: «Да, Андреевич, и у меня схожее наблюдается. Когда пошел в первый класс, на второй неделе учебы у меня во дворе чужой парнишка моего возраста хотел угнать мой велосипед «Орленок», что старший брательник мне отдал. А я тому пацану морду набил. С тех пор в начале сентября у меня как-то кулаки чешутся».

...Хотя и заслуженный профессор, но такую песню души испортил!

◆ «Человек есть существо, наиболее из всей живой природы быстро привыкающее к самым различным изменениям условий жизни» — в той же беседе в заведении «Наливай-ка!» философски заметил Игорь Васильевич, а Николай Андреевич уже сейчас перенес эти слова на воспоминания о начале школьно-интернатской жизни первоклассника Николки.

...Один из принесенных со стадиона арбузов Толька вручил младшему брату, педагогически пояснив: «Жри со своей братвой в палате (так комнаты в интернате именовались); по понятиям здесь есть одному западло». И ушел по своим полувзрослым делам. Хотя и вечерело, но съеденный перед интернатским ужином арбузище кило на четыре-пять, а затем и сам ужин, отогнали тоскливые размышления Николки. Вышел на улицу и впервые обратил внимание: в городе на одного штатского приходится два-три в военной форме, преимущественно во флотской: матросской, старшинской, офицерской.

Конечно, в эпизодах палагубской жизни, сознательной уже на Седловатом, Николка видел людей в черной военной форме. Обычно это наезжающие политотдельцы из гидроотдела флота. Но здесь, в городе, форменные, особенно ближе к вечеру, косяками шли, как треска весной или рыбка мойва ранней осенью. Опять же птицы гаги, что стреляли маячники, в ноябре-декабре. К зиме ближе и тюлени с их песьими мордами кружили вокруг островов, но их никто не стрелял: кому они нужны? Опять же жалко — здоровые звери, вреда не несут людям.

...Именно стайностью определялась в голове маячного пацана Николки вся окружающая его на острове жизнь, природная и рукотворная: стаи трески и мойвы в воде, тюлени и дружно выпрыгивающие из воды, делающие акробатические (он уже побывал в Калуге в цирке под шатром) подскоки и вновь уходящие в морскую воду касатки, опять же зимние стаи гаг в воздухе, а в ясную погоду без туманов и снежных зарядов намного выше гагачьих станиц, выверенными порядками летят на учебно-

боевые задания самолеты-торпедоносцы Северного флота. Мимо же острова беспрерывно, кильватерно и вразнобой, встречно и на обгон круглые сутки, что особенно видно при незаходящем летнем солнце, с моря и на выход в море идут военные корабли, рыболовные траулеры и торговые суда под флагами всех морских стран.

Иного строя жизни он себе и не представлял: все движется стаями, а военные люди, их корабли и самолеты — высшим воплощением стаи: строем. Даже если идут или стоят не по команде «смирно». В дошкольной жизни, кроме редко наезжающих на маяк политотдельских офицеров — одного, двух, редко трех зараз,— военных в большом чине видел Николка в поезде, когда их семья в родительский отпуск ехала летом в отцову калужскую деревню. Весь долгой двухсуточный путь от Мурманска до Москвы, с раннего утра до полуночи, когда работает вагон-ресторан, мимо открытого купе, а иных вагонов кроме общих, в летнее отпускное время, когда почти все население мурманского края устремлялось в южную сторону, в поездах не имелось, где размещалось их семейство, встречным вольным строем непрерывно шли по проходу между купейными и боковыми полками военные отпускники.

Николка скоро сообразил, в какой стороне находится заветный вагон-ресторан, поскольку в его направлении люди в форме шли поспешно и с напряженно серьезными выражениями лиц. Однако на плотно сжатых губах, особенно в выражениях глаз, явно читалось вожеление, как у измученного жаждой путника, стремящегося к роднику, а в городе Мурманске или Калуге — к квасным бочкам (а отец к бочкам пивным). В обратном же пути, из ресторанного вагона, военные шли неторопливо, с разговорами попарно, с неуставно расстегнутыми верхними пуговицами кителей, слегка пошатываясь, словно в трехбалльную корабельную качку, словесно заигрывая со встречными молодыми женщинами.

Разных званий и родов войск двигались мимо Николки служивые отпускники; в черной форме шли офицеры корабельные и морской авиации, сверхсрочники-старшины, совсем редко встречались матросы, которым выпала редкая удача летом получить краткосрочный отпуск на десять суток, не считая времени пути, как отличнику боевой и политической... Поменьше числом черномундирных двигались офицеры сухопутные: пехотные, стройбатовские отцы-командиры, различные танкисты-артиллеристы, опять же летчики, но не по ведомству флотской авиации.

С особы восхищением Николка смотрел на последних: как привыкли летать эскадрильями, так и в вагон-ресторан шли кучно, свойскими компаниями. Форменные кители цвета хаки, синие галифе, до зеркального блеска начищенные хромовые сапоги — мало чем уступали в щегольстве морским офицерам. А восхищался Николка другим. Тогда офицер высоко стоял, даже в отпускное время полагался на венной службе, поэтому личное оружие составляло необходимую часть военной формы. И в ресторан они шли, не расставаясь с ним. Понятно, морякам такового не полагалось, кроме офицерских кортиков* к парадной форме одежды. Мичманам и старшинам-сверхсрочникам даже этим не приходилось щеголять. Различные пехотные и прочие наземные офицеры носили свои *ТТ* в кобурах, прикрытых кителями. Но вот летчикам полагался «стечкин» в большой деревянной кобуре-прикладе, которую под фалдой кителя и наполовину не прикроешь. Так и шли они по коридору вагона, придерживая свое оружие правой рукой, чтобы не стучалось о деревянные же купейные перегородки раскачивающегося на поворотах рельсового пути вагона.

И глядя на веселых летунов с советскими маузерами на боку, Николка замечтался, вспомнив виденный прошлым летом в сельском клубе отцовою калужской деревни фильм из махновских времен. Прикрыл глаза, лежа на вагонной верхней полке, представилось: резко затормозил и остановился состав, а в окно видно, как эти самые

---

* Где-то в описываемые времена, а может и раньше, ввели было кортики и для летчиков — для всех, обязательно морских. Но военные моряки забастовали, как один перестали носить свои. В итоге кортики у летчиков изъяли.— Прим. авт.

махновцы на взмыленных конях уже к вагонам подскакали. Но не тут-то было! Как раз проходящие в сторону ресторана летчики мигом расстегнули свои деревянные кобуры, вытащили и приладили к ним «стечкины», открыли меткий огонь через окна на нападающих. Открыл глаза: поезд действительно остановился. «Вот и до Петрозаводска докатились», — пояснил отец. Николка посмотрел в окно: над фасадной аркой железнодорожного вокзала большими буквами: *Петрозаводск*, а пониже и буквами поменьше: *Petroskoj*, Карело-Финская республика... Чтобы финны не зарывались.

♦ А вот в Полярном уже не военные выделялись одиночками или группами среди разных штатских, но именно не столь частые последние бросались в глаза в сплошьяке идущих во всех направлениях, по всем румбам, говоря по-флотски, где строем, вольной компанией или одиночками деловито людей в форме. Преобладающей морской: Полярный неторопливо передавал только-только отстраивающемуся Североморску права главной базы Северного флота. Но и речи не могло идти, чтобы лишился он прозвания города подводников. Они и составляли большую половину заполнявших улицы города военных моряков. Скоро Николка с подсказки Тольки, интернатских и школьных, что одно и то же, сверстников начал различать моряков, офицеров, старшин и матросов, по их корабельной принадлежности. А сами корабли по строгому ранжиру густо облепили все пирсы городского берега Екатерининской гавани. Не просто у пирсов пришвартованными стояли, но по два, три и более бортами друг к другу. По-флотски это называется стоять у пирса в один, два и более номеров, соответственно. Швартоваться же поодиночке — роскошь, длина пирсов не резиновая. А кораблей много.

Преобладали подлодки, в два-три номера, нос в корму почти встык, занимавшие пирсы от горы Энгельгардта, что у переймы, восточной оконечности города, до траверса Циркульного дома. У западной же оконечности небольшой мыс, вдающийся в Екатерининскую гавань, образовывал две бухты, в одной из которых густо кучковались сторожевые катера ОВР*, а другая плотно забита тоже катерами, но уже торпедными, и «охотниками», то есть малыми противолодочными кораблями. Или средними? — Здесь Николка еще не сообразился. А на рейде гавани всегда стояли одна-две плавбазы, приписанные к базировавшейся в Полярном эскадре подлодок. Чем-то они отличались от других кораблей: посадка угловатая, форштевень носа слишком прямой... Много чего знающий Толька все разъяснил: плавбазы эти — бывшие немецкие рейдеры крейсерского класса, доставшиеся нам по репарациям. Конечно, с несколько переделанными палубными надстройками и трюмным хозяйством.

...Различал же Николка моряков по корабельному составу и принадлежности к тем или иным внутрикорабельным боевым частям по нарукавным нашивкам у матросов и старшин. По знакам отличия так же и офицеров — в самом начале сентября приказом по гарнизону их еще не перевели с летней формы одежды на осеннюю, кители и форменки еще не скрыли их под бушлатами и шинелями. Среди офицеров во вроде бы одинаковой черной форме Николка скоро начал выделять по цвету погон «линейных» корабельных офицеров и технических командиров боевых частей, штабных и политработников.

Конечно, встречались в городе военные и в защитного цвета формах одежды, причем такие офицеры имели русские лица, но вот их подчиненные, рядовые, все почти либо азиаты или похожие на русских, но между собой говорящие на иностранных языках. Все тот же брательник Толька разъяснил: это стройбатовцы; редкие русские — которые сидели, в основном шоферы, аварии учинившие; которые из среднеазиатов, тех в стройбат отправляют за плохое знание русского языка и малограмотность. А вот «иностранны» — это прибалты, сомнительные по благонадежности по-

---

* То есть службы охраны водных рубежей. — Прим. авт.

литической, их всех скопом в партизаны, как принято называть стройбатовцев, верстают. Даже входящий сейчас в известность певец «партизанил» в их городе...

Народ в Полярном относился к партизанам-стройбатовцам по-разному. Военные моряки как будто не замечали их; вежливо, но не замечали. Женщины, особенно офицерские жены, как-то опасливо поглядывали в сторону чернопогонников. Гражданские, которые умудренные жизнью, повоевавшие, поглядывали на солдат с черными погонами сочувственно. Ведь стройбатовцы не служили, а работали, причем труд их был далеко не из легких, поскольку все строительные работы в городе на голых гранитных скалах и сопках, от возведения жилых и служебных зданий до устройства пирсов и выработки огромных искусственных пещер под хранилища корабельных боеприпасов, в основном связаны со взрывными работами в этих скалах, включая выравнивание площадок под любые строения. И хотя в городе размещалась крупная строительная часть, но на улицах чернопогонники встречались нечасто; после такого рабочего дня не разгуляешься: устало добрести до казармы, поздно поужинать и на боковую. А в глубоком сне одному снится цветущая по весне Ферганская долина, другой же видит пересыпанные янтарем песчаные дюны и празднование Янового дня: девушки и парни в венках на головах прыгают на лесной опушке через костры... Особенно в полярную ночь только в таких снах и отдыхает воин-строитель. Правда, зарплатой они не обижены.

◆ Но как же Николка с первых школьно-интернатских дней получил прозвище внука маршала Булганина? А от своего маячного дошкольного детства. Так не только сейчас вспоминающий свое северное житье-бытье, умудренный жизненным опытом седовласый доцент Николай Андреянович однозначно решил, но намного ранее студент Николай, которого от этого житья-бытья отделяло всего два-три года, некоторые черты своего характера сам себе объяснял. Значит наступила тогда пора самосознания.

Неважно, доцент ли Николай Андреянович или студент политеха Николай истоки своего северного детства анализировал, но сути дела это не меняет. Исключая ежегодные летние отпускные поездки в отцову калужскую деревню Дворцы, что рядом с бывшим монастырским селом Тихонова пустынь, переименованным, явно по ошибке, в районное село Льва Толстого, дошкольный Николка на маяках Палагубском и Седловатом постоянно видел не более десятка людей. Да еще своя семья, но она воспринималась детским умом как единое целое, причем единое вместе с ним. А вот все остальные маячники понимались поодиночке: один, другой... девятый или десятый, он же и последний. Но и они, в общем-то, были людьми общего с Николкой места постоянной жизни, а у взрослых и работы: самой окончности мыса Палагубский, что разделяет входы в губы Пала и Оленья, или крохотного острова Седловатого, что близко к западному берегу Кольского залива, опять-таки напротив растянутого мыса между входами все в ту же Оленью губу и губу Сайда. И только-только созревающий ум маячный пацан Николка полагал, что есть два совершенно различных мира: большой и чужой, который он как-то сбоку, из вагонного окна видел в летние отпускные поездки. И свой маячный, данный ему от появления на свет, состоящий из неизменных скал, очертаний берегов, маячных строений, своей семьи, других маячников: взрослых и детей. Такими же равноправными участниками этого единого *своего* мира, отъединенного от большого *чужого*, Николка полагал несколько овец и барана Борьку на Палагубском, а на Седловатом корову лопаря Седалина, что он завел на потеху всем мурманским маящикам. Тех же собаку и кошку в общем маячном доме и белку, что они привезли из очередной поездки в калужскую деревню. Ручная белка спала в своей клетке, а днем бегала по дому, опасаясь только кошки. Более того, Николка даже вылавливаемую удочкой с берега или наподдев со шлюпки треску и прикалываемую на отмели в отлив моря пикой — палкой с наколочником из гвоздя-сотки — камбалу, стреляных маячками зимой птиц гаг, про-

плывающих рядом с берегом тюленей со смешно торчащими из воды песьими мордами и акробатически резвящихся касаток — считал принадлежностью своего мира. Условно к нему же относил и проходящие мимо подводные лодки, другие военные корабли и гражданские суда.

И настолько он привык к семи годам жизни, особенно в последние два житья на острове Седловатом, к *своему* миру, что полностью отъединил его от остального — малознаемого и в общем-то неинтересного для него, особо и не нужного. Где родился, там и пригодился — Николка уже улавливал потаенный смысл поговорок матери, что она во множестве знала из своей деревенской архангельской жизни.

Вот и случилось такое, что нимало осложнило жизнь Николки, потом Николая даже в студенческом возрасте, а в каких-то особенностях и по сию пору ощущается почтенным Николаем Андреевичем, а именно: гидроотдельский катер, собиравший с северной части побережья Кольского залива школьников, в считанные часы доставил Николку из своего мира в совершенно чужой для него: интернат и школа в Полярном. И даже не столько сам интернат, где его опекал старший брат Толька, имевший авторитет в этом заведении, и не школа, в которой молодая, но педагогически талантливая учительница Анфиса Алексеевна сразу взяла под опеку Николку и еще одного парнишку с маяка Великого. Главное, ошеломившее его событие — это огромное число незнакомых, а если со временем и ставшим знакомыми, все одно чужих людей из другого мира. Почти панический страх охватывал его, когда в той или иной обстановке приходилось общаться с ними. Насколько силен был и долгов по жизни этот страх, неловкость в общении, почти биологически инстинктивный, что нынешний Николай Андреевич и сейчас мысленно краснел, вспоминая конфуз, случившийся в седьмом уже классе. Прием в комсомол был организован в школе по-классно. Поодиночке, по списку входили ребята в директорский кабинет, где на диване и стульях разместилась приехавшая из Североморска, тогда уже райцентра вместо Полярного, из райкома комсомола приемная комиссия. Николке особо запомнился молодой военный летчик: в кителе с небольшой, но уже в две-три расцветки ленточек колодкой боевых наград, обутый в полярные унты (дело было зимой). Особого какого-то волнения в ожидании вызова он не испытывал, но войдя в кабинет, внезапно — и единственный раз в жизни! — потерял дар слова. В воспоминаниях Николая Андреевича это не фигура речи, но именно потеря способности говорить, отвечать на простые вопросы. Не выходили слова и иные звуки из рта уже взрослому парню — и все тут! Это поняли члены комиссии, перестали задавать вопросы, секретарша зачитала положительную характеристику. Летчик в унтах поздравил Николку комсомольцем, дружески пожал ему руку, подмигнув: не робей, паря!

...Что уж здесь говорить о начале его школьно-интернатской жизни?

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Аркадий Мар
(г. Нью-Йорк, США)

АДРЕС ИЗ НИКАРАГУА

Наш постоянный автор.

На уроке литературы Светлана Алексеевна вдруг сказала:

— У меня есть адреса школьников из других стран. Кто хочет с ними переписываться?

— Все! — дружно закричал класс и поднял лес рук.

— Петрова, ты же переписываешься с девочкой из Болгарии?

— А я еще хочу, — тут же заняла плакса Петрова.

— Нет, Лена, — произнесла Светлана Алексеевна. — Адресов у меня мало, на всех, к сожалению, не хватит. Поэтому придется тебе подождать. А сейчас прочитаю одно письмо — как образец.

Светлана Алексеевна встала из-за своего учительского стола, подошла к доске, чуть прищурила близорукие глаза и начала с выражением читать:

«Дорогой друг, я живу в Советском Союзе, в городе Саранске, и очень хочу с тобой переписываться. Город наш очень красивый. В нем много высоких домов, парков, скверов. Мы все гордимся, что наш город дает стране очень много прекрасных промышленных товаров.

Учусь я отлично, на одни пятерки, собираю металлолом, активно участвую в жизни школы. Когда вырасту, обязательно получу хорошую профессию. А кем мечтаешь стать ты? Если хочешь переписываться, то ответь мне. С пионерским приветом...»

— Мне кажется, это хорошее письмо, — заметила Светлана Алексеевна. — И, думаю, вы должны придерживаться этого образца. А теперь, кому дать адреса?

Она пошла по рядам и начала раздавать листочки с адресами, написанными ее четким красивым почерком.

Вдруг она остановилась.

— У меня остался последний, — произнесла Светлана Алексеевна. — Я решила его дать Гене Рослякову. Хотя Гена не отличник, не хорошист и, прямо скажем, иногда даже не троичник, но, может, именно этот адрес поможет ему подтянуть учебу.

Генка удивленно взял маленький, выданный из блокнота в клеточку листок.

На нем нерусскими буквами был написан адрес.

— Это адрес школьника из Никарагуа, — сказала Светлана Алексеевна. — А вы все знаете, как тяжело приходится сейчас этой стране. И еще. Переписываясь, вы должны помнить: нужно хорошо учиться, быть всегда достойным звания пионера.

На перемене Генка направился прямо в учительскую и неуверенно затоптался на пороге.

— Тебе, Росляков, что нужно? — поинтересовалась завуч Сусанна Михайловна, оторвавшись от горки тетрадей, которые она проверяла.

— Мне географичка велела карту принести, — соврал Генка.

— Не географичка, а учительница географии Нина Андреевна, — строго поправила Сусанна Михайловна. — Учишь, учишь, всю, кажется, душу вкладываешь, а в ответ никакого уважения. Просто бросить все хочется... Карты вон там, в углу, за шкафом с классными журналами.

Генка подошел к шкафу, нашел политическую карту мира и вместе с ней пошел в маленькую комнатку рядом со спортзалом.

Физкультурник Эльмир относился к Генке лучше всех остальных педагогов.

— Ты, Росляков, — говорил он, — будущая спортивная звезда. Координация природная, рост подходящий. Просто прирожденный баскетболист. Скоро начну тебя персонально тренировать.

И Генка, равнодушный почти ко всем предметам, на физкультуре преображался.

— Пас, мне пас! — кричал он одноклассникам и, получив мяч, обводил соперников, прорывался к кольцу и в высоком прыжке клал мяч в корзину.

— Молодец, Росляков, — громко хвалил Эльмир и всегда в конце урока выводил ему в классном журнале аккуратную пятерку.

Поэтому из всего класса в маленькую комнату — царство Эльмира, где хранились мячи, металлические планки для прыжков в высоту, зеленые пластмассовые обручи для хула-хупа, другая всячина — пускали одного Генку.

Сейчас Эльмир сидел на стуле и вертел в руках синюю кроссовку.

— Надо же, подошва начисто отвалилась, — сообщил он Генке. — Еще фирма называется «Адидас». Бракоделы. А ты что это приволок?

— Карту.

— Зачем?

— Хочу Никарагуа найти. Страну такую.

Генка развернул карту, и она, как разноцветный пестрый ковер, покрыла пол.

— Ищи в Америке, — подсказал Эльмир, — Ладно, ты побудь здесь, пока я урок в третьем «бэ» проведу.

— Ага, — кивнул Генка и встал на колени.

Никарагуа он начал искать с самого верха Америки.

Его палец медленно проехал зеленую Канаду, оранжевые США, желтую Мексику. Дальше была сиреневая Гватемала, салатный Гондурас, красный Сальвадор.

Никарагуа он чуть не проскочил — маленькую светло-коричневую полосу земли, окруженную по бокам огромным океаном. И голубую каплю озера с островом посередине.

— Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели, — читал Генка незнакомые, таинственные названия...

— Вот ты где, Росляков, скрываешься! — Рассерженная Сусанна Михайловна грозно стояла в дверях. — Как ты мог меня обмануть! Из-за тебя в шестом классе урок географии чуть не сорвался! Для чего тебе карта?

— Никарагуа найти.

— Опять врешь! Чтобы завтра отец был в школе. А то до уроков не допущу. Понятно? Сейчас же отнеси карту обратно...

Генка закинул портфель за спину — так удобнее — и вместо протоптанной дорожки зашагал прямо по снежной целине.

Свежевыпавший снег поскрипывал под ногами, словно сокрушался, что Генка топчет его ботинками. Генка наклонился, зачерпнул ладонями снег, подышал не него, слепил снежок, подбросил и ударил ногой.

Удар получился хороший — снежные брызги веером сыпанули во все стороны. Сейчас он придет домой и сядет писать письмо.

Как там?

Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели.

И голубая капля озера с островом посередине...

Генка открыл ключом дверь, быстро разделся, прошел на кухню — там он всегда делал уроки, чтобы не мешать родителям смотреть телевизор, — вырвал из тетрадки чистый лист и задумался.

Никарагуа представлялась ему так:

Горы арбузов и дынь, кураги, бананов, ананасов (однажды плакса Петрова принесла в класс попробовать), яблок, груш, помидоров, оранжевых апельсинов с крошечными наклейками «Магос» на крутых боках, шоколадных конфетных наборов, бутылок апельсиново-желтой «фанты» и черной «пепси-колы».

А среди всего этого изобилия бродят ручные грустные обезьянки с длинными цепкими хвостами, полосатые, похожие на плюшевых тигры и таинственные лемуры, которых он один раз видел в «Клубе путешественников». Над всей Никарагуа — звук индейской свирели, долгий, заунывный. И огромный кондор неподвижно парит в ослепительно-ясном небе.

Генка еще раз посмотрел на адрес и аккуратно вывел:

«Здравствуй, дорогой друг!»

Потом задумался. Погрыз ручку.

Но в голову ничего не приходило, и он начал писать, как в образце:

«Я живу в Советском Союзе, в городе Саранске. Я очень хочу с тобой переписываться. Саранск — красивый город. В нем много высоких домов, парков, скверов. Учусь я на одни пятерки, а когда вырасту, обязательно стану...»

Генка на секунду остановился.

«...а когда вырасту, обязательно стану моряком. А кем хочешь стать ты? Пиши мне по адресу: Советский Союз. Саранск. Улица Паровозная, 12. Рослякову Геннадию Артемьевичу».

Полное имя и отчество он добавил для солидности.

Генка поставил точку, прочел письмо вслух. Получилось вроде неплохо.

Но все равно чего-то не хватало. И он решил дописать...

За окном стемнело, в кухню заглянула совсем молодая яркая луна, а Генка все писал и писал.

Про то, как с отцом ходил в лес и поймал ежа. Еж жил в их квартире долго. Ночью шушарил газетами, а однажды зачем-то изгрыз мамины туфли, и она выкинула его на улицу. А он, Генка, так его и не нашел. Что вечером приходит в школьный спортзал тренировать бросок и уже попадает в кольцо сорок два раза из пятидесяти. А когда вырастет, обязательно будет выступать за московское «Динамо» — в нем играет центровой Владимир Жигилий, его любимый баскетболист. Тогда, может, придет в Никарагуа на баскетбольный турнир...

Потом Генка побежал на почту, вложил письмо в конверт с дорогой, сорокапятикопеечной маркой, опустил в почтовый ящик. И почему-то ему стало грустно...

Ответа не было очень долго. Но однажды вместе с газетами он вытащил из почтового ящика узкий голубой конверт. Обрадовавшись, Генка из ящика комода достал ножницы и аккуратно отрезал вдоль конверта узкую полоску.

На пол вдруг выпала маленькая фотография.

Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза.

Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал настоящий автомат.

«Здравствуй амиго Геннадий Артемьевич, — было написано на листочке в клеточ-

ку.— Я долго не ответил на твое письмо патаму что ездил на уборку кофе. Урожай в этот год очень хороший и вся республика радуется поэтому. Мы собирали кофе в провинции Хинотега но работать мешали контрас. Жгли склады убивали сборщиков. Нам дали оружие и мы уже участвовали в бою. Контрас бежали через границу в Гондурас а мой друг Пако ранен в голову.

Я учусь в седьмом классе учу русский язык но знаю еще не харашо и по химии и истории тройки. Но я беру пример с такого отличника как ты и клянусь революцией исправить оценки.

Зовут меня Гильермо Гарсия у меня есть мама папа шесть братишек и сестренки. Я очен лублю играть в футбол но времени мало. Нужно помогать революции.

Досвидание амиго Геннадий Артемьевич. Твой друг из Никарагуа Гильермо Венсеремос. Мы победим».

Сначала Генка хотел принести письмо в класс — похвастаться. Но вспомнил, что написал, будто круглый отличник. И не решился. Еще засмеют. Скажут, брехло ты, Генка, наврал с три короба, а сам из троек не вылазишь. А Генка не любил, когда над ним смеялись.

Он много раз перечитывал письмо, где было много ошибок и отсутствовали запятые, и там, где Гильермо писал о том, как ранили его друга, у Генки на глазах чуть не выступали слезы.

— У-у, сволочи,— ненавидяще шептал он.— Фашисты, белогвардейцы проклятые, контры. Подождите!

И после школы шел в тир.

Старичок Матвеич брал Генкины двадцать копеек, долго отсчитывал крошечные пульки, потом опять садился на колченогий стул и начитал читать потрепанную книгу Мопассана «Милый друг».

Генка выбирал ружье, заряжал, прищуривал правый глаз и нажимал на курок.

Пульки громко чпокали о металлических зайцев, волков, медведей, сплющивались и отлетали в сторону.

— Ну что,— говорил Матвеич,— отрываясь от книги.— Опять промазал? Сколько раз учить: выцеливай под обрез и плавно курок спускай. А ты дергаешь. Ладно, вот тебе еще три пульки. Бесплатно.

И Генка стрелял опять...

Ночью ему снилось, как они с Гильермо лежат в засаде.

По синей горе со снежной макушкой карабкались контрас. Они ползли поджигать кофейные поля.

— Стреляй! — кричит Гильермо, и его автомат выбрасывает язычки огня.

Генка наводит винтовку на толстого бандита, увешанного пулеметными лентами, выцеливает под обрез и, как учил Матвеич, плавно нажимает на курок. Контрас взмахивает руками и по крутому склону катится прямо в пропасть...

Через неделю он получил еще одно письмо.

«Салуд амиго Геннадий Артемьевич,— писал Гильермо.— Я получил по истории пять всю ночь учил урок как альмиранте Колумб открыл Америку. Синьора учительница меня хвалила. Наш класс помогает строить дома для бедных и я уже умею штукатурить.

Хочешь буду учить тебя испанскому языку. Революция будет революсьон. Родина — Патрия. Товарищ — компаньеро. Амиго — друг. Контрас — враги. Но пасаран — они не пройдут.

А как правильно по-русски будет нравитца. Мне нужно сказать это одной девочке.

Буаносеро амиго. До свиданья. Мы часто ходим к Пако в больницу и я рассказал ему о тебе»...

Генка начал заниматься.

Теперь он сразу шел домой и обкладывался учебниками. Стиснув зубы, зубрил уроки, а в классе тянул и тянул руку, чтобы его вызвали отвечать.

И впервые за долгие месяцы в его дневнике появились четверки.

Вечером же, когда отец и мать садились смотреть телевизор, он на кухне писал письма Гильермо.

Письма выходили честные: как прожил день, о чем думает, что хочет совершить. Потом вкладывал в конверты и надписывал адрес в Никарагуа...

Снег давно растаял, деревья выбросили стрелки молодых глянцевых листочков, потом зацвела сирень, но Гильермо все не отвечал.

Генка даже ходил на почту узнавать, но усталая почтальонша Верочка накричала на него:

— Что, ем я, что ли, эти письма? Не получаешь, значит не пишут. Сто лет нужен ты в этом Никарагуа!

Наступил конец мая, и скоро их должны были распустить на каникулы.

— А что, Генка,— как-то вечером сказал отец,— учебу ты подтянул, и у меня есть такое предложение. Давай возьмем мать и все вместе махнем под Саратов, в деревню. Родни там — полсела. К июлю, в аккурат, на сенокос попадем. И тебе интересно крестьянский труд поглядеть.

И Генка обрадовался...

Постепенно образ Гильермо начал тускнеть в его памяти, и только изредка перечитывал он письма из Никарагуа.

Но однажды почтальонша Верочка опустила в их почтовый ящик узкий голубой конверт.

«Компаньеро Геннадий Артемьевич,— было написано незнакомым почерком.— Я долго болел и не мог сообщить. Гильермо умер. В феврале контраст взорвали нефтехранилище. Весь город тушил пожар. Гильермо получил сильные ожоги. Он часто вспоминал о тебе.

Мы всегда будем помнить Гильермо. Его друг Пако».

Генка сжал зубы, прищурился, чтобы не заплакать. Потом из самой любимой книги «Три мушкетера» вытащил маленькую фотографию.

Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза. Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал автомат.

И Генка заплакал.

Слезы текли и текли по его лицу, скатывались в рот, и там становилось солоно. Перед глазами поплыли радужные пятна, все расплылось, Генка увидел горящие дома, убитых, Гильермо, стреляющего из автомата. Вдруг Гильермо обернулся и что-то крикнул ему...

Генка бросился на кухню, отыскал коричневую сумку, с которой мать ходила в магазин, бросил в нее буханку хлеба, пачку печенья, рыбные консервы «Частик в томатном соусе» и, захлопнув дверь, побежал на остановку.

Он дождался троллейбуса номер пять, идущего на железнодорожный вокзал, устроился на последнем сиденье, на коленях развернул карту.

Ехать было долго.

На поезде до города-порта Одессы, потом на пароходе через Черное и Средиземное моря в Атлантический океан.

И только потом будет далекая страна Никарагуа, которой нужно помочь.

Маленькая светло-коричневая полоска земли на карте, окруженная по бокам огромным океаном.

И голубая капля озера с островом посередине.

Анатолий Труба
(г. Москва)

ХРИСТОВА НЕВЕСТА

Чудо
Рассказ-быль

Анатолий Сергеевич Труба (Александр Сергеев) родился р.п. Первомайский Тамбовской области. Директор — главный редактор литературно-исторического журнала «Александрь». Рабочий секретарь центрального аппарата Союза писателей России. Профессор, доктор экономических наук. Занимается литературной, научной и преподавательской деятельностью. Является автором 16 художественных книг, 18 монографий, 130 научных статей. Лауреат ряда международных и российских литературных и журналистских премий.

На окраине села в покосившейся избе тускло горела лампада, освещающая лики святых. На иконы страстно молились женщина и девочка. Глаза женщины были влажные и, стоя на коленях, она умоляюще не сводила глаз с иконы старца Серафима. Подросток полулежал на полу, как-будто не видя ничего вокруг, читал наизусть молитвы. Мать часто сбивалась и время от времени начинала повторять священные слова вслед за своей дочерью.

Закончив молиться, женщина взяла девочку, ноги которой свесились безжизненными плетями, на руки и положила на кровать. Вытерев кончиком платка глаза, тихо сказала:

«Спи, Марфушка, батюшка Серафим нам поможет. Не может не помочь, всем помогает. Вот завтра поедем к нему и все будет хорошо».

Тяжело вздохнув, Наталья Ивановна, так звали женщину, еще раз повернулась к иконам, перекрестилась и легла на стоявшую в соседнем углу кровать.

Ребенок беззаботно засопел, а тяжелые думы все не выходили из головы матери. Несчастья преследовали бедную женщину всю жизнь. Родилась Наталья в семье средней, достаток был и жили спокойно. Сама она была работящей и все в ее жизни складывалось вроде бы ровно, все как у людей, но встретился на ее жизненном пути Петр, красивый парень из бедной семьи. Сама не понимая как, девушка влюбилась в него и, вопреки родительской воле, молодые обвенчались в церкви и стали жить.

Родители не простили непослушной дочери такого решения и благословения на брак не дали. И пошло у молодых все не так. На их беду началась война Японская. Наталья была на сносях, срок рожать подходил, а ее Петра забрали в армию. Скоро родилась дочь, тяжело девушка пережила роды, да и ребенок рос болезненный, еле выходили. Решила молодая мать назвать дочку Марфой.

Через полгода случилось горе: пришло известие, что муж ее Петр убит на войне. Вмиг почернела несчастная женщина, состарилась в момент, и даже близкие не узнавали ее. Как пережила такую беду, Наталья сама не помнит. Никто помогать ей не спешил, а дочь растить надо. Ох и похожа стала дочь на отца своего покойного. Росла резвым ребенком, все схватывала на лету.

Но судьба снова испытывала эту семью. В прошлом году исполнилось Марфе во-

семь лет, купалась она с соседскими ребятами на пруду, что в центре села. От этого водоема и дошла шатающейся походкой до дома, легла на кровать и наутро не смогла с нее встать. Отказали ноги.

Мать плакала, рыдала, расспрашивала дочь, что случилось, а девочка смотрела на мать виноватыми глазами и только просила прощения, отвечая, что ушиблась по неосторожности.

Как этот год прожила Наталья Ивановна, сама не понимает. В будни батрачила на соседей, а в воскресные дни и праздники брала ребенка на руки и несла в церковь, где, усадив девочку на лавку, неистово молилась Богу.

Марфу пора было отдавать в школу, но обучаться она не могла. И все равно, дочь росла не по годам разумная, схватывала все на лету. Со временем выучила многие молитвы и Наталья стала замечать, что, молясь, сама стала повторять слова за дочерью.

После завершения одной из воскресных служб мать взяла ребенка на руки и тут к ней подошла женщина в монашеском одеянии.

— Я вижу горе у вас? А как из беды выбраться вы не знаете,— начала разговор подошедшая.— Слышали вы о святом старце Серафиме?

— Как не слышать? Лет десять назад к нам в губернию сам государь — император приезжал. На всю Русь возвеличили святого,— ответила Наталья, усадив девочку на лавку у стены. И, разогнувшись, посмотрела на собеседницу.

— Точно так,— продолжила разговор старица,— десять лет прошло и люди все идут в Саров помолиться преподобному. Вот и ты иди и проси за дочь. И излечитесь.

Наталья Ивановна посмотрела на монахиню со страхом и неверием:

— Как же мы доберемся туда, да и поможет ли нам, грешным, батюшка Серафим?

— В дни прославления преподобного Серафима Саровского от святых его мощей произошло неисчислимое множество благодатных исцелений. Бросает костыли крестьянин с разбитыми упавшим деревом коленными чашечками; с глаз крестьянки, лишившейся зрения за двадцать лет до того, как чешуя, спадает слепота; ребенок, все кости которого искривлены, вдруг распрямляется, кричит: «Я хочу бечь!» — и бежит,— затараторила монашка.— Иди и спасай дочь.

С этой встречи прошло пять дней. Много передумала бедная мать. И все же решилась на такое путешествие. Собрала оставшиеся деньги, договорилась с соседом о поездке, и вот теперь женщина, никогда не покидавшая родного села, со страхом ожидала утра.

Петухи запели, вскочив со своей лежанки, Наталья, умывшись, начала неистово молиться и собираться в дорогу. Отнеся еще спавшую дочь на телегу и прикрыв ее одеялом, женщина села рядом. Окликнув лошадь, сосед взял вожжи и направил на Астраханский тракт размеренный шаг лошади по накатанной дороге. Путешествие прошло на удивление легко. По приезду мать и дочь молились не замечая времени. С грустью покидали они обитель Преподобного Серафима, но чуда так и не увидели. Погрузив девочку на телегу, мать отправилась в обратный путь. Когда в лучах заходящего солнца показались крайние дома родного села, мать приподняла голову девочки, чтобы та могла посмотреть на село.

Потекли обычные дни. Наталья продолжала работать на соседей и не переставала ходить в церковь. Но однажды, в одно из воскресений вернувшись из храма и положив дочь на постель, мать сама легла отдохнуть. Вдруг женщину разбудил непонятный шум. Повернув голову, Наталья с изумлением увидела, что ее дочь сидит на краю кровати свесив ноги и пытается встать.

Не веря глазам своим, мать подбежала к дочери и, схватив ее, помогла стоять на дрожащих, ослабленных ногах. Они стали рыдать и в одном порыве бросились молиться перед иконами...

С тех пор девочка быстро пошла на поправку и уже через месяц свободно ходила по улице. Все соседи дивились произошедшему чуду, о чем рассказывали друг другу.

И хотя дочь с матерью жить богаче не стали, но появившийся просвет очень сильно вдохновил их.

Марфа стала петь в церковном хоре, хотя отказывалась учиться в школе, так как за время уединения отвыкла от сверстников, не переносила шума, мирской суеты. Девушка росла тихой, застенчивой и несмотря на безграмотность выучила все молитвы наизусть и могла самостоятельно исполнять различные церковные требы, что стало приносить определенный доход в семью. Ее часто приглашали отпевать умерших. Рвение девушки в вере не осталось незамеченным со стороны местного священника и он многим ставил ее в пример.

В пятнадцать лет Марфа была направлена паломником в святой город Иерусалим, вернувшись откуда девушка еще сильнее укрепилась в вере, готовилась стать инокиней и принять монашеский постриг.

Так и жили мать и дочь, радовались каждому дню, тому, что есть хлеб насущный и здоровье не подводит, пока не пришли лихие времена — революция, гонения на церковь.

ПЕРЕЛОМЫ СУДЬБЫ

Прошло десять лет. Революция не сильно изменила жизнь населения, но разделила на два враждующих лагеря жителей села. Стороной обошла страшная Антоновщина. Постепенно стала налаживаться мирная жизнь. Но все эти изменения, казалось, никаким образом не влияли на жизнь матери и дочери.

Девочка выздоровела, превратилась в красивую девушку, но была настолько набожной и уединенной, что ни один парень из села не смел к ней подойти. Семья продолжала жить в нужде, да еще положение усугубляло то, что Наталье перестали давать подработку соседи; всех одинаково душила бедность. Но положение выправляла набожность дочери, будто сам Господь давал этой бедной семье хлеб.

Накалялась ситуация вокруг местного храма. Но жители Новоархангельского, такое красивое название имело это село, стояли насмерть за свою церковь и, побоявшись обострения обстановки, ведь свежи еще были воспоминания об Антонове, местные власти отступили от идеи закрыть храм.

А Марфа как-будто не замечала происходящего вокруг. Она знала, что начнется день с молитвы и закончится ею. Когда не было службы в своей церкви, она отправлялась в соседние села и там поражала всех своей усердной молитвой. Особенно нравилось ей бывать в монастыре, расположенном вблизи города Раненбург. Часто посещала там старца Василия, ставшего ей наставником и духовником.

Именно Василий и предсказал девушке: быть тебе невестой Христовой, к чему она себя и готовила. Школу Марфа не посещала, а по селу ходила как блаженная, в черной одежде, всегда низко опустив голову...

* * *

Был теплый апрельский день. Время приближалось к полудню. Стояла звенящая тишина. Марфа шла после службы из храма домой. После молитв дышалось легко. Она не чувствовала усталости, как будто отдыхала во время моления.

Не дойдя три дома до своего, Марфа услышала веселые голоса. Подойдя поближе увидела, что у соседского забора стоит телега, набитая тюками, которые весело перекидывают мужики, а чуть поодаль в окружении ребятешек за ними наблюдал молодой человек, одетый в военную форму.

Глаза девушки и военного встретились и он заворожено смотрел на Марфу, которая, потупив голову, заспешила домой.

— Что это за монашки у вас по улице бегают? — спросил военный, обратившись к стоявшему поодаль старику.

— Это дочь Наташкина,— Марфушка, при церкви служит. Блаженная,— ответил дед.

— Пощупать бы ее, какая блаженная,— рассмеялся парень.— Веселей таскай, всю деревню в шелка оденем.

— Где же ты материала столько набрал, сынок? — спросил подошедший ближе старик.

— В самом Кремле сейчас работаю,— лихо ответил «сын».— Распределяю, что цари у народа украли.

— Да, высоко взлетел. Раньше нам такое и не снилось.— как бы сам с собой проговорил старик.

А Дмитрий в окружении родни прошел в дом, где стал распределять по родне привезенный материал, а был он различный — невероятно гигантских размеров шторы, скатерти, вырезанная из диванов кожа. Всех снабдил, каждый клочок из привезенного пошел на пользу нищей родне. А затем накрыли столы и каждый хотел угодить высокому начальнику; сегодня материалом одарил, завтра работу даст, всю семью прокормит.

Большая родня веселилась и распивала самогонку, слушала невероятные рассказы Дмитрия про военную службу и невероятную столичную жизнь. Было жарко, гости хмелели, разговор становился все громче...

* * *

А Марфа дома прилегла отдохнуть. Жара сморила ее, но, проспав до вечера, стала собираться на улицу.

— Куда ты, доченька? — спросила Наталья.

— У Сухаревых дядя Петя умер. Пригласили отпеть,— ответила девушка,— приду поздно.

— В час добрый! — перекрестила мать дочь, и та вышла из дома.

* * *

Стояла глубокая ночь. Небо было звездное, ярко светила луна. Марфа устало шла домой, когда впереди услышала пьяные голоса.

— Ну и где твои девки? — послышался пьяный, незнакомый голос,— деревня, она и есть деревня, ни жизни — ни развлечений.

— Да, не Москва уж,— занскивая, оправдывался другой.

Сердце Марфы жжалось в предчувствии беды. Мужчины поравнялись с ней, когда один из них резко схватил ее за руку и притянул к себе. Глаза мужчины и женщины встретились и она узнала виденного днем военного.

— Вот и монашка попалась,— дыхнув перегаром, сказал Дмитрий, и впился поцелуем в губы девушки.

Реальность перестала существовать для Марфы. Мало понимая, что происходит, она как бы провалилась в сон...

Наталья встретила дочь на рассвете. Та пришла в разодранной одежде и, мыча что-то непонятное, свалилась в постель.

Причитая, женщина стала пред иконами и начала молиться сквозь слезы, то и дело повторяя: «какое горе».

* * *

То утро было особенно тяжелое и для Дмитрия. Подняв хмельную голову и осмотревшись стеклянным взглядом по сторонам, он с трудом начал вспоминать, что происходило вчера.

Приезд, радужная встреча родни, раздача подарков, застолье, гуляние по деревне, соседская девушка и ее глаза, чистые, неподвижно смотрящие... Эти глаза и сейчас смотрели на него, в них чувствовались скорбь и упрек.

Он медленно поднялся с кровати, выйдя из избы, побрел во двор к колодцу. Жадными глотками выпил воды и услышал голос своего приятеля Кольки, друга детства, гулявшего с ним вчера.

— Что, голова чумная? — весело спросил Николай.— Понравились наши девки? А ты Москва, Москва. Вон как на Марфушку запрыгнул.

— Да пошел ты! — зло отрезал Дмитрий. И, войдя в дом, нашел бутылку с самогонном, налил кружку молча выпил.

В сознании стало всплывать происходившее вчера, и ему чудилось, что многие монашки смотрят на него, причем с разных сторон.

— Не переживай,— стал утешать вошедший в избу приятель,— делов-то? Не ты, так другой. Она теперь и счастлива небось, ведь красный командир «осчастливил».

Дмитрий, не слыша приятеля, сидел обхватив голову руками. Колька разлил самогон в кружки, протянул одну другу, который взъерошив волосы руками, чокнувшись, выпил.

Весь день прогуляли Дмитрий с другом и до позднего вечера по деревне раздавались их пьяные песни.

* * *

Летом время летит быстро. Молитва принесла успокоение Марфе. Все было как прежде, только девушка стала в храм ходить по окраине села и не появлялась на той улице, где проживал насильник.

Дмитрий же, нагулявшись в первое время, занялся обычным крестьянским трудом, но при этом совсем потерял покой. Перед ним все время стояли глаза Марфы. Не было ему покоя ни ночью, ни днем. Он стал искать встречи с Марфой, поджидать ее около храма, несколько раз попытался подойти, но, натываясь на стеклянный, невидящий взгляд, пристыженный, опустив голову, проходил мимо.

До конца отпуска оставался месяц. Был праздник Петра и Павла. Несмотря на то, что парень считал себя безбожником, работать в этот праздник не решился. Промучившись всю ночь, он направился к храму.

Народу было много и после окончания службы люди толпами расходились по домам. Встав в сторонке, Дмитрий наблюдал за происходящим; вот вышли последние люди, а Марфа все не показывалась. Наконец, у дверей величественного храма обозначились две фигуры в черном одеянии. Повернувшись на храмовую икону, женщины перекрестились и пошли, улыбаясь и о чем-то тихо разговаривая. Заметив Дмитрия, они замедлили шаг, при этом смотрели на красного командира настороженно. У пожилой женщины читался в глазах испуг, а взгляд молодой обжигал холодом.

— Здравствуйте! — заговорил молодой человек.

Мать кивнула, а Марфа выжидающе смотрела в глаза парню.

— Я мучаюсь каждый день,— выпалил Дмитрий.— Нет мне покоя, твои глаза стоят передо мной. Нет мне прощенья, но если можешь, то прости и выходи за меня замуж... Выходи, не пожалеешь, я в Москве не последний человек, нужды знать не будешь.

Марфа спокойно, выжидающе смотрела как-будто сквозь него.

— Ты все сказал?

— Да. Ты мне нужна. Лучше меня не найдешь здесь.

— Есть и лучше, намного лучше,— растяжно проговорила девушка.

— И кто же он? — ревниво спросил парень.

— Господь наш, Иисус Христос. Я невеста Христова,— ответила Марфа.

— А ты подумай,— крикнул вслед собеседник,— я через месяц уезжаю.

Женщины медленно удалялись и Дмитрий, махнув рукой, тоже зашагал прочь.

Наталья дома стала готовить скудный, но все же праздничный обед. Марфа прилегла на кровать и немного задремала. А потом, идя к столу, почувствовала легкое головокружение и сильную тошноту. Быстро вскочив, прикрыв рот рукой, она выбежала во двор, где ее начало рвать.

Наталья с полотенцем в руках тревожно смотрела на дочь. Взяв ее под руку и заведя в дом, уложила на кровать, сама села рядом:

— Беременная ты видно, Марфа. Не зря сегодня этот черт красный кружил рядом.

— Что же теперь со мной будет? — заплакала дочь.

Наталья вытерла уголки глаз краем платка.

— Судьба наша такая, страдать. Это я виновата. Без родительского благословения ничего не делай, дочка.

Слезы катились по щекам Марфы, а в голове была пустота.

— Иди к старцу Василию и проси совета, — сказала Наталья.

На следующее утро, как только рассвело, Марфа отправилась в Петропавловскую обитель. Пока прошла по лугу, промочила всю обувь и подол платья.

В монастырь пришла ближе к полудню и обрадовалась, увидев седовласого монаха близ колокольни.

— Здравствуйте батюшка, — наклонившись за благословением произнесла девушка.

Перекрестив Марфу и положив руку на склоненную голову, старец также поприветствовал ее и пригласил в часовню.

Беседа девушки и монаха длилась два часа, после чего она вся заплаканная вышла из ворот монастыря и медленно побрела домой. Дорога совсем не запомнилась ей и лишь к вечеру дойдя до дома, она устало прилегла на кровать. Глазами полными слез уставилась в потолок.

Мать, вздохнув, села рядом с кроватью.

— Нельзя мне в монахини. Отец Василий сказал, нужно ребеночка сначала выкормить, а дитя бросать грех. Нужно его человеком сделать. Грехи мне отпустил, а за безбожника замуж запретил выходить. Дети страдать будут.

— Да как же это без отца рожать? — испуганно спросила Наталья, — грех то какой, людям ведь не объяснишь ничего.

— Отец Василий сказал — нельзя за безбожника, — повторила дочь и забылась во сне.

Наталья, встав перед иконами, стала молиться Богу, время от времени причитая.

Утром мать и дочь пошли в церковь, а выйдя из храма, увидели стоявшего поодаль Дмитрия, поджидавшего их в тени деревьев.

Когда женщины подошли поближе, молодой человек вышел на дорогу и, преградив им путь, спросил:

— Ну что? Подумала? Соглашайся. Последний раз предлагаю.

Марфа только хотела ответить, когда произошло неожиданное. Наталья упала перед ней на колени и, ухватив дочь за ноги, прокричала:

— Соглашайся, милая, Христом Богом прошу, соглашайся. Не губи ни жизнь свою, ни дитя, нельзя без отца — это грех.

И, причитая, не выпускала девушку из своих рук.

Лицо Марфы исказило страдание:

— Встань, матушка, не позорь меня. Умоляю — поднимайся.

— Не встану, пока согласиася не дашь, — сквозь слезы шептала мать.

Дмитрий молчал потупил голову. Из-за соседних оград стали показываться головы односельчан. Шедшие впереди люди остановились, обернулись на шум. Все взгляды были устремлены на Марфу, и она, испуганно отшатнувшись, как подкошенная села на дорогу и, обнявшись с матерью, зарыдала.

После подняла заплаканные глаза и, посмотрев на «жениха», произнесла:

— Согласна я. На все согласна.

Дмитрий облегченно вздохнул, с достоинством, легким шагом, впервые за последние три месяца без мрачных мыслей зашагал домой.

Войдя в избу, подошел к отцу:

— Все, батя, женюсь я, давай свадьбу готовить.

— Вот это новость, на ком же, сын?

— На Марфе, что на окраине живет,— выпив из ковша воды, улыбнулся сын.

— Да на кой же она, нищая, нам нужна? — дивился старик.

— Не рассуждай по-старому, батя,— лихо ответил Дмитрий.— Предрассудки это. А я всех вас обеспечу и родне достанется.

Отец, недовольно покачав головой, вышел из избы.

* * *

Через три дня сыграли свадьбу. Молодые начали жить в летней пристройке. Дмитрий был счастлив и как-будто не замечал тихой печали своей жены. Спустя месяц закончился его отпуск, он засобирился в Москву.

Прощаясь с Марфой, Дмитрий обещал скоро вернуться, просил родителей беречь молодую жену и ребенка, когда родится. Затем отбыл на службу.

Время потянулось долго, беременность Марфы протекала тяжело, общение с мужем осуществлялось через письма, которые Марфе читал в храме священник, он же и писал ответы за неграмотную девушку.

К старцу Василию девушка ходить перестала, ей было стыдно, но службы посещала с тем же усердием, несмотря на болезни. Находила Марфа время для помощи по хозяйству матери. При этом жить оставалась все в той же летней пристройке, благо, осень была теплой и снег не лег даже в декабре.

Родился сын, а помощи от родителей мужа не было. Не спешили они перевести ее в теплый дом, а родная мать приказывала жить в семье мужа, чтобы не случилось.

В одну из ночей внезапно наступил мороз, ребенка охватил жар. Промучился он два дня и умер на руках Марфы. Она думала, что не переживет этого горя и в отчаянии бросилась к местному священнику, который написал письмо Дмитрию с мольбой приехать за молодой женой.

Дмитрий приехал спустя три дня. Поругавшись с родителями, поклялся не приезжать больше в родное село и с молодой женой уехал в ночь в Москву.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

После смерти сына Марфа пребывала как во сне. Смотрела и на дорогу к Москве как бы со стороны. Столица вначале встретила маленькими селами, затем здания стали расти, город надвигался, каменные здания нависали. И, наконец, появились стены Кремля. Кирпичные величественные стены, возносящиеся ввысь башни и орлы на шпилях...

При въезде в Кремль у них проверили документы. Караульные отдали честь мужу и повозка въехала в ворота. Вещей у Марфы не было, ее с маленьким узлом Дмитрий провел в высокий дом. Они поднялись на третий этаж, муж достал ключ, открыл одну из дверей на площадке.

— Хозяйничай, жена,— великодушно произнес он, широко разведя руки в стороны.— Все здесь теперь наше.

Марфа стояла в нерешительности, не выпуская из рук узел. Затем, была в обуви, с узлом в руках, пошла осматривать просторные комнаты.

Через час молодая хозяйка уже наводила порядок в доме, а ее муж докладывал коменданту о своем прибытии.

Жизнь потекла по новому, Марфа вела хозяйство, терпеливо ждала мужа с работы и усердно молилась. Для этих целей она отвела себе уголок в каморке, где поместила привезенные иконы, которые муж не разрешал выставлять напоказ.

Дмитрий занимал должность завхоза Кремля. Вел активную жизнь, участвовал во многих мероприятиях. Постепенно забылись обиды на родню, за погубленного ребенка и он стал отправлять посылки в родное село с целью поддержать своих. Будучи человеком общительным, он всегда находился в центре внимания, но из-за набожности супруги не приглашал друзей в гости.

А Марфу не интересовали события, происходящие в стране. Через год у нее родился сын. А вскоре из родного села Новоархангельского пришло известие о смерти матери. Поехать на похороны она не смогла и долго оплакивала свою мать перед иконами.

Редко выходила Марфа на улицу, а если и выходила, то ездила в Троице-Сергиеву Лавру. Этот монастырь особенно ей понравился. Там она не чувствовала времени, молилась часами. С грустью покидала стены обители, отправляясь в обратный путь...

Один за другим родились у Дмитрия и Марфы еще трое детей. Теперь семья стала большой: двое сыновей, две дочери.

Однажды Дмитрий вернулся домой и его поразила тишина, стоящая в доме. Пройдя по комнатам, он услышал тихий шепот доносящийся из темной комнаты, где обычно молилась Марфа. Подойдя поближе, он увидел свою жену и детей стоящими на коленях перед иконами и повторявшими слова молитвы.

— Володька, Мишка,— окрикнул он сыновей,— быстро подойдите ко мне.

Дети встрепенулись и, испуганно вскочив, подбежали к отцу, потупив взгляды.

— Вы что тут делаете? Вам что, в школе не объясняли, что Бога нет? — зло спросил Дмитрий.

— Мы с мамкой молимся,— шмыгнув носом, ответил старший, Владимир,— она молится и мы за ней.

— Марш учить уроки! — приказал отец.— А ты иди сюда, поговорим,— поманил он пальцем жену.

Медленно поднявшись с колен, поправив платье и вздохнув, Марфа подошла к мужу. Дочери в это время убежали в свою комнату.

— Ты не смеешь портить детей! — прокричал Дмитрий.— Они дети большевика и сами большевики. Не смей портить им жизнь.

— Они православные и верят в Бога,— тихо ответила Марфа.

— Не смей, слышишь? Не смей мне так говорить,— пригрозил Дмитрий и хлопнув дверью вышел из комнаты.

С того дня Дмитрий, пристально следя за поведением детей, стал замечать в них изменения, то, как они украдкой крестятся. С наступлением лета он отправил детей в пионерский лагерь, запретив жене посещать их. По окончании смены перевел детей из обычной школы в школу-интернат, объяснив это лучшими условиями обучения.

Марфа сильно страдала от того, что не может видеть своих детей и воспитать их настоящими православными людьми. От этого она еще больше замкнулась и стала проводить почти все время в молитвах.

* * *

Жизнь в стране улучшалась. Партийная элита стала жить значительно лучше. Не знала нужды и Марфа. Но достаток скорее тяготил ее, а спокойствие она получала только в стенах Троице-Сергиевой Лавры.

Дмитрий хотя и был поглощен работой, но успел помириться со своей родней и оказывал ей всяческую помощь, вместе с женой бывая в селе. Правда, Марфе не к

кому было там приезжать — родная мать — Наталья, умоляя дочь выйти замуж, как бы предчувствовала свою кончину. Душа ее упокоилась на третий год после переезда Марфы в Москву, которая, приезжая в родное село, подолгу была на кладбище, ухаживала за могилкой. А после шла в храм, где проводила фактически все время, стараясь меньше общаться с родней мужа. Так и шло у них все порознь: он на службе, она в молитвах.

Но Дмитрий, занимая высокий пост в Кремле, был обязан участвовать в различных официальных мероприятиях и частых застольях. Непременным условием таких приемов было то, что партийные и хозяйственные работники должны были присутствовать со своими супругами.

Марфа очень переживала, поскольку эти мероприятия попадали в пост или под церковные праздники, а перебороть себя она не могла и категорически отказывалась участвовать в торжествах, сказываясь больной. В семье вновь начались скандалы.

Решение вопроса пришло неожиданно. Как-то, возвращаясь из очередной поездки в Лавру, Марфа вошла в дом, а впереди нее по лестнице поднималась соседка, по имени Мария — вдова большевика, погибшего в 20-х годах, женщина моложе Марфы, проживающая одна и бездетная.

Поздоровавшись, они стали расходиться, как вдруг Марфа окрикнула соседку:

— Мария, мне необходимо с вами поговорить! Не поймите меня неправильно, но мне нужна ваша помощь,— комкая в руках платок, продолжила Марфа.

— Ну же, говорите,— ответила Мария.

— Вы знаете моего мужа — Дмитрия Николаевича, ему необходимо быть на приемах, а я вечно болею. Не могли бы вы стать его спутницей на них? — подбирая слова, говорила Марфа.

— Не поняла? — удивилась соседка.

— Прошу сопровождать мужа на торжествах, назвавшись его женой,— опустив глаза сказала Марфа.

— Забавно, то есть вы предлагаете мне быть праздничной женой вашего мужа? — засмеялась Мария.

— Да. Вы очень сильно выручите нас,— умоляюще смотрела на собеседницу Марфа.

— Смешно. Вы просите меня о таком...— кокетливо поправила прическу Мария.— Это даже интересно. Я подумаю.

— Прошу вас. Помогите,— еще раз попросила уставшая женщина.

Марфа поднялась к себе и принялась готовить ужин. Дмитрий в этот день пришел раньше обычного и когда супруги уселись за стол, Марфа начала разговор:

— Скоро праздник, годовщина Октября.

— Да,— ответил Дмитрий,— подготовка идет полным ходом. Такого парада Москва еще не видела.

— А я снова болею, боюсь, не смогу пойти с тобой,— продолжила жена.

Дмитрий выронил вилку из рук, которая со звоном ударилась о тарелку, и выжидающе смотрел на супругу.

— Я сегодня разговаривала с нашей соседкой, Марией, ты ее знаешь,— испуганно заговорила жена,— она вроде не против пойти с тобой на парад, а я отлежусь и после буду здорова.

— Какая еще Мария? — глаза Дмитрия сверкнули.— Ты моя жена.— При чем здесь Мария?

— Мария, соседка, мы и похожи с ней. Она пойдет за меня, а я останусь дома, по хозяйству,— затараторила Марфа, боясь пропустить хоть одно слово.

Дмитрий поднял вилку и задумчиво продолжил ужин...

На следующий день Марфа спустилась к соседке и, повторив свою просьбу, получила утвердительный ответ ...

Так Мария стала праздничной женой Дмитрия и, начиная с 7 ноября, сопровождала его на всех последующих мероприятиях.

Марфа восприняла это как облегчение судьбы, и теперь ничто не мешало ей уединяться и еще больше времени проводить в молитвах. Со временем она начала замечать изменения происходящие в ее отношениях с мужем.

Однажды, возвращаясь с покупками из магазина, проходила мимо двери Марии, и услышала звук открывающегося замка. Спиной к ней выходил мужчина в военной форме, которого сильно прижимала к себе и целовала, закрыв глаза, соседка. Когда Мария увидела Марфу, зрачки ее расширились и она, замерев, с испугом оттолкнула мужчину.

Оцепенение прервал стук закрывающейся двери и лязг замка. Марии на лестничной клетке уже не было. А Дмитрий, посмотрев на супругу, поправил фуражку и молча стал спускаться по лестнице.

С тех пор супруги стали очень мало общаться. Дмитрий ходил на приемы со своей праздничной женой. Марфа молилась. И только редкие приезды детей оживляли их жилище. Но при виде детей сердце матери разрывалось еще больше. Дети не верили в Бога и росли, в отца, без веры.

СБЫВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Время проходит быстро. А в жизни Марфы мало что менялось. Молитва, быт, забота о муже и уже выросших детях... И снова молитвы. Страна готовилась к празднованию 1 мая. До этого события оставалось две недели и Дмитрий был полностью поглощен работой.

Тот день проходил как обычно. Проводив мужа, Марфа занялась домашними делами. В окно ярко светило солнце, радуя своими теплыми лучами. Весна была поздней, и Марфа всегда замечала, что когда Пасха поздняя и тепло задерживается, то Светлый праздник наступит через неделю. Женщина готовила два обеда — постный для себя и обычный для мужа.

Неожиданно раздался звонок. Вздвогнув, Марфа отложила нож и пошла открывать дверь.

В дверях стоял взволнованный помощник мужа.

— Дмитрий Николаевич... Дмитрию Николаевичу стало плохо,— выпалил взволнованный парень.— Стоял, вдруг за сердце ухватился и упал. В «Кремлевку» отвезли,— всхлипнув, закончил вошедший.

Как молнией подкошенная, Марфа упала, потеряв сознание. Придя в себя, при помощи помощника поднялась и начала звонить в больницу, откуда ей сухим голосом сообщили о смерти Дмитрия.

* * *

Шла подготовка к похоронам. Марфу, несмотря на все просьбы, не подпускали к телу супруга. Церемония погребения была четко отработана и все вмешательства даже родственников казались лишними.

К матери слетелись все, дети в ожидании прощания с отцом бесцельно слонялись по квартире.

— Подойди ко мне, Миша,— тихим голосом позвала старшего сына Марфа.

— Что?

— Этажом ниже живет женщина,— с трудом начала говорить мать.— Пригласи ее на прощание с отцом.

— Да ты что, матушка?

— Пригласи. Любил он ее,— откинувшись на подушку дивана, закончила мать.

Сын, опустив голову, вышел из квартиры. Спустя несколько минут дверь откры-

лась и за Михаилом в дом вошла Мария. С заплаканными глазами она нерешительно прошла в комнату и, сев напротив Марфы, рыдая, стала просить у нее прощения.

— Бог простит,— ответила Марфа,— а я тебя давно уже простила.

Когда соседка ушла, Марфа вновь подозвала старшего сына:

— Душа моя болит, что отец твой не крещеный был, да без покаяния умер. В пост хороним, а эти... с музыкой хотят. Молю тебя, положи в карман ему молитву вот эту.

Женщина протянула сыну свернутую разрешительную молитву.

— Положи в карман отцу и попроси их хоронить без музыки,— повторила Марфа.

— Что ты, матушка,— испугался сын,— нельзя этого, не положено.

— Умоляю, сделай так,— с плачем просила мать.— Даже похоронить по православному не дают.

* * *

Наступил день похорон. За гробом шли две женщины, дети покойного и много друзей. Как гром среди ясного неба, грохнул оркестр и Марфе почудилось, что под эти звуки душа Дмитрия несется в ад. И чем громче играл оркестр, тем быстрее душа стремится в геену огненную.

Бедная женщина не понимала, что происходит. Лица соболезнующих, знакомых, детей проходили как в тумане.

Пришел черед прощания. И Марфа наклонилась над мужем, в слезах целуя его, здесь она невольно пошатнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за карман супруга. Почувствовала, что в кармане покойного лежит свернутая молитва. Встрепенувшись, мать встретилась глазами с сыном и слезы благодарности потекли по ее щекам.

На следующий день Марфа ехала в троллейбусе. Лицо ее было каменное. В простой холщевой сумке лежал пистолет покойного Дмитрия, который она обязана была сдать.

Зайдя в кабинет для сдачи оружия Марфа, назвавшись, достала из сумки пистолет и протянула сидящему в форме человеку. Тот с удивлением покачал головой и попросил подождать, пока будут заполнены необходимые документы.

— Распишитесь вот здесь,— спустя некоторое время сказал военный, протягивая женщине журнал,— где галочка.

Марфа неуверенной рукой взяла в руки протянутое перо, обмакнула в чернильницу и поставила крест в указанном месте.

— Что это? — удивился военный.— Я же сказал — распишитесь.

— Неграмотная я,— ответила Марфа.— Вот моя подпись.

Под удивленные взгляды присутствующих женщина молча вышла из кабинета.

Выдержав паузу, оставшиеся переглянулись.

— Надо же, у такого Человека и такая жена,— недоумевая проговорил военный, закрывав журнал.

* * *

Прошел год. Марфа все же приняла монашеский постриг, став, наконец-то, «невестой Христовой». Она нашла то, к чему стремилась всю жизнь. День и ночь проводила у икон, молясь за покойного мужа и близких.

Но, вопреки всему, успокоения в ее душе не было. Дети не понимали ее, стараясь не посещать. И также, без веры в Бога, воспитывали своих детей. У Марфы сердце сжималось от боли и она старалась еще усерднее молиться.

До конца ее жизни никто из четырех детей так и не побывал больше у матери.

Выходит сбилось то печальное предсказание, которое дал ей в день их последней встречи старец Василий...

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

В ТЫЛУ
глава из повести «Письмо с уведомлением»

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Школа, в которой теперь предстояло работать Францу Августовичу, была построена в прошлом веке, на деньги местного купца. Это было добротное каменное здание в два этажа. Кабинет русского языка и литературы находился на втором этаже и имел два окна, выходящих своим видом на центральную улицу города. Директором школы был небольшого роста лысоватый сорокалетний мужчина, не попавший на фронт из-за болезни обеих ног, в связи с чем у него была шаткая походка. Иногда он останавливался и подолгу стоял на одном месте, приподнимая по очереди то одну ногу, то другую. Затем вновь шел вразвалочку, покачиваясь как при морской качке. Тростью он не пользовался. «Приучишь ноги надеяться на клюку, потом и не отучишь. Так и будешь всю оставшуюся жизнь с клюкой ходить»,— пояснял он предлагавшим ему воспользоваться тростью. Звали его Сергеем Денисовичем Фоминим.

Сергей Денисович был человеком добродушным по характеру, никогда не помышлявшим о карьерном росте, уважал и любил своих педагогов, всегда шел им навстречу, чем мог, помогал. Приходу в школу нового учителя русского языка и литературы он обрадовался.

— Как я рад, как я рад вашему приходу, дорогой вы мой Франц Августович. У нас в школе уже два месяца никто не преподает уроки русского языка и литературы. Дети уже забыли не только правила правописания гласных и согласных, но, наверное, уже стали забывать, кто такой Лев Толстой,— иронически пошутил Фомин.— Как только Мария Васильевна рассчиталась с работы, так никак не можем найти ей замену. Ну, наконец-то, наконец-то,— радовался Сергей Денисович, чуть ли не обвиняя Франца.— Педагогический коллектив у нас просто замечательный. Правда, работают только одни женщины, мужиков почти всех на войну взяли, но мы с вами, так сказать, мужская гордость школы.

— Мужская гордость сейчас на фронте врага бьет, а мы вот тут в тылу вынуждены находиться,— грустно произнес Мауль.

— Вот именно, что вынуждены,— изрек Фомин.— Будь мы с вами в других обстоятельствах, разве мы сидели бы здесь, с женщинами?! Мы с вами тоже где-нибудь воевали бы. Ну, хорошо, назовем нас с вами, Франц Августович, не мужской гордостью школы, а скажем так, мужской составляющей. Вас такое название устраивает?

— Такое устраивает,— улыбнулся Мауль.

— Вот и прекрасно,— потер руки директор.— Сейчас будет перемена, и я приглашу всех учителей для знакомства с вами. Вы не против этого?

— Что вы, Сергей Денисович, я только за,— поднял вверх руку Франц.

— Кстати, Франц Августович, а где вы квартируете?

— Когда работал на маслозаводе, жил там же в бытовке, а сейчас нигде, бездомный.

— Так-так... значит вы у нас бесквартирный?! — в задумчивости произнес директор школы.— Ну что же, квартиру я вам пока не обещаю, но в школе место найду. Подсобное помещение красного уголка вас устроит? Комнатушка, правда, небольшая, но с окном. Там, кстати, стоит очень хороший старинный мягкий диван. Поговаривают, что этот диван остался от купца, построившего эту школу. Электрическую плитку для приготовления пищи мы для вас найдем, умывальник и, простите, другие удобства этажом ниже, но, я думаю, для вас, для человека молодого, это не будет являться проблемой. А там дальше будет видно. Обживетесь, найдете себе съемную квартиру. А там как сказать, может, и жену себе в нашем городе подыщите. Незамужних девушек у нас много,— засмеялся Фомин.

— Замечательно, Сергей Денисович, лучшего и не надо,— ответил Мауль.

Вернувшись к своему любимому делу — к общению с учениками и педагогами, он с удовольствием окунулся в витающий дух школьной атмосферы, почувствовал заботу работающих с ним коллег, ощутил теплоту и любовь детских сердец.

Изучив тематическое планирование по русскому языку и литературе на учебный год, Мауль составил поурочное планирование таким образом, чтобы наверстать упущенные часы школьной программы. Однако, составляя планы, он не взял во внимание то обстоятельство, которое коренным образом вносило в жизнь свои никем и ничем не запланированные изменения. И имя тому обстоятельству было одно — война.

Шедшая ночью метель к утру стихла, но небо по-прежнему было скрыто серыми снеговыми занавесками. Город был скован лютым сибирским, звенящим при каждом шаге морозом, а в школе было жарко. Сторож истопил печь так, что к ее стенам нельзя было прикоснуться, и Франц Августович снял с себя подаренный ему коллективом учителей толстый, ручной вязки свитер. Шел урок литературы, на котором из двадцати учеников шестого класса присутствовали всего семеро.

— Староста, назови мне фамилии отсутствующих,— распорядился он, обведя класс грустным взглядом.

С первой парты поднялась худенькая и бледноликая Забелина Вера.

— Антонов Игорь заболел, Андреева Катя... у нее вчера бабушку в больницу увезли, а мама работает. Наверное, с младшими братиками сидеть некому. Бодров Саша работает по ночам на заводе, наверное, на вторую смену остался, Горохов Витя опять на войну убежал,— начала она перечислять фамилии и имена учеников, но Мауль перебил ее.

— Как это, на войну убежал?! — спросил он.

— Обыкновенно, он уже сколько раз на войну убегал. Его поймают по дороге, обратно привезут, а он все равно убегает,— ответила Вера.

— Правильно делает, и я скоро убегу бить этих проклятых немцев,— злобно глядя на учителя, проговорил сидящий на последней парте Михайлов Ваня.

— Ой! Ой! Михайлов, тебе-то, куда до Вити?! Он сильный и на турнике может десять раз подтянуться, а ты не можешь,— с ехидством в голосе произнесла староста, и после ее слов в классе поднялся гвалт детских голосов.

— Тихо, ребята, тихо! Прекратите шуметь! — проговорил учитель.— Садись, староста, на место, давайте начнем урок...

— А я все равно сбегу на войну, я ненавижу немцев! — вновь выкрикнул с места Михайлов. В его взгляде были одновременно и решительность, и злость, в глазах стояли слезы.

— Хорошо, хорошо, Ваня, ты успокойся,— растерянно произнес Франц Августович, подходя к Михайлову и пытаясь провести ладонью по его голове, но тот, словно затравленный зверек, одернул голову в сторону.— Вот только знаешь, Ваня, всех

немцев ненавидеть нельзя, потому что среди них тоже есть немало хороших и добрых людей. Ну, начнем урок. Вспомните, какое задание я задавал вам на дом?

— Стихотворение учить,— раздался тонкий детский голосок.

— Выучили? — спросил учитель, обведя взглядом класс.

— Да-а-а! — раздался дружный ответ.

— Кто желает выйти к доске и рассказать его?

— Можно я? — подняла вверх руку староста класса.

— У тебя, Забелина, и так уже пятерка имеется, а вот я хотел бы послушать Скородумова Федора. Иди, Федя, к доске, отвечай.

Из-за последней парты поднялся худощавый мальчик, одетый в заметно поношенный и не по размеру пиджак. Он растерянно завертел из стороны в сторону непричесанной головой.

— Это... стихотворение,— наконец-то после долгого молчания выдал из себя. Затем начал обводить растерянным взглядом класс словно ища таким образом подсказки, но, не получив ее, замолчал.

— Что же ты молчишь, Скородумов? Назови нам хотя бы название стихотворения и его автора? — спросил Франц Августович, но мальчик продолжал молчать.— Эх, Скородумов, Скородумов! Не оправдываешь ты своей фамилии.

— Почему? — взглянув на учителя, удивился ученик.

— Фамилия твоя Скородумов, а на деле получается нечто обратное — очень долго думаешь,— ответил учитель, и в классе раздался дружный смех.

— Мы его теперь будем не Скородумовым звать, а Долгодумовым,— выкрикнул с места Костин Сережа, в отличие от своих одноклассников розовощекий и полноватый мальчик.

— Тихо, ребята, тихо,— постучал карандашом по столешнице учитель, а затем повернулся к Скородумову.— Садись, Скородумов, опять тебе двойка.

Тот медленно отправился на свое место, погрозив при этом Костину кулаком.

— Костин, ты у нас парень сообразительный, быстро Скородумову фамилию изменил. Вот иди-ка к доске и отвечай, посмотрим, насколько сильна твоя сообразительность на деле.

В классе вновь весело засмеялись.

— Я знаю, я выучил,— оживился Костин и энергичным шагом направился к доске. Затем стал как по стойке смирно и, прикрыв глаза, громким голосом затараторил:

*Забрал мороз окошко
Серебряным щитком,
В печи стоит картошка
С топленным молоком...**

— Погоди, Сережа, погоди,— перебил его учитель.— Назови сначала название стихотворения и его автора, а затем прочтешь само стихотворение,— сказал он.

— Ага, ладно,— кивнул тот головой и, вновь прикрыв глаза, начал читать:

*Забрал мороз окошко
Серебряным щитком,
В печи стоит картошка
С топленным молоком...*

Ученики зашумели, послышался смех, сквозь который все отчетливо слышали глухой звук удара о пол чего-то тяжелого. Франц Августович мгновенно взглянул на

---

* Е.А. Благинина «На печке».

шум и увидел лежащую на полу без чувств Худякову Олю. Он вскочил с места и кинулся к ней, приподнял ей голову.

— Ребята, быстро откройте дверь в коридор. Костин неси воды, а ты, Скородумов, беги на улицу и принеси горсть снега. Забелина, позови медсестру и директора,— приказывал Франц Августович, слегка нашлепывая ладонями Худякову по щекам. Вскочившие со своих мест ученики с испугом взирали на происходящее.

Вскоре в класс с тяжелой одышкой вошла медсестра, пожилая и одутловатая женщина, а затем, припадая на обе ноги, вбежал побледневший директор.

— Ну что с ней, Анастасия Васильевна?! — с испугом в голосе спросил он медсестру. Но та молчала, лишь продолжая изредка подносить к носу девочки смоченную нашатырным спиртом вату. Вскоре Худякова открыла глаза и обвела всех удивленным взглядом.

— Слава тебе, Господи, ожила,— произнесла хриплым голосом медсестра.

— Анастасия Васильевна, что с ней было? — вновь спросил директор, буквально теребя медсестру за рукав.

— У девочки голодный обморок,— ответила та.— Ей пока нельзя ходить в школу, нужен покой и хорошее питание,— проговорила медсестра, убирая в сумочку медицинские препараты.— Отведите ее домой и объясните все матери.

— Забелина и Костин, оденьтесь сами, помогите одеться Оле и отведите ее домой,— распорядился Франц.

— Маму обязательно найдите и сдайте ее с рук на руки. Скажите, пусть пока от нее никуда не отходит... пусть накормит ее и уложит в постель,— проговорил директор, а затем подошел к стоящему в дверях и держащему почти растаявшую горсть снега Скородумову.

— Молодец, Скородумов, молодец, хвалю за сообразительность,— проговорил он, забирая из его рук снег. Затем, громко фыркая, растер снегом свое лицо.

— В том, что произошло с девочкой, есть моя вина,— понурился, тихим голосом сказал Мауль.

— В чем же ваша вина, дорогой мой Франц Августович? — удивился директор.

— В стихотворении, которое я задал выучить дома, говорится о печеной картошке и топленом молоке, а дети голодные. Члушая такое стихотворение, голодная девочка представила себе пищу, и ей стало плохо. Мне нужно было задать детям другое стихотворение, в котором не говорилось бы о еде,— сокрушался Мауль.

— Эх, дорогой вы мой Франц Августович, за что же вы себя-то корите?! Да разве вы виноваты в том, что случилось?! Война виновата, дорогой мой, война,— глубоко вздохнув, произнес директор.— Война, будь она трижды проклята! — подытожил он и, переваливаясь из стороны в сторону, тяжелой поступью, направился к выходу.— На сегодня уроки закончены. Франц Августович, отпустите всех домой,— распорядился он на ходу.

Вечером Франц взял приготовленный еще днем небольшой газетный сверток и осторожно, словно боясь в нем что-то раздавить, сунул его во внутренний карман пальто, после чего вышел на улицу. Начинало смеркаться, и на темном фиолетовом небосводе одна за другой стали зажигаться яркие переливающиеся звездочки. Взошедшая луна осветила своим бледным светом зимние городские улицы, окрасила нежной желтизной добротные белокаменные дома, посеребрила снежным искрящимся инеем деревянные бревенчатые дома. Мороз лютовал, и Франц, подняв ворот пальто и туже натянув на голову шапку, направился быстрым шагом по пустынной, звенящей морозом, улице.

Отыскав нужный ему дом, он постучал в темную от времени дубовую дверь. Спустя некоторое время заскрипели задвижки и дверь с шумом отворилась. На пороге стояла бледная, худая, с изможденным взглядом женщина. Из-под выдавшего виды платка выбивались черные с завитушками волосы.

— Вам кого? — спросила она тихим голосом.

— Мне нужны Худяковы,— ответил Франц.

— Я Худякова.

— Я классный руководитель Оли, учитель русского языка и литературы Мауль Франц Августович.

— Проходите, пожалуйста,— сказала женщина, пропуская гостя в дом, и при этом кашлянула в кулак.— Простите за беспорядок в доме, только недавно вернулась со смены и не успела еще прибраться,— стала оправдываться она, продолжая покашливать.

— Это вы меня простите за беспокойство. Вам после смены отдыхать нужно, а тут я пришел вам насаждать,— стал оправдываться Франц, при этом слова он произносил почему-то шепотом.— Сегодня у нас в школе произошел неприятный случай с Олей...

— Да, да, я знаю, мне ее товарищи, ваши ученики, все рассказали,— перебила она Франца.

— Я очень волнуюсь за Олю, поэтому решил зайти к вам ненадолго.

— Проходите в комнату,— предложила женщина, указывая рукой нужную дверь.— Оля сейчас спит, я думаю, что ее не надо будить,— произнесла она.

— Что вы, конечно не надо, пусть спит, пусть во сне набирается сил,— соглашаясь с женщиной, кивнул Франц.— Как вас зовут? — спросил он.

— Клавдия Ивановна.

— Клавдия Ивановна, я пришел сказать вам, чтобы вы пока Олю в школу не пускали, пусть она отдохнет и, желательно, чтобы кто-то постоянно находился с ней рядом,— произнес Франц.

— К сожалению, мне не с кем ее оставить,— горестно вздохнула Клавдия Ивановна.— Я работаю на заводе, муж, отец Оли, на фронте, а бабушка наша... бабушка наша два месяца тому назад умерла.

— Простите меня, Клавдия Ивановна, я не хотел вас расстраивать, простите,— произнес Мауль, отводя в сторону взгляд.

— Ничего, ничего, это вы меня должны простить. Вы пришли узнать насчет своей ученицы, а я вам тут свои проблемы высказываю,— грустно улыбнулась женщина, при этом вновь кашлянув в кулак.

— У Оли был голодный обморок, я подумал...

— Я знаю. У меня украли продовольственные карточки, и мы в этом месяце остались без хлеба, а так я работаю, и у нас всегда есть, что покушать,— перебила Франца Клавдия.

— Клавдия Ивановна, вы не будете против того, если я буду кого-то из учеников отпускать с учебы, чтобы они пока побыли вместе с Олей, пока ей не станет лучше? — спросил он.

— Если такое возможно, я была бы вам очень благодарна,— ответила Клавдия.

— Ну, вот и договорились,— улыбнулся Франц. Он замялся, не знал, как начать разговор о том самом главном моменте, с которым он и пришел в дом Худяковых, и Клавдия Ивановна интуитивно почувствовала это замешательство.

— Может быть, с Олей еще что-то произошло, о чем мне не сказали?! — с испугом в голосе спросила она.

— Нет, больше того, что вы знаете, с Олей ничего не произошло. Клавдия Ивановна, я хотел вам сказать, вернее, предложить... точнее спросить,— начал лепетать Мауль, доставая из-за пазухи сверток.— Я хотел попросить вас принять от меня это,— с трудом подбирая нужные слова и от стыда не глядя в глаза Клавдии Ивановны, произнес он.

— Что это? — спросила женщина.

— Здесь немного хлеба и сахара... я хотел... ради Оли...

— Нет, нет, это заберите назад, не нужно этого, я не возьму,— твердо заявила Клавдия Ивановна, отодвигая назад протянутый ей сверток.

— Клавдия Ивановна, я вас очень прошу, ради Оли, возьмите, пожалуйста, я вас очень прошу. Оле обязательно нужно питание. Это я для Оли принес, поймите меня, Клавдия Ивановна, поймите, как Олиного учителя. Если вы не хотите принять от меня это в подарок, возьмите хотя бы займы, потом отдадите. Клавдия Ивановна, ради дочери, ради ее здоровья, ради ее и вашего будущего, возьмите,— стал уговаривать Франц Клавдию, и та нерешительно взяла сверток. На ее глаза навернулись слезы.— Не нужно так расстраиваться, Клавдия Ивановна, это не вы виновны в том, что произошло с Олей, это война виновата.

— Спасибо вам,— ответила женщина, смахивая слезу.

— Я пойду, Клавдия Ивановна, время уже позднее и мне пора. Не ровен час патруль встретится, а я все-таки ссыльный,— проговорил Мауль.

Услышав последние слова, Клавдия Ивановна вздрогнула и взглянула на Франца строгим, пронизывающим насквозь взглядом.

— Я не преступник, Клавдия Ивановна, я просто по национальности немец, а поэтому и оказался здесь, в ссылке,— горько усмехнулся Мауль.

— Я и не подумал о вас как о преступнике. Просто... вы, наверное, сами впроголодь живете.

— Нет, нет, уверяю вас, у меня есть и хлеб, и сахар, мне хватит,— твердым голосом изрек Франц.

— Спасибо! Бог воздаст вам за вашу доброту,— сказала Клавдия Ивановна, провожая Франца Августовича до двери.

Николай Макаров
(г. Тула)

НА ПАРАШУТОДРОМЕ
Из цикла «Воспоминания батальонного врача»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

У РЕКОРДОВ СЛАВНЫЕ ИМЕНА

Наши тульские

— Обидно, Нин?

Нина — это моя лаборантка, санинструктор бактериологической лаборатории медсанбата, сержант сверхсрочной службы, гвардии сержант, мастер спорта, трехкратная рекордсменка мира по парашютному спорту, коренная тулячка, родившаяся в Дубенском районе. В далеком прошлом — аж, в 1977 году — она установила эти рекорды, которые до сих пор никем не побиты.

Сейчас мы оба давно на пенсии. Сидим с ней за рюмкой «чая». Листаем книгу «Сто лет Тульскому спорту». Где о ней не сказано ни слова. О моей лаборантке, Нине Васильевне Пронюшкиной...

— Видно, не заслужила, — смеется она.

За свою спортивную карьеру она много чего «не заслужила». Хотя бы по этим рекордам.

...Всего в октябре 1977 года было установлено нашими спортсменами-парашутистами из Воздушно-десантных войск четыре мировых рекорда.

Первый прыжок — дневной одиночный рекорд установила спортсменка из ЦСПК (Центральный спортивный парашютный клуб). Вот как об этом прыжке написано в «Книге рекордов Гиннеса» за 1999 и 2000 годы (через двадцать с лишним лет после установления): «Эльвира Фомичева (СССР) совершила самый длительный затяжной прыжок среди женщин, пролетев расстояние в 14, 8 км в небе под Одессой 26 октября 1977 г.».

Второй прыжок — групповой (10 человек) дневной с высоты 15 300 метров. В этот же день — двадцать шестого октября. Среди этой отважной десятки была и Нина Пронюшкина. Опять мировой рекорд.

Третий прыжок — ночной, одиночный, на следующий день, 27 октября. С высоты 14 800 метров, преодолев в свободном падении 14400 метров (всего на четыреста метров меньше дневного рекордного прыжка Эльвиры). В ГэдээРовском журнале на немецком языке «Авиаобозрение'78», в седьмом номере об этом прыжке (правда, с небольшими неточностями) было напечатано рядом с ее фотографией: «Новости: слева — мужественная советская парашютистка, которая в конце прошлого года на транспортном самолете Ил-76 поднялась в стратосферу — Нина Пронюшкина. 28-летняя спортсменка из Тулы совершила ночной прыжок с высоты 14000 метров и

только через 4,5 минуты на высоте 500 м она раскрыла парашют и тем самым установила мировой рекорд. Ее мировой рекорд, а также рекорды других советских парашютисток были признаны Международной организацией парашютного спорта».

Четвертый прыжок — ночной групповой (10 человек) 28 октября с высоты 14125 метров, пролетев в свободном падении 13 580 метров. И вновь — рекорд Пронюшкиной.

Она и Эльвира Фомичева за эти дни установили по три мировых рекорда. Остальные (8 человек) спортсменки — по два рекорда.

И что памятное? Что материальное осталось у них, этих отважных спортсменок, от тех рекордных прыжков?

Нина Васильевна раскладывает передо мной свои реликвии, комментируя каждую из них.

«Книжка учета прыжков с парашютом личного состава», в которой на одной странице красными чернилами записаны мировые рекорды: 1821 прыжок; 1822 прыжок, 1823 прыжок.

— Это моя четвертая «Книжка». А всего их у меня — шесть штук с 2340 прыжками.

Я это знал. Она же — моя бывшая подчиненная. С начала весны она всегда уезжала на спортивные сборы, тренируясь и выступая за команду Тульской Воздушно-десантной дивизии. А за два года до рекордных прыжков, естественно, приуроченных к очередной «круглой» дате — 60-летию Октября,— она вдобавок отлучалась со службы на всевозможные медицинские комиссии, на тренировочные высотные прыжки.

— И на примерку неоднократно ездила,— вспоминает она.— Нам двоим: мне и Элке для одиночных прыжков готовили специальные антиперегрузочные скафандры как для летчиков-высотников. В них-то мы и сделали свои одиночные. А групповые совершали как все. Напяливая на себя как можно больше теплых вещей, смазывая лицо толстым слоем гусиного жира. С кислородными масками.

Следующими на столе появляются три большие медали «Рекордсмен СССР» на красных ленточках, три жетона с аналогичной надписью и три Диплома рекордсмена СССР от Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР. На одном из которых напечатано буквально следующее:

«Награждается

Мастер спорта СССР

Пронюшкина Н. В.

установившая рекорд в ночном высотном затяжном прыжке с парашютом (одиночный) с $H=14800$ м.

Расстояние, пройденное в свободном падении = 14400 м.

26 октября 1977 года».

У меня сразу возникают вопросы:

— А где подпись на Дипломе? Почему ее нет?

Почему на медалях и в Дипломах указано, что установлены всесоюзные, а не мировые рекорды?

— А ты спрашиваешь: «Обидно, Нин?»,— она грустно улыбается.— Не знаю я, почему нам не вручили тогда хоть какое-то удостоверение, хоть какую-то справку, что мы установили мировые рекорды.

Да, ТАСС сообщал об этих рекордах, газеты и журналы писали, в том числе и иностранная пресса.

— Чиновников от спорта надо спрашивать. Но тогда мы разве думали о таких нюансах. Главное: рекорды — наши!.. Нашей страны!!.. Нашей Державы!!!

И она, явно предвидя вопрос, опережает меня:

— За каждый рекордный нам заплатили как за простой прыжок — по двадцать (!!!) рублей. И еще по пятьдесят рублей, как за испытательный. Я даже не знаю,

получила ли (а положено?) Фомичева, нынче носящая фамилию нашего тогдашнего тренера Петриченко, от «Гиннеса» что-нибудь.

Мы разливаем остатки «чая» по бокалам:

— За нас! За Воздушно-десантные войска!..

Я добавляю:

— За тебя. За твои никем не побитые Рекорды Мира!..

ПОД КУПОЛАМИ

Вода, вода...

Ох, и не любила Валентина Прохина прыгать с парашютом на воду. Плавать — это другое дело. Она даже разряд по плаванию имела. А еще любила, оттолкнувшись от упругой доски трамплина, ласточкой взлететь и врезаться без брызг в ласковое лоно бассейна. Приводниться же с неба, да еще в амуниции, — так не получится. Но в интересах команды чего не сделаешь. Тем более что нужно быстрее всех прикоснуться к спасательному кругу.

Но Валентине повезло — прыгает последней. Ей видно, как прошлогодняя чемпионка, хотя и приводнилась недалеко от круга, еле-еле плывет. Да и остальные не блещут точными попаданиями. О плавании и говорить нечего. Не мерили они, что ли, лужи босиком, не пропадали жаркими днями на прохладной речке?

Что? Пора ей? Пора так пора. Валентина, мягко оттолкнувшись, устремилась к озеру. Дернула кольцо. Довернула купол до створа. И стала готовиться к приводнению: отцепила один замок запаски — в сторону ее; получше, надежнее уселась в подвесной системе; осторожно расстегнула один ножной обхват; затем — второй...

Да!.. С этими отстегиваниями-расстегиваниями далеко ее занесло. Так, пожалуй, и в само озеро не попадешь. А это — «баранка» команде. И высоты уже нет для исправления. И ветер, как назло, стих. И берег, вот он, рядом. Кричит что-то тренер, суетится на берегу.

Ну, нет высоты для парашюта, хоть плачь.

Не приучена мастер спорта гвардии сержант В. Прохина плакать. Пусть для парашюта нет высоты. Но пока-то она над водой! Значит, не все потеряно, значит, выход есть. Она еще поборется с сегодняшним невезением.

Валентина разворачивается влево — заливчик там небольшой вдается в песчаный берег. Только бы дотянуть, только бы дотянуть. Еще, еще немного. Вот и заливчик.

Высота? Не с таких обрывов в деревне прыгали!

Она выскальзывает из подвесной системы, переворачивается в воздухе и... с десятиметровой высоты ласточкой врезается в воду.

Зрители, участники — все кинулись к заливчику. Оказать ей помощь, подбодрить.

А Валентина?

Отплеываясь от песка, она, стремительно обгоняя своих соперниц, неудержимо рванулась к спасательному кругу. К своей бронзовой медали.

Четверо под одним

Было это уже. Выполняли этот трюк в Югославии, на чемпионате мира, прославленные советские асы парашютизма. А теперь его доверили выполнить обыкновенной команде парашютистов воздушно-десантных войск. Правда, и они не новички, почти у каждого по тысяче прыжков. И это была дружная команда. Валерий Шарунов — «играющий тренер» — ни одной ошибки не пропустит во время прыжков у любого из команды, поможет исправить. А как прыгает сам! На уровне международного класса, одно загляденье.

Итак, тренировка... На первом прыжке они еле удержались друг за друга. Про-

чувствовали только совместное падение. И быстро «разбежались». На земле попробуй вчетвером, взявшись за руки, с первого раза пройти нога в ногу.

На втором прыжке четверка уже падала одним телом до заданной высоты. Трое крепко держались за Шарунова; полдела, считай, получилось. Нет, не полдела. Каждый прыжок — это новое, самостоятельное дело. Девять раз может получиться, а на десятый...

На третьем прыжке четверка вывалилась из самолета классически. Как учили. Как на втором прыжке. Даже лучше. Шарунов дергает кольцо, и купол раскрывается над ними.

Трюк?! Еще какой!

Только это начало трюка. Теперь смотри в оба, не зевай.

Валерий бросает вниз на двух тросах трапеции: на них предстоит спускаться троем, отцепившись от «коренного» — Шарунова.

Первым начинает спускаться на нижнюю перекладину Попов, у которого вращается и коварно ускользает из-под ног тонкий стальной прут. Затем Малышкин бесшабашно усаживается на своей «скамеечке». Анатолий Звонцов... У него заедает один замок спускающего механизма. Дергай не дергай. Разбирай не разбирай.

Перекашивается купол. Закручивает всех в безумном хороводе. Земля, небо — где они? что предпринимать Шарунову?

Отцепить трапеции, чтобы в свободном падении остальные воспользовались запасками? А если запутаются в тросах?

Скомандовать сверху, чтобы по одному покидали свои трапеции?

Или продолжать выполнять трюк? На перекосившемся, но, смотри-ка, управляемом все же парашюте. Глядишь, даже дотянут прямо в опилочный круг.

В воздухе в мгновения принимаются решения. И они приняли его. Одно, по их общему мнению, единственно правильное решение. По их мнению. Закончить трюк! Успешно закончить, конечно же.

Они знали свои силы, свои возможности. Они верили до конца друг в друга. И они сработали этот трюк. За один прыжковый день сработали.

Немножко не так, как авторитеты, правда, но все же хорошо! А будет еще лучше.

...Лето одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. Парашютодром. Двадцатое Первенство страны и пятнадцатое Первенство Вооруженных сил по парашютному спорту.

Завтра торжественное открытие. А сегодня уже начаты прыжки. На огромном стенде развешаны списки участников всех команд. У фамилий тех, кто совершил прыжки, стоят какие-то цифры, отображающие результат прыжков. И абсолютно непонятные мне цифры, впервые присутствующему (вернее, выполняющего медицинское обеспечение этих мероприятий на подобных соревнованиях).

Около стенда в старом застиранном трико, в соломенной шляпе, шлепанцах на босу ногу (вон, на трибунах — полно таких дедков-отдыхающих из рядом находящегося военного санатория «Слободка») стоит один из них и внимательно изучает записи. Подхожу.

— Отец! Ты что? Разбираешься в этой писанине?

Он с усмешкой глянул на меня:

— Немного кумекаю!

— Растолкуй тогда мне...

Минут двадцать он мне рассказывал все нюансы соревнований по парашютному спорту. Еле успевал за ним записывать.

— Зачем записываешь? Так не можешь запомнить?

— Да, понимаешь, отец, пишу репортаж об этих соревнованиях в несколько газет. И чтобы не напортачить, не попасть впросак, надо все досконально изучить.

— Это, правильно...

— Отец,— задаю ему новый вопрос,— а ты Лисова Ивана Ивановича не знаешь случайно.

— Как тебе сказать? Приходилось встречаться. Завтра, на официальном открытии он будет передавать свою должность Председателя Федерации парашютного спорта страны космонавту Горбатко.

— Ну, отец, ты и даешь! Все знаешь!..

Основная газета, куда я писал об этих соревнованиях, была «Молодой коммунар», молодежная газета Тульской области. В газете, порой, в одном номере, печатали три-четыре-пять моих материалов.

В следующий номер газеты нужно было давать интервью с генерал-лейтенантом Лисовым, заместителем Командующего ВДВ. Получится — и с космонавтом Горбатко.

Получилось. Получилось после торжественного открытия соревнований. С вступительной короткой речью, на котором выступил в полной форме генерал-лейтенант Лисов Иван Иванович. Мой вчерашний «дедок» у стенда.

Жаль, что у меня не сохранились ни интервью с Лисовым, ни интервью с Горбатко...

...Лето 1975 года. Слободка. Парашютодром. Идут парашютные прыжки сборной Тульской дивизии, спортсменов из ЦСПК (Центрального спортивного парашютного клуба, или ЦСКА-3) и спортсменов Франции. В командах Тулы и ЦСПК наряду со спортсменами выступают и спортсменки.

Прыжки идут своим чередом: одни спортсмены совершают прыжки, другие — тут же на зеленой травке укладывают парашюты на следующий прыжок, третьи ждут «своего» самолета.

Вот от этой, третьей, группы спортсменов отходит один француз и, по травке, обходя зону приземления, направляется в противоположную сторону парашютодрома, повернувшись спиной к центру, останавливается и...

И я, мало сказать, в шоке — француз начинает, банально говоря, мочиться. В десяти метрах от него женщины-судьи, чуть дальше — женщины-парашютистки двух команд. Ноль эмоций. Помочившись, стряхнув последнюю каплю, француз быстрым шагом, подойдя к своему парашюту и забросив его за спину, устремился к самолету.

Я продолжал стоять соляным столбом. В моей голове славянина, все детство живущего в русском селе, никак не может перевариться такое поведение француза. А еще кичатся своей цивилизованностью...

ПЕРВЫЕ «КЕНТАВРЫ» ВДВ

5 января 2023 года — 50 лет легендарному десантированию

Из книги «106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия»

Проблема десантирования людей в боевой машине оставалась «уязвимым» местом в авиации и в ВДВ. Идея десантирования людей в боевой технике обещала произвести в тактике десантных войск настоящую революцию, повысила их мобильность, боеготовность. Но чтобы оживить идею, заставить ее работать, требовались сбросы техники с экипажем. А это могло обернуться человеческими жертвами. Ответственность за испытания взял на себя командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии В. Маргелов.

Упорная работа по осуществлению поставленной задачи велась четырьмя группами ученых, офицерами ВДВ, руководство осуществлял вице-президент Всемирной федерации по авиационным видам спорта генерал-лейтенант И. Лисов. Подготовка проводилась на базе 106-й воздушно-десантной дивизии.

5 января 1973 года экипаж в составе гвардии подполковника Л. Г. Зуева* и гвардии старшего лейтенанта А. В. Маргелова выехал на аэродром «Клоково». В последний раз обошли комплекс, проверили, насколько прочно прикреплена к металлической платформе боевая машина, надежность крепления мешков воздушной амортизации, парашютов. По команде заняли места. Считанные секунды заняла транспортировка комплекса в грузовой отсек самолета.

С утра низкая облачность не давала возможности начать эксперимент, и только к обеду нижняя кромка облаков поднялась до высоты 500 метров. Десантирование планировалось осуществить с высоты 800 метров с самолета Ан-12Б. Второй Ан-12 должен был снимать это уникальное событие на кинокамеру, но плохая видимость помешала сделать это.

Экипаж занял свои места в специальных анатомических креслах — ложементках — внутри БМД-1. Самолет взлетел и, набрав расчетную высоту, сделал круг над окрестностями Тулы. Примерно через полчаса самолет вошел в зону десантирования. Видимость не улучшалась. У земли дул средней силы ветер (около 5 метров в секунду). Наконец было получено «добро» на начало десантирования.

Генерал армии В. Маргелов с трудом скрывал свое волнение. В данный момент ему было бы легче находиться внутри десантируемой машины, рядом со своим сыном и подполковником Зуевым.

...Створки грузового люка открылись, сработал замок крепления платформы к полу самолета, и вытяжной парашют потащил ее по рельсам в открытое пространство. Машина сильно накренилась, но стабилизирующий парашют не дал ей вращаться в воздухе. Сделав несколько маятникообразных движений, платформа пришла в равновесие. Вскоре открылись все купола системы.

Снижение проходило в соответствии с расчетными параметрами. Наконец платформа удачно приземлилась, почти без бокового сноса, на мягкий, недавно выпавший снег. «Космонавты из ВДВ» быстро освободились из своих кресел. Самочувствие у них было превосходное. Мenee чем за две минуты они привели БМД-1 в полную боевую готовность. Затем легко запустили двигатель и съехали с десантной платформы. Зуев, управляя машиной в положении «по-походному», направил ее к пункту наблюдения. Маргелов-младший произвел несколько холостых выстрелов из орудия и пулемета.

Экипаж четко отработал о выполнении поставленной задачи. Командующий обнял двух «кентавров».

Так закончился первый в мире уникальный эксперимент по десантированию людей внутри боевой техники на парашютно-платформенных средствах.

Из воспоминаний гвардии подполковника в отставке Евгения Ильича Жидкова

...Леонид Гаврилович Зуев по складу своего характера был человеком очень спокойным, неумным. Он за все брался сам, его принцип работы: «Делай, как я!», его энтузиазм, энтузиазм не показушный, заражал нас, его подчиненных, своей преданностью порученному делу.

Ко всему прочему, Зуев был мастером парашютного спорта. И он одним из первых в стране с одним парашютом выполнял буксировку на тросе за самолетом Ан-2. В настоящее время этот трюк выполняют единицы. Командующий ВДВ Василий Филиппович Маргелов — в моем присутствии — неоднократно запрещал Зуеву совершать подобные эксперименты.

За этот его характер, за безграничную преданность Воздушно-десантным вой-

---

* Зуев Леонид Гаврилович; родился 17.02.1932 — умер 12.07.2009 в Туле.

скам, порой доходящую до фанатизма, как и у своего Командующего, и был выбран гвардии подполковник Зуев командиром экипажа первого в мире «Кентавра».

Из книги Н. Макарова «Размышления батальонного врача»

...Начало зимы декабря семьдесят второго с зимой-то сравнить и нельзя. Слякоть, дождь, порывистый ветер, гололед, грязь, вспаханные поля вперемежку с полями озимой зелени, черный лес, редкие птицы. Меня, как самого молодого врача в пятьдесят первом полку — меньше полугодом после выпуска из Томского военмедфака — «бросили» на выживание. «Бросили» врачом в полк молодых солдат, врачом «карантина» на Учебный центр дивизии (в то время он еще не назывался «Полигоном имени 40-летия ВДВ»). Мол, справится — значит, выжил, значит, свой, значит, настоящий десантник.

Справился, выжил, но — не об этом. В декабре на Учебный центр зачастили какие-то незнакомые полковники, генералы, гражданские лица, машины с московскими номерами, полковые особисты зачастили тоже. Слух пополз, но не разрастался, что готовится какой-то эксперимент. И руководить этим экспериментом будет Сам. Перед Новым годом приехал и Сам — Маргелов, Василий Филиппович Маргелов. Я до этого так близко своего Командующего не видел (однажды, написав в газету «Командующий» с большой буквы, был тут же поправлен: ибо, слово «командующий» пишется с маленькой буквы, но для меня, что для меня, для всех десантников Маргелов был Командующим только с большой, с заглавной буквы и не иначе). И то сказать: «близко» — из-за угла казармы молодые лейтенанты с нескрываемым интересом во все свои гляделки наблюдали за ним: за его неперменной папиросой в зубах, за его величественной и в тоже время непринужденной походкой, за его с хрипотцой и, ни в коем случае не на повышенных тонах, голосом. Перед нами шла Легенда, наша ВэДэВэшина Легенда. И мы были горды хоть как-то, хоть малой толикой причастности к этой нашей Легенде.

...А погоды все не было. Прошел Новый год. Второе января, третье. Четвертого января выпал долгожданный снег, утих ветер, в воздухе над Учебным центром нависла какая-то тревожная оживаемость чего-то небывалого, чего-то великого, о подробностях которого не каждому положено было знать, в том числе и мне.

Пятое января... Никаких стрельб, никаких занятий в поле с молодыми солдатами, только политинформации в Ленинских комнатах. Ни одного большого начальника на Учебном центре. Пролетел Ан-12. Пролетел второй. Пролетел третий самолет. Мы кое о чем догадывались, но для нас, находящихся от площадки приземления в двух-трех километрах по прямой, о том, что происходит там, известно, конечно же, ничего не было. Естественно, ни «Кентавра», ни его экипаж на Учебный центр не привезли. И только вечером из полунамеков, из полушепота мы узнали об удачном завершении эксперимента.

Вячеслав Килеса
(г. Симферополь)

СВЕТЛЯЧКИ

Председатель РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей России, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор ряда книг. Лауреат литературной премии имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

— Люблю я его,— Женька потянулась роскошным обнаженным телом, и, запрокинув голову, мечтательно продолжила,— понимаю, что подлец, но все равно люблю. В воскресенье утром он заехал ко мне домой на «Волге», думал, что я, как и раньше, буду для него в доску расшибаться, запчасти для «Волги» доставать, но я встретила его холодно, невозмутимо, зато потом, после его ухода, меня весь день трясло, в себя не могла прийти.

— Да, любовь — штука странная,— обреченно согласился Николай. Он лежал возле Женьки на постели, всматривался в ее красивое лицо и старался подавить в себе рвущееся наружу чувство тоски и обиды: он любил Женьку страстно и мучительно — той любовью, которой чаще всего заболевают мужчины в зрелом возрасте, когда иссякают годы поиска и метаний, и хочется найти нечто постоянное, вечное, на что можно опереться в грозу надвигающейся старости и неизбежных возрастных болезней.

— Я помню, как боялась его, когда он начал ходить на занятие кружка, которым я руководила. Он занимал видную должность в исполкоме, был другом мэра города, и заявил мне, что добьется закрытия моего кружка. А для меня это было единственное место, где я получала зарплату,— муж и тогда мне денег почти не давал,— представляешь мое состояние?! А потом прошел год, Профессор (Женька, конспирируя, никогда не называла этого человека по имени, и в частых разговорах о нем она и Николай стали звать его «Профессором») продолжал ходить на кружок, о закрытии которого никто больше не говорил,— и я начала ловить себя на том, что расстраиваюсь, когда он почему-то отсутствует. А однажды он принес бутылку шампанского, сказал, что у него день рождения, мы остались после занятия кружка, и он, начав с простого поцелуя на «брудершафт», постепенно раздел меня и взял прямо там, на столике для занятий, и это оказалось прекрасным... У меня, кроме мужа, никогда не было мужчин, да и мужа я мужчиной не считаю,— он всегда был самцом, использовавшим меня для удовлетворения своей похоти, а Профессор научил меня быть женщиной, сделал из меня женщину...

Николай вспомнил грязное, полуподвальное помещение кружка, где Женька преподавала детишкам искусство фотографирования, облупившийся на полу линолеум, низенькие, неудобные столы,— и подумал, насколько велика была сила Женькиной любви, заставлявшая ее, чистоплотную, интеллигентную женщину, раздеваться и

ложиться на эти столики или пол,— даже потом, когда Женька, как она рассказывала, принесла туда матрац, простыни и подушку.

— А что тебя привлекало в нем больше всего? — спросил Николай. Тема эта была для него болезненной, но она притягивала его как возможность лучше познать Женьку, приобщиться к ее глубинной сущности, стать — в момент рассказа — слитым с ней воедино.

— Он был романтиком и мечтателем.— Женькино лицо осветилось задумчивой, нежной улыбкой.— Он рассказывал мне, как забрав меня и моих двоих детей, оставит свою семью и увезет нас в Сибирь, где у него есть знакомые, которые помогут получить квартиру, и как мы будем ходить по льду какого-то из северных морей и кататься на оленях. И я вместе с ним мечтала об этом, хотя и понимала, что мечты несбыточны, но Профессор рассказывал так ярко, увлекательно... Умен был необыкновенно, а уж в женской психологии разбирался! Признался потом, что специально запугивал меня закрытием кружка, чтобы заставить о нем все время думать, и что, увидев в первый раз, сразу решил, что я стану его любовницей.

Николай слышал об этом способе опытных соблазнительей, когда женщину, подчиненную по службе или в силу обстоятельств, привязывали к себе через страх, настолько изматывающий жертву, что она, стремясь убрать источник постоянного беспокойства, легко — и с радостью! — уступала своему мучителю, в котором начинала видеть благодетеля. В науке эта ситуация получила название «Стокгольмский синдром» — по одному из случаев, когда три девушки-заложницы, шесть суток находившиеся вместе с двумя грабителями в окруженном полицией бронированном сейфе банка, и испытавшие на себе весь ужас варварского обращения (трое суток их не кормили, заставляли неподвижно стоять с веревочной петлей на шее, били и угрожали убийством), после смягчения «режима» влюбились в истязателей и плакали, когда полиция увозила арестованных бандитов в тюрьму.

— Я чувствовала, что у него, кроме меня, есть другие женщины, но он так убедительно говорил, что предан мне одной! Женщины любят ушами: и я верила каждому его слову, и по вечерам летела к нему, как на крыльях. У Профессора была своя строительная организация, и я, чтобы быть с ним рядом — да и заработать, потому что детей тяжело практически одной выращивать — оформилась к нему на работу экспедитором, и потом на грузовиках в жару и холод моталась по всему Крыму, добывая нужные ему материалы. Закончив рабочий день, мчалась к нему в офис, ожидала в приемной, когда уйдут последние посетители и секретарша, закрывалась с ним в кабинете и я любила его, любила, и делала все, что он пожелает. Наверное, нет такой сексуальной позы, которую бы мы не испробовали! А еще ему нравилось, раздевая меня, смотреть, как я танцую. Тело у меня и сейчас, в тридцать пять лет, как у девушки.

Женька замолчала, задумалась. Николай лежал, всматривался сбоку в ее лицо, вспоминал, как познакомился с Женькой на вечерних курсах по компьютерному обучению, как влюбился в нее, долго и безнадежно ухаживал, пока однажды, в минуту Женькиной тоски и одиночества, не стал ее любовником, периодическим обладателем ее тела,— но не души! В этом было что-то постыдное, немужское: обладать женщиной, откровенно заявлявшей, что его не любит, и Николай тяжело переживал унижительность своего положения, в то же время не представляя свою жизнь без Женькиного присутствия.

— Меня очень волновало — вновь заговорила Женька,— что он старше меня на двадцать шесть лет. Мне казалось, что в моей любви к старику есть какая-то противоестественность, и что знакомые будут смеяться, когда узнают. Я не догадывалась, что и так все знают — кроме мужа, конечно,— и старалась держать нашу связь в тайне. Мы с ним ни разу не были в театре, ресторане, зато часто уезжали на «Волге» в лес. Я бегала между деревьями, счастливая до невозможности, а он ходил по пятам

и любовался мной. Водитель жарил нам на костре шашлыки, потом, после еды, уходил в глубь леса, оставляя нас наедине...

А с Николаем Женька ходила в театр часто. Он был завзятым театралом и старался не пропускать ни одной премьеры, приобщая Женьку к страстям театральных кулис.

— А еще мне нравилось ходить с Профессором в сауну. Я массажировала ему спину, ноги,— и это было так приятно: прикоснуться к любимому телу! Я тогда поняла, что счастье — это возможность делать счастливым другого человека.

— А почему вы расстались? — спросил Николай. Этой темы Женька обычно избегала, инстинктивно чувствуя, как догадывался Николай, что, облеченная в слова, ее любовная история — самое яркое и светлое событие в ее жизни,— окажется в лучах действительности тривиальным случаем: умный, расчетливый мужчина влюбил в себя молодую, неискушенную женщину, бесплатно, не прикладывая особых усилий и денег, попользовался ее телом и душой, после чего, устав от ее любви и необходимости ей соответствовать, поменял ее на новое, свежее «мясо».

— Года через полтора я почувствовала в его отношении ко мне прохладу — сегодня Женька решила быть полностью откровенной.— Он стал часто попадаться на вранье — а я вранье ненавижу! А однажды знакомая девочка попросила помочь: совсем, говорит, один старик замучил домогательствами,— просто выгнать его боюсь, потому что живу одна, а он со связями,— попробуй ты на него подействовать, он сегодня вечером опять завалится. Я согласилась, словно чувствовала что-то, тем более и Профессор утром сказал, что уезжает по делам и вечером встретиться со мной не сможет. Сажу у знакомой, жду, вся как на иголках: и точно — заявляется мой любимый с шампанским и конфетами. Увидел меня, рот открыл и конфеты на пол уронил. Я встала, прошла как мимо пустого места, и даже дверь хлопнуть не стала. На следующий день принесла в кабинет заявление об увольнении с работы: он пытался что-то объяснить, уговаривал,— а я словно каменная. Но зарплату мою — двести гривен — так и не отдал, как я ни просила. То есть я бы ее получила — через постель,— но позволить себе этого не могла.

«Потом появился я,— подумал Николай.— И стал тем клином, с помощью которого Женька вышибала из себя любовь к Профессору».

— Пора идти,— свесив ноги с кровати, Женька начала одеваться.— Дети дома голодные, да и дел много.

— Завтра придешь? — Николай с надеждой заглянул Женьке в глаза.

— Да, наверное.

Эти обещания ничего не значили, и Николай знал об этом. Не один вечер он провел, тщетно ожидая стука в окно и веселого Женькиного голоса: «Коля, открой! Это я». К обязательствам по отношению к нему Женька относилась столь же несерьезно, как и к нему, и ничего здесь поделать было нельзя, можно только привыкнуть, к чему Николай постепенно себя приучал. Зато первое время... Однажды в феврале Николай проторчал на морозе четыре часа, напрасно ожидая Женькиного прихода: в домах отключили электросвет и Николай боялся, что Женька, не увидев освещенного окна, решит, что он куда-то вышел, обидится и уйдет.

Надев платье и поправив прическу, Женька завертелась перед зеркалом. Николай смотрел на нее, красивую, обожаемую им женщину, и думал, насколько долгим будет еще их союз, и скоро ли Женька, окончательно освободившись от любви к Профессору, начнет избавляться от него, Николая, чтобы потом вольной птицей заняться поиском настоящей и великой любви к еще не встреченному мужчине.

— Слушай, Коля! — закончив красить помадой губы, Женька повернулась к Николаю.— Увидимся послезавтра, ладно?!

— Хорошо,— кивнул головой Николай, зная по опыту, что возражения ничего не изменят. Однажды, когда Женька отказалась встретиться с ним день его рождения, он

попытался устроить скандал, и ее тогдашние слова — «я твои ключи от квартиры хоть сейчас могу отдать и тебя забыть» — до сих пор жгли углями сердце Николая. Именно тогда он понял, что Женька никогда его не полюбит, и, кроме сексуального партнера и благодарного слушателя, позволяющего излить на себя Женькины семейные и любовные неурядицы, ничего в нем Женька не видит.

Закрыв калитку на ключ, Женька и Николай молча направились к троллейбусной остановке. Николай думал о том, что в свои сорок шесть лет он так и не встретил ту, с которой мечтал жить долго и счастливо, и умереть в один день, а Женька гадала, пьяным или трезвым придет муж, сделал ли уроки сын и купила ли продукты для ужина ее дочка. Ожидание троллейбуса оказалось недолгим и вскоре они расстались: светлячки, случайно сблизившиеся в ночной мгле.

Вадим Федоров
(г. Москва)

Родился в Алма-Ате. Окончил техникум по специальности «Радиоаппаратостроение» в Серпухове. С 1998 по 2022 годы жил в Праге, в настоящее время живет в Москве. Автор нескольких книг прозы, среди которых: «Бомба для Парижа», «Записки риэлтора», «Мегера» и другие. Многие произведения переведены на чешский язык. Председатель Союза русскоязычных писателей Чехии, член Национальной ассоциации драматургов России.

ПОЖАЛУЙСТА

10 апреля 2019 года. Город Прага, Чехия.

Аня подошла к Карловому мосту со стороны Пражского града. Ее сопровождал молодой человек, гид по имени Мурат. Он увлеченно рассказывал Ане про Карла IV, про гуситские войны и про то, как строили Карлов мост.

— Посередине моста есть барельеф с изображением Яна Непомуцкого,— рассказывал Мурат.— По поверию, если потереть собаку, изображенную на этом барельефе, то сбудется Ваше желание. Хотите попробовать?

— Хочу,— улыбнулась Аня.

— Тогда пошли,— скомандовал Мурат, и они направились в сторону знаменитого барельефа.

Примерно в это же время на другом берегу реки из трамвая вышел молодой человек. Одет он был в джинсы и черную теплую куртку. По имени этого парня мало кто звал. Еще шесть лет назад, в армии, к нему прикрепилась кличка — Падаван. Служил он в артиллерии подносчиком снарядов и зарядов для гаубицы. Падаван жил в Праге уже второй год, но на Карлов мост попал в первый раз. Все не было времени. Он тоже шел к барельефу с отполированной до блеска собакой. Шел, чтобы загадать желание. Ни Аня, ни Падаван не знали, что их жизненные пути уже пересеклись. Четыре года назад.

26 мая 2015 года. Город Горловка, ДНР.

Аня с мужем Юрой заносили в сарай клетки с цыплятами. Хозяйство у них было большое. Один только огород составлял 20 соток. А еще корова, поросята, индоутки. Большая семья — большие затраты. Юрины дети от первого брака, мальчик и девочка, погодки, тоже жили с ними. Но в тот день они были у мамы. Во дворе играл двухлетний Захар, делая вид, что помогает с цыплятами. Он мечтал о том, что его старшая сестра Катя разрешит ему поиграть с планшетом, который ей недавно подарили. Одиннадцатилетняя Катя сидела в одной из комнат и мечтала о мальчике из параллельного класса. Она влюбилась. Первый раз в жизни. О своем чувстве она рассказала только маме. По секрету. В соседней комнате спала самая младшенькая — Миланья. Она еще ни о чем не мечтала. Она просто спала. Дети в ее возрасте спят между

кормлениями. Ей было всего две недели от роду. Аня и Юра мечтали об одном и том же: чтобы быстрее закончилась война, и не надо было бегать к соседям укрываться в подвале и среди бела дня прятать на всякий случай цыплят в сарай.

— Не устала? — окликнул Аню муж. — Отдохни.

— Предложил отдохнуть, когда уже все закончили, — рассмеялась Аня. — Ну ты и жук. Жучара мой, — она пошла в сторону дома, зная, что Юра смотрит ей вслед.

Примерно в 20 с лишним километрах от их дома на корточках возле аккуратно разложенных на плащпалатке снарядах сидел Падаван. Ему хотелось курить. Но курить было нельзя. Падаван мечтал о том, что он уйдет на дембель и женится на своей бывшей однокласснице Мирославе. Оставалось дело за малым — дожидаться дембеля, и чтобы Мирослава дождалась его.

— Ну і довго нам тут сидіти? — не выдержал Падаван. — Годину тому команду дали. І тиша. Я курити хочу.

— І я хочу, — поддержал Падавана заряжающий.

— Дані з безпілотнока знімають, — отозвался наводчик, — не метушіться. Зараз дамо прикурити цим підорам, а потім і самі покуримо.

Словно услышав эти слова, около гаубицы появился солдат с бумажкой в руке и протянул ее наводчику.

— Ви б ще голубиною поштою надіслали, — проворчал тот и принялся крутить-вертеть свои колесики.

Дуло семитонной гаубицы приподнялось, качнувшись, повело чуть вправо и замерло.

— Готовий, — крикнул наводчик.

— Готовий, — эхом отозвались соседние расчеты.

— Заряджай.

Падаван вскочил, схватил снаряд и поволок его к гаубице. Вместе с заряжающим уложил его в досылатель. Вернулся, схватил заряд и поднес его к пушке. Отбежал в сторону. Присел. Закрыв уши и открыл рот.

— Вогонь!

Бабах! Земля вздрогнула. Полетела пыль, какие-то щепки. Со свистом снаряд взмыл в небо и улетел.

— Заряджай.

Падаван вскочил. Снаряд. Обрато. Заряд. Присел. Закрыв уши, открыл рот.

— Вогонь!

Опять землетрясение. Пыль, мусор и воющий звук улетающего снаряда.

— Заряджай.

В дом Ани и Юры попали два снаряда. Первый убил Катю, разорвав ее на части. Второй убил Юру. Захару осколок попал в спину. Ане оторвало левую руку. Проснувшаяся Миланья была посечена осколками.

После операции Аню и детей отправили в Донецк. Но его тоже бомбили. Весельчак наводчик крутил свои колесики, а Падаван подносил заряды и снаряды.

Аню с детьми, в конце концов, вывезли в Россию. Она поселилась под Москвой с мамой и детьми. Оформила себе и семье российское гражданство. И стала рассказывать всем о своей беде. Выступала в ООН в Женеве. Возила по всей Европе фотографии из Горловки и Донецка. И в Прагу она приехала, чтобы выступить перед людьми и рассказать им о себе, о своем горе, о войне, которая все еще продолжается.

Для Падавана же война закончилась. Но и мечта его не сбылась. Мирослава вышла замуж за другого. Поэтому Падаван взял в жены ее подружку, Богдану. Не ходит же ему холостым. Отыграли скромную свадьбу. Падавана пригласили в местную школу, где он рассказал о своей героической службе в вооруженных силах Украины. Школьники слушали его, открыв рты. А Падавану очень нравилось внимание

к его персоне. Но на школе все внимание закончилось. Работы в селе не было. Никому не был нужен молодой ветеран АТО. И Падаван с молодой женой подался на заработки в Чехию. Въехали они по туристической визе, да так тут и остались.

Богдана работала в отеле, убирала номера. А по вечерам мыла офисы в бизнес-центре. Падаван устроился на стройку. Сколачивал с напарниками опалубку и потом заливал ее бетоном. Работа была тяжелой, и платили за нее мало. Так как работала семья Падавана без документов, то часть денег от полученного заработка забирал себе посредник, который оформил на Богдану и Падавана польскую визу, чтобы не надо было возвращаться каждые три месяца назад на Украину. Жили они в комнате общежития с общей кухней на 10 комнат и двумя общими туалетами с душевыми комнатами. Падаван с Богданой хотели заработать денег, чтобы построить дом в родном селе, и родить парочку детишек.

10 апреля 2019 года. Город Прага, Чехия.

Сегодня у Падавана был незапланированный выходной. Так получилось. Богдана работала, и он решил прогуляться по Праге один. Посмотреть город, в котором жил второй год, и сходить на Карлов мост, к знаменитому барельефу, чтобы загадать желание.

Мужики на стройке рассказывали, что их прораб, неразговорчивый и лысоватый Степан из Запорожья, как-то сходил на Карлов мост, загадал желание, и через неделю выиграл в лотерею кучу денег. Не так много, чтобы жить привеваючи, но вполне себе хватило, чтобы легализоваться в Чехии, пристроится на теплое местечко и купить себе подержанный БМВ.

Падаван зашел на мост. Постоял около местных художников, разглядывая их картины. Нашел нужную скульптуру с барельефом.

Около скульптуры толпился народ. Все хотели загадать желание. Образовалось даже что-то вроде небольшой очереди. Когда наступил его черед, Падаван подошел к статуе, протянул руку и погладил отполированную бронзу.

— Будь ласка, песику, зроби мене багатим,— попросил он.

Вздыхнул. Еще раз погладил собаку и на всякий случай стоявшего рядом с ней рыцаря. Резко повернулся и чуть не сшиб с ног стоящую за ним невысокую женщину.

— Вибачте,— пробормотал Падаван.

— Нічого страшного,— ответила ему Аня.

Она поморщилась, поправила сдвинутый от удара протез и шагнула к барельефу. Протянула правую руку, положила ее на то же место, где несколько секунд назад лежала рука Падавана, и прошептала фразу, которую она повторяла, как молитву, вот уже почти пять лет:

— Пожалуйста, пусть больше никто не умрет.

МУЖЧИНЫ

Марина летела в Прагу из Астрахани через Москву и Стамбул. Я встретил ее в Шереметьево около шести вечера. Передал ей папку с документами, которые от меня ждали в Праге, и предложил подвезти до гостиницы. Ведь ее рейс в Турцию будет только утром.

— Да я на авиаэкспрессе,— начала протестовать она.

— Полтора часа этот экспресс до твоей гостиницы будет ехать,— ответил я.— У нас столько же дорога займет. Зато не в общественном транспорте. Мимо Кремля проедем.

Она согласилась.

Я закинул ее чемодан в багажник. Мы сели в автомобиль, выехали с переполненной парковки и через десять минут уже мчались к Москве.

Поговорили о китайском автопроме, о погоде, о детях. Разговор перешел на актуальную сегодня тему — о войне на Украине и мобилизации.

— У меня жена испугалась,— начал рассказывать я,— стала переживать, что меня в армию заберут.

— А ты что? — поинтересовалась Марина.

— А я сказал, что мне пятьдесят пять,— продолжил я.— В этом возрасте только генералов призывают. А я младший сержант запаса. Да еще вдобавок Советского Союза. И воинская специальность у меня «механик-водитель» машинки, которая ракеты средней дальности возит, а не ракеты с ядерной начинкой. Так что не нужен я в армии.

— А если все-таки призовут? — уточнила попутчица.

— Хех,— усмехнулся я,— жена то же самое сказала. Вы, женщины, предсказуемы.

— Вы, мужчины, тоже предсказуемы,— парировала она.— Так что же ты ей ответил?

— Я ответил, что если мне повестка придет, значит, совсем дело плохо,— сообщил я.— Тогда рассуждать, идти или не идти на войну, просто времени нет. Соберусь и поеду. И другого пути не вижу.

Мы встали. Это была обычная московская пробка. Минут на пять или на полчаса.

— Я сына в детский сад вожу,— продолжил я,— как раз мимо военкомата, что на углу Молодогвардейской и Партизанской. Там каждое утро мобилизованные собирались. Обычные мужики лет тридцати или сорока, по-разному одетые. Из машины их особо не разглядишь. Но спокойные. Без всяких причитаний прощались с родными. Садись в автобусы и уезжали воевать.

Пробка внезапно рассосалась, и мы поехали.

— Скоро уже прибудем,— сказал я.

— А у нас в Астрахани... — начала Марина.— Через несколько дней после объявления мобилизации я утром в окно выглянула и обомлела: по улице шли молодые люди, все в камуфляже почему-то.

— В камуфляже? — удивился я.

— Да, почти все в нем. Молодые, лет по двадцать,— кивнула женщина.— Как потом выяснилось, в соседнем дворе у них пункт сбора был. Их там в машины рассаживали и в Казахстан везли. По пятнадцать тысяч с носа. С машины шестьдесят тысяч за рейс народ зарабатывал. А там всего пятьдесят или шестьдесят километров.

— Это которые от службы бежали? — догадался я.

— Ага, эти. Идут и идут по улице,— подтвердила Марина.— А я женщина. И мне стало страшно. Мне показалось, что все мужчины уйдут, и меня некому будет защитить. И меня убьют.

— А почему в камуфляже-то? — допытывался я.

— Не знаю,— ответила попутчица.— Почему-то большинство в защитной форме было. Некоторые с рюкзаками, некоторые с чемоданами. Мне реально стало страшно. Никогда так страшно не было.

— И чем все закончилось? — спросил я.— Ты целый день так у окна и простояла?

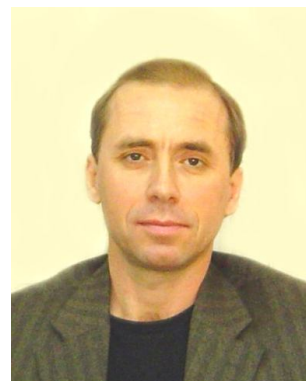
— Не целый,— устало улыбнулась Марина,— полчаса всего. Потом муж с рыбалки приехал, и я успокоилась. Мне стало все равно, кто там куда идет. Бог им судья. Мужчин в России и без них хватает.

Мы выехали на набережную. Впереди показался силуэт храма Христа Спасителя.

— Бог им судья,— повторил я вслед за Мариной.— Бог им судья.

Вячеслав Михайлов
(г. Москва)

ПОСЛУШНИК И ГАСТАРБАЙТЕР

Наш постоянный автор.

В небольшой обители, расположенной в верховьях Волги, Виктора Осетрова прозывали среди братии и бывалых трудников вольным послушником: частенько пропускал он долгие монастырские службы с их совместными молитвами, песнопениями, славословиями из-за специфики своего послушания. Ведал Виктор инженерными вопросами содержания храма и других монастырских строений, автомобилей, трактора, электрооборудования, прочей техники, устраивал ремонт своими силами либо с привлечением специализированных предприятий, приглядывал за ходом сооружения новых объектов на монастырских землях, и слово его было решающим при их приемке. На нередкие сбои в работе и поломки той или иной техники, систем водоснабжения, теплоснабжения реагировать приходилось зачастую неотложно. Хорошо это понимал монастырский эконо́м, высоко ценивший инженерный универсализм, дошность Виктора, и всячески оправдывал, защищал его, когда суровый настоятель почтенных лет, неплохо осведомленный о домонастырской производственно-управленческой биографии Осетрова, упрекал, бывало, в сердцах послушника-инженера: «Ну, зачем, скажи, тебе монастырь, коли не творишь молитвы как положено, живешь тут, почти как в миру жил, ночуешь только в персональной келье да ешь в трапезной!». По просьбе убедительной отца эконо́ма Виктор в таком случае кротко каялся, не пытаясь объясниться. Но образа жизни не менял. На упрек же настоятеля отвечал обыкновенно эконо́му — с налетом обиды, будучи с ним наедине и вполне откровенно. Тот терпеливо выслушивал. Ответ приоткрывал еще одну причину пропуска монастырских служб, помимо хозяйственной надобности, и был приблизительно такой: «Что значит — зачем мне монастырь, отец Серафим? Затем же, что и всем тут — попытаться к Богу быть ближе. И молитва всегда со мной. Утром, вечером, и днем — как отвлекусь от заботы, так скажу «Отче наш» про себя или просто молю Господа простить меня грешного. По завету Христову молюсь — без многословия, в уединении. Иначе трудно почувствовать Отца небесного... Сложно мне на общей молитве сосредоточиться, теряю смысл слов. Свой-то голос отвлекает, многоголосие — тем паче». А однажды прибавил к подобному ответу: «Как вспомнятся девяностые, я и в «Отче наш» пропускаю просьбу к Господу о хлебе насущном — небольшой, думаю, грех. Не поворачивается язык о том просить». Эконом усмехнулся с укоризной, сказав: «Попировал, нашалился, чай, в лихие годы», на что Осетров хмуро откликнулся: «Какие, прости Господи, лихие! То ли опасные и горькие, то ли удалые да бойкие — поди разбери, кто что имеет ввиду. Подлые те годы были, прежде всего».

Со временем настоятель остыл, смирился с Викторовым укладом, но о постриге в монашество ему не напоминал и Осетров разговор о том не заводил. Жил и жил в монастыре послушником.

Как-то посреди осени, когда урожай монастырский был убран, земли, занятые под огороды, кукурузу, однолетние травы, были вспаханы, экономом попросил Осетрова помочь агроному обителю с новым земельным участком, находящимся километрах в трех от основного монастырского комплекса, рядом с рекой. Смородина там вроде бы неплохо прижилась, а овощные — томаты, перец сладкий, картофель — чахнут второй год: и отдача мала, и удобрений жаль, да и трудов. Агроном считает, что почва там переувлажнена: то ли вода дождевая застаивается, то ли грунтовая вода близко подбирается к корням, а может и то и другое.

После осмотра хуторской земли и окрестностей Виктор привел с собой крепкого молодого трудника; с ним вдвоем откопали лопатами несколько метровых шурфов в разных концах участка. Сделав в них замеры складным метром, и далее посидев в келье за ноутбуком с часок, Осетров доложил при встрече эконому:

— Прав агроном насчет избыточной влаги на той земле. Дренажные канавы нужно выкопать и засыпать их дно небольшим слоем щебня. По прикидочному расчету получается, две вполне достаточно. И поторопиться стоит до слякоти и холодов — чтобы к следующему сезону дренаж работал.

— Успеем ли? — усомнился отец Серафим.

— Не успеем, отец агроном заругает, — улыбнулся послушник. — А копать лучше вручную.

— Кто же копать будет? — насторожился экономом. — Трудники сезонные разъехались почти все, а кто остался — нарасхват... Со стороны придется нанимать. Может трактор заказать небольшой или экскаватор?

— Мини-экскаватор дороже будет и после него все одно поправлять, дорабатывать надо лопатами... Чертежик сделаю простой, объем работы прикину и поеду в строительный кооператив к Семенычу. Он подберет людей. Скорее всего, гастарбайтеров среднеазиатских предложит. Если они за наличные работают, соглашаться?

— Меньше бумажной мороки, — кивнул отец Серафим. — Я казначея предупрежу насчет денег, если понадобятся. Втридорога не заломит твой Семеныч?

— Не беспокойтесь, не заломит, — пообещал Виктор, — давно его знаю, он прихожанин нашего храма, редко только захаживает.

— Тогда поспешай, брат честной, поспешай.

На следующий день Осетров созвонился с Алексеем Семеновичем, замом председателя кооператива, изложил суть дела, прихватил чертежик с расчетом объема работ и отправился на разъездном узике эконома в путь.

Выезжая за пределы обители по делам, он обыкновенно менял подрясник и суконку на неброскую гражданскую одежду по сезону, превращаясь из подтянутого, русоволосого послушника лет пятидесяти — с карими глазами, выдавшими немало книг, классической стрижкой и небольшой аккуратной бородой — в мирянина, похожего на доцента или молодежявого профессора. Теперь же — как бывало при спешной нужде — поехал в своем монастырском облачении, полагая, что это ускорит проход к начальственному лицу и охранит избалованные пристойной речью уши от матерка, привычного в кругу строителей. Так и вышло: в конторе кооператива попадавшие навстречу работники дружно приглушали голоса или умолкали, оглядывая Виктора с интересом, а несколько посетителей в приемной уважительно пропустили его вперед, хотя он о том не заикнулся.

Семеныч, небольшого роста энергичный здоровяк с заметным брюшком и взглядом командарма, радушно встретил Осетрова, взаимно осведомились о здоровье. Тем не менее, сославшись на авральную ситуацию, он быстро перешел к делу: спросил чертеж, мельком посмотрел его, открыл на мобильнике калькулятор, сделал несколько вычислений и, закончив, сказал:

— Я предварительно говорил с бригадиром: Маликом зовут — из Средней Азии, земляками своими командует. В основном чернорабочие у него — выносливые ребята

та. По-русски знают десяток слов, но это неважно. Главное — пашут световой день и землю ворочают с малых лет. Тебе ж за недельку нужно управиться?

— Хорошо бы.

— Думаю, трех-четырех человек хватит. Работа будет стоить пятьдесят тысяч рублей наличными — меньше никак. Малику скажу об этом; попросит больше, конечно, но я найду нужные слова. В общем пятьдесят и точка... Хотел тебя с ним познакомиться, но он на дальнем объекте сейчас. Номер телефона твой ему сброшу. Завтра встретишь его и ребят, покажешь место, расскажешь, что к чему. Через два-три дня пришло самосвал щебенки — это наш дар. Все будет путем.

— Благодарствую,— сдержанно сказал Осетров и спросил:

— По-русски Малик тоже кое-как?

— Не хуже нас с тобой говорит, пишет,— усмехнулся Семеныч.— Примерно ровесник наш — советского разлива. Учился в русской школе, университет окончил в русской группе — историк. В институте академическом немного потрудился, пока науку у них не забросили, как и у нас. Грамотный мужик, хваткий. С ним и будешь общаться по своему дренажу, с ним и рассчитаешься.

Семеныч умолк на мгновение, заглянул продолжительно, тепло в глаза Осетрова и вздохнул:

— Эх, брат Виктор, поговорить бы нам с тобой не спеша за чаем хорошим и плюшками домашними о том, о сем — давненько не говорили... Ехать мне нужно, в другой раз как-нибудь. Звони, если что.

Со второй половины следующего дня работа на участке уже пошла.

Малик, типичный восточный горожанин с бледным выбритым лицом, добротнo и даже щегольски одетый,— от клетчатой теплой кепки до коротких резиновых сапог с декоративными застёжками,— привез на пожилой «Ниве» инструменты и троих смуглых черноглазых парней, сельских жителей по наружности. Он действительно свободно и без акцента говорил на русском, доволен был, увидев готовую, удобную для работы разметку дренажных канав на участке. Виктор напомнил на всякий случай их размеры, показал, куда вывозить на тележке извлеченный грунт, а Малик синхронно переводил его слова для рабочих.

Перед отъездом бригадир недолго переговорил со своими ребятами, что-то наказал им строго напоследок и, прощаясь с Виктором, сказал с улыбкой в глазах:

— Пристали кадры мои любопытные: спрашивают, мулла вы местный или кто. Я сказал, как у нас домullo медресе — преподаватель в мусульманской школе. Другой аналогии не нашел — в исламе же нет монастырей. Предупредил, что вы заказчик наш, проверять работу будете.

— Ну и хорошо, — улыбнулся в ответ Осетров.— Побуду домуллой.

Как и говорил Семеныч, работали гастарбайтеры бойко, умело, с редкими короткими перерывами.

Виктор завозил им днем на велосипеде свежий теплый хлеб из монастырской пекарни и вечером заезжал на участок — поглядеть, как дело движется да присесть неподалеку на пенек, полюбоваться красочным видом на пустынную реку, окаймленную желто-рыжим лесом с темно-зелеными сосновыми фрагментами, причудливой игрой цветов надвигающегося заката: от золотого и розово-фиолетового до сапфирового. Прохлада осенняя удалила уже комаров и остальную всю несметную рать насекомых — кого спать уложила, кого отправила в небытие. Ничто не мешало пребыванию в дивном земном уголке, редкие слабые птичьи голоса лишь добавляли очарования.

К полудню пятого дня дренажные канавы были выкопаны. Осетров показал рабочим, каким слоем щебня нужно засыпать их дно с выравниванием, а вечером позвонил Малику и договорился на завтра рассчитаться, уверенный, что все будет сделано к тому времени.

Когда в условленный час подъехал на участок, издали увидел, что Малик уже на месте — громко и сердито отчитывает своих ребят, энергично жестикулируя, а те виновато помалкивают. Насторожившийся послушник приветливо поздоровался с примолкшим бригадиром, рабочими, пошел осматривать дренажные канавы и, вернувшись, удовлетворенно сказал:

— Ну, что, Малик, сработали в общем как надо, если малых огрехов не считать. Спасибо за старание, парни,— поклонился слегка рабочим Осетров, а они в ответ почтительно приложили ладони к груди и тоже немного приклонили головы, косясь с опаской на бригадира.— Деньги за работу я привез. Пятьдесят тысяч, как договаривались.

Малик вдруг раздраженно и решительно проронил:

— Придется еще десять тысяч добавить.

— Это почему? — приостановился послушник, полезший в карман за деньгами.

— Потому что я с Семенычем договорился за пятьдесят тысяч только выкопать и убрать грунт,— нервно ответил бригадир и зыркнул недобро на рабочих. — А эти лопухи щебенку еще уложили — не могли вам отказать.

— Семеныч при мне всю работу оценил с учетом укладки щебня,— возразил уверенно Виктор, решив, что ушлый бригадир нашел повод получить сверх оговоренной суммы.— А с вами он иначе, что ли, условился? Быть не может.

Лицо Малика мгновенно загорелось, темные глаза округлились, сверкнули гневом.

— Думаешь, обдурить тебя хочу, монах? — воскликнул он яростно, с надрывом и ударил Осетрова кулаком в подбородок.

Не растерявшийся Виктор успел уклониться, удар пришелся вскользь; опешившие рабочие застыли в тревоге. Сделав два шага назад, он тихо произнес:

— Зря вы это сделали.

Оттолкнув одного из рабочих, попытавшегося удержать его, взбешенный Малик опять ринулся на Осетрова, и тут взметнулся черный рукав подрясника: подзабытым ударом в грудь послушник остановил бригадира, который разбросав руки, задохнулся, припал одним коленом на сухую лежалую траву и судорожно хватал ртом воздух, чуть постанывая.

Другой гастарбайтер потянулся было за лопатой, но бригадир, начавший приходить в себя, увидел это краем глаза и жестом дал знать: не дергайся.

Отдышавшись, Малик натужно поднялся и остуженным голосом с напускной иронией сказал, взглянув на Виктора, готового ко всякому повороту ситуации:

— Не по Христу, не по Христу поступаете — он другую щеку подставлять учил, а вы по принципу «око за око, зуб за зуб» мне врезали.

— Да нет, партнер мой буйный,— возразил спокойно Осетров, порадовавшись, что бригадир очухался, но виду не подав.— Все у нас было как раз по Христу — вы просто не заметили в ярости.

— Как это? Непонятно,— продолжил деланно и незлобиво иронизировать Малик.

— Очень просто,— пояснил послушник, не обращая внимания на ироничные нотки.— На первый удар я тем же не ответил, а отступил — другую щеку, стало быть, подставил, одуматься предложил. Вы опять на меня бросились. А во второй раз, и в пятый, и в десятый подставляться под удар Иисус Христос не учил. Ясно, почему: подобная безответность плохо заканчивается и для того, кто ее проявляет, и для ближних его и друзей.

— А что, разумное толкование спорного наставления Христа, на реальном примере к тому же,— оценил бригадир, потеряв ладонью грудь.— Учение Христа богато разными толкованиями — Чехов еще отметил через фон Корена в «Дуэли»... Ну, ладно, это все отступление,— перешел он сразу на серьезный тон и голос его заметно дрогнул.— На самом деле, Виктор, я хотел сказать... Вы меня простите. Чего разбушевался, не пойму. Нервишки, конечно, пошаливают: семья далеко, детей младших

по телефону воспитываю, с работой тут не все клеится. Но, чтобы так! Как говорится, шайтан попутал. Простите... И забудьте про эти десять тысяч.

С годами у Осетрова при встрече с искренним раскаянием само собой возникало душевное волнение, перехватывающее горло и увлажняющее глаза. Это случилось и теперь — когда дослушивал Малика. Как сумел, придержал внешние проявления волнения и сказал привычные слова:

— Бог простит, и я прощаю. А насчет десяти тысяч... Сейчас позвоню Семенычу, переговорю по поводу вашей с ним договоренности — надо же прояснить этот момент. Погодите чуток.

Виктор отошел в сторону и после короткого телефонного разговора воротился, широко улыбаясь:

— Он сказал, запарка у них была, и вполне мог забыть об укладке щебня, когда оговаривал работу с вами — такие дела, такое недоразумение... Ах, Малик, я ведь и вправду подумал грешным делом, что вы меня провести решили. Ну, слава Богу, все выяснилось.

Лицо Малика, в напряжении ожидавшего возвращения Осетрова, после этих слов просветлело, он молчал, не зная, что сказать, а послушник между тем достал портмоне, отсчитал деньги и протянул их ему:

— Вот, получите ваши шестьдесят тысяч.

Тот принялся упираться, отказывался брать такую сумму, говоря, что это неправильно, что возьмет только пятьдесят, что монастырь не должен платить за забывчивость Семеныча. Послушник же уговаривал не противиться, взять шестьдесят тысяч, настаивая, что они заработаны, а Семеныча, говорил, понять можно — вертится, как белка в колесе. Наконец, Малик все же взял шестьдесят, попросил Осетрова подождать пять минут, направился к своим ребятам и, быстро пообщавшись с ними словами и жестами, вернулся.

— Погрузят инструменты, вещи свои в машину и прогуляются потихоньку к большой дороге, а я скоро догоню их на колесах,— пояснил он и, малость помявшись, смущенно добавил:— Мне Семеныч сказал, что вы до монастыря управлением занимались на производстве. Кое о чем спросить вас хотел...

Осетров заинтересовался, предложил не смущаться и спрашивать.

— Вы, знаете,— продолжил поспешно Малик,— я начал работать в России наездами еще лет двадцать назад, с конца девяностых. Тогда здесь мало было мигрантов трудовых из Средней Азии — коренных жителей региона, а теперь — многие-многие миллионы, в основном молодежь. Сразу это бросается в глаза, особенно в Москве, Питере, других крупных городах. Точной цифры не знает никто — полно нелегалов. Зато точно известно, Средняя Азия — главный поставщик гастарбайтеров в Россию. Куда только не зашли — от Калининграда до Камчатки. Не только в городах, и в сельском хозяйстве работают повсюду. Вы, конечно, в курсе. Я за этим процессом давно слежу, анализирую... Почему едут и едут на заработки известно: низкая зарплата, работы не хватает на родине, прирост населения каждый год изрядный, больше всего за счет села, а там с работой совсем туго — для освоения новых земель водных ресурсов нет. Почему именно в Россию едут — тоже не секрет: неплохо можно заработать — раз, дешевле, проще въезд-выезд и проживание относительно других вариантов — два, отношения с госорганами строятся по сходным понятиям — три, некоторые знают русский язык худо-бедно, остальные прицепом к ним идут — четыре, диаспоры крепкие есть — пять и главное — востребован их труд. Вот скажите, Виктор,— возвысил невольно голос бригадир,— Россия что, не может уже прожить без миллионов гастарбайтеров? Прежде обходилась своими людьми и в ЖКХ, и в сфере услуг, и в сельском хозяйстве, и в строительстве, а теперь нет? В советские времена строители российские еще и наделали уйму всего в Средней Азии и не только.

— Вы меня огорошили прямо, Малик,— растерянно сказал послушник, чуть за-

думавшись.— Неважный я эксперт, изредка только — по старой памяти — интересуюсь обстановкой в стране, какими-то деталями... Если только экспромтом скажу... Обойтись без гастарбайтеров Россия, конечно, может. Но тогда ведь спотыкаться будут те самые ЖКХ, сфера услуг, строительство из-за нехватки рабочих рук — на убыль идет потихоньку население российское, увы... Ясно, побуждать нужно всячески рождение деток. На полное государственное довольствие пора брать каждого младенца до окончания школы. И еще модернизировать производства, трудоемкость их снижать. Но почему пока не использовать труд мигрантов, тем более из бывших советских республик? К тому же охотников немного среди местных на черную, утомительную работу за небольшую зарплату, а гастарбайтеры берутся за нее. Выходит у первых выбор есть, а у вторых он скуден очень — не по-людски их не поддержать.

— Это миф какой-то,— встрял Малик, не удержавшись,— что массовый приток трудовых мигрантов в Россию вызван нехваткой здесь рабочих рук. Смотрите: количество трудоспособного населения России и реальный валовый продукт российский в последние годы примерно те же, что были перед крушением Советского Союза — это по официальной вашей статистике. И где, скажите, нехватка российских рабочих рук? Нет ее по существу или мала она совсем. Зато к созданию валового продукта в последние годы привлекались многие миллионы гастарбайтеров. Что так? Первое — очевидное: бизнесу российскому выгоднее их труд. Второе — главное: государство российское либо не желает, либо неспособно организовать как следует использование труда своих людей. По-моему, не желает: расходы, хлопоты непростые и бизнеса интересы ему больше по сердцу. Поощряет еще приток мигрантов: бизнесу легче выбирать и цену их труда внизу держать.

— Вы недовольны будто, что люди ваши в Россию едут,— заметил недоуменно Осетров, когда бригадир остановился.— Не отдыхать и гулять — из нужды выбирать. Или мне показалось?

— Последствиями я недоволен, — тотчас горячо отвечал Малик.— У меня в последние годы стойкое возникло ощущение, что русские — о россиянах речь — в большинстве своем устали от среднеазиатских мигрантов, да и от прочих инокультурных мигрантов. Объяснимо вроде бы: другие обычаи, традиции, с русским языком обычно плохо, особенно у молодежи — оттого обособляются, кучкуются, кто-то на преступную дорожку выходит — в семье не без уroda. Короче, малопонятные они в массе своей, чужие даже и встречаются небезопасные. Но пока мало их было в России, местные этого почти не замечали. А много стало — часть семьи привозит, десятки тысяч каждый год получают паспорта российские, обживаются всерьез — и чужеродность уже рядом, вокруг, уже напрягает, раздражает местных. И пугает: чаще стали сталкиваться с мигрантским грабежом, иным насилием. Конкурируют уже с местными кое-где за рабочие места. И готов в итоге неприязненный образ мигранта из моих краев. Старательные дворники, вежливые курьеры слегка только и локально его поправляют. А как иначе при таком наплыве чужаков?! Будь на месте среднеазиатов китайцы, арабы, индийцы, та же история бы случилась, если не острее... Меня, кстати, этот образ противный тоже огрел. Дружок мой, Санек,— вместе росли, дрались с пацанами из соседнего двора, в университете учились, не раз встречались после его переезда в Питер, созванивались постоянно,— в этом году перестал вдруг звонить. Я звоню, говорит нехотя, быстро сворачивает разговор. Спросил в чем дело, а он: «Не сердись Малик, трудно мне: полгода назад наш с тобой земляк, гастарбайтер-юнец, напал на дочь — сумку выхватил, побил, а недавно с женой похожий случай». Так-то... А я, Виктор,— прибавил громкость Малик,— не хочу терять здесь друзей, не хочу, чтобы меня здесь сторонились. Я вырос в русской культурной среде. Люблю Россию не меньше, чем родину!.. Не хочу, чтобы русская усталость — не стоит она на месте, копится — обернулась конфликтом большим и таким разрывом, что совсем тут не отыщешь наших мигрантов.

Тронутый эмоциональным откровением бригадира Осетров взялся успокаивать и подбадривать его:

— Да, не волнуйтесь вы так, Малик, не преувеличивайте.— Вы же историк по образованию — Семеныч мне говорил,— знаете прекрасно, веками жили русские бок о бок со множеством народов, разных по культуре, религии, обычаями всякому прочему. Постепенно, не спеша притирались взаимно, обменивались традициями, мигрировали внутри страны, смешанные семьи возникали, сплачивались назло врагам, а русский язык всех объединял и объединяет. И теперь с новоприбывшими в российскую семью — на постоянное жительство и заработки — так будет, интегрируются за милую душу. А преступников к ногтю прижмем. Все образуется.

Малик поморщился разочарованно и несогласно покачал головой:

— Не забывайте, народы эти числом невелики и на притирку, на культурный обмен предостаточно было времени — столетия. Вы верно сказали — постепенно, не спеша притирались, мигрировали внутри России — это ключевая вещь! Шел органичный объединительный процесс при всех изъятиях... Возьмите татар, второй по численности народ после русских. Живут в России почти 500 лет, если считать от присоединения Казанского ханства, а первая татарская слобода возникла в Москве, кажется еще при Иване III. За эти века расселились широко по России, и численность их выросла где-то от полумиллиона до пяти миллионов. По менталитету они сегодня гораздо ближе к русским, чем к единоверцам из Средней Азии и язык русский — как родной... Сравните теперь: всего лишь за 20—25 лет мигрантов среднеазиатских — временно и постоянно проживающих — стало в России примерно в два раза больше, чем татар за 500 лет. Фантастическая скорость! Какая может быть притирка за такой мизерный срок?! Да, никакой, практически. И не нужна она особо такой огромной общине: своих вокруг полно, чувство локтя есть, можно обустроиваться и жить привычным образом, своими устоями, своим миром, не заморачиваться освоением русского языка — знай минимум для работы, бытовых контактов и все. Так и живут... Естественным образом, в силу обстоятельств, живет, крепнет, растет в России, на всех ее просторах, довольно обособленное и по большому счету чужеродное общество. Русско-культурные, вроде меня, на процесс не влияют — их мало очень. Не единое оно, с выходцами из разных стран Средней Азии со своими противоречиями; есть националисты, встречаются экстремисты — как в любом обществе... Ко всему прочему это и подарок врагу, что мечтает разжечь смуту в России — этническую, социальную, любую,— лишь бы ослабить, взять под контроль, разделить. Не находите?

— Погодите, погодите, Малик...— не удержался теперь Осетров.— А где же в вашем раскладе Средняя Азия сначала в Российской империи, а потом в СССР? Более века ведь притирались, а в советские времена вообще жили под флагом «дружбы народов», вместе победили в Великой отечественной войне.

— Это лишь начальная притирка была,— сразу отвечал бригадир, ожидавший, похоже, такой вопрос.— Да, в Советском Союзе она шла недурно — в одну сторону смотрели, в общем. Притом Союз умел устроить, чтобы «где родился, там и пригодился». Отсюда и миграция была неспешная опять же внутри большой страны... Но прервалась притирка с крушением Союза. Сегодня в России обитают, работают мигранты из Средней Азии, что выросли в большинстве своем уже в независимых странах. Русские, русскоязычные разъехались почти оттуда — немного осталось... Причем, росли — знаете, конечно,— на учебниках истории, где Российская империя и СССР в неприглядном свете изображены, однобоко, да и лжи хватает. Не было у этих поколений притирки до миграции в Россию, за редкими исключениями. Следов прошлой притирки тоже незаметно.

Заиграл мобильник бригадира, и он встрепенулся, хлопнул себя ладонью по лбу: «Парни мои!» Быстро ответив, Малик взглянул с сожалением на послушника:

— На большую дорогу они уже вышли. Разговорились мы — время быстро пролетело. Я поеду.

— Да-да, конечно, — огорченно покивал головой Осетров. — Пора ехать... Вы меня, Малик, нагрузили прилично миграционной темой — не придавал ей особого значения. По-вашему выходит, нынешняя миграция коренных жителей Средней Азии в Россию противостоит чрезмерная и поспешная, неважно контролируется у нас, обременительная, даже опасная для российского общества, государства российского. И для самих мигрантов тоже небезопасная. Так приблизительно, если коротко?

— В общем — да, — согласился Малик. — Вы простите, Виктор, еще раз за то, стыдно вспомнить — правда... Если понадобится что сделать, звоните: у меня и плотники есть, и каменщики, и плиточники. До свидания.

Послушник тоже попрощался, добавив: «Храни вас Бог», и Малик направился скорым шагом к машине.

Ирина Резник
(г. Омск)

ВОРОБЬИНАЯ ХОЗЯЙКА

Родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института. Кандидат философских наук, член Союза писателей России, член творческого Союза художников России. Произведения опубликованы в изданиях Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Читы, Северомуйска. Ученый секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств. Издала 13 книг стихов и прозы. Лауреат нескольких поэтических и художественных конкурсов. Автор-исполнитель собственных песен.

Вера Олеговна работала уборщицей в одном солидном учреждении. Она убирала несколько кабинетов и туалет. При первом взгляде на Веру Олеговну у человека возникало чувство некоторого удивления, до чего неказистой может быть женщина: маленький рост, неправильные черты лица, походка вприпрыжку и одновременно вперевалку, шелелявость при разговоре по причине отсутствия нескольких зубов, улыбка делала ее похожей на сказочную Бабу-Ягу, только совсем не злую, а немного наивную и озорную. Если Вера Олеговна что-то рассказывала, а потом умолкала, она непременно поджимала тонкие губы и внимательно смотрела на собеседника, ожидая реакции на сказанное. Темно-карие глаза ее были наполнены блеском, характерным для непоседливых, энергичных, любознательных людей, имеющих вкус к жизни. Когда то Вера Олеговна училась в техникуме швейному делу, потом работала в ателье, которое закрыли во время перестройки, и она переквалифицировалась в уборщицы. Думала, временно, а проработала до пенсии, и опять не уволилась, а даже согласилась мыть еще один участок, так как уборщиц не хватало.

Сын Веры Олеговны уехал на заработки на Дальний Восток, взяв с собой жену, а двухлетнего ребенка оставив с тещей — Тамарой Петровной. Когда Вера Олеговна приходила навестить внука, прихватив с собой угощение: печенье, вафли, конфеты, яблоки или что-нибудь другое, Тамара Петровна, которая доводилась ей сватьей, как-то демонстративно убирала мешочки с Вериными угощениями в кухонный шкаф, приговаривая, что ребенку все это давать вообще нельзя. Разговор у них со сватьей как-то не клеился, внук Вовка к Вере Олеговне подходить не хотел, и, несмотря на все ее уговоры и обещания никуда его не забирать, прижимался к другой бабушке и испуганно выглядывал из-за нее.

Другая бабушка, в отличие от худенькой Веры Олеговны, была полная, крупная, с толстыми отекающими ногами. Выражение лица у нее всегда было строгое, и от этой строгости на лбу обозначились две глубокие вертикальные складки между бровями. Вера Олеговна быстро уходила, надеясь, что в следующий раз она сумеет уговорить Вовку поиграть с ней, но и в следующий раз все повторялось сначала.

Как-то Вера Олеговна принесла внуку вязаные варежки и игрушечные пластмассовые инструменты: молоток, топор, гвозди и дощечку с отверстиями, но плотницкое

хозяйство сватья оценила так же неодобрительно, как и сладости, сообщая при этом, что все они испортились, и она вынуждена была выбросить их в мусор, а варежки небрежно положила на полочку в прихожей так, что одна варежка съехала и повисла на веревочке, которой обе они были соединены. Тамара Петровна поправлять их не стала, сказав, что варежки у Вовы есть, зачем было покупать?

Сделав несколько попыток заговорить с внуком, Вера Олеговна опять быстро ушла, так как малыш все еще пугался ее. В дверях она обернулась, опять зацепившись взглядом за уныло повисшую варежку. Она чуть не плакала от обиды: как же так, она старалась купить печенье только свежее и рассыпчатое, и вафельки повкуснее, и конфеты, объясняла продавщице, что покупает для внука, и все оказалось не нужным и выброшенным...

«Зачем она мне-то сказала об этом? Если выбросила, то и молчала бы!» — в сердцах думала Вера Олеговна. За варежки ей тоже было обидно. Она вспомнила, как покупала их у приветливой пожилой продавщицы, как они обсуждали затянувшуюся весну, и продавщица пожелала Вере Олеговне, чтобы эти варежки согревали ручки ее внука.

Как-то после очередного визита к внуку — ему исполнилось три года, Вера Олеговна медленно шла по улице домой. Она отдала подарки сватье, так как внука не было дома: приехали родители и пошли праздновать день рождения в детское кафе. Сноха не любила Веру Олеговну — свою свекровь, то ли стесняясь ее внешнего вида, то ли из-за того, что она убирала туалет, но даже своему мужу Владимиру — сыну Веры Олеговны, она запрещала водить ребенка к ней в гости, и ей это удавалось. Владимир слушался жену, а мать просил не обижаться. Ей все равно было обидно, но она старалась от этой обиды избавиться, стараясь после работы заполнить все свое свободное время: помогала сестре и подруге на даче, много читала, ходила на все спектакли в музыкальный театр, что-то шила, даже занималась рисованием.

Вечер был теплый, лето еще только начиналось, что-то громко обсуждали воробьи. На тротуаре, в уголке, образованном на повороте недавно побеленным бордюром, сидел совсем маленький воробышка, уже оперившийся птенец, но летать, похоже, он еще не научился. Когда Вера Олеговна наклонилась к нему, он засуетился, замахал крылышками, но не взлетел, попробовал ускакать, но опять ничего не вышло: одна лапка у птенца была повреждена, и он подгибал ее, а скакать на одной здоровой не получалось.

Вера Олеговна взяла крошечную птичку в руки и понесла домой. В прихожей она посадила птенца на пол, а сама принесла из кухни табуретку, залезла на нее, открыла дверцы антресоли и достала оттуда маленькую клеточку, в которой когда-то давно вместе с сыном они принесли с птичьего рынка хомяка. Хомяк прожил у них всего один день, а на следующий свалился с балкона на недавно вскопанную клумбу, поэтому не разбился, а тут же убежал. Вера Олеговна вспомнила, как горько плакал маленький сын, а она пыталась объяснить ему, чтобы он радовался, ведь зверек остался цел. Она тогда еще и отругала сына, что он плохо смотрел за хомяком, убрала клетку на антресоли и сказала, что никаких зверей они заводить не будут.

В крышечку от пластиковой бутылки Вера Олеговна налила воду и поднесла к самому клюву птенца. Он стал пить, и она, глядя на это, испытывала что-то, похожее на счастье. Затем подстелила мягкую тряпочку в маленькую клетку и посадила туда своего питомца. Там ему было вполне комфортно, он даже съел несколько зерен пшена и затих.

На следующий день Вера взяла клетку с птенцом на работу. Там, рядом с туалетом, у нее была каморка для переодевания и хранения моющих средств. Половину каморки занимал старый полированный стол, за которым Вера Олеговна обедала, а в перерывах между уборками могла угостить чаем забежавших к ней уборщиц. Заходили к ней часто, она была разговорчивой, умела и выслушать, и совет дать, и поде-

литься какими-нибудь новостями о распродажах и разных акциях, проводимых супермаркетами. Уборщицам платили копеечные зарплаты, вот и хотелось купить что-нибудь подешевле и побольше.

Соседка отдала Вере Олеговне старую клетку для птиц — в ней когда-то жили попугайчики, а та поставила маленькую клетку в большую — и получилась целая птичья квартира с большой «комнатой» и маленькой «спальней». Вера Олеговна с удовольствием рассказывала приятельницам о своем питомце, как рассказывают родители о достижениях детей, о том, какой этот воробышек сообразительный: спит только на сухой, чистой тряпочке, а испачканную выбрасывает из своей «спальни», обустроенной в маленькой клетке, а еще отзывается на голос хозяйки чириканьем, а еще знает свое имя — Фомка, и еще, еще, еще...

Фомка прожил в городской квартире все лето, осень и зиму. Как-то в конце зимы Вера Олеговна ушла на рынок, оставив форточку открытой, на полпути вспомнила об этом и вернулась, перепугавшись, что ее питомец вылетит на улицу и замерзнет. Она прибежала домой и увидела своего Фомку сидящим на подоконнике, затем он вспорхнул на форточку, вдохнул морозный воздух и юркнул в свою спальню. Вера Олеговна быстро закрыла форточку и перевела дух.

В следующую субботу она вместе с рабочим коллективом поехала в загородный дом отдыха по путевке, оплаченной наполовину профсоюзным комитетом. День был морозный, солнечный. Вера Олеговна взяла напрокат лыжи и решила вспомнить молодость. Когда-то, еще в техникуме она была неплохой лыжницей, участвовала в соревнованиях и даже занимала призовые места. Накатавшись на лыжах, Вера Олеговна и ее подруги по работе, совершившие пешую прогулку, пошли в столовую, а возвращаясь в свой корпус, увидели на снегу неподвижно сидящую синичку. Вера Олеговна подошла к ней, наклонилась и увидев, что птичка живая, подняла ее и сунула за пазуху.

Приятельница брезгливо сказала: «А вдруг она больная? Оставь ты ее, вечно все подбираешь!» Вера Олеговна ответила: «Жалко, она ведь живая».

В комнате птичка сначала сидела неподвижно, не притрагиваясь к хлебным крошкам, насыпанным Верой Олеговной на салфетке, но вскоре отогрелась и стала их клевать, а потом и вовсе летать по комнате. Вера Олеговна сказала приятельнице: «Возьму ее домой, будет Фомке подружка».

Но синичка прыгала по подоконнику и стучала клювом в стекло. Пришлось открыть окно и выпустить окрепшую птичку на улицу. Вере Олеговне было и жалко, и радостно.

За зиму Фомка окреп, больная лапка его зажила, он полностью оперился и вырос до размеров взрослого воробья. Наступила весна, а Вера Олеговна все не решалась выпустить его. Ей уже было жалко расставаться со своим питомцем, и она сама для себя придумывала разные причины, чтобы не выпускать его: он не приспособлен жить в стае, растеряется и его поймает кот и т. п., а потом, с кем она будет разговаривать по вечерам?

В начале марта Тамара Петровна заболела. Ей стало плохо, когда Вовка уже заснул. Тамара Петровна смогла сама вызвать скорую помощь, а врачей попросила позвонить Вере Олеговне. Та вернулась домой поздно — в тот вечер она ходила в музыкальный театр на «Свадьбу в Малиновке», хотя видела эту оперетту уже два раза. Она вообще не пропускала ни одного спектакля — это была ее «отдушина». Вера Олеговна ходила и на детские спектакли по выходным, причем, смотрела не только на сцену, ей доставляло удовольствие смотреть на бабушек, приходящих в театр с внуками, и, хотя отношения с внуком — это была ее боль, она не завидовала, а мечтала когда-нибудь тоже привести с собой Вовку.

В тот мартовский вечер после спектакля Вера Олеговна долго простояла на остановке, насквозь промерзла на ветру, погода была похожа на февральскую. Нужного

ей автобуса, как нарочно, долго не было, и она втиснулась в переполненную маршрутку, хотя все сиденья были заняты. Вера Олеговна ехала, стоя на ступеньке — с ее ростом и наклоняться не надо было, потом место освободилось, и она села, мечтающая поскорее оказаться дома, отогреться, выпить горячего чая с оладьями (перед спектаклем Вера Олеговна успела забежать домой и завести тесто), рассказать Фомке про спектакль и угостить его теплым оладышком, услышав в ответ благодарное чириканье.

Оказавшись, наконец, дома, Вера Олеговна постучала по клетке: «Фомка, не спи, сейчас будем чай пить!». Она даже раздеться не успела, как зазвонил телефон. Незнакомый голос спросил, не знает ли она Тамару Петровну, и если знает, то пусть срочно приезжает к ней домой присмотреть за ребенком, если он вправду приходится ей внуком. А Тамару Петровну нужно срочно госпитализировать, у нее может случиться инсульт. Вере Олеговне сразу стало жарко, и она четко сказала в трубку: «Я сейчас приеду».

Она выскочила на улицу, на удивление быстро остановила такси (с ее доходами пенсионерки, пусть работающей, она не ездила на такси, наверно, со дня свадьбы сына). Было уже около двенадцати часов ночи, без пробок доехали быстро, и через десять минут она была на месте. Тамару Петровну уже занесли на носилках в машину «Скорой помощи», в знакомом окне на первом этаже горел свет.

Вера Олеговна поспешила в подъезд, дверь сватчиной квартиры была приоткрыта, оттуда слышался громкий плач ребенка. Вера Олеговна резко открыла дверь и чуть не наткнулась на Вовку. Он стоял одетый в пижаму и держал в руках свою зимнюю куртку. Молоденькая медсестра уговаривала его отойти от двери подальше, сесть на стул и ждать другую бабушку, но он не слушал, он не хотел никого слышать и видеть. Он боялся другую бабушку, потому что баба Тамара говорила, что она некрасивая и страшная, и если он не будет слушаться, она его заберет.

Мальчик не понимал, как такое могло случиться, что бабушку увозят, ведь она укладывала его спать, правда, сегодня она не читала ему сказку на ночь, сказала, что болит голова, и он заснул без сказки, а потом вдруг проснулся от разговоров чужими голосами, встал, пошел в бабушкину комнату и остановился, увидев людей в синих халатах, которые окружили ее кровать и что-то с ней делали.

Он тут же закричал, даже не пытаясь подойти к бабушке. Вовка ничего не понимал и не слушал ничьих уговоров, а только кричал и кричал, а когда бабушку понесли на чем-то из квартиры, он схватил свою куртку и хотел бежать за ней, но какая-то тетя удержала его и не отпускала.

И вдруг дверь открылась и вбежала бабушка Вера. Она схватила Вовку на руки и понесла в спальню, торопливо говоря ему прямо в ухо: «Ну что ты, что ты, малыш, успокойся, бабу Тому полечат в больничке, и она поправится». Ребенок испугался еще больше, сначала вырывался, потом, устав и почувствовав, что какое-то теплое и доброе облако идет от бабушки Веры и окутывает его, постепенно стал успокаиваться и затих, еще долго вздрагивая и всхлипывая.

На следующий день она отвела не выспавшегося Вовку в садик, потом поехала на работу, не успев забежать домой, чтобы покормить Фомку. Вечером, когда Вера Олеговна пришла забирать внука из садика, он, увидев ее, снова расплакался, но она сказала ему про воробья, и Вовка великодушно разрешил бабушке Вере одеть его.

Следующие три дня были выходными, и Вера Олеговна забрала внука к себе. Ребенок, перепуганный болезнью бабушки Тамары, отказывался есть, капризничал и часто ни с того ни с сего начинал плакать. Но вот Фомка, к удивлению даже Веры Олеговны, рассказывавшей всем о необыкновенных способностях воробья, при первых звуках всхлипывания ребенка, сразу начинал чирикать, причем не громко, а как-то тихо и нежно, как будто пытался успокоить малыша.

Вера Олеговна взяла отпуск без содержания, она каждый день звонила в больни-

цу, чтобы узнать о состоянии Тамары Петровны, ей отвечали: «Стабильно тяжелое». Она говорила внуку:

— Скоро бабушке станет легче, и мы с тобой пойдем к ней в гости.

— И Фомку возьмем? — спрашивал внук.

— Давай возьмем! — соглашалась Вера Олеговна.

И вот в справочном ответили, что можно навестить больную, так как ее перевели в общую палату. Вера Олеговна с Вовкой отправились в больницу, взяв с собой в маленькой клетке Фомку, спрятав ее в пакете с фруктами. В палате, увидев бабушку Тамару, Вовка громко сказал:

— Баба, смотри, кто с нами к тебе пришел!

Тут Вовка стал рыться в пакете, достал клетку и радостно открыл ее. Фомка также радостно выпорхнул оттуда и стал летать по палате, вызвав общий переполох. Вовка побежал ловить Фомку, но воробей подлетел к окошку, ударился об стекло и вылетел в открытую форточку, откуда в палату проникал запах весны. Вовка уткнулся носом в стекло и стал звать Фомку, потом испуганно посмотрел на бабушек:

— Он потеряется? — и личико его начало кривиться, готовясь к плачу.

Тамара Петровна как-то неловко и виновато улыбалась, вертикальные морщинки между бровями разгладились, что-то в ней изменилось, она даже не успела поцеловать внука. Вера Олеговна извинилась перед женщинами, лежащими и сидящими на кроватях, пожелала всем выздоровления, взяла уже ревущего Вовку за руку, и, оставив Тамаре Петровне пакет с фруктами и сказав, что у них все нормально, и пусть она не беспокоится, а скорее поправляется, отправилась к выходу.

На улице она уговорила Вовку перестать плакать и как-то неуверенно сказала:

— Фомка, ты где?

На еще не пробудившейся березе весело чирикала стайка воробьев. Зимой в это время суток было уже всюю темно, а сейчас солнце еще только садилось, окрасив небо радостным розовым цветом.

— Не плачь, Вова, пусть наш Фомка поживет здесь, он будет бабе Тамаре помогать выздоравливать, а мы с тобой в следующий раз придем и принесем хлебушка для него и всех его друзей.

Потом Вера Олеговна и Вовка много раз приходили к бабушке Тамаре в больницу, но сначала Вовка бежал к березе, которая росла под окном палаты, где лежала бабушка, и сыпал крошки на землю. Тут же слеталась огромная стая голубей и воробьев. Вовка звал: «Фомка! Фомка!», но никакой воробей от стаи не отделялся.

Бабушку Тамару Петровну выписали, хотя она еще долго лечилась. Приехала ее дочь, невестка Веры Олеговны, и забрала Вовку, который при этом громко ревел, не желая расставаться с доброй бабушкой Верой.

Отшумела ручьями, капелями и птичьими криками весна, а в середине июня Вера Олеговна к своему собственному удивлению опять увидела маленького несмышленного воробьишку на тротуаре. Он еще не научился летать и, когда она наклонилась к нему, поскакал под стоящий автомобиль. Вера Олеговна наклонилась, пытаясь разглядеть, где он спрятался, но тут подошел какой-то крепкий, молодой мужчина в больших темных очках, абсолютно лысый и, активно жуя жвачку, небрежно спросил, что она делает около его машины. Вера Олеговна посмотрела на него снизу вверх, подумала: «Крутой», и, не боясь показаться наивной, улыбаясь, объяснила, что под машиной сидит птенец, и она боится, как бы его не раздавили. «Крутой» неожиданно радостно улыбнувшись, спросил:

— Помочь? — и, не дожидаясь ответа, присел на корточки, заглянул под машину, потом встал на колени, не боясь их испачкать, наклонился еще ниже, лицом почти касаясь асфальта, засунул под машину руку, вытащил перепуганного птенца и протянул на крепкой, широкой ладони странной маленькой женщине.

Ирина Звягина
(г. Красноперекоск, Крым)

КУКУШКА

Ирина Александровна Литовченко (псевдоним — Ирина Звягина) родилась в городе Лахденпохья Карельской АССР. В Крым переехала в 1968 году. Автор сборника стихов «Всполохи» и публикаций в периодике. Лауреат конкурсов и фестивалей. Член клуба фантастов Крыма. Член правления Союза писателей Крыма.

Анна Ивановна Ерофеева мужа своего, Степана, похоронила еще в запрошлом году. Прожили они, что называется, в любви и согласии ровно тридцать лет и три года. Деток родили, воспитали. Внуки появились. Все хорошо было: дом, достаток...

Но вот простудился Степан Ерофеев. Стены стробил. Кто умеет, тому не надо рассказывать, что за пылица стоит в тесной комнатухе, когда перфоратором стены долбишь. Ни вздохнуть, ни охнуть. Чтобы малость проветрить, Степан приоткрыл окошечко. Тут-то подлый сквознячок его и подстерег. Кабы знал, где упадешь... И накрыло простого работягу воспаление легких. А доктора в глубинке — чуть не поголовно сосланные мединститутом двоечники. В общем, не повезло Степану, вылечили его на всю оставшуюся смерть. А потом по всем полагающимся обычаям обмыли, отпели и оплакали.

Анна Ивановна так и не смогла смириться с тем, что мужа уже нет. Ей все казалось, что он где-то здесь, совсем рядом, и слышит ее. Она даже разговаривала с ним, рассказывала ему новости про взрослых детей, про подрастающих внуков. Она могла часами говорить с мужем, сидя в одиночестве на клетчатом диване. Дети, услышав такие монологи, решили, что мать тронулась умом. Ее уговаривали, усовещивали, доказывали, что бред о бессмертии души — это поповские выдумки. Однажды ответили к доктору, сказав, что бабка с горя крышей поехала. Доктор тоже, по всей видимости, был в числе неуспевающих, прописал витамины, тем дело и кончилось.

С тех пор Анна Ивановна зачастила на кладбище, здесь никто не мешал ей общаться с мужем, не стыдил, не выговаривал. Здесь каждый занят был своим горем.

Сегодня женщина принесла с собой ведро и совочек. Могилка изрядно просела, следовало подсыпать землицы, подровнять холмик. Ходить за грунтом предполагалось в другой сектор. Пока туда, пока обратно, каждое ведро грунта обходилось минут в 30. Но женщина не торопилась. Вернувшись из очередного «рейса», она высыпала землю и присела на скамеечку.

— Ой, Степушка, устала... посижу малость.

Она сняла косынку, поправила седую прядь волос и посмотрела вверх, в небо.

— А совсем уж весна, Степа. Смотри, как солнышко пригревает. Скоро уж и картошку сажать. Ой, а рассада в этом году какая хорошая у нас взошла! Помидоры прямо солдатики, крепенькие, ровненькие, один в один.

Она погладила портрет на сером могильном камне.

— А помнишь, как мы с тобой первый-то раз помидоры сажали? Ой, смехота... А их потом медведка поела. Как ты расстраивался-то, помнишь?

Она неслышно засмеялась.

— Ну, еще раз схожу, и потом уж буду тебе холмик поправлять. Лежи, лежи. Я скоро.

Взяла ведерко и совок и побрела в очередной раз набрать грунта. Обрато при- бежала взволнованная и запыхавшаяся, платочек сбился, едва дыша.

— Ой, Степа, ой... Ой, сил моих нет, погоди... Ой, отдышусь, чего расскажу!

Она перевела дух, вывалив очередную порцию комьев крымского суглинка на могилу мужа.

— Степа, а ты Лену Ховрину помнишь? Девочку, я говорю, из третьего дома, Лену? Да ну, что ты мне рассказываешь! Помнишь ты! Ее Ховрины взяли, какая-то их родственница дочку родила, да отказалась, а они и взяли к себе. Вспомнил? Ну, вот... Так она тут недалеко от тебя, да. Ну что значит, как умерла, будто ты не помнишь! Я что, не рассказывала?

Анна Ивановна рассердилась и махнула в сторону памятника рукой:

— Ну, как это я не рассказывала! Ты мне еще скажи, что я сумасшедшая! А то деточки-то не постеснялись, того гляди, в дурдом отправят.

Она обиженно помолчала и продолжила.

— Ладно. Я чего сказать-то хотела... Иду я сейчас с ведром, а у могилки Леночки какая-то женщина стоит. Я сперва подумала, что это Татьяна Ховрина к ней приехала, уж было и рот открыла сказать: здравствуй, мол, Татьяна... А потом гляжу — да не она это. Татьяна и ростом пониже, и пошире будет, а эта высокая, в сером пальто, рукава широкие, что птичьи крылья. И в руках такие розы красивые! Красные, как кровь, да крупные — каждая как твой кулак. Стоит, словно к памятнику Неизвестному солдату пришла.

Анна Ивановна понизила голос до шепота.

— И вот я иду, а она стоит. Не всплывает, ни пошевелится. Увидела меня, сделала такое лицо, словно я не человек, а земноводное. Ну я, понятное дело, спрашивать ничего не стала. А вот сейчас все думаю, уж не та ли это кукушка, что Лену Ховриным подкинула? Ой, Степа... идет, идет! Ты посмотри на нее, а? Вырядилась! А каблук-то, каблук! Да порядочная женщина и не встанет на такие, сразу видно — спина ни разу не болела у нее. И очки черные, смотри ты, как в кино. Значит, легкую жизнь прожила. Идет, бесстыжая... Степа, да у нее тут и машина своя! Ну, прямо к машине и идет! Ну, правильно, мы с тобой все лучшее — детям, а у нее какие заботы? Вкусно кушать и красиво одеваться... Хахаль ей дверцу открыл. Руку целует. Ну, чисто сериал смотрю, Степа. Сначала дочка не нужна была, а теперь, значит, вспомнила. Ах, бессовестная...

Анна Ивановна проводила глазами дорогую иномарку, увозившую с кладбища неизвестную женщину в сером пальто, и вздохнула. Все было в этом вздохе: и многолетняя бабья усталость от бесконечной работы и быта, и горькое сожаление о судьбе брошенного ребенка, и нотки зависти, что уж ей-то никто рук целовать не будет и роз на могилку не принесет.

Она вытерла концом платочка слезинку в углу глаза и, еще раз вздохнув, принялась наводить красоту на последнее пристанище мужа. Управившись, положила на холмик принесенные с собой по традиции продукты: пару вареных яиц, карамельки, галетное печенье, и снова присела на ту же скамеечку:

— А я ведь, Степушка, сильно по тебе скучаю... Я ведь с тобой и наговориться даже не успела. Раненько ты меня одну оставил. Ну, да уж что теперь толковать, что было, то прошло. Кукушка-вековуха вот весь век одна живет, гнезда не вьет. Вот так и мне теперь без тебя, век одной куковать.

Она посидела еще, склонив по-птичьи голову в платочке. Помолчала.

— Пора мне, Степушка. Скоро уж последний автобус в город пойдет, не опоздать бы.

Собрала нехитрые свои инструменты, поцеловала портрет на могильном камне.

— Не скучай. Я через недельку опять...

Анна Ивановна вошла в салон последнего рейсового автобуса и села на свободное место. Вместе с ней с кладбища уезжали еще несколько женщин с сумками. В сгущающихся сумерках все они казались серыми тенями с птичьими лицами, а в глазах их читалась какая-то странная отчужденность и от этого мира, и друг от друга.

А когда в городе мертвых не осталось ни одного живого человека и шум автобуса стих вдали, в вечеряющем воздухе всхлипнуло звонкое и чистое:

— Ку-ку...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елена Николаенко
(г. Липецк)

Елена Анатольевна Николаенко родилась в Борисоглебске Воронежской обл. Окончила Липецкий педагогический институт. Работает в управлении здравоохранения Липецкой области. Лауреат и дипломант международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов и фестивалей.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Луны извечно молчаливой
Холодный свет к окну приник —
Над сгорбленной плакучей ивой
Хранит смиренность бледный лик.
В чертах печаль сквозит немая.
Но, будто, в странствие зовет.
Куда же — к раю ли, до края —
Путем безвестным поведет?..
Глядит с небес бездонных строго,
Из звездной россыпи, в ночи —
Мне ж... неизбежная тревога
Сжимает сердце — хоть кричи...

* * *

Грустью август душу гладит:
Вспышки астр в саду пестрят.
Солнце в золотые пряди
Поздних роз вплетает ряд.
Сквозь орнамент паутины
Теплый свет лучей скользит.
На заре пожар рябинный
Красной спелостью горит.
Зноем полдень удивляет,

День короче — ночь длинней.
Падая, звезда сверкает
Длинным всполохом огней.
Осень мне сегодня снилась —
В янтаре, в цветных шелках,
Рыжекудрая, кружилась,
С желтой лентой в волосах.
Лето взглядом провожала,
В шутку может быть, всерьез —
Твое имя прошептала
В тишине полночных грез.

МУЗЕ

Приходи, не томи, я прошу.
Поспеши, по добру, заклинаю.
Без тебя, будто, и не дышу,
Осень день изо дня провожаю.
Что душа? — Распахнулась зиме,
Замерла в ожидании снега,
Декабря, да не в лужах и тьме —
Занесенного белым без брега...
Появись, как пороша, чиста.
Выпав инеем против молчанья,
Белоснежным началом листа —
И строку обрати к покаянью.
Пусть метель хулиганит в стихах,
Заморозив дождливые споры.
Стать деревьев, кусты — в жемчугах.
Серебром замечает просторы...

* * *

Кто родом из грез, в миру одинок.
Мне запахи роз — терновый венок.
Из колющих строк, иллюзий и льда
Любовь. А урок, что в землю вода.
Стихами лью дождь — молюсь я на грусть.
От слов этих дрожь, хоть и наизусть.
Мучительный звук — разорвана нить.
В принятии мук надо все-таки жить...
Растаял твой след, и не к чему ждать.
Предвидя ответ, бессмысленно звать.
И важно ли как, случилось — мы врозь,
То рок или знак, что сердце насквозь?..
Остались крылья мои на твоём берегу.
Улететь бы от земли... Да душа в снегу.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

По горячему по краю,
Уносясь от суеты,
Мчится жизнь, коней меняя,
На извечный зов мечты.

Разноцветные пегасы,
Что остались позади,
Полыхнут вдруг буйством красок,
Чувств фонтаны пробудив.

Кисть фантазии мгновенно
Чувства превратит в эскиз.
И прильнут к холсту Вселенной
Вдохновенные мазки.

Шаг за шагом из фрагментов
Станет возникать сюжет,
Как из кадров — кинолента,
Как из малых вспышек — свет.

По горячему по краю,
Где кругом таится смерть,
Мчится жизнь, себя сжигая,
Чтобы мир вокруг согреть.

Чтобы где-то жизнь другая,
Уловив далекий свет,
Тоже вскачь пустилась, зная,
Что пути другого нет.

По горячему по краю
Сквозь завесы темноты
Мчится жизнь, в судьбу играя.
И ползком за нею — ты.

Мчится жизнь, а ты не мчишься,
Утонув в болоте дней,
И на жизнь привычно злишься,
Что не бережет коней.

* * *

Все пустота и суета сует.
Брожу среди развалин предрассудков.
Все в этом мире оставляет след,
И крошки истины порой таятся в шутках.

Из мифов падают реальности куски,
Но как сложить их в правильном порядке?
Быть может, откровения близки,
Но остаются для людей загадкой?

И я ищу послание с небес.
Послание, сокрытое веками.
Чтоб спрятать дерево, вокруг сажают лес.
А где мог спрятан быть заветный камень?

Быть может, он среди других камней
В пещерах, руслах рек, на горных склонах?
Но коли так, то сколько нужно дней
Для поисков скрижалей затаенных!

Нет, среди камней их прятать — смысла нет:
Ведь время камни в порошок стирает.
Так где же сохраниться мог Завет —
Путеводитель по тропинке к раю?

Ведь не могла же обратиться в прах
Весть, данная с надеждой и любовью.
Лист дерева надежней скрыть в лесах,
Смысл слов обычно прячут в многословье.

«Чтоб спрятать дерево, вокруг сажают лес»,—
Звучит негромким эхом в подсознание.
Слова, в наш мир пришедшие с небес,
Могли быть скрыты в лабиринтах знаний.

Вдруг ждут они среди никчемных слов,
Уже заполонивших всю планету?
В словесном море много островов,
Хранящих стародавние секреты.

И в паутине хроник древних лет,
Среди обрывков мифов, басен, сказок
Ищу слова, в которых тлеет свет,
Чтобы сложить божественные фразы.

Но, видно, проще отыскать иголку
В стогу, чем в этих залежах Завет.
Ищу намек хотя бы, но без толку:
Ковчег — кучи, а Завета нет.

Апокрифы надежд не оправдали.
Их тайный смысл на деле — пустота.
И тают исторические дали
На полотне вселенского холста.

* * *

Новый этап впереди.
Память промоют дожди.
Только колотит в груди:
«Прошое, не уходи!»
Ты лишь чуток подожди,
Споры в душе охлади,
Страх перемен отведи,
Мысли в полет снаряди.
Веру в душе пробуди.
Злости капкан обойди.
Яркой звездой взойди.
Словно собор Гауди,
Ты эту жизнь возведи.

Юрий Богомолов
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

БЕРЕЗЫ

Березки плакали тихонько
На крайнем Западе Руси,
Никто не знал тогда насколько
Их ранил гомон Сатаны.

Чтоб не засохнуть на корню
И не исчезнуть в русской ссоре,
Они вручили жизнь свою
Родным собратьям в диком поле.

И вновь славянская мечта
Сработала надежно,
Тысячелетия всегда
Встречали нас тревожно...

ТАК ПОБЕДИМ!

Собор Парижской Богоматери
Не тронул ариев сапог,
Но Сатана пробрался к паперти
И там Святылище поджег...

Поджег Варшаву и Хатынь,
Под Сталинградом был опознан
И был впечатан в нашу пыль,
Как паразит и червь навозный.

В Собор Парижской Богоматери
Бессмертный полк я заведу
И поддержку масонов взаперти,
Как Бог преступников в аду.

Так принужденье бесов к миру
Увидит мир наверняка,
И броневой своей лирой
Поэт расплатится сполна!

Тогда солдаты в сорок пятом
Родятся заново в душе,
Как и Создатель в ночь распятый
Не позабудется уже...

ГОГОЛЬ

Душа кристальная с рожденья
Не подводила никогда,
Сам Городничий наважденьем
Его преследовал тогда.

Свой дух воистину Вселенский
Он к мертвым душам обратил,
Но, к сожаленью, сэр Белинский
В нем жажду истины убил.

Уродство липких либералов
И бесовщину от сохи
Никола показал не сразу,
Но постепенно вник «в проказу»
И вдруг расстроился с тоски...

СПАСЕНИЕ

Слепой певец в пустынном Риме
Аве Марию призывал,
Спасти просил от пандемии
И сердце трепетное рвал...

Андреа, ангельский, Бочелли,
Ты Вечность в души запустил,
Слепые духом в миг прозрели
И ты грехи им отпустил.

Слепой Андрей и в Третьем Риме
Святую мать слезно звал...
Слепцы сошлись в ущербном мире,
В забытой и трагичной лире,
И дух византов в них восстал!

ДОСТОЕВСКОМУ

Он суть Христа всем разъяснил,
Любовью оросив сердца,
И тихо Вечность попросил
Вернуть нам Бога и Творца!

И в преступленье с наказаньем
Писатель чувствовал Его,
Сие зловещее призванье,

Как будто наше созерцанье,
Не может выполнить никто.

Как Идиот, писатель тоже
Перерождался много раз,
Но отпустив свой нерв, он все же
Стал русским гением для нас.

Его боюсь, люблю, страдаю,
Хочу понять, где мэтр сейчас,
Но он со мной легко играет,
Души своей не раскрывает,
А как бы вышел в парк на час...

Вадим Сергеев
(г. Самара)

Юрист, начинающий поэт. Родился и живет в Самаре. Окончил Самарский государственный университет. Публиковался в литературных журналах и альманахах, лауреат литературных конкурсов.

СНЕГ В ИЮНЕ

Жара скосила пух в июне,
Усеяв перьями дома.
Фонтан-сугроб пускает слюни,
Я от жары схожу с ума:
Мне вдруг почудилась зима,

И запах чистого мороза,
И хруст веселый под ногой...
Фантазии метаморфозы
Захватят мозг как форт чужой,
Ведь лету радуюсь весной!

И до чего же мы беспечны —
Всегда хотим не то, что есть.
Мечтаем то о бесконечном,
А то о том, что на ночь съесть!
Противоречий в нас не счесть:
Все успевает надоесть!

РЫЖЕЕ ВРЕМЯ

Рыжая ткань дивана
Помнит рыжие плечи,
Словно без сарафана
Не было этой встречи.

Запах не тает долго,
Держится у порога.
Ну почему жестока
Ты, моя недотрога?

Сколько касаний выжгло
Сердце о руки стужи.

Рыжая твоя стрижка,
Стану другой я нужен.

Солнце угаснет в небе —
Станешь совсем чужая.
Были с тобою слепы,
Что изменить не зная.

Тени ушли с дивана,
Высохли эти слезы.
Не было в нас обмана.
Глупо все, несерьезно.

В ПАУТИНКАХ ДЕНЬ

Утра жар и света блики,
Где ж ты бродишь, солнцеликий,
В паутинках день?

Зябнет мир, укрывшись ситцем,
Ну куда это годится —
Зорька набекрень!

Дымку пей — пьянящий кофе,
Умывай отекий профиль,
Спящих не задень!

Сон в постели теплой — нега.
Скрипнет времени телега,
Спрячет лучик в тень.
Нарастает день.

НАМ НЕ ДАНО С ТОБОЮ ЗНАТЬ

Нам не дано с тобою знать
Как отзовутся наши судьбы,
Нам небо легкими вдохнуть бы,
Чтоб распустить тугую прядь.

Нам не дано с тобою знать,
Что отразится в наших детях,
Кого любовь поймает в сети,
И сколько рядом будет мать.

Нам не дано с тобою знать
Как превозмочь свои пороки.
По капле истекают сроки,
Все те, что не отправить вспять.

Мы можем только жизнь прожить,
Пройти меж вехами сомненья
И раствориться бледной тенью,
И, может, чуточку любить.

Эдуард Побужанский
(г. Москва)

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Наш постоянный автор; возглавляемое им поэтическое издательство «Образ» — большой друг «Приокских зорь».

КНИГА

Жил поэт — вся душа нараспашку!
Не унять молодецкий запал!
Он и бражку любил, и Палашку,
И стишки между делом кропал.

А однажды он выкинул номер:
Вдруг лицо обратив к небесам,
Прошептал что-то, замер — и помер.
Был — и нет. Книжку вот написал.

Ничего не оставил он, кроме
Книжки этой — в две скрепки тетрадь.
Где-то есть и с надгробием холмик —
Даже имени не разобрать.

Этот холмик зарос медуницей
В окружении мраморных плит.
И к нему, словно дикая птица,
Одинокая книга летит.

ПРОСТОР

Чем дальше в лес, тем ниже солнце,
А на краю вселенской тьмы
Стоят вплотную мачты-сосны
И ловят космоса шумы.

В НИИ сидит ученый мрачный,
Пред ним приборов арсенал,
Но не они, а эти мачты
Из бездны выловят сигнал.

А на другом краю Вселенной
Мальчишка руки распростер —

Так тонким телом, как антенной,
Он ловит вечности простор!

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Вся жизнь — обрывки да обмылки,
Но вдруг случится чудо: раз! —
И за ночь где-то на затылке
Как чирей вскочит третий глаз.

Мое недремлющее око
Узрит все тайны бытия.
И мне откроются до срока
И жизнь моя, и смерть моя.

И буду ловок я и пылок,
Но вряд ли обрету покой.
...И снова я чешу затылок
Тревожной сонною рукой.

ТРИЛЛЕР

Триллер пахнет попкорном, и пивом,
И остатками жизни с изнанки,
Где фон Триер в ботфортах игриво
Входит в сон пожилой нимфоманки.

Мы живем как в смертельном угаре,
Шутки плоски, прозренья недолги,
А в каком-нибудь старом ангаре
Ждет актеров несыгранный «Догвилль».

За углом не маньяк или киллер,
А веселый Альцгеймер в каталке.
Вот на титрах закончится триллер —
И фон Триер изучит останки.

ДАНТИСТ

Дантист угрюм с утра, как Данте:
Он смотрит в полость ротовую,
Как будто в бездну роковую,
Кряхтит и не дает гарантий.

Ему давно осточертели
Пульпиты, кариесы, пломбы
И дух нечистый, дух утробный,
В обмякшем от наркоза теле.

Но он все сделает как надо:
Забывший главврачом и Богом,
Допишет он алмазным бором
Поэму собственного ада.

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Любви нашей вечной, с утруской-усушкой,
Может, и хватит на год-полтора.
Все остальное — бумажная стружка,
Чтобы заполнить пустоты с утра.
Что-то не так в музыкальной шкатулке:
Вроде играет, да ноты не те,
И балерина слетела с катушек —
Больше не хочет крутить фуэте.
Чаще молчим и молчаньем гнетущим,
Как ни крути, обо всем говорим.
Низкое небо, тяжелые тучи.
Время солдатиков, не балерин.

БАХ

Когда в меня проникнул страх,
Найдя прореху как проруху,
Откуда-то явился Бах
И фугу протянул как руку.

Меня подхватывал орган
Как музыкальный орган Бога
И нес к небесным берегам,
И отступала прочь тревога.

Звучала музыка как рок
И в поднебесье уносила,
И я б заплакал, если б мог,
Но не от слабости —
От силы.

НЕБО

В разбитый смартфон смотреть,
Как в зеркало, — не к добру.
Зачем тут иконка «Смерть»?
Я не умру. Не умру.
Бог не сберег от ран,
Да на погост не свез.
Небо — ночной экран
В пикселях битых
Звезд...

МЮСЛИ

Ты уже не тянешься ко мне
Даже в самом-самом долгом сне.
И к спине моей не прижимаешься,
И ко мне навек не пришиваешься.

Завтраки воздушны и творожны,
А слова наружны и порожни.

Мысли горьки,
Мюсли — с горькой.

ШКАФ

Еще две недели — и лето!
И синее море, *my love!*
Мы бледны с тобой, как скелеты
В шкафу... (Может, вынести шкаф?)
Пусть лузер рыбачит на Рузе,
Весь год надрываясь как вол,
А мы улетим в *all inclusive*,
Ты хочешь, любовь моя, в *all*?

И там, охмелевши от горькой,
На линии передовой
Я лягу бесформенной горькой,
Ты встанешь напротив — звездой.

Нам небо впитается в поры
Как масло лавандовых трав.
А с моря вернемся — и шторы
Раздвинем. И вынесем шкаф.

ПИЦЦА СЧАСТЬЯ

Для утра подойдет любая сура,
Любой сырок творожный в день сурка.
Когда б вы знали, из какого сюра
Растут стихи и цены ЖКХ...

Я ждал ее расслабленный, в пижаме,
Судьба ж моя пришла не с вискарем —
Явилась в дом Фемидою с весами
(Напольными) и спортивным инвентарем.

И вот в стакане фреш до самой риски,
А в миске каша, скучная на вид,
Но верю я: в мое окно, как фрисби,
Однажды пицца счастья залетит!

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

Наш постоянный автор.

* * *

Еще в полях лежат снега
И реки скованные льдами,
И в хрустале их берега
Омыты теплыми лучами.

Еще не долгод ясный день
И по утрам бела пороша,
Но птиц слышна весною звень,
И мир становится пригожим.

Зимы уходит маета,
Грядет весенняя благая
Природы вечной суета,
Собой путь к жизни пролагая.

ВЕСНА СВЕТА

Михаилу Пришвину

Кромка льда отошла к середине,
Там, где скована речка еще.
Не весна, но светило отныне
Золотистым ласкает лучом.
Этот час пробужденья природы
Весной света фенолог назвал.
Лучше нет прозаической оды,
Что с теплом он России слагал.
И сейчас его слово нужнее:
В мегаполисный холода век
Нам душою не стать бы черствее,
Не прервать с малой родиной бег.

АПРЕЛЬ

По струнам солнечных лучей,
По струям вешних вод журчащих

Апрель шагает, чародей,
Дыханием весны звучащей.

По небу гонит облака
Клубами невесомой ваты,
Тревогой очертив слегка
Путь неизведанный куда-то.

Зальет округу светом он
Надежды, Веры и Любви:
Апрель идет, ему поклон —
И сердце радуется нови!

* * *

Звон в весеннем лесу,
Пробужденье берез.
Поклонюсь колесу,
Что из света и грез.
По ожившим стволам
Потечет свежий сок,
По прильнувшему губам,
Остудит мой висок.
И наступит пора —
Побегут ручейки.
В светлом мире добра
Станут краше деньки.

* * *

Апрельский лес бывает мрачен
В той среднерусской полосе,
Когда лишь только обозначен
Приход весны желанный всем.
Еще местами на тропинках
Лежит раскисший талый снег,
И как на старых фотоснимках,
Весны неспешный виден бег.
Но на ветвях оживших елей
Светло-зеленый цвет иглы,
Хотя просохнуть не успели
В лесу их темные стволы.
И близится час возрождения,
Пробьется маленький росток.
Вновь наступает пробужденье —
Слезой берез прольется сок.

Вера Грибникова
(г. Тверь)

Вера Петровна Грибникова родом из пос. Селижарово Тверской области. В 2000 г. ее приняли в Союз писателей России. В 2006—2008 гг. была заместителем председателя правления Тверской писательской организации. Автор нескольких поэтических сборников. Ее стихотворения и рассказы публиковались во многих российских альманахах и сборниках, а также в США (г. Нью-Йорк), в Канаде (г. Торонто), в Белоруссии (г. Гомель), на Украине (г. Киев) и в региональной прессе. На стихи Веры Грибниковой написано более тридцати песен тверскими, псковскими и красноярскими композиторами. Член РОО «Союз писателей Крыма».

АВГУСТОВСКОЕ

Жадно, как вишневое варенье,
Облизали сумерки закат.
Вызрело светил столпотворенье,
Обещая щедрый звездопад.

В ночь порхну безумно молодою
И в копне соломы уколуюсь.
С первой оборвавшейся звездой
Самым сокровенным поделуюсь.

И второй звезде, и третьей тоже
Повторю заветное опять.
Звездосей. Соломенное ложе...
Будто годы повернули вспять,

И разлукой горькой, многолетней
Не терзала души нам беда,
И коварно выношенной сплетней
Нас не разлучали никогда.

Пусть мороз в прическах партизанит,
И глаза давно в силках морщин.
Август — не апрель, едва ль обманет.
Вот он, рядом, лучший из мужчин.

Видно не спалили в одночасье
Мы, сердцами выстроенный мост,

И сегодня обретенье счастья
Утвердилось рощерками звезд.

Млечный путь бахвалится удоем,
Помогая звездной ворожке.
...Сердце, оборвавшейся звездой,
На ладошку просится к тебе.

МАСТЕРИЦА

Переделала дела,
Протянула нить в иголку,
Плавню песню повела,
Не привыкла втихомолку.
Грезой высветлило взор.
Ожила иголка в пальцах,
И мелодии узор
Продолжается на пьальцах.

Завиточек, лепесток...
Под руками чаровницы
Полотняный лоскуток
Скоро в чудо превратится.
Славя женскую судьбу
Гладью радужного шелка,
На холсте творит волшбу
Песня, вдетая в иголку.

Марина Трусевич
(г. Новосибирск)

Марина Владимировна Трусевич родилась в Новосибирске. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Жила и работала в Прокопьевске Кемеровской области. Победитель и лауреат ряда литературных фестивалей. Публиковалась в литературных журналах. Главный редактор журнала «Белая скала». Член РОО «Союз писателей Крыма».

ЗАЧЕМ

В мое окно стучится вьюга,
А в доме тихо и тепло.
Мы снова можем друг без друга,
И на душе спокойно и светло.

Ушла бессонница — подруга
Из бесконечности ночей.
Опять мы можем друг без друга.
О днях ушедших больше не жалею.

И пусть наш сад под снегом умер,
И наша мальва умерла.
Зато мы можем друг без друга.
Любовь ушла. Спасибо, что была.

И все бы хорошо... В камине угли
Дрожат последним утренним теплом,
Но вот зачем мы друг без друга?
Ответа нет. Лишь вьюга за окном.

* * *

Загадка гоголевских глаз
С прямым насмешливым прищуром,
Багетным забрана ажуром,
Ответа требует от нас.

И вот времен плетется вязь...
Пером великим жизневеда
Ведется честная беседа,
Цензуры-дуры не страшась.

И что-то надо отвечать...
Ей-ей, вранье тут не прокатит!
Ведь за него потом заплатят,
Кому в грядущее шагать.

Но так и хочется кричать:
Мы — не Коробочка, не Плюшкин,
Не городничему послушных
Воров чиновничья рать,
Нет, Николай Васильич, нет!

Мы знать не знаем Хлестаковых
И не гостили у Ноздрева,
Мы ладно скроены и сшиты,
И наши цели не забыты,

И делать что начавши гладью,
Мы не кончаем дело гадью,
Проекты наши — не прожекты,
Мы, ваши выучив конспекты,

Чтоб избу выгнать до венца,
Читаем книгу до конца...
От цепко-жадных мертвых душ
Храним живой душой народа

Необозримые угоды,
В веках зовущиеся Русь.

Вы докричались, дозвались,
Вы — Мастер слов подкинуть в пламя,
Чтоб обратились внутрь зрачками
Глаза и к Богу поднялись.

Но так, простите нас, пока
Ответить мы, увы, не можем
И на уста печать наложим,
Чтоб ненароком не соврать.

Виктор Борисов
(п. Арсеньево, Тульская обл.)

Виктор Михайлович Борисов родом из Прилеп Арсеньевского района Тульской области. Первые стихи были опубликованы в Костромской области, в районных и областных газетах и прочитаны по радио, печатался в литературных альманахах. В 2020 году выпустил книгу «Гены мужества». Является автором стихов, положенных более чем на тридцать песен.

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ

К нам на милую нашу планету
Новый год прилетает с утра
И волшебную сказочку эту
Жизнь прожив, я люблю, детвора.

И люблю я на нашей планете,
Когда юный и новый придет,
Чтоб играли и пели все дети,
А в двенадцать был счастлив народ.

Понимая, что денег и власти
В этом мире не хватит на всех
Но с надеждой вновь скажем мы: «Здрасьте!
Новый год, дай удачу и смех!».

Дай здоровья и мирного неба,
Долгих лет и детей хоровод,
Тучных нив, и российского хлеба
Пусть не будет потерь и невзгод.

Елка — радости символ и счастья,
Зажигаясь, сплоти добрый край.
Пусть не будет подолгу ненастья,
Громче, музыка жизни, играй!

Пусть салюты одни громяют
И без страха растет детвора.
Лишь влюбленные томно вздыхают,
И ласкает нас солнце с утра.

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Не печалься, не волнуйся,
Деревенский край родной,

На погоду, жизнь, не дуйся
И судьбу не зли, не ной.

Здесь российские березы
Душу греют и хранят,
А под сенью клена грезы
О любви нам говорят.

И заката кисть игрива,
Ближний берег в золотом,
У реки склонилась ива,
Лес безмолвен, тих затон.

Клин гусиный к дому рвется.
Край родимый, дай им сил!
Он ведь родиной зовется,
Он нам люб и он нам мил.

Май, весна, в садах цветенье.
Пой, соловушка мой, пой!
Вновь природы день рожденья.
Милый край, я весь с тобой!

ТРЕТИЙ РИМ

Вдаль уходят кровавые сечи
И лавины татарских коней,—
Только помним и ставим мы свечи
За погибших, за русских людей.

Нас терзали тевтоны и ляхи,
Угоняли в гарем и полон,
Выжигали огнем на нас бляхи,
Мы ж врагам не пошли на поклон.

А война за царя, что забыта,
Та, за веру — Россию, не труть!
И опять поднималась, избита
Птица «феникс» — крещеная Русь.

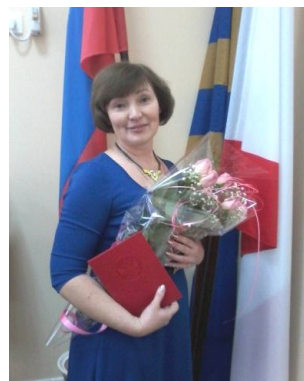
Нас фашистские танки топтали,
Экономя снарядов запас,
Только мы и из мертвых вставали:
Здесь Россия! Она не для вас!

И в солдатских еще гимнастерках,
Поднимая страну из руин,
Для Европы во всех ее «терках»
Был наш голос главнее один.

Что случилось теперь, я не знаю.
Может быть, у Европы синдром:
Чем сильнее Россию обхаю,
Тем в Европе любимей потом.

Елена Данилова
(г. Саки, Крым)

Елена Петровна Данилова родилась в Коммунарске Луганской области. Окончила Макеевское педучилище, позже Крымский государственный университет им. Вернадского. Уже много лет ее работа и творчество связаны с обучением и воспитанием подрастающего поколения. В настоящее время живет в г. Саки, работает учителем начальных классов. Член правления РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Мы живем от детства в двух шагах
Или в трех шагах от одиночества.
Господи, прошу, замедли шаг,
Очень жизни бег увидеть хочется.
И, пока на свете я живу,
Силы дай творить благое дело,
Чтобы перед всеми, на миру
Я любовь Твою раскрыть сумела.
Видеть звезды, слышать смех детей
И иметь возможность удивляться
Помоги, пока служу Тебе.
И прошу: «Не дай с Тобой расстаться!»

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Моя тоска по Родине
Рябиною радушною,
Рубиновыми гроздьями
Стучится в полночь в дом.
Дурманяще-душистая
Да терпко-сладковатая
Тоска, как гроздья яркие,
В душе горит огнем.

Моя тоска по Родине
Зимой снежинкой кружится,
По ветру вечно носится,
Не может отдохнуть.

Узорчато-прозрачными
Иголочками колется

Да в слезы превращается,
Что хочется смахнуть.

Железною дорогою,
Извилистою лентою
Да стуком монотонным
Зовет меня к себе

Моя тоска по Родине,
По милой дальней вотчине
Не раной — кровоточиной,
Что я ношу в себе.

ЗАПАХ РОДИНЫ

Вьется змейкой дорога железная
По моей разноцветной судьбе.
Степь донецкая, степь безбрежная
Позвала меня снова к себе

Босоногостью детства резвого,
Что играло седым ковылем,
Птахи маленькой звонкой песнею,
Да коралловых маков ковром.

Ветром вольным взметает волосы,
Да туманом скрывает путь...
Чувство Родины маминым голосом
Шепчет тихое: «Не забудь»...

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

МЫ ЗНАЕМ, КУДА И С КЕМ ИДЕМ об итогах работы XVI съезда Союза писателей России

На фото: Президиум XVI съезда Союза писателей России. В центре Н. Ф. Иванов, справа от него Г. В. Иванов, крайний слева на фото — Ю. М. Поляков

Февраль 2023 года в литературной жизни страны ознаменовался важным событием: 10—11 февраля, в Москве в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, прошел XVI съезд Союза писателей России. Делегатами от Тульской областной общественной организации «Союз писателей России» в работе съезда, с правом голоса, приняли участие руководитель организации Николай Жуков и его заместитель Валерий Маслов, в качестве гостей, без права голосования, на съезде присутствовали тульские писатели — члены Союза писателей России Валерий Савостьянов, Валерий Виноградов и Геннадий Маркин.

Работа съезда началась с исполнения гимна Российской Федерации. Съезд открыл с отчетного доклада председатель Союза писателей России Николай Иванов. Он отчитался перед присутствующими в зале делегатами и гостями съезда о работе Союза писателей России, рассказал о проблемах и успехах за прошедшие пять лет, с того момента, как он возглавил Союз писателей России. Затем с приветственным словом к делегатам и гостям съезда обратился президент Российского книжного союза Сергей Степашин. Он в частности сказал: «Союз писателей России — это крупнейшее писательское объединение в нашей стране, членами которого являются более восьми тысяч человек. Фактически во всех регионах есть его отделения. И первыми представителями наших отделений Союза писателей России были образованы в Донецкой и Луганской народных республиках. Особенностью нашего Союза, я подчеркиваю — нашего Союза, является традиционная верность служения отечеству и многонациональной российской культуре. Союз писателей России нередко и, на мой взгляд, совершенно справедливо, называют — Союзом державников, государственников. <...> Сегодня как никогда мы должны вернуться к тем предложениям Российского книжного союза и поддержанного президентом России Владимиром Путиным о создании государственной поддержки чтения, и отдельной программе поддержки детского чтения. Президентом были даны соответствующие поручения, и я думаю, наши совместные работы в этом плане должны быть продолжены. Второе, на что я

хотел бы обратить внимание — это снятие так называемого НДС—налог на товарную стоимость на книги. До 2001 года НДС на книги не было, и только господин Касьянов ввел налог на книги, и я думаю, что сегодня настало время, чтобы Союз писателей России поставил перед правительством этот вопрос». Далее Сергей Степашин поблагодарил Союз писателей России и лично Николая Иванова за писателей, принимающих участие в Специальной военной операции на Украине. Он напомнил, что Лев Николаевич Толстой и Михаил Юрьевич Лермонтов были не только писателями, но и воинами. И в обеих чеченских кампаниях никем не были тронуты только два музея — это музеи Толстого и Лермонтова. «И давайте мы все-таки поймем, что сегодня тот вызов, что получила наша страна, сравним с вызовом Великой Отечественной войны»,— сказал в заключение Сергей Вадимович.

Затем с открытием Съезда писателей поздравил начальник департамента управления президента России по общественным проектам Николай Синцов. В своем выступлении он дал высокую оценку деятельности Союза писателей России. Председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Валерий Фадеев также выразил слова поддержки в адрес Союза писателей России и отметил ту важную роль, какую в литературном процессе играют литературные журналы. «Литературные журналы должны сохраниться как творческие центры, поскольку там происходит не только работа с текстом, но и появление и воспитание новых писателей»,— сказал он.

Бурными овациями участники съезда встретили выступления мэтров отечественной литературы Станислава Куняева, Александра Проханова и Владимира Крупина. Александр Проханов сказал: «Сегодня перед писателями стоит огромная задача осмысления нынешних событий в России и мире. Журналисты фиксируют реальность, а осмысливать ее, дать духоподъемные образы, призваны писатели. Сегодня это налагает на писателей особую ответственность». Станислав Куняев напомнил присутствующим в Большом зале ЦДЛ, что «Россия в отличие от многих стран мира — страна слова! Не случайно наша литература начинается с труда «Слово о Законе и благодати». Писатели являются хранителями и носителями слова». Затем он назвал имена и фамилии писателей, ушедших из нашего мира незадолго до съезда, и предложил почтить их память вставанием и минутой молчания. «Лишь бы нам не потерять связь со словом. Мне тревожно, что сегодня мир скудеет, как скудеют реки и ручьи. И только Россия стоит как остров, омываемый творческими усилиями своих сыновей и дочерей»,— завершил свое выступление Станислав Юрьевич.

С огромным вниманием участники съезда выслушали слова руководителя Московской городской писательской организации, главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева, главного редактора издательства «Вече» Сергея Дмитриева и председателя Национальной Ассоциации драматургов Юрия Полякова.

Сергей Дмитриев говорил о том, что сегодня все еще нет одобренного списка литературы для школьной программы, нет заказа на литературу. В завершение своего выступления Сергей Николаевич предложил создать единый цифровой портал, единую электронную площадку для всех писателей России. В продолжение темы о школьной программе, хорошим и обнадеживающим началом, стало сообщение первого секретаря Союза писателей России Геннадия Иванова о том, что Председатель Правления Союза писателей России Николай Иванов введен в состав Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, и уже провел большую работу по возвращению в школьную программу произведений «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Поднятая целина» Михаила Шолохова».

Юрий Поляков в своем выступлении сказал следующее: «Нашей Ассоциации драматургов исполнилось пять лет. А до этого, как ни странно, не было никакого общешкольного объединения драматургов. Нам за пять лет удалось кое-что сделать,

а главное — это наш конкурс «Автора на сцену», который мы проводили при поддержке организации «Театральный агент». По итогам конкурса были определены десять пьес победителей, которым выдавались соответствующие дипломы, а под дипломы давали по миллиону рублей на постановку этих пьес. Но это было до известных событий, сейчас ситуация более сложная. Я вам хочу сказать, что еще в 2017 году мы проводили первый конкурс «Автора на сцену», где были представлены очень интересные и сильные пьесы, посвященные событиям на Донбассе. Но все наши попытки предложить эти пьесы театрам даже с миллионом, конечно, для Москвы эти деньги смешные, но для регионального, того же, скажем, Рыбинского театра, это деньги, на которые можно поставить хороший спектакль, они не увенчались успехом. С чем это связано? Я думаю, что это связано с тем, что за тридцать лет культурная политика в нашей стране во многих областях — в литературе и в том же театре — была направлена не на укрепление патриотического сознания, не на сплочение общества, не на подготовку общества к возможным испытаниям, а наоборот — на его разложение и внедрение в него нездорового динамизма. Это легко подтверждается тем фактом, что письмо против проведения СВО, вышедшее в марте прошлого года от театральных деятелей, от руководителей нашего Всероссийского театрального общества, подписали ведущие худруки, режиссеры, продюсеры и так далее. Театр сейчас находится в руках людей, которых интересует в лучшем случае только их профессия и самовыражение, а судьба отечества их не интересует», — посетовал Юрий Михайлович.

Бурными аплодисментами делегаты и гости съезда приветствовали писателей, награжденных высшей наградой Союза писателей России — нагрудным Знаком «За заслуги в литературе», а также получивших награды от Российского книжного союза и Министерства обороны России. Председатель Союза писателей России Николай Иванов вручил медали от Министерства обороны России заместителю председателя Союза писателей России Сергею Котькало и писателю из Белгорода Сергею Бережному. Также Николай Иванов сообщил, что еще есть третий кавалер медали от Министерства обороны России — это секретарь Правления Союза писателей России, поэт Алексей Шорохов, но он ушел добровольцем на фронт.

Не остались без внимания и приветственные телеграммы от различных учреждений, ведомств и должностных лиц: от первого заместителя руководителя Администрации президента России Сергея Кириенко и советника Президента Российской Федерации по вопросам культуры Владимира Толстого. Руководитель литературной студии «Отдушина» при Министерстве иностранных дел России Владимир Масалов зачитал послание съезду от министра иностранных дел России Сергея Лаврова.

С огромным вниманием делегаты и гости съезда слушали выступления руководителей отделений Союза писателей России — Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, первого заместителя Председателя Союза писателей Республики Беларусь Елены Стельмах, Председателя Союза писателей Чеченской Республики Аламахада Ельсаева и нового Донецкого отделения Союза писателей России Федора Березина.

Елена Стельмах отметила, что в литературном процессе Республики Беларусь набирает новую силу детская литература, растет интерес к публицистике. В заключение своего выступления Елена Анатольевна поблагодарила Николая Иванова за неустанный продвижение в России книг белорусских писателей. Николай Иванов предложил от братского Могилева учредить премию «Буйническое поле», именно над этим полем был развеян прах Константина Симонова. Аламахад Абдул Хамидович рассказал, какое огромное значение имеет литература в Чеченской Республике. Чеченским писателям выделен самый красивый особняк в центре Грозного, в писательской организации имеется свой расчетный счет, служебные автомобили, а в конце года лучшему чеченскому писателю руководитель Чеченской Республики Рамзан Кадыров лично дарит коня. Председатель Правления Донецкого отделения Союза писателей России

Федор Березин рассказал присутствующим в зале о недостатках в работе по военно-патриотическому воспитанию населения Донецкой Народной Республики.

Совет молодых литераторов на съезде представлял руководитель молодых литераторов Андрей Тимофеев. Он рассказал о совместной работе Совета молодых литераторов с Союзом писателей России и Ассоциацией Союза писателей и издателей на Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках. Также он отметил, что подобные мероприятия должны проходить с участием краеведов, филологов и читателей.

Среди других намеченных в рабочей программе съезда вопросов были два основополагающих — это внесение изменений в Устав Союза писателей России, приведенного в соответствие с действующим законодательством, и избрание руководящих органов Союза писателей России. Единогласным решением 155 делегатов из 155 возможных новая редакция Устава была принята, а руководителем Союза писателей России единогласно переизбран действующий Председатель правления Союза писателей России Николай Иванов. Первым секретарем правления Союза писателей России единогласно избран так же действующий первый секретарь правления Геннадий Иванов. Николай Федорович и Геннадий Викторович Ивановы — однофамильцы. Председателем Высшего творческого совета Союза писателей России избран писатель Владимир Крупин.

В заключительном слове вновь переизбранный на пять лет Председатель Правления Союза писателей России Николай Иванов сказал: «У нас нет перепопутий и тупиков — мы точно знаем, куда и с кем идем. Мы — всегда в движении и устремляемся только вперед!».

Тульские писатели — члены Союза писателей России в ЦДЛ на съезде Союза писателей России. Слева-направо: В. Г. Виноградов, Н. А. Жуков, В. Я. Маслов, Г. Н. Маркин.

*Геннадий Маркин,
руководитель творческого совета всероссийского
ордена Г. Р. Державина литературно-художественного
и публицистического журнала «Приокские зори»,
член Союза писателей России.*

От имени редколлегии Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» поздравляем Председателя правления Союза писателей России Николая Федоровича Иванова, Первого секретаря правления Союза писателей России Геннадия Викторовича Иванова, а также членов Правления Союза писателей России с переизбранием их на руководящие должности Союза писателей России и желаем крепкого здоровья, успехов в работе и дальнейших творческих побед!

Валентин Огнев
(г. Щекино, Тульская область)

НЕВИДИМЫЙ ПОДВИГ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

28 октября 1941 года гитлеровцы ворвались в г. Щекино и с первого же дня установили свой оккупационный режим. И с этого же дня жители находились под угрозой смерти, в отношении их начались издевательства со стороны оккупантов, грабежи. За любое неповиновение следовал расстрел. Были расстреляны пионер Петя Чаадаев, комсомолец Игорь Иванов, парторг шахты Царьков Н. Г., семья Ситниковых и другие. Щекинцы чтут память о своих героях.

Но мы почти как-то забыли про подвиг, совершенный в дни оккупации работниками здравоохранения и простыми гражданами города Щекино. Они не стреляли в оккупантов, не взрывали машины врага, не резали немецкую телефонную связь — они просто лечили раненых пленных советских бойцов. Они в каждую минуту могли быть также расстреляны, но они спасли жизнь 92-м пленным красноармейцам.

Остановимся более подробно на этом факте. А начнем с выдержки из рассказа фельдшера М. А. Королева: «14.11.41. ко мне зашел рабочий г. Щекино (фамилии не знаю): говорит, зав. аптекой просил придти, перевязать раненого. Прихожу в аптеку, спрашиваю, где и кто ранен, нуждается в помощи? Зав. аптекой говорит, что в помещении артели инвалидов есть раненые русские бойцы. Взяв у него перевязочный материал, бинты, вату и требующиеся медикаменты, направился в дом артели инвалидов. О, ужас, что я увидел. В небольшом помещении бывшей скобяной мастерской, размером 4x4, лежали 14 русских бойцов под станками, <в> грязи и навозе, тяжело раненый из коих один не мог двигаться без посторонней помощи. Повязки промокли, на поверхности с запекшейся кровью, с резким удушающим запахом, почерневшие лица, заострившиеся носы, с запекшимися губами. Когда я заговорил с ними, мне представилось, что звук исходил как бы из глубины могилы — это живые трупы». (В своем рассказе Королевым не упоминаются фамилии других участников спасения раненых пленных красноармейцев. Часть из них установлена и расскажем о них ниже).

Во время оказания медицинской помощи в помещение зашел немецкий переводчик и сказал, что необходимо убрать раненых, иначе их выбросят во двор. Королев попросил их оставить на одну ночь.

Королев сделал перевязки и пошел домой. По дороге им было решено, что помещение для раненых подыщут на окраине города, не на виду у немецких солдат. Утром, после окончания комендантского часа, были организованы поиски помещения на окраине города. Выбор выпал на небольшой деревянный фанерный домик, с одной стороны фанерный барак, с другой — дома, с третьей сарай и последний сарай, конец двора, контора геологоразведки, дом с уцелевшей крышей и стенами, оконные стекла

выбиты, внутри грязь, мусор, ломаная мебель, стол, стулья, шкафы и битое стекло (авт.— на ул. Орджоникидзе).

Чтобы привезти раненых красноармейцев в одно из этих помещений, нужно было привести его в состояние, пригодное для нахождения людей. Приглашенные женщины убрали и отопили выбранное помещение для раненых, а столяр застеклил оконные просветы часть имеющимся стеклом, часть — фанерой, чтобы было достаточно светло, не дул ветер и не несло снег в помещение. Из общежития рабочих Первомайского поселка (авт.— так называлась часть территории, расположенная между ул. Куприянова и Первомайская) были принесены несколько кроватей и постельное белье.

С большими трудностями и осторожностью были перевезены раненые. На повозку клали не более трех человек, прикрыв их каким-нибудь тряпьем. Рассчитывали, что если немецкие солдаты будут спрашивать, куда везете, то представлять их разбомбленными ранеными крестьянами, которых везли на перевязку к доктору.

Во время перевозки раненых выяснилось, что один умер, а другой отсутствовал. Что с ним произошло — неизвестно.

Уход и лечение за пленными ранеными бойцами осуществлялся работниками щекинских больниц и поликлиник. Им в доверительных беседах было сообщено о совершившемся факте, и они пришли на помощь пленным раненым.

Вот что рассказывала врач Антонова Александра Ивановна, находившаяся в группе медработников, оказывающих помощь раненым военнопленным: «...Через несколько дней после занятия города фашистами приходит ко мне Валентина Александровна Шведова, педиатр. Мы с ней были большие друзья, совсем как родные сестры. И вот она говорит: «Знаешь Саша, люди рассказывают, что тут в двух бараках лежат наши пленные — раненые бойцы. Немцы их бросили без всякой медицинской помощи, без пищи. Что делать будем?». А у меня так и захолонуло сердце, вспомнила мужа своего: ведь, может, он где-нибудь в такую же беду попал. Нет, нельзя бросить своих солдат! И без единого слова мы вместе с Валентиной Александровной поспешили к ним. Одна группа раненых красноармейцев находилась в доме на улице Орджоникидзе (до войны в нем, если я не ошибаюсь, размещалась какая-то контора углеразведки, сейчас там станция скорой помощи). Вошли мы и увидели страшную картину: раненые лежали прямо на полу, на соломе: грязные, пропитанные кровью бинты у многих свалились, отовсюду несутся стоны. Вместе с Валентиной Александровной взяли мы выхаживать наших бойцов. К нам на помощь пришла медсестра Екатерина Федоровна Тюрикова и другие работники больниц. Мы делали небольшие операции, лечили раны — огнестрельные, рваные, колотые, накладывали гипс на переломы».

Но стоял и другой проблемный вопрос — это накормить раненых. Также в доверительных беседах об этой проблеме было сообщено отдельным щекинцам. Подвергшееся ограблению немецкими захватчиками население стало приносить продукты питания пленным раненым бойцам Красной Армии, делясь последним куском хлеба. Приносили кто что мог: блины, вареное мясо, огурцы, капусту, картофель. На полноценное питание никто не мог рассчитывать, но только за счет населения было организовано очень скудное питание. Немецкое командование не принимало ни каких мер по организации питания военнопленных. В дальнейшем женщины приносили даже супы. Варвара Васильевна Агафонова в протоколе допроса в сентябре 1943 года поясняла, что в поселок были привезены раненые красноармейцы и она ходила по поселку и собирала для них продукты, готовила обеды. Незначительное количество хлеба тайно от немцев выделяли с пекарни.

Аптекой в г. Щекино заведовал Полубояров. Он втайне от немецких захватчиков выделял медикаменты, перевязочный материал из уцелевших у него запасов.

Пленных раненых красноармейцев в общей сложности оказалось около 100 чело-

век. Они были размещены в двух местах: на ул. Орджоникидзе и в бараке около станции Лесной. И вновь мы возвратимся к воспоминаниям Антоновой Александры Ивановны: «Все силы оккупантов были брошены к Туле. Но и наш «госпиталь» они не забывали. Через день приходили и спрашивали: «Этот здоров? Этот уже может ходить?» Мы знали, что тех, кто поднимался на ноги, гитлеровцы куда-то угоняли. И чтобы спасти людей, всячески затягивали лечение, скрывали выздоровление. Главное было — оттянуть, выиграть время».

Недостаток медикаментов, перевязочных материалов, продуктов питания, простые медицинские инструменты, санитарные условия нахождения раненых — все это также сказалось на судьбе отдельных раненых. Несмотря на героические усилия медицинских работников, и населения, за время нахождения «госпиталя» умерло 4 человека.

17 декабря 1941 года стремительным штурмом город Щекино был освобожден полками 217 СД под командованием комбрига генерал-майора Трубникова Кузьмы Петровича. В донесении в штаб 50 Армии им докладывалось, что *«освобождено наших пленных раненых красноармейцев 92 чел.»*

Этот факт отражен и в журнале боевых действий Западного фронта за 17 декабря: *«При захвате ЩЕКИНО уничтожено 250 человек противника и освобождено из плена 92 раненых красноармейца»*.

После освобождения г. Щекино раненые бойцы были отправлены в госпитали города Тулы. А работники медицины и лица, участвовавшие в лечении раненых, приступили к восстановлению мирной жизни в родном городе.

А теперь приведем данные лиц, участвовавших в лечении пленных раненых бойцов, о которых имеются скудные сведения.

— **Антонова Александра Ивановна**. В 1935 году окончила 1-й Московский медицинский институт и приехала в г. Щекино. Встречаются упоминания о ее рабочей деятельности в документах Щекинского муниципального архива с 1938 года. Работала на различных должностях в медицинских учреждениях г. Щекино: врачом детской комнаты при роддоме, врачом роддома, заведующей роддомом, детской консультацией, поликлиники. Муж Сотников Ф. И. был учителем химии. Имела двух детей: сын Юрий, дочь Надежда.

— **Шведова Валентина Александровна** прибыла на работу в г. Щекино по направлению наркомздрава. Зачислена с 13 февраля 1939 года врачом Щекинской детской консультации (приказ Щекинского отдела здравоохранения № 10 от 14 февраля 1939 года). Работала на различных должностях в медицинских учреждениях г. Щекино.

— **Тюрина Екатерина Федоровна**. Встречаются упоминания о ее рабочей деятельности в документах Щекинского муниципального архива с 1938 года. Работала на различных должностях в медицинских учреждениях г. Щекино: ст. медсестра поликлиники, корьевого отряда санлаборатории и др.

— **Никихина Прасковья Яковлевна**, 1905 г. р., проживала в д. Малые Озерки, имела двоих детей, работала в должности медсестры в различных медицинских учреждениях г. Щекино.

— **Королев Михаил Алексеевич**, сын крестьянина, специальность — фельдшер. В Щекинском районе работал с 1919 г., в Щекино с 1924 г. в городской поликлинике, заведовал врачебным здравпунктом шахты № 7 треста «Щекинуголь». Проживал: г. Щекино, ул. Пионерская, д. 30.

— **Агафонова Варвара Васильевна**, 1891 г. р., урож. г. Черни, образование среднее, до 1917 года работала преподавателем сельской школы. Проживала пос. Транспортный города Щекино. Осуществляла сбор продуктов, которыми обеспечивала раненых военнопленных.

Много жителей Щекино принимало участие в помощи раненым, но, к сожалению, на настоящий момент нам известны только вышеперечисленные фамилии.

Подводя итог нашего исторического очерка, мы можем сказать, что это был героический рубеж борьбы против фашизма 1941 года. Щекинцы показали, что, находясь в оккупации, они самоотверженно вели борьбу против немецких захватчиков. Это была невидимая борьба, но она принесла определенные плоды: жители г. Щекино спасли жизнь солдатам Красной Армии.

И в настоящее время многие щекинцы оказывают помощь нашим бойцам, которые принимают участие в борьбе с нацизмом.

Исследование составлено по материалам личных архивов С. Митрофанова, С. Топор, по документам муниципального казенного учреждения «Архив муниципального образования Щекинский район», по сведениям интернет-ресурса: <https://pamyat-naroda.ru/2023> г.

Александр Балтин
(г. Москва)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

К 150-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ПРИШВИНА

1

Музыка много определяла в его жизни; в юности игравший на мандолине, Пришвин почитал музыкальные ритмы той силой, что определяют и жизнь, бытование человека на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли; потрясшего его вагнеровского «Тангейзера» писатель слушал бесчисленное число раз... Сплошная сила литого, золотого звука великого немца!

Пришвин, казалось, стремился также строить тексты свои — сплошным музыкальным потоком, добиваясь комбинационного эффекта ясности и глубины. Звук вел мысль: и звук выстраивал пейзаж: который Пришвин, чувствуя необыкновенно, превращал в кадры солнца...

Он и фотографией увлекался страстно: и первую свою книгу «В краю непуганых птиц» проиллюстрировал собственными фотоработами.

...удивительный — прорастает в реальность «Женьшень»: таинственный корень, с которым связано так много легенд и такое количество удивительной правды. Повесть Пришвина ткется с той мерой искусства, когда мастерство не заметно, завораживает результат: кажется, ни у одного писателя не было в арсенале столько слов для описаний природы... Ее живая плазма переливается огнями музыки и поэзии: так, будто за каждым листком стоит неповторимость собственной судьбы, а все вместе — объединяются они в богатство единого человеческого древа. Волшебно проходят пятнистые олени...

«Кладовая солнца» укрупняет один день до величины поэтического произведения: без рифм, разумеется... Финал войны, сироты, ведущие нехитрое хозяйство, сошедший снег, дети, собравшиеся за прошлогодней клюквой. Параллельно — идет история двух собак, оставшихся жить в лесу в силу ряда обстоятельств.

Будет трагедия: однако — с благополучным исходом, конечно, дети пересекутся с одной из собак, что останется жить у них; и расцветут волнующие, волшебные цветы музыки, и...ясности: торжественности природных чудес, и волхвования слова.

Пластика пришвинского стиля велика: он придает словам почти ощущаемый физический вес; словам, словосочетаниям, суммам фраз... Он писал о животных так, будто ощущал характеры их, видя в каждой индивидуальность. Он украсил историю русского художественного слова настолько не меркнувшими произведениями, что свет, идущий от них, только разгорается с годами...

Он чувствовал рост трав, их мистическое — и такое земное — движение к солнцу; он ощущал каждый листок: видя целостность великолепной массы, и зная, насколько состоит она из отдельных элементов; он входил в храм природы благоговейно: как писатель, прежде всего, но и — как фотограф... В шуме леса отражалась вагнеровская мощь: а Пришвин чрезвычайно был увлечен музыкой великого немца.

...ярк и буен был отец Пришвина: он разводил орловских рысаков и выигрывал на бегах, увлекался цветоводством, создавая удивительные орнаменты из естественных даров природы, был страстным охотником, изрядным садоводом; однако, проигравшись в карты, продал конный завод и заложил имение, и умер, разбитый параличом... Мать Пришвина происходила из старообрядческой семьи: и градус каления, когда речь шла о достижении цели, вероятно шел от этого корня. Ей удалось выправить положение дел, и дать детям достойное образование.

Разными путями шел Михаил Пришвин, учась, постигая жизнь, ее корневые основы; разные пути постепенно сходятся к пантеону творчества, войдя в который, обретается понимание цели и смысла бытия.

Творчество! Сколь сильно наэлектризовано благородным светом сие понятие...

В 1907 году Пришвин становится корреспондентом газеты «Русские ведомости». Он много путешествует, этнография и фольклор влекут его своими сияющими лентами; он сотрудничает с разными газетами, много публикуется, постепенно становясь известным в литературных кругах; знакомится с М. Горьким и Дм. Мережковским, А. Ремизовым и А. Н. Толстым.

Автобиографическая повесть «Мирская чаша», поначалу отвергнутая редакторами, рассказывает о странствиях и захватывающих увлечениях писателя; она полна разнородным содержимым, которое, алхимически работая, и составляло огромную личность великолепного Пришвина.

Охота и краеведение, становясь сильными страстями писателя, определяют появление серий очерков и рассказов для детей. Последние легки: их кристальная ясность играет природными красками в той же мере, в какой Пришвин открывает для себя тайны природы. Лес — как таинство. Лес — как своеобразная природная церковь, что особенно ощущается осенью, когда многообразие цвета завораживает, как богослужение.

Отношение его к событиям 17 года было противоречивым: от неприятия — в силу избыточного насилия, до примирения, которое не сулило, однако, гладкой жизни.

Дальний Восток, пристрасно исследованный во время соответствующего путешествия, становится объектом описания: появляется книга «Дорогие звери», из которой вырастает повесть «Женьшень». Лица зверей! Пришвин бесконечно вглядывается в них, изучая столь мало знакомый человеку космос; и белка, и лиса достойны внимания ничуть не в меньшей степени, чем персонажи-люди.

Север манит: в своеобразие его природы, не говоря о своеобразности небес, заложено столько величественного.

Особняком стоят монументальные дневники Пришвина: достоверность наблюдений, емкость образов, колорит — тут законченное художественное произведение, наполненное яркой работой мысли и последовательным исследованием лет, выпавших на долю писателя.

И снова цветут фотографии: увлечение, сопровождавшее Пришвина, до конца, до финальных дней его бытования на земле.

С записными книжками Пришвин не расстанется никогда. Они растут, напластования впечатлений обрабатываются, и крепнут дневники, чья многотомная летопись тянет на эпопею. Сколько узнано писателем о жизни природы, о плазме ее волнующей, о волшебстве тончайших изменений, происходящих постоянно. Афоризмы

мелькают...Вместе дневники словно нанизаны на глобальную мысль: о творчестве, как единственной созидательной ценности.

...он фотографировал людей, он сделал цикл фотографий об уничтожении колоколов Троице-Сергиевской лавры. Он был неустанен в творчестве: словно магический порох его и определял жизнь, чья внешняя сторона была всего лишь гарантией бесконечного продолжения трудов: трудов, раскрывавшихся столь различно и ярко, весомо и трепетно, нежно и величественно.

3

Наблюдатель: и, применительно к Пришвину — это определение стоило бы написать с большой буквы: наблюдатель пристрастный и пристальный, неуспокоенный, неравнодушный и кропотливый, вглядывающийся в мельчайшие природно-погодные изменения так, чтобы крупно проявились они в слове: тоже крупном, словно раковина святящимся изнутри, и в лучевой силе онога раскрывается сама метафизика природы...О! она, будто используя Гераклитовы изменения, и скрывает многое, и — разворачивает бесконечными панорамами пред человеком: перед Пришвиным, всматривающимся в обычные дива так, что проступает потаенная суть.

Перед нами — «Времена года»: произведение, в недрах которого Пришвин записывает все природные изменения в течение года; и оттенки, словно собираемые им в короба страниц, играют яркой насыщенностью: звука, цвета, нежности... Необыкновенно передаются природные ароматы: будто на медовых крыльях счастья вливаются они, пропущенные сквозь фильтры страниц, в читательское сознание. Чудесная «прекрасность» природы передана через меру приятия всего, что преподносит она человеку; непроизвольно всплывает знаменитое рязановское: У природы нет плохой погоды...

Осень хмурится. Осень собирает фиолетовые туши туч, гонит их на нас... Осень союзна с увяданием, со смертью, и — тем не менее... Именно она дарит византийскую какую-то избыточность красок: низвергается зыбкое золото листвы, дрожа и переливаясь нюансами цвета; и каждый лист — будто фантастическая карта не существующей страны...

Как в детстве собирались гербарии! Пришвин предлагает словесный вариант онога: необыкновенно живой и красочный... Багровый и зеленоватый, рдяный и снова золотой, меченый точками и пятнами ржавчины, рыжины; краски буйствуют, словесная живопись бесконечна; и нежность, овевающая страницы, словно свидетельствует о бесконечности жизни, эти краски и породившей.

Счастье тоже имеет свои оттенки — волнами накатывает они, и волокна отзвуков в душе переливаются волнообразно. Пришвин призывает постичь изначальный природный язык, и, сконцентрировавшись на нем, изменить отношение к миру: убрать хмурые краски, бессмыслицу тоски. Природный мир всегда откроет нечто необычное: и всякий силуэт падающего листка будет просвечен световым ракурсом...

Очень русская проза Пришвина неожиданно переключается с мистически-тонким восточным взглядом на мир — с бесконечным вглядыванием в каждую деталь: ведь недаром листок, свернувшийся на подоконнике, напоминает улитку. Все связано со всем: и какая бездна живой философии таится в оном ощущении! Видеть, как времена года сменяют друг друга — настоящее счастье: и писатель учит ему: проникновенно-простому и такому полнозвучному...

4

...трагический «Соловей» Пришвина...

Рассказы о ленинградских детях, о судьбах, напитанных трагизмом изначально, о наждачной правде бытия, которую... можно исправить, однако: ибо в огромном пространстве Советской страны не должно было быть бездомных детей... Пространная нежность Пришвина, словно вписывающая людскую реальность в реальность приро-

ды совершенно по-особенному: Пришвин пишет о детях, как о... побегах деревьях: превосходящих последние таинственностью...

Вот детдом: тянет ли он на большую семью? И да, и нет: кому-то посчастливиться обрести новых родителей, кто-то вырастет в нем; но тайны судеб будут пространно и вместе компактно, с экономией литературных средств рассмотрены Пришвиным: чтобы ничего не было упущено. И дети, вынутые им из истории реальности, словно вписываются в пространство истории литературы навсегда...

...и снова ударят снопы света из пространства «Кладовой солнца», вновь заиграют оттенки понимания деревенской жизни: огромного материка, ныне ушедшего под метафизические воды... После книг Пришвина теплеет на душе, наполняется она тайными пульсациями, чью правду сложно отрицать.

...«Кашеева цепь» раскроется, как своеобразный роман-матрешка: словно уместая в себе несколько романов: психологический, роман-воспитание, повествование о русской революции; и все переплетено суммами философских мыслей, изящно и тонко. Чудесен главный герой — фантазер и романтик: и думающий самостоятельно (что есть ум — как не способность мыслить вне стереотипов?), и действующий активно...

В детстве организовал путешествие в Азию: не изведенное манит: а Азия щедра на подобное; и поплыли мальчишки на лодке, поплыли, переполненные мечтаниями и азартом, и уплыли довольно далеко — прежде, чем не вернули их... «Поплыли в Азию, попали в гимназию». Жизнь главного персонажа развернется бурно: жажда социальной справедливости толкнет его в революцию: и год проведет в тюрьме за переводы с немецкого марксистской литературы; и, демонстрируя волю к жизни и силу стойкости, придумает себе... путешествие.

Внутреннее путешествие на Северный полюс: с предполагаемыми тяготами и красоты, с волнообразными накатами световой энергии, подчиняясь которой, не позволит ситуации во внешней жизни раздавить его.

«Кашеева цепь» пронизана романтической приподнятостью: но и конкретная романтическая линия обретает живую плоть: к политическим приходили на свидание девушки-невесты, и вот такая — под вуалью — посетила Алпатову... Он отправляется на поиски: Германия раскрывается, мир растет, девушка уехала, а герою необходимо... напасть на след...

Стиль Пришвина характерен: он вкусный, в меру обстоятельный, он густой, как мед: Весь огромный музей предстал Алпатову как воспоминание сказки, и чудом казалось, что ту же самую сказку переживали все художники с далеких времен. И он шел из одной залы в другую очарованный и как бы пьяный от постоянных рассказов в красках и линиях одной и той же своей собственной сказки. Сказка! Ключевой слово! Словно и в самом Пришвине было нечто от... очарованного странника, проходящего жизнью с одной жаждой — изведать как можно больше. Все — не удастся, поскольку невозможно охарактеризовать точно это «все», но погружение в новые и новые слои живущей окрестно реальности так заманчиво...

...как смотрят на нас «Глаза земли»! Полное поэзией произведение врачует от депрессии — тонкой своею нежностью, необыкновенным плетением драгоценных словес. Запястье, приложенное к уху, позволяет расслышать пышный прибой листвы. А выше — за листвою клена, будут шуметь необычайно звезды, живущие своей жизнью, вероятно — более насыщенной нежели наша, земная...

И монументально возвышаются дневники писателя: всю жизнь вел, фиксировал все, что происходило: в душе, и во внешнем мире; густо и плотно заполнял страницы медом текста, в котором переплетались тугими волокнами история и проза, детское удивление миром и размышления, наполненные умудренностью.

Пришвин творил свой литературный эпос, и, обращенный в современность, какою бы она ни была, сияет он великолепием словесного многообразия и мудрыми мыслями метафизического злата.

МОЩЬ МАМИНА-СИБИРЯКА

Словесные глыбы Мамина-Сибиряка имеют не только художественно-отшлифованное значение: но и — историческое, экономическое даже: столь замечательный показ становления капитализма со сменой вех во взаимоотношениях людей, подчиненных, увы, материальным законам, мало кто осуществлял.

...впрочем, есть и «Серая шейка» — нежнейший, чуть розовато окрашенный, элегический рассказ, обычно рекомендуемый детям. И взрослым, которые, в сущности, не более, чем выросшие дети, стоит вслушаться в тона нежности, в плавность текущего языка, в собственное детское прошлое, в недра своего сердца даже.

Но — высятся колонны «Приваловских миллионов». О! какое пиршество языка: здесь сотовый мед, и хлебное изобилие, здесь богатство телесной любви, и плотная гарь преступного действия, здесь механизмы, работающие на изменения общества, и общество, не желающее этих механизмов. И язык, язык, хлеб его, круто посоленный; мед его, извлеченный из сотовых ячеек. Колоритные словечки тех времен, фрезы фразеологизмов, резко режущих сознание, особое построение предложений, воплощающих неспешность часового механизма — тогда время шло иначе.

Динамично построенные декорации: мы находимся то в одном доме, то в другом: и все выписано до последней филенки, до плинтуса и мельчайших деталей, и это — суммарное — только фон — для сумм психологических черт, которыми, помимо плоти, творятся персонажи. Ликеры, сдобные булки и кислота домашних взаимоотношений; сжатая атмосфера небольших уральских городков — откуда вырвутся огнедышащие драконы богатства; нДравы: столь же тяжелые, сколь и органичные...

...хочется почему-то, чтобы купчину звали Сом... Сом Силыч — например: двойная сила, плюс пищевая алчность, характерная для одной рыбы.

«Горное гнездо» кинематографически сочно, и отличается тою силою монтажа, когда никакое провисание — равно словесный жир, одутловатости фактуры — невозможны: динамика развития сюжета великолепно... срежиссирована, и... ждет размах «Золота». Земного масла, как его именовали. Оно закрутит вокруг своего замаранного землей стержня такие страсти...

Тут Шекспиром подуло, тут выше подниматься некуда: сорвешься в ад... Мамин-Сибиряк живописал глобальную панораму девятнадцатого века, и без него, его книг — он был бы просто невозможен...

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ
(к 200-летию А. Н. Островского)

Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Часть 1

Александр Николаевич Островский (1823—1886) — прославленный драматург, создатель русского национального театра. «Русский Шекспир» — так называли Островского современники, подчеркивая мировой масштаб его таланта.

Ранее драматургия в России была представлена настолько небольшим числом талантливых пьес, что их буквально можно пересчитать по пальцам. Среди них — «Недоросль» (1782) Д. И. Фонвизина, «Горе от ума» (1825) А. С. Грибоедова, «Борис Годунов» (1825), «Маленькие трагедии» (1830) А. С. Пушкина, «Ревизор» (1835) Н. В. Гоголя.

Островский блистательно продолжил эту эстафету, выступил как яркий самобытный писатель, поразил современников новизной открытых им для литературы персонажей и типов. «На покинутое Гоголем добровольно вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве», — справедливо утверждал писатель и этнограф С. В. Максимов (1831—1901).

«Русского Шекспира» еще называли «купеческим Шекспиром». Он также хрестоматийно известен как «Колумб Замоскворечья», то есть первооткрыватель в отечественной драматургии особого уклада жизни этой части Москвы, которую населяли зажиточные купцы, мелкий торговый люд, приказчики, ремесленники-кустари, мещане, небогатые чиновники, стряпчие. И сам Островский родился в Замоскворечье, в семье чиновника — выходца из священнической среды, впоследствии дослужившегося до дворянства. Здесь будущий писатель провел детство и юность. Так что жизнь замоскворецких обитателей, которых драматург впервые вывел на русскую сцену, он знал доподлинно: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провел несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и будни, в горе и радости, знаю, что творится и деется по твоим широким улицам и мелким частным переулочкам».

В орбите внимания писателя не только купечество, но и все социальные слои и сословия России второй половины XIX столетия. Пьесы Островского населяют мелкие торговцы и крупные капиталисты, мелкоотравчатые и высокопоставленные чиновники, дворяне и простолюдины, мещане и разночинцы, труженики-интеллигенты, учителя и студенты, актеры и странники, свахи и приживалки, военные, ростовщики,

люди без определенных занятий — «вольнопрактикующие» и «праздношатающиеся». Вся эта многоликая, пестрая, объемная, художественно и исторически достоверная картина русской жизни — целый мир, созданный творческим гением замечательного русского драматурга.

Его деятельность — это колоссальный труд, поистине подвижническое служение русской литературе, национальному театру, народу, России. Драматург создал 47 оригинальных пьес. Подсчитано, что в драмах Островского действуют 728 героев. Причем, это не схематичные, условные персонажи, а живые, яркие, полнокровные личности. Каждый образ психологически точно и социально выверен, раскрыт через его персональную речевую характеристику. В сюжетах и драматургических конфликтах нашли верное отражение самые важные события и явления русской духовной и общественной жизни, особенности национального характера, индивидуальное своеобразие человеческих натур. Это настоящий литературный подвиг писателя.

Островский всецело посвятил себя драматургии и театру, жил и дышал ими, ни на что другое времени и сил не оставалось. Однако даже такой самоотверженный труд не приносил прочного материального достатка. Как, впрочем, и у многих русских писателей-классиков: например, Ф. М. Достоевского (1821—1881), Н. С. Лескова (1831—1895), при жизни испытывавших нужду, а после смерти увековеченных в памятниках.

В письме от 25 августа 1879 года Островский, отвечая на предложение, поступившее от редактора журнала «Русская старина» М. И. Семецкого, об издании литературных и театральных мемуаров, признавался: «Я очень хорошо чувствую и всегда памятую, что на мне лежит долг сказать всю правду, какую я знаю, о многих лицах, принадлежащих уже истории: о литераторах, артистах, художниках... Иных я знал хорошо, с другими был близок, а с некоторыми был в самой короткой дружбе.

Я сам уже давно мечтаю, что “вот я буду писать свои воспоминания”, как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!

С лишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделываю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей,— так уж до воспоминаний ли тут! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаил Иванович, воспоминания — для меня роскошь не по средствам».

Только в конце жизни Островскому был назначен пенсия: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало», — не без горечи замечал писатель.

Он так и не оставил собственных мемуаров. Зато о нем самом сохранилось множество сердечных, уважительных воспоминаний современников — писателей, журналистов, редакторов, актеров, друзей, знакомых. Личность «патриарха русской драмы» предстает здесь в полный рост, светится громадным талантом, воодушевлением, благородством, человеческим обаянием. «Он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нем со скромностью, нежностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромного влияния на окружающих. Он действовал, вдохновлял, оживлял...» Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства,— свидетельствовал С. В. Максимов.— «...» Такова была и та притягательная сила богатства даров,

какими обладал этот отечественный писатель и истинно русский человек и какие с избытком были отпущены на его долю». М. И. Семевский с душевной теплотой вспоминал: «Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведенных мною у А. Н. Островского. Там я видел истинно русское гостеприимство, добродушие, откровенность и нечопорных гостей».

Драматург работал буквально до последнего мгновения жизни и умер за письменным столом, не успев завершить своего заключительного труда.

В **«Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время»** (1881) Островский размышлял: «История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец, и для всего света». Это утверждение, сделанное на исходе жизни, с полным правом драматург мог бы отнести и к себе, подытоживая собственный творческий путь.

Островский родился весной, 12 апреля (31 марта по старому стилю). К собственному 50-летию юбилею писатель преподнес самому себе необычный подарок: прямо в день своего рождения завершил работу над новой пьесой. Это была **«Снегурочка»** (1873) — *«весенняя сказка»*, как сам автор определил ее жанр.

Неожиданно для всех Островский — реалист и сатирик — сочинил новаторскую, совершенно необычную для своего творчества пьесу — красивую, светлую, поэтическую. По всей видимости, рано пробудилась и долгие годы жила в душе писателя мечта о неизбежном обновлении — на началах правды и справедливости — человеческой природы и общественной жизни, которое обязательно должно наступить, как неминуемо происходит после зимнего оцепенения весеннее возрождение природы.

Уникальная в русской литературе, философско-символическая пьеса-феерия создает картину радостной, счастливой, свободной жизни в сказочной стране берендеев, которую населяет *«народ честной и добрый»*, *«народ великодушный»*. В идеальном государстве верховенствуют нравственные законы справедливости, миролюбия, благоразумия, добра, красоты и правды:

Чем же и свет стоит?

Правдой и совестью

Только и держится.

И главный смысл жизни и мироустройства — самоотверженная любовь: «На свете все живое Должно любить» и «все, что есть на свете дорогого, Живет в одном лишь слове. Это слово: Любовь» —

*Благое чувство,
Великий дар природы,
Счастье жизни,
Весенний цвет ее.*

Прославление Солнца, Правды, Любви, душевного огня, возвышенная жизнь творческого духа в **«Снегурочке»** резко контрастируют в других пьесах писателя с реалистическими картинами «темного царства», в основе которого — неистовая страсть к наживе, обман и одурачивание, произвол и угнетение, подавление личности.

Тема всевластия денег как «двигателя жизни», материальной выгоды, барышей; маниакальная идея несправедливого обогащения и ее разрушительное воздействие на человеческую душу, личность, судьбу в самодержавно-капиталистической России занимают центральное место в драматургии Островского. Это наглядно подчеркнуто уже самими названиями многих произведений: **«Свои люди — сочтемся»** (**«Банкрот»**) (1849), **«Бедная невеста»** (1851), **«Бедность не порок»** (1853), **«Доходное место»** (1857), **«Бешеные деньги»** (1870), **«Не было ни гроша, да вдруг алтын»** (1872), **«Бесприданница»** (1878).

Б. Кустодиев. Купец в шубе

Одна из первых социально-критических пьес Островского — «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») (1849) — принесла молодому автору широкую известность и признание, несмотря даже на то, что была запрещена царской цензурой к изданию и постановке на сцене. Драматург открыто озвучил здесь преступные установки сильных мира сего устами купца с говорящим именем, отчеством и фамилией Самсон Силыч Большов.

Этот якобы исполин, «хозяин жизни» заявляет: «Иуда ведь тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем». Продажность, предательство, отречение от Христа и Его идеалов любви к Богу и ближнему становятся главными директивами в деятельности таких Большовых и им подобных.

Так, например, в дебютной пьесе Островского «Семейная картина» («Картина семейного счастья») (1847) купец Антип Антипыч Пузатов не видит греха в том, чтобы об-

манывать не только посторонних, но даже знакомых и приятелей: «Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно». Собеседница Пузатова, его мать вторит сыну: «А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: “не обмануть — не продать”».

Даже такие понятия, как доброе имя и деловая репутация, необходимые для успешного ведения дел, — пустой звук для алчных торгашей. У них свои извращенные представления о порядочности, добродетели, чести. Эти искаженные аморальные установки самодовольно раскрывает именитый купец Павлин Павлынич Курослепов, беседуя с градоначальником, носящим имя-характеристику Серапион Мардарыич-Градобоев (его даже в глаза называют Скорпион: «Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выйдет»), в драме «Горячее сердце» (1869):

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

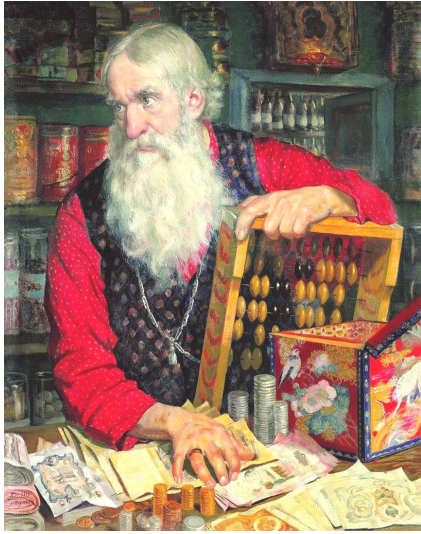
Курослепов. Ну, и пушай!»

В сатирической комедии «В чужом пиру похмелье» (1856) богатый купец Тит Титыч Брусков за ненасытную, гигантскую алчность получил прозвище Кит Китыч: «Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите». Этот чудовищный «кит» готов проглотить любого, кто посмеет стать у него на пути. В этом случае всегда к услугам продажные судейские чиновники. Вот характерный фрагмент диалога Брускова и стряпчего Захара Захарыча:

Тит Титыч. <...> Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Б. Кустодиев. Купец, считающий деньги

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу».

Островский в этой пьесе впервые открыл и описал тип человека-самодура и такое понятие, как *самодурство*; дал определение этому характерному явлению в сферах социальной и семейной жизни в России. Губернская секретарша, вдова Аграфена Платоновна беседует со своим постояльцем учителем Иваном Ксенофонтычем:

«Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились

до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...»

«Мое слово — закон <...>, — безапелляционно изрекает Кит Китыч. — Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!»

Подобен Брускову купец Большов в пьесе «**Свои люди — сочтемся**». Выдавая замуж за приказчика Подхалюзина дочь, мечтавшую о женихе «из благородных», самодур категорично заявляет: «За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю».

Тирания самодуров держится на власти денег. Особенно страдают от нее материально зависимые от дееспотов-старших младшие члены семей, подневольные молодые люди: «Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем» («**В чужом пиру похмелье**»). Такие «изверги в своем семействе» («**Бедность не порок**»), как, например, хрестоматийно известные каждому еще из школьной программы по литературе купец-«ругатель» Дикой и ханжа-изуверка Кабаниха в знаменитой драме «**Гроза**» (1859), показаны во множестве пьес Островского.

Так, например, Курослепов в пьесе «**Горячее сердце**» до того измучил собственную дочь, что она отважилась убежать из дома, подальше от тирании тупого отца и развратной мачехи. Прасковья — честная, искренняя, отзывчивая девушка с *горячим*

В. Пукирев. Прием приданого в купеческой семье по росписи

сердцем, по типу характера схожая с Катериной в «Грозе», — «без спросу» решила пойти на богомолье. «Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как, <...> пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить...», — заступает за героиню ее сердобольный крестный.

Но Курослепов организует погоню за дочерью, словно за беглой крепостной: «Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год». «Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...», — заявляет самодур-отец.

В. Перов. Чаепитие в Мытищах

Патриархальный купеческий уклад ушел в прошлое. Сейчас все эти длинноротые «*купчины толстопузые*» в подпоясанных широкими кушаками кафтанах, стеганых поддевах и смазных сапогах, представленные в живописных картинах стародавнего быта за непременным ведерным самоваром, кажутся слишком диковинными, причудливыми, архаичными. Однако истовое служение не Богу, а мамоне делает их узнаваемыми и сегодня. Смысл коммерческой деятельности этих лавочников и лавбазников заключался в том, чтобы смошенничать, обмерить, обвесить, обсчитать, обмануть покупателя, пусть даже в мелочах. Такие нечистые на руку, мелочные плуты-торгаши до сих пор встречаются на каждом шагу.

Но особенно выделяются в наши дни типы буржуа и капиталистов, которых вывел Островский на смену своим ранним героям — старозаветным, невежественным, «диким» купцам. Новое поколение предпринимателей обрело иной размах. Капиталисты, «которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми», уже не озабочены копейной выгодой, они ворочают миллионами.

Так, для промышленника Василькова в пьесе «**Бешеные деньги**» (1870) полмиллиона рублей — «это ничего». Промотавший состояние дворянин-бездельник Теля-

тев с удивлением готов признать российского коммерсанта чуть ли не родней банкирского клана Ротшильдов:

«Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего».

Эти новые хозяева жизни получили образование, обрели европейский лоск. Таковы коммерсанты в знаменитом шедевре Островского **«Бесприданница»** (1878):

«Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец»; «Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием». Неважно, что пожилой «денежный мешок» носит стародавнее имя, напоминающее о «диких» купцах в прежних пьесах драматурга. Реплика выразительно демонстрирует иной уровень: «Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает». Кнуров и Вожеватов на протяжении пьесы несколько раз обсуждают предстоящую поездку в Париж, на выставку, где их давно ждут.

Сродни Кнурову «Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто» — в драме **«Последняя жертва»** (1878). Этот торговец с совсем не светским именем имеет абонемент в ложах самых блистательных театров, посещает дорогие представления с участием иностранных знаменитостей. «Росси изволили видеть? <...> Хороший актер-с», — говорит Прибытков своей собеседнице, аттестуя итальянского корифея Эрнесто Росси, который часто гастролировал в России. Тот же купец с сожалением заявляет о прославленной итальянской оперной певице, неоднократно выступавшей на русской сцене: «Патти не приедет-с». Кроме того, Прибытков — ценитель живописи, коллекционер дорогостоящих полотен:

«Ирина. <...> это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с».

В то же время расчетливый делец Прибытков (фамилия характеризует его как нельзя лучше) никогда не станет бросать деньги на ветер, ничего не сделает без выгоды. Он беспощаден к должникам, отправляя их в долговую тюрьму: «Угодно вам будет деньги заплатить, или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию?»

Когда приглянувшаяся ему молодая вдова Юлия Тугина умоляет богатея дать ей денег взаймы, он отвечает категорическим отказом:

«Юлия. Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с».

Точно так же делец ценит свое время. Приглашая Юлию на обед, Прибытков обозначает строгие временные рамки: «Милости прошу откусать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с».

Он готов раскошелиться, но исключительно в своих интересах. Старый сластолюбец, не равнодушный к женскому полу: «очаровательность женскую понимаю», — хочет просто купить расположение Юлии. И она это отчетливо понимает: «Да

ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание».

Таков же Кнуров в «Бесприданнице». Пользуясь отчаянным положением, в котором очутилась Лариса, женатый старик предлагает девушке стать его содержанкой: «Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? <...> И полное обеспечение на всю жизнь? <...> Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления».

Кнуров не скуится, потому что для него Лариса, ее молодость, красота, душа, честь, жизнь и судьба — тот же товар, только дорогостоящий: «Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> И хорошего ювелира». «Всякому товару цена есть», — таково убеждение денежных воротил, уверенных в том, что все на свете — даже нематериальное, духовное — продается и покупается. По сути это антихристианская, сатанинская позиция.

Дельцы лишены души, не знают любви. Сердечные чувства заменил черствый, холодный расчет. Вот Кнуров и Вожеватов прикидывают, кому из них может достаться Лариса, разыгрывают ее в орлянку, смотрят как на «вещь». Стоимость этого «товара» сопоставляется с ценой парохода «Ласточка»:

Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле “Ласточки” обошлось бы?

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

Кнуров. Не ручайтесь! Долго ли с вашими годами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров. Чего?

Вожеватов. А вот, что любовью-то называют.

Кнуров. Похвально, хорошим купцом будете».

Таковы дельцы и в семейных отношениях. Продают самих себя без любви «миллионным невестам», как, например, «Сергей Сергеевич Паратов, блестящий барин, из судохозьев, лет за 30» в «Бесприданнице»:

Паратов. Что такое “жаль”, этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни. <...> Отец моей невесты — важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и *parlez francais!* {Говорите по-французски!}; «(показывая обручальное кольцо). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь».

В пьесе «Последняя жертва» красавчик-дворянин Дульчин, обещавший жениться на безумно влюбленной в него Юлии Тугиной, бросил молодую вдовушку, когда выудил и проиграл в карты все ее состояние. Этот азартный игрок и мошенник собирается поправить свое финансовое положение женитьбой на внучке Прибыткова Ирине, ошибочно принимая ее за богатую наследницу. Однако, узнав, что большого приданого за Ириной не дадут, немедленно оставляет невесту. Промотавшийся вконец, Дульчин готов продать себя в мужья немолодой купчихе-миллионерше и обращается за содействием к свахе:

«**Дульчин.** <...> Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову».

Часть 2

Мужем-игрушкой для стареющей дородной купчихи Белотеловой с состоянием «сверх границ» становится молодой человек Бальзаминов, мечтающий выбиться из бедности женитьбой на богатой невесте: «Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон».

Мелкому чиновнику из мещанской среды Островский посвятил целых три пьесы: «**Праздничный сон — до обеда**» (1857), «**Свои собаки грызутся — чужая не приставай**» (1861), «**За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминава)**» (1861).

Водевильный герой — совсем не хищник, не расчетливый хладнокровный охотник за большим приданым. Этот скудоумный «младой вьюнош», даже по оценке его матери, «умом-то недостаточен», «разумом-то он у меня больно плох». Бальзаминов грезит во сне и наяву не только о богатстве, которое может внезапно пролиться на него невеста откуда, по воле счастливого случая. Молодой человек мечтает и о семейных радостях с хорошенькой молодой женой.

Он настолько наивен, простодушен, доверчив, что по временам вызывает жалость. Его обманывают, оскорбляют, даже травят собаками, чтобы не маячил под окнами барышень на выданье. Зажиточная купеческая родня приглянувшихся ему девиц с насмешками и оскорблениями изгоняет незадачливого жениха, раскрывая всю его суть: «Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повилеет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям,— не объявится ли какая дура с деньгами».

В качестве мужа «дурашливый» Бальзаминов становится собственностью обладательницы торговых лавок в Китай-городе, скучающей в своем вдовстве, купчихи Белотеловой по ее прихоти, для потехи.

Так и дельцы, если не продаются сами (как барин, хозяин парохода Паратов), то покупают себе жен, особенно когда в этом есть коммерческие резоны. Таков в пьесе «**Бешеные деньги**» Савва Геннадич Васильков — «провинциал, лет 35. Говорит слегка на “о”, употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги <...> Провинциальность заметна и в платье».

Не имеющему столичной хватки купцу из глубинки выгодно жениться на красавице-аристократке Лидии Чебоксаровой. Пусть ее семейство обеднело, зато высокий дворянский титул, светские знакомства, изысканные манеры, образованность такой жены должны, по расчету Василькова, помочь ему в деловых отношениях: «У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужна такая жена, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно»; «у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном».

Разорившиеся, но все еще высокомерные, неприступные аристократки Лидия и ее мать Надежда Антоновна быстро меняют презрение на благосклонность в отношении неотесанного купца, когда узнают о его несметных богатствах от своего знакомого дворянина Глумова.

Впервые Егор Дмитрич Глумов появился в комедии Островского «**На всякого мудреца довольно простоты**» (1868). Это тип «злого гения», глумящегося над сла-

бостями и пороками людей, выкидывающего над ними злые шутки. В пьесе «**Бешеные деньги**» Глумов распускает молву о мнимых золотых приисках Василькова. Надменная мать Лидии на глазах меняет свое отношение к Василькову, несмотря на нарочитую несуразность этих издевательских глумовских измышлений. Комический эффект достигается сочетанием нелепости непроверенных слухов и мгновенного результата их воздействия на горделивую светскую даму, которой мысль о неисчислимом состоянии потенциального жениха для дочери совсем затмевает разум:

«Глумов (Надежде Антоновне). У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна (взглядывает на Василькова). Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет, с бурятами.

Надежда Антоновна (ласково смотрит на Василькова). Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку дает горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (очень ласково смотрит на Василькова). А он ведь и собой недурен...

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна (Лидии). Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позволите.

Надежда Антоновна (приятно улыбаясь). Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

<...>

Глумов. Ну, комедия начинается».

Васильков, не имеющий огромных капиталов, живет по принципу: «Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет». Даже по-настоящему влюбившись в Лидию, он продолжает оставаться экономным и расчетливым: «Я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни Боже мой! Эта строгая подчиненность однажды определенному бюджету не раз спасала меня в жизни. <...> Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду из бюджета».

Продав себя в замужество мнимому золотопромышленнику, Лидия жестоко прощиталась в своих надеждах на роскошную беспечную жизнь. Васильков не позволяет жене бездельничать, принуждает трудиться: «Я даром денег не бросаю». Она обязана отрабатывать свой хлеб и свое содержание: «Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год». Для начала муж-купец собирается запереть Лидию в глуши и сделать из чопорной аристократки деревенскую хозяйку-домоседку: «А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде».

«Ужасно, ужасно!» — реакция Лидии, пораженной такой перспективой:

«**Лидия.** Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

Васильков. Никакой!»

Услышав в очередной раз от Василькова: «Но знайте, что я из бюджета не выйду.

<...> Только бешеные деньги не знают бюджета», — потрясенная Лидия окончательно прозревает: «Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет».

Материальное и моральное оскудение дворянства становится в драматургии Островского отдельной темой. В пьесе «**Бешеные деньги**» она воплощается не только в образах Лидии Чебоксаровой и ее матери, но и других дворян разных поколений. Это и старик Кучумов — «лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни»; и Телятев — «неслужащий дворянин, лет 40»; и «молодой человек» насмешливый Глумов. Все они лентяи, бездельники, прожигатели жизни, давно живут займы и не привыкли отдавать долги, платить по счетам. «Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие», — сообщает Телятев дамам Чебоксаровым.

Некоторые промотавшиеся дворяне попадают в долговые тюрьмы. Но многие все же умудряются выживать за чужой счет — особенно за счет безродных, но спесивых купцов, которые считают для себя честью якшаться со знатью. Об этом — финальный диалог Василькова и Телятева:

«Васильков (Телятеву). Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Телятев. Ты не хочешь ли мне денег дать займы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-Богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет».

И. Неврев. Протоиерей, провозглашающий на купеческих именинах долголетие

Это общественное явление также глубоко исследовал современник Островского Лесков. Так, он отмечал в очерке «**Преисшествие знатностью**» (1888), что обогатившиеся в «сфере плутней и обмана» купцы-«пупцы», «прибыльщики и компанейщики» становятся «самыми мелочными и ненасытными честолюбцами». На «ярмарке тщеславия» они лезут во власть и в знать: «купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперед прет”».

В пьесе Островского «**Не все коту масленица**» (1871) героиня справедливо недоумевает по поводу закоренелой привычки оказывать почет и уважение «де-

нежным мешкам» в человеческом обличье, которые как личности не стоят ломаного гроша: «Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай — деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет, и не то что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный».

Нередко эти «ненасытные честолюбцы», теща свой купеческий норов, держали при себе промотавшихся «их благородий» из дворян в качестве угодливых шутов и приживальщиков, зависимых от прихотей хозяев-толстосумов.

Их причуды зачастую принимали самые дикие и безобразные формы, выливались в настоящие оргии безудержного разгула. Сцены ужасающего, чуть ли не inferнального купеческого кутежа представлены в святочном рассказе Лескова с выразительным названием «**Чертогон**» (1879). У Островского в пьесе «**Горячее сердце**» таков подрядчик Хлынов. Каждый день этот ошалевший самодур выкидывает новые «диковины», не переставая куролесить и куражиться: «Отчего же мне, господин Курслепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб».

На даче в собственной роще «чего-чего только у него нет! В саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука <...> и с утра пьет шампанское. Круг дому народ толпится, все на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. <...> Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. <...> По его капиталу необходимая это вещь. Как пьет стакан, сейчас стреляют, пьет другой — стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми».

Такие частные артиллерийские залпы и салюты были обычным делом среди разгулявшихся дельцов. В драме «**Бесприданница**» беспрестанно слышатся пушечные выстрелы: «Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют». «Парадный» дворянин Паратов также не чужд этого дорогостоящего кичливого купеческого обычая, тешащего самолюбие: «Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. <...> С шиком живет Паратов. <...> Уж чего другого, а шикую довольно».

Этим «шиком» «блестящий барин» ослепил, обманул и увлек Ларису. Для нее «Сергей Сергеич... это идеал мужчины». Но именно он оказывается наиболее жестоким, бесчестным и бездушным, приводя девушку к гибели. «Безбожно, безбожно!» — последние слова запоздало прозревшей Ларисы, обращенные к Паратову.

Этой своей юбилейной пьесе, созданной Островским в его 55 лет, драматург придавал особое значение: «постараюсь сделать самым тщательным образом, потому что это будет сороковое мое оригинальное произведение». «**Бесприданницу**» отличают не теряющий актуальности драматический конфликт, особенная психологическая глубина в разработке характеров.

В драматургии Островского представлена современная модель жестокого, несправедливо устроенного общества: кровожадные волки и их кроткие жертвы — овцы. Вершина этого социального обобщения в пьесе «**Волки и овцы**» (1875): «Да разве кругом нас люди живут? <...> Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать»; «Да, на свете волки да овцы, волки да овцы».

Указывая на «психологию насилия и обмана», разработанную в пьесах Островского, литературный критик Н. К. Михайловский (1842—1904) подчеркнул зоологические черты персонажей-хищников: «Восстановляя в своей памяти длинный-длинный ряд героев и героинь Островского, невольно представляешь их себе снабженными либо волчьим ртом, либо лисьим хвостом, либо тем и другим вместе. <...> волчья пасть, раз уж она обезобразила лик человеческий, пополняется лисьим хвостом как своим логически необходимым спутником».

Плотоядные хищники в человеческом облике населяют и остросатирическую пьесу Островского «**Лес**» (1870). Темный дремучий лес, где господствуют звериные законы, становится еще одним обобщающим образом, символизирующим неблагообразное, античеловеческое устройство жизни.

В своем заключительном монологе странствующий актер-трагик с соответ-

вующим сценическим псевдонимом Несчастливцев страстно обличает этот «лес» и его хищных обитателей: «И в самом деле <...> зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя от горького житья у своих родных: лес, братец». Разоблачения обретают высокий трагический накал, когда Несчастливцев цитирует пьесу Фридриха Шиллера (1759—1805) «Разбойники»: «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуй — кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Недоучившиеся дворяне, не знакомые с творчеством немецкого романтика и гуманиста, воспринимают эту литературную цитату не просто как оскорбление в свой адрес, но как «бунт», подрывание «основ»:

«**Милонов**. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев (Милонову). Меня? Ошибаешься. (Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».) Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подьячий! Ну, довольно! В дорогу».

Ставшие в русском языке фразеологизмами выразительные образы, найденные литературным критиком, поэтом и публицистом Н. А. Добролюбовым (1836—1861) и вынесенные в заглавия его статей о ранних пьесах Островского — «**Темное царство**» (1859) и «**Луч света в темном царстве**» (1860), в целом характеризуют все творчество драматурга. На общем фоне «темного царства», подавляющего все светлое, живое, лишь изредка сверкнут «лучи света» — в образах чистых и честных, искренних героев с горячими сердцами. Однако чаще всего эти персонажи — гонимые жертвы самодурства и гнетущего произвола; бедняки, ведущие борьбу за свою скромную жизнь.

Таковы в «битве жизни» люди, потом и кровью зарабатывающие свой «трудовой хлеб». Это актер Несчастливцев в пьесе «**Лес**», актеры и актрисы в драмах «**Таланты и поклонники**» (1882), «**Без вины виноватые**» (1881—1883) и многие другие герои.

Несчастливцев становится обличителем эгоизма и лицемерия богатых угнетателей-«комедиантов», готовых низко лицедействовать ради сохранения своей власти, преумножения капиталов, получения выгоды, противопоставляя им вдохновенный актерский труд, задушевную искренность: «Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы».

При чужеродном самодержавно-капиталистическом строе в закабаленной России власть имущие «хозяева жизни» установили антинародный режим, при котором большинство обречено на рабский труд с нищенской оплатой, позволяющей едва существовать лишь на грани выживания.

Трудовой хлеб нелегок, даже горек. Он не предоставляет честному труженику никаких возможностей выбиться из беспросветной нужды, не спасает от насмешек и издевательств со стороны богатых лентяев и бездельников. Об этом ведут обстоятельный разговор герои пьесы «**В чужом пиру похмелье**» учитель Иван Ксенофонтыч и его квартирная хозяйка:

«**Аграфена Платоновна** (*помолчав*). Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю.

Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмет; а у вас ни кругом, ни около — все нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани Бог, помрете: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдет? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житье,— по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек!»

Этот диалог подкрепляется монологом дочери старого учителя: «**Лизавета Ивановна** (одна, подходит к столу, садится и берет работу; молчание). Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провел за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдет, а все-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают. (Подносит платок к глазам.)».

В. Перов. Приезд гувернантки в купеческий дом

Вести такую жизнь изо дня в день равносильно аскетизму, подвижничеству. Нужна большая внутренняя сила, духовная стойкость «мучеников правды» в борьбе с искушениями. «Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь»,— таковы опасения героя

пьесы «Доходное место» Жадова. Под натиском жизненных трудностей: «Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат. <...> Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю...», — он чуть не предал своих пылких юношеских идеалов, «чувства справедливости, чувства долга». Молодой человек, намеревавшийся служить честно, едва не оступился, когда скрепя сердце, сгорая от стыда, пришел просить у чиновника высокого ранга, своего дядюшки Вышневого «доходного места» с возможностью получать взятки: «Дайте мне место, где бы я... мог... *(тихо)* приобрести что-нибудь».

В. Пукирев. Неравный брак

Высокопоставленный государственный сановник — старый коррупционер, сколотивший на взятках громадное состояние, купивший себе молодую жену, готов торжествовать победу.

Он с презрением обращается к Жадову и в его лице ко всему молодому поколению, желающему очищения общества: «Не ты ли говорил, что растет какое-то новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой!»

Этих упреков достаточно, чтобы молодой человек опомнился и снова стал на путь истинный: «Уж теперь я не изменю себе. Если

судьба приведет есть один черный хлеб — буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать... Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. <...> Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного».

Эти горячие упования своего героя, несомненно, разделяет создавший его образ автор.

Островский с искренней симпатией и большим сочувствием относится к тем своим персонажам — бесхитростным и простосердечным людям, которые стремятся к простому семейному счастью, хотят иметь свой кусок хлеба — пусть без излишеств, но позволяющий сохранить честь, порядочность, человеческое достоинство: «честнее труда ничего на свете нет <...> живите трудом, работайте». Такой завет оставила в письме дочери ее умирающая мать в пьесе «Трудовой хлеб» (1874). Такого же принципа на протяжении всей своей жизни придерживался и сам драматург.

Письмо передает девушке дядя, родной брат ее матери — учитель с говорящей фамилией Корпелов:

«Корпелов. <...> Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (*читает*). «Благодарю вас за участие, но вы меня оскорбляете, присылая мне деньги. Посылаю вам их обратно. Пока я жива, я не приму от вас денег. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многого; она привыкла жить трудом и должна жить трудом, если захочет исполнить завет умирающей матери.<...> пусть она даровых денег не знает»».

Для высоконравственных, порядочных людей-тружеников деньги не фетиш, «золотой телец» не божество, которому поклоняются одурманенные маниакальным преумножением богатств обезумевшие существа, утратившие в душе истинного Бога и Его благодать. Эти безумцы, помешанные на деньгах, когда их теряют, оскудевают не только материально. Они полностью опустошаются внутренне, утрачивают смысл, цель и радость жизни. Закономерный итог разоренных поклонников не Бога, а мамы — постыдная смерть самоубийц.

Об одном из таких Корпелов рассказывает: «Ведь какой глупый человек-то! Плутвал, плутовал, да концов-то схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незванные гости явились. Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из револьвера. Хвать-похвать — денег никаких, одна только записка на конторке: “Без денег, мол, мне жить на свете незачем”. Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поет — чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь — и бедная, и горькая — все радость. Озяб, да согрелся — вот и радость. Голоден, да накормили — вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду,— разве это не радость!»

Добра и радости для всех честных людей, коренного обновления русской жизни на началах добра, красоты и правды жаждал Островский. Борец за правду Христову, за социальную справедливость, за восстановление растоптанной человеческой души, поправленного достоинства личности, он всем своим творчеством, по точному выражению Добролюбова о драме «Гроза», бросил «страшный вызов самодурной силе» — кабальному игу несправедливого социально-политического устройства, порождающего угнетателей, тиранов, деспотов, самодуров всех мастей.

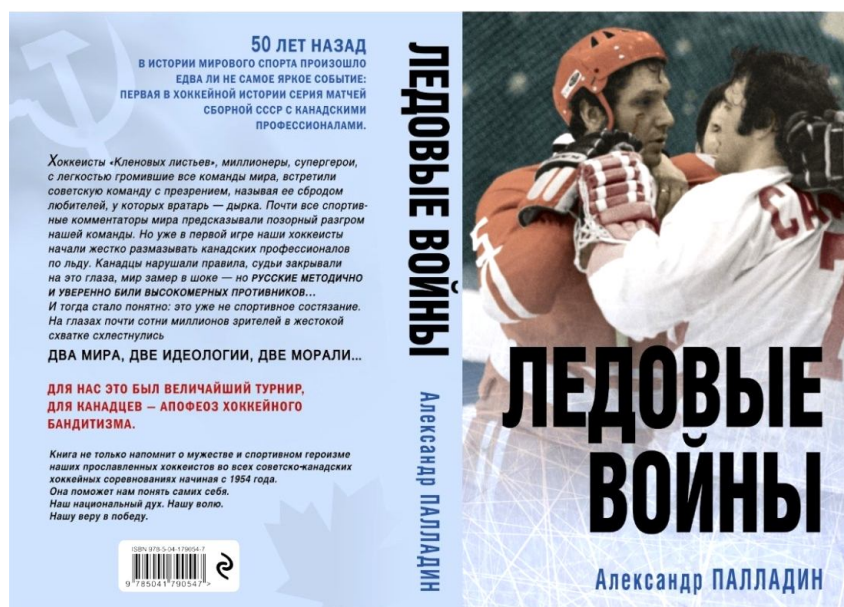
Александр Палладин
(г. Москва)

СПЕСЬ С КОМПЛЕКСОМ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Ветеран отечественной журналистики. В 1973—1986 гг. работал собкором в Канаде, а потом в США, где регулярно участвовал в теле- и радиодобатах с местными политиками, чиновниками, политологами и журналистами. Печатался в главных газетах, журналах СССР и России. Лауреат премии «Огонька» за 1983 год. Автор книг «Президент и нищие», «По скользкому льду», «В нас течет и кровь Корчагиных», «С прадедом на Русско-японской войне», «Ледовые войны». С ноября 1990-го по декабрь 1991 года работал в Администрации Президента СССР руководителем Службы информации президента. С конца 2021 года регулярно публикуется в «Литературной газете».

«Спесь с комплексом неполноценности» — название одной из глав документальной повести А. Палладина «Ледовые войны», выпущенной издательством «Эксмо» в начале минувшей весны. Книга посвящена советско-канадским хоккейным контактам в период с середины 1950-х до конца 1980-х годов. Много из того, о чем в ней повествуется, нашей общественности практически не известно: главный акцент в «Ледовых войнах» сделан не на «очках, голах и секундах», а на том, как на протяжении десятилетий хоккей с шайбой служил ареной холодной войны с СССР.

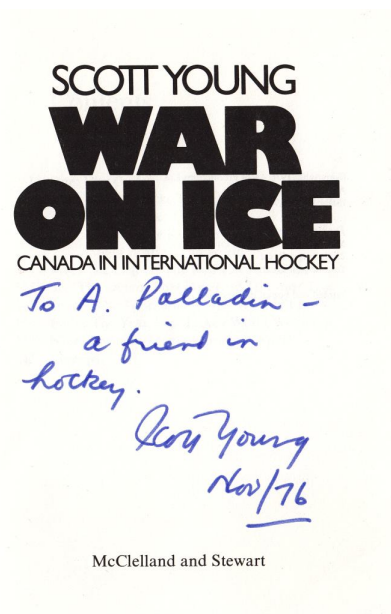
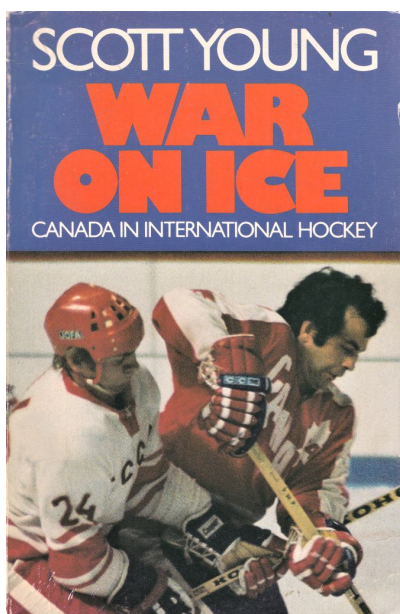

В сентябре 2022 года исполнилось 50 лет со времени первой в хоккейной истории серии встреч сборной СССР с канадскими профессионалами. По заведенной в 1982 году традиции, юбилей намеревались пышно отметить, и с этой целью в Москву собиралась прилететь многочисленная делегация представителей Страны кленового листа, но после начала СВО канадцы празднество отменили.

Полвека прошло, а до сих пор среди множества всевозможных спортивных соревнований Суперсерию-72 и у нас, и в Канаде выделяют особо, только с разным подтекстом. В России этот турнир называют несравненным по накалу и драматизму поединком двух самобытных хоккейных школ. Но вот как суперсерию характеризуют в «Канадской энциклопедии»: «Одно из проявлений холодной войны, схватка сил демократии и свобод с коммунизмом и системой репрессий».

Параноидальное стремление канадских идеологов по-прежнему так трактовать матчи с советскими хоккеистами не может не поражать, и курьезным пережитком прошлого его не назовешь. Причины гораздо серьезней и глубже. Поправ собственные лозунги «Спорт вне политики» и «О, спорт, ты — мир!», Запад даже эту область человеческой деятельности превратил в поле гибридных войн. Но и в этом контексте хоккей уникален: ни один другой вид мирового спорта не использовали так усердно и долго в разжигании вражды к СССР. Даже наш главный противник в геополитике — американцы, с которыми мы вели ожесточенную борьбу и на различных спортивных аренах, так себя не вели.

Началось это в 1954 году, когда в решающем матче за звание чемпионов мира считавшиеся непобедимыми родоначальники хоккея с шайбой впервые скрестили клюшки с советскими спортсменами. «То был первый — но не последний — случай, когда перед игрой с русскими канадская хоккейная команда была взвинчена до предела, причем, сами русские никакого отношения к этому не имели,— говорится в книге канадского публициста Скотта Янга “WarOnIce” (“Война на льду”).—В Соединенных Штатах сенатор Джо Маккарти вел неустанную охоту на коммунистов. Поступавшая в Стокгольм [где проходил тот чемпионат — А. П.] по телефону, телеграфу и дипломатической почтой реакция канадской общественности и прессы представляла собой густую смесь антикоммунизма и всякой чуши, присущей североамериканцам в те годы».

Став жертвами массового психоза, в первой же встрече с советскими хоккеистами канадцы потерпели разгромное поражение (2:7), а по возвращении на родину подверглись травле: их обвинили чуть ли не в госизмене. На следующий чемпионат мира родоначальники хоккея отправили команду «Пентиктон Виз», «многие игроки которой [вновь цитирую С. Янга — *А.П.*] отличались неистовым антикоммунизмом». Один из них, Билл Уорвик, в матче со швейцарцами нанес сопернику сногсшибательный, в прямом смысле слова, удар, да еще обругал его, а в ответ на жалобу своей жертвы: «Мистер Уорвик, зачем вы так?»,— рявкнул: «Гребаный коммуняка!». О том, что Швейцария — страна буржуазная, хоккейный борец с «красной угрозой» узнал лишь после игры.

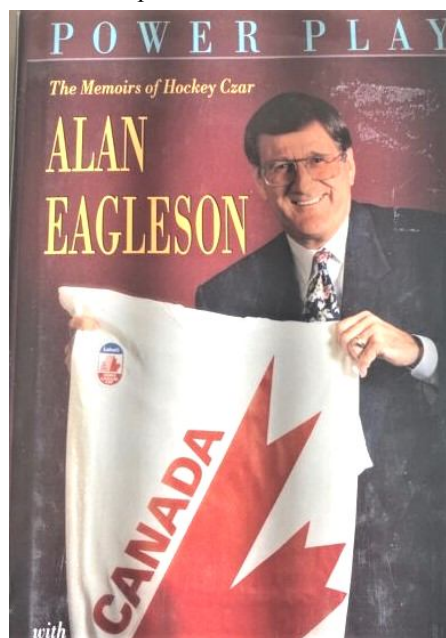

«Советский Союз был для нас сущим врагом,— вспоминал участник Суперсерии-72 Пол Хендерсон.— Все, что было связано с русскими, вызывало в нас страх. Нам казалось, что нашей системе свободы и демократии противостоит тирания. Поэтому мы испытывали не только страх, но и вражду». «Я не мог позволить себе вернуться в Канаду побежденным коммунистами»,— вторил ему Фил Эспозито, три года назад невесть за какие заслуги награжденный российским

Орденом Дружбы. Лет через 20 после той суперсерии Эспозито породнился с русским (его дочь Кэрри вышла замуж за нашего хоккеиста Александра Селиванова), стал дедом двух мальчиков, в чьих жилах тоже течет русская кровь, и тем не менее в своих мемуарах, опубликованных в 2004 году, Третьяка обозвал «дешевым вратарешкой», тренера сборной СССР Бориса Павловича Кулагина — «коммунистическим шишаком» (в оригинале вместо «шишак» он использовал похабное слово), а наших спортсменов — «коммуняками», «мерзавцами» и «роботами».

Одним из главных поджигателей войны на льду с советскими хоккеистами был Алан Иглсон. Редкостный прохиндей, своей нахрапистостью, умением интриговать и блефовать он добился беспрецедентной власти в профессиональном хоккее, снискав прозвище «Бог и царь НХЛ». Нас он ненавидел лютой ненавистью. Вот как о нем отзывался один близкий друг: «Международный хоккей для него — прелюдия к Третьей мировой войне. Будь на то воля Алана, он бы ее спровоцировал, чтобы продать права на показ крупнейшим телекомпаниям США». «Разговор с русскими должен быть коротким: бей обухом промеж глаз»,— как-то заявил сам Иглсон.

В 1977 году на чемпионате мира в Вене наша сборная разделала канадцев под орех — 11:1, и по окончании матча проигравшие в голове с Эспозито демонстративно отказались снять шлемы при исполнении гимна СССР.

— Ненавижу русских, их образ жизни! — объяснил журналистам свое поведение Джим Маккенни.

А Уилф Пэйман, под конец игры с клюшкой наперевес гонявшийся за нашими хоккеистами, с ухмылкой сказал:

— Проигрывать, так с музыкой, вот я и решил хоть кого-нибудь изувечить.

По его словам, идею подал Иглсон:

— Он пальцем указывал на русских игроков, с которых надлежало снять стружку.

— А что я мог поделать? — оправдывался потом менеджер канадской сборной Дерек Холмс.— Только открою рот в попытке их урезонить, как в ответ слышу: «Коммунизм любишь?».

Два года спустя в Нью-Йорке организовали повторную серию игр сборных СССР и Национальной хоккейной лиги, и с подачи «Бога и царя НХЛ» канадская пресса вновь принялась изображать наших спортсменов бездушными, угрюмыми роботами и посланцами безбожного государства, которое-де угрожает «свободному миру», как во времена холодной войны именовали себя США и их союзники. Дошло до абсурда: в канун первого матча монреальская газета «Газетт» провозгласила, что в этом турнире, мол, сойдутся не две хоккейные дружины, а... поборники демократии и коммунисты. Это дало мне повод отправить в «Газетт» письмо с полным сарказма пассажем: «А что если победит наша команда? Признаете ли вы в таком случае превосходство коммунизма над капитализмом?».

'Challenge Cup isn't a war of ideologies'

Al Strachan is right about Soviet hockey showing signs of modification.

In fact, our coaches take pride in always, since this sport's inception in the U.S.S.R. 30 years ago, seeking ways to improve the game. That's why so many North American experts are reading and rereading A. Tarasov's books nowadays.

What hasn't changed though, is the attitude of some people in North America, who, as 25 years ago, still approach international hockey as "war on ice," to use Scott Young's phrase.

Hence Mr. Strachan's definition in a recent article of the Challenge Cup competition as "democracy versus communism."

(What if our team wins the Cup? Will your paper concede communism's supremacy over capitalism?)

Another example of that kind of mentality is another article, "Soviets here for big bucks."

I'm in no position to tell the terms of the agreement between the Soviet hockey federation and the NHL, but I suspect they are strongly in favor of professional hockey and its sponsors.

Besides, in the U.S.S.R., such revenues are being used to subsidize truly democratic mass sports and not an elite group of athletes with huge bank accounts.

Mr. Strachan called my compatriots (for his knowledge, my country's name is not Russia — for over 60 years it has been Soviet Union, of which Russia is one of 15 republics, and along with Russians, our national team comprises players of three other nationalities) "masters of self-serving lies."

I don't know other reasons for Mr. Strachan to use this phrase except anti-Soviet bias.

Also, he himself indulges in "self-serving lies" (though I shan't disagree if somebody suggests that such lies serve the NHL's interests as well).

My country's national team is coming to New York neither for "big bucks" nor for hockey's world crown.

Time and again Soviet hockey officials have emphasized that there's but one tournament, recognized by dozens of other countries, where the world title is won or lost: the world championships, staged by the International Ice Hockey Federation.

1975 matchup: Bob Gainey takes out Boris Mikhailov

The Challenge Cup is an interesting — and challenging — competition, but only one of many ways for us to prepare for that tournament. So, I can't understand why so many Canadian papers, yours included, choose instead to vulgarize our intentions and to ascribe to us their own kind of mentality.

It's a unique situation in modern sports when a small group of entrepreneurs, namely the NHL's governors and those who so willingly propagate their ideas, tries to impose its whims on the rest of the world.

I notice, by the way, that a great majority of Canadians, despite all at-

tempts to condition them to the NHL's thinking, favor more, not less, international hockey.

Anybody who cares to read Soviet papers will realize that Canadian hockey is held in high esteem in the U.S.S.R. and is known in great detail to millions of our people (a situation nonexistent here as far as Soviet hockey is concerned).

It is out of such ignorance of basic facts of Soviet reality (by that I don't mean hockey alone) that wild speculations and even slanders can grow.

A. PALLADIN
Novosti Press Agency
Ottawa

Бог канадцев миловал: им ни разу не пришлось воевать на родной земле, отражая вражеские нашествия. Да и существовала такая угроза лишь в начале XIX века, когда Канада, будучи доминионом Великобритании, оказалась вовлечена в Англо-американскую войну 1812—1815 годов и чуть было не стала еще одной жертвой экспансии янки, к середине того же столетия оттяпавших полтерритории Мексики. Канадцам о тех временах напоминают несколько крепостей вроде Форта Генри да 200-километровый канал Ридо, прорытый британцами на случай войны с США от первой канадской столицы — города Кингстон до нынешней — Оттавы. Теперь в Форте Генри студенты, переодетые в британскую униформу XIX века, летом устраивают шоу на потеху туристам. А по каналу Ридо один мой знакомый оттавский журналист зимой ездил на коньках на работу, преодолевая по льду многокилометровое расстояние от дома до центра города.

Свидетельством на редкость счастливой судьбы Страны кленового листа служит и такой факт: весной 1942 года, когда на планете вовсю бушевала Вторая мировая война, а советский народ, неся колоссальные жертвы, вел смертельную схватку с гитлеровскими захватчиками, канадцы созвали совещание, где решали вопрос, какой из трех городов их страны считать колыбелью хоккея с шайбой.

В обеих мировых войнах мы с канадцами были союзниками, но во время нашей Гражданской войны 4500 канадских военнослужащих в составе британского экспедиционного корпуса боролись с «большевистской угрозой» в Сибири, на нашем Севере и Дальнем Востоке. Случаев же противоположного свойства — чтобы наша армия вторгалась в Страну кленового листа — в истории не было. Тем не менее, начиная с 1918 года, жителей Канады постоянно запугивали «красной угрозой», а советских людей обзывали безбожными коммуняками (*godless commies*).

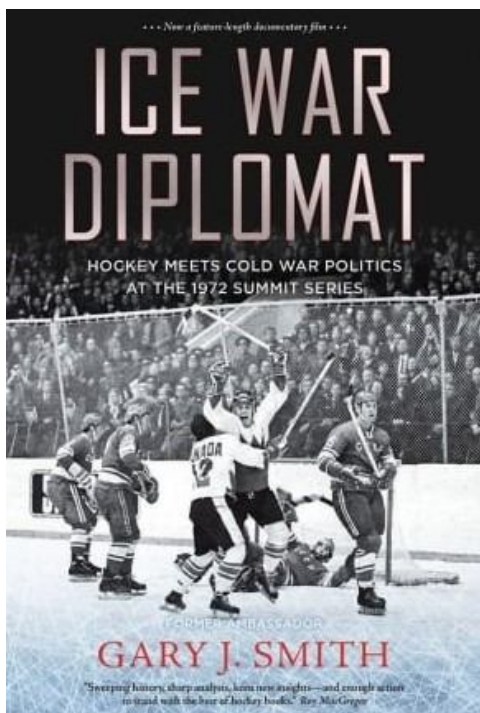
В нашей прессе опубликовано, по ТВ показано и по радио передано бесчисленное множество воспоминаний советских хоккеистов, в разные годы сходящихся на льду с родоначальниками хоккея с шайбой, и никогда и нигде не прозвучало ни единого худого, оскорбительного слова в адрес соперников. Более того, мне не раз на глаза попадались фотографии и телесюжеты с нашими ветеранами в обнимку с самыми одиозными канадскими игроками вроде Фила Эспозито и Бобби Кларка, и долгие годы меня это корбило: неужели, думал я, наши не знают, какими словами те до сих пор их поносят у них за спиной? А со временем понял: не в нашем характере на таких обижаться...

В том, что канадцы вели себя иначе, сказывались присущая англосаксам спесь вперемешку с чувством ущемленной национальной гордости. Огромная Страна кленового листа, площадью уступающая только России, на протяжении всей своей истории находилась на задворках человеческой цивилизации в прямом и переносном смысле. Народ предприимчивый, трудолюбивый, отважный, в непростых климатических условиях сумевший так обустроить доставшуюся ему территорию, что там мечтают жить миллионы граждан других государств, канадцы мало чего добились, чтобы быть у всех на слуху.

Англичане изобрели теннис и футбол, но славятся и многим другим. Итальянцы задают тон в футболе, мужской и автомобильной моде, еде и напитках. Бразильцы считаются королями того же футбола, но еще и поставляют на мировой рынок один из лучших сортов кофе и каждый год устраивают карнавалы, привлекающие уйму людей со всего света. Про американцев, придумавших баскетбол и волейбол, уж и не говорю. Канадцам же впору сказать: «Хоккей — наше все». Ветеран канадского МИДа Гэри Смит в своих вышедших весной 2022 года мемуарах «Дипломат войны на льду» так и написал: «Хоккей и положение Канады в мире связаны неразрывно».

В годы моей работы собкором в Оттаве одна из местных газет напечатала фельетон про типичного канадского патриота. Семь утра, звонит выпущенный на Тайване будильник. Герой фельетона встает, сует ноги в шлепанцы с наклейкой *Made in China*,

идет в душ, поворачивает кран с клеймом *American Standard*, моет голову швейцарским шампунем, вытирается полотенцем, изготовленным в Турции, и садится завтракать. Бутерброд с английским сыром заливает немецким растворимым кофе, надевает сшитый в Италии костюм, выходит из дома, запирает дверь на финский замок, садится в шведский «Вольво» и едет на работу.

зовется самой протяженной в мире незащищенной границей. Для Страны кленового листа это обернулось незащищенностью от экономической и культурной экспансии, осуществляемой могущественным и бесцеремонным южным соседом, исповедующим принцип «что мое — мое, и что твое — мое».

К 1970-м годам «мирное вторжение» американцев в Канаду приняло такой размах, что иной проезжий, попав туда через Соединенные Штаты, сразу и не смекнул бы, что очутился в другом государстве: одинаковое наименование денежных единиц (американский доллар, правда, весомее), похожие стеклянно-бетонные параллелепипеды небоскребов, тех же марок автомобили, уйма заведений и предприятий-тезок (разве что канадские в двойном — англо-французском — написании), мало чем отличающиеся внешность, одежда и повадки людей. Едешь, бывало, по Стране кленового листа, и на каждом шагу видишь: «*Ford of Canada*», «*General Motors of Canada*», «*Exxon of Canada*», «*Xerox Canada Inc.*», «*AMEX Bank of Canada*», «*Citibank Canada*», — где слово «*Canada*» обозначало лишь место регистрации соответствующего филиала. Кроме того, как по магистрали с односторонним движением — в данном случае в направлении с юга на север — через границу в Канаду на протяжении многих десятилетий неслась лавина газет, журналов, книг, фильмов, радио- и телепрограмм «*Made in USA*».

В тамошних книжных магазинах продукция местных издательств ютилась по дальним углам и скопом, чего бы она ни касалась, обозначалась табличкой «Канадиана». В области же кинематографа дошло до того, что в середине 1970-х годов оттавские власти приняли особый указ, обязавший монополистов местного проката — компании «Фейрплей» (США) и «Одеон» (Великобритания) на две недели в году вы-

Вечером, вернувшись домой, достает из американского холодильника «Вестингауз» бутылку голландского пива, усаживается поудобнее в кресло и включает японский телевизор «Сони», чтобы посмотреть хоккейный поединок со шведами, скандируя: «*Go, Canada, go!*». Матч заканчивается победой родоначальников хоккея, и их соотечественник выходит на лужайку перед своим домиком, поднимает на вершину флагштока полотнище с кленовым листом и, прижав правую ладонь к сердцу, замирает в благоговении...

Комплексом неполноценности страдают многие жители Страны кленового листа. Едва начав в XX веке освобождаться от британского владычества, Канада угодила из огня да в полымя, попав под влияние США.

Канадо-американская граница — понятие условное (ни тебе пограничных столбов, ни, тем более, погранзон, только редкие контрольно-пропускные пункты), отчего она с полным на то основанием

свободить экраны для фильмов, снятых... канадцами. И это притом, что у киношников Страны кленового листа давние традиции и добрая слава. Уроженкой Канады была легенда немого кино Мэри Пикфорд, много отличных ролей на счету ее соотечественника, лауреата премий «Эмми» и «Золотой глобус» Дональда Сазерленда, не раз брал призы на международных кинофестивалях их земляк, режиссер Норман Джюисон. Но они и многие их коллеги-сограждане в поисках признания сменили родину на Голливуд. (Явление, охватившее и другие сферы канадского искусства. Достаточно упомянуть писателя Артура Хейли, который родился и вырос в Стране кленового листа, а известность получил по переезде в Соединенные Штаты).

И так — всюду. В годы моей канадской командировки включишь телевизор, а там — сплошь американские телеканалы, да и на считанных канадских что ни фильм или сериал, то иностранного, т.е., все тех же американцев, производства.

Комплекс неполноценности в канадцах проявлялся по-разному. Глава представительства Министерства рыбного хозяйства СССР однажды привел в восторг своих местных знакомых шуточной репликой в туалете оттавского пресс-клуба: «*I piss on American Standard*». Сказалось уязвленное самолюбие туземцев, вынужденных терпеть даже то обстоятельство, что в здании напротив парламента Национальный пресс-клуб занимал второй этаж, тогда как остальные восемь принадлежали посольству США, наглядно демонстрируя, кто в Стране кленового листа главный владелец заводов, газет, пароходов.

А в 1975 году канадские средства массовой информации взяли на молодую сотрудницу газеты «Уолл-стрит джорнэл», которая прилетела в Оттаву и через пару дней опубликовала статью о Стране кленового листа, упомянув о том, что в списке самых холодных столиц Оттава занимала второе место после Улан-Батора.

— Бедняжке устроили такую обструкцию, что редакции пришлось отозвать ее обратно в Нью-Йорк, — рассказал мне Джон Келли, которого эта журналистка должна была заменить в качестве собкора «Уолл-стрит джорнэл». — Ладно бы она поставила Оттаву после Хельсинки, например. Канадцев возмутило, что она упомянула столицу Монголии, дикой, в их понимании, страны, о существовании которой до этого большинство из них и не слышало.

Куда чаще, однако, жители Страны кленового листа вымещали чувство своей неполноценности на «безбожных коммунистах», в число которых скопом записывали всех советских людей. Нечто подобное в начале 1950-х годов я услышал от коллеги моего отца, журналистки Ирины Иосифовны Волк. В 1950 году она отправилась на Дальний Восток освещать Корейскую войну, а когда вернулась в Москву, пришла к нам в гости и поделилась впечатлениями. По ее словам, воевавшие в Корее чернокожие американцы вымещали на «желтокожих» и «узкоглазых» (как они называли корейцев) чувства собственного унижения из-за расовой сегрегации в США, где в те времена повсюду встречались таблички «Только для белых» и «Только для цветных» и все еще практиковали суды Линча.

— Надев военную форму и попав в Корею, — рассказала Ирина Иосифовна, — негры*, считавшиеся в США людьми второго сорта, в свою очередь, относились к азиатам как к представителям низшей расы. Это придавало им значимости в собственных глазах.

Вот так и канадцы. Единственное, если так разобраться, их достижение, коим они обогатили человеческую цивилизацию и с коим их ассоциируют за рубежом, это хоккей (кленовый сироп не в счет). К тому самому 1954 году, когда на мировую арену впервые вышла сборная СССР, канадцы, посылавшие на эти соревнования второ-

---

* В те времена афроамериканцев повсюду, в том числе в нашей стране, называли именно так, не имея при этом в виду что-либо уничижительное.

разрядные команды спортсменов-любителей*, лишь дважды уступили первенство европейцам (в одном из этих случаев победила сборная Англии, целиком состоявшая из учившихся там канадских студентов). Но и в таких составах «Кленовые листья» раз за разом громили соперников.

Летосчисление хоккея с шайбой канадцы ведут с 1886 года. Советские же хоккеисты всерьез начали осваивать этот вид спорта 61 год спустя, когда и двух лет не прошло после окончания Великой Отечественной войны, принесшей нашей стране колоссальные потери и разрушения. Канадцы давным-давно играют в хоккей практически круглогодично (первый каток с искусственным льдом в Стране кленового листа появился в том же 1912 году, когда родился мой отец, а к середине XX века такие арены там были построены в десятках больших и малых городов). У нас же до конца 1950-х годов была одна-единственная площадка с искусственным льдом, да и та предназначалась для фигуристов. Хоккеистов туда пускали в ночное время, с 2 до 6 утра, причем из-за крошечных размеров арены (12 метров в длину, 10 — в ширину) они могли тренироваться в лучшем случае впятером.

Победитель первого чемпионата СССР по хоккею с шайбой — команда «Динамо»

О должной экипировке наши энтузиасты хоккея тоже могли только мечтать. «Ух, и доставалось нам от шайбы! — вспоминал один из первых наших чемпионов мира Виктор Шувалов.— После тренировки приходили все в синяках, ссадинах, кровоподтеках». Под щитки на ногах подкладывали книжки, а сами щитки изготавливали из войлока, идущего на валенки. Колени и локти обкладывали ватой. Голову защищали наследием недавней войны — шлемами танкистов либо велосипедистов, а то и просто шапкой-ушанкой.

Из статьи хоккейного обозревателя Владимира Мозгового «Человек без маски»: «У Николая Пучкова [вратарь сборной СССР — А. П.], к примеру, были коньки “английский спорт” едва ли не дореволюционного образца, ловушка, перешитая из обыкновенной перчатки, и неподъемная клюшка. Все — отечественного производства, как-то переделанное и подогнанное». Даже 15 годами позже, когда я работал в Канаде, экипировка наших игроков давала местным СМИ поводы для насмешек.

---

* До 1977 года Международная федерация хоккея на льду запрещала профессионалам участвовать в международных турнирах, да и сами они считали ниже своего достоинства играть с европейцами.

При всем том уже через 7 лет после зарождения хоккея с шайбой в СССР наши хоккеисты добились звания лучших на планете. Два года спустя наша сборная не только вновь стала чемпионом мира, но и выиграла зимнюю Олимпиаду. А в 1963 году началась длившаяся 9 лет серия беспроигрышных для советского хоккея триумфов в международных соревнованиях всех рангов. И, наконец, в 1972 году рухнул последний миф о превосходстве канадской хоккейной школы, когда сборная НХЛ лишь за 34 секунды до окончания восьмиматчевой суперсерии склонила чашу весов в свою пользу. Участившиеся поражения в матчах с советскими хоккеистами многие в Канаде воспринимали как посягательство на национальную святыню. «Советы лишили нас самого сокровенного — чувства превосходства в исконно канадском виде спорта», — констатировала ведущая канадская газета «Глоб энд мейл».

Не поддающаяся рациональному объяснению ненависть многих канадцев к нашей стране была связана еще и с тем, что сразу же после Второй мировой войны началось «великое переселение» гитлеровских прихвостней из Старого Света в Новый. «Стоило кому-нибудь заикнуться о своих заслугах в борьбе с большевизмом, как в его документах появлялась въездная виза», — вспоминал один из сотрудников иммиграционной службы Канады. А историки Ирвинг Абелл и Гарольд Троупер вскрыли не менее поразительный факт: в первые послевоенные годы канадские власти гораздо охотнее предоставляли убежище недобитым нацистам, нежели евреям, желавшим покинуть лежавшую в руинах Европу. Это дало повод члену законодательного собрания провинции Онтарио Мортону Шульману назвать Страну кленового листа раем для военных преступников.

В числе таких переселенцев был Микола Хомяк, дед (по материнской линии) нынешнего вице-премьера Страны кленового листа Христи Фриланд. Во время войны он активно сотрудничал с нацистами и был главным редактором коллаборационистских украиноязычных газет «Краковские вести» и «Холмская земля», которые всю славословили Гитлера, вермахт и СС, вели антисемитскую, антипольскую и антисоветскую пропаганду. В конце Второй мировой Хомяк бежал из Польши в Баварию, где сдался американским властям, а позже эмигрировал в Канаду.

Или такой персонаж, как Дмитрий Купяк. Еще перед войной он вступил в Организацию украинских националистов (ОУН), в конце 1941 года стал одним из инициаторов создания на оккупированной территории Украины частей вспомогательной полиции, а в 1943-м возглавил один из отрядов бандеровской службы безопасности. На его счету — около 200 человек, убитых на территории Львовской области в ходе так называемой Адамской резни.

После Второй мировой Купяк тоже бежал в Канаду. В украинской диаспоре прослыл национальным героем и борцом за «Независимую Украину». На награбленное во время войны открыл ресторан в Торонто и так преуспел, что в 1972 году вместо

Христя Фриланд с премьер-министром Канады Джастином Трюдо

скамьи подсудимых чуть не попал на парламентскую скамью: Прогрессивно-консервативная партия, не раз приходившая к власти в Канаде, дала ему право баллотироваться в федеральную Палату общин, хотя тремя годами раньше за свои злодеяния он был заочно осужден советским судом.

Канадские власти отказались выдать СССР и Владимира Катрюка. Во время Второй мировой он служил в 118-м украинском карательном батальоне и лично участвовал в расправе над жителями белорусской деревни Хатынь, в марте 1943 года заживо сожженных оккупантами и их пособниками. Несмотря на это (а может, именно за это?), после развала СССР на родине Катрюка — в Черновцах (западная Украина) его удостоили титула почетного гражданина.

В 1970-е годы сотни таких, как Хомяк, Катрюк и Купяк, каждым летом организовывали в окрестностях Торонто слеты. Собираясь под знаменем дивизии СС «Галичина», гитлеровские недобитки горланили нацистские марши, прививали своим отпрыскам звериную ненависть к СССР, а порой, войдя в раж, садились в автобусы и пускались в путь до Оттавы, чтобы учинить очередной шабаш перед нашим посольством.

Самый помпезный памятник на кладбище в Торонто — бандеровцам

Летом 1974 года торонтские укронацисты пригнали в столицу крытый фургон и припарковали его напротив здания посольства СССР. На боку грузовика, обращенном к нашему диппредставительству, вывесили плакат, клеймивший советские власти за «порабощение» Украины, а в кузове привезли сына Степана Бандеры Андрея, объявившего голодовку протеста.

Очередная антисоветская акция тут же привлекла внимание местных СМИ. На Шарлотт-стрит, как по команде, примчались теле-, радио-, фото- и прочие репортеры, и пошла писать, вещать и показывать губерния. (Кстати: кто-нибудь когда-нибудь читал или слышал о том, чтобы в Москве устраивали враждебные акции в отношении официальных представителей Страны кленового листа?).

Улицы в канадской столице узкие, и в часы пик остановка — не говоря уж о парковке — на многих из них, в том числе на Шарлотт-стрит, запрещена. За нарушение — штраф. День проходит, другой, третий, а грузовик стоит — не шелохнется, разве лишь время от времени, заметив подъехавших журналистов, из него вылезет дать интервью Бандера-младший.

— Почему не требуете убрать фургон? — обратился в городскую полицию офицер безопасности нашего посольства. — Он не только нарушает правила парковки, но и занял место, выделенное для машин наших дипломатов.

А ему в ответ:

— Мы каждый день выписываем штрафные квитанции, которые водитель исправно оплачивает...

Удивляться не приходилось: тем, кто боролся с «безбожными коммунистами» — даже тем, кого уличили в службе на гитлеровцев, — в Канаде вольготно жилось во все времена.

«У правительства Канады один из наихудших послужных списков в мире в том, что касается розыска и наказания нацистов», — в 1983 году констатировала «Лос-Анджелес таймс». Тогда же оттавская газета «Тудей» воспроизвела откровение генерального прокурора Страны кленового листа Роберта Каплана. Он признался, что не решался как следует взяться за укрывшихся в Канаде военных преступников из опасений за свою карьеру.

Прошло 30 лет, и в 2013 году Стивен Рамбам, руководитель американского детективного агентства «*Pallorium*» (специализируется на розыске лиц, причастных к преступлениям нацистов во время Второй мировой войны), заявил: «В Канаде до сих пор без всякого стыда и страха живут сотни две военных преступников».

«НЕПОВТОРИМАЯ СЛОВЕСНАЯ ВЯЗЬ»

Современные писатели неохотно берутся за осмысление жизни людей в малюсеньком населенном пункте. Какой можно извлечь капитал из описания событий заштатного городка? Вселенского вопроса не поднимешь, да и успешно творить возможно, только если досконально знаешь быт села и беззаветно любишь этих простых людей. А меж тем это извечный удел почти половины населения. И каждый человек — мир в себе, неповторимый, как отпечаток пальца.

Надо признать, Евгений Асташкин не побоялся взяться за невзрачную, будто бы неблагодарную тему, поскольку события происходят преимущественно на бескрайних казахстанских просторах еще советского периода — в симбиозе сосуществования различных по духу народностей:

«Где-то шумят фонтаны, победно блестят стеклом головокружительные стены небоскребов, а здесь, среди бескрайних полей с колючим приземистым житняком, приютился твой родной поселок, все население которого поместилось бы в одной-единственной гостинице «Россия». И этим все сказано...».

Так омский автор начинает свой роман «Непредсказуемый». Его главный герой Вадим Аتماкин — достаточно умен, не без задатков от природы, честный юноша, который и мухи не обидит. Он с раннего детства приучен работе по дому, в саду, в огороде. Он необщителен, скромнен и в то же время полон сознания своей угловатой особенности — *...не ходил в любимчиках из-за своей твердолобости*. Социум мира, в котором он живет, крохотная ячейка огромного государства, но и здесь свои коллизии для проверки прочности собственной воли.

Евгений Асташкин подошел к написанию романа новаторски, хорошо понимая, что необходимо было избрать необычный способ привлечения внимания читателя. Взять хотя бы само название романа. В чем же непредсказуемость во плоти бытия весьма предсказуемой? С первых и до последних страниц читатель тревожно следит за сбывающимся пророчеством писателя, что-то находит, в чем-то сомневается, спорит и, возможно, даже усмехается.

Емкое эссе к каждой новой главе романа, с одной стороны, будто бы некая отвлеченность от сути, и в то же время это устремление к философии, морали, к чему-то inferнальному, трудно осознаваемому. Это настраивает читателя, вооружившись лупой, внимательнее следить за словесной тканью произведения, ибо и в малом человеческом бытии есть глубокое чувство, пронзительная мысль, необоримое влечение к заветным берегам.

Вот один пример: *«Все изведать, все разглядеть. Босиком по неверным камешкам переправ. Охапки оранжевого солнца, круговой ветер, угодливые пружины под твоими резвыми каблуками, нелиняющие крылья за спиной, зарождающаяся песня в горле, которую еще никто не слышал».*

Не правда ли, впечатляющее предварение к основной канве?

Особенной статью произведения является стиль изложения. С первых строчек становится понятным, что автор с тщанием пестовал каждое слово, встраивая в словесную смысловую вязь. Абстрагируясь от зашифрованных смыслов, мы видим скрупулезность текстотворчества. Читатель невольно подпадает под очарование словесной узорчатости. Был ли каторжный труд при перемалывании тонн словесной ру-

ды, этого мы не знаем, одному автору сие известно, но особая взыскательность художника к себе видна невооруженным взглядом. Так и веет ароматом хорошо вызревшей прозы.

Как бы не хотелось замечать, выпукло проглядывается аранжировка текста обильным применением новомодных, даже шершавых словечек. Поначалу это напрягает. Оттолкнувшись от первых страниц и углубляясь в ткань произведения, начинаешь замечать, что автор не случайно прибегает к двузначным словам, жаргонизмам и устоявшимся выражениям, свойственным времени и местности. Это прием, позволяющий отразить вкусы и событийность определенного социума. Однако выражения «на грани» — это еще и тонкая ирония. Как мы знаем, ирония имеет много оттенков: насмешливая, едкая, откровенная, скрытая, вкрадчивая.

Автор сознательно пошел на этот рискованный прием. Переживший, перечувствовавший, вызревший как писатель, Е. Асташкин допускает и самоиронию, когда правда жизни требует выразиться в подобном тоне. Он ловко манипулирует словом, точнее сказать, мастерски применяет бытовые, дворовые выражения для оживления текста, придания ему тех или иных характерных оттенков. Этим формируется новаторский стиль, тоже претендующий на существование. В конце концов, это дело вкусов и предпочтений. Не соглашаться с автором и оспаривать, конечно, можно все что угодно, но пусть сомневающийся сам попробует воспроизвести что-нибудь подобное!

К другой находке автора, можно сказать, изюминке произведения, следует отнести блокнотные записки главного героя.

«Надо выработать что-то краткое, изысканное, чтобы рука автоматически это потом выводила хоть с закрытыми глазами, хоть в полной темноте».

Заметки повергают ниц прежнюю душевную сумятицу, оставляя голое человеческое чувство раздумья над самим собой. Я — человек маленький, но и мне хочется получить от жизни толику счастья, радости, чуточку везения. Становится видным устремление маленькой песчинки:

«Самое главное — уметь удивлять окружающих. Никто не ждет от тщедушного, неприметного человечка ничего сверхъестественного — и вдруг он как выдст!..»

Безусловно в этом и сам автор, уже без иронии, тонкий, проникновенный, оглядывающийся на ушедшую жизнь с нереализованными данностями судьбы.

«Ты замечаешь: все твое самое сокровенное с какой-то минуты начинает проваливаться в бездну. Думал, что еще много самого прекрасного встретится на твоём пути, но, видимо, лимит подходит к концу...»

Это не может не вызывать сочувствия.

Хочется и дальше приводить выдержки из романа, да уж лучше наслаждаться не кусочком, а сполна самой книгой.

Мы современники двадцать первого века, ушедшего в историю. Произведение Е. Асташкина тем и замечательно, что в нем сохранен кусочек той повседневности с мельчайшими бытовыми подробностями и деталями. Спустя годы этот роман следует рассматривать не только как художественное произведение, но и как источник, из которого можно почерпнуть материал для понимания того, как жили люди в тот непростой исторический период — доперестроечный.

В романе «Непредсказуемый» острота глаза, наглядность деталей, живость отображения — реальная жизнь, такая она была, без прикрас и налета пафосного романтизма.

*Анатолий Агеенко,
член Союза российских писателей.*

Владислава Васильева
(г. Узловая Тульской области)

«ЛОВИ ВСЕЛЕННУЮ, ХУДОЖНИК»

*Поэзия — это
Взговорившие чувства —
Не по воле поэта,
Клянусь вам! —*

*Часто взбесившиеся,
Выплаканные режсе.
Это стихи бывают красивыми.
Поэзия — выброс свежести.*

*Пренебрегшая формами —
Да не вместившаяся просто! —
Неудобная, ломкая, вздорная,
Все размеры ей не по росту.*

*Законы стихотечения
Мелковаты ей. Суховаты. Точка.
Не закон она — исключение
Из ею же испортой оболочки.*

Надежда Григорьева.

Трудно ли поэтам в современном мире? Трудно. И не потому, что никому не нужны, не потому, что ныне другие ценности, другие чувства. А потому, что предшественниками, кажется, сказано все.

Повторять? Нет смысла. Говорить иначе — страшно. Ведь стоит только выйти к людям со своими стихами (издаться, опубликовать, прочитать со сцены), как тут же появится целый ряд суровых критиков. «Что это вообще такое?» — спросят они. «На что это похоже?»

Безбоязненно можно лишь повторять за классиками. Напиши «под Пушкина», «под Твардовского», «под Высоцкого» — и будет тебе счастье. С поэтами-женщинами еще проще, Гумилев называл таких подражательниц своей жене — Анне Ахматовой — «подахматовками» (сегодня девушки пишут «под Полозкову» или «под Соло Монову»). Соблазнительно, очень соблазнительно писать в стиле тех, кто уже завоевал свое место на литературном Олимпе.

Но каждому, кто родился поэтом, мучительно хочется говорить своим собственным голосом. Сказать так, как никто не говорил до тебя. Разобрать язык на молекулы и сложить особым, иным образом, чтобы острая новизна царапала читателя до крови. Как «строчки с кровью» у Бориса Пастернака — они не пишутся, они «нахлынут горлом».

Но и критикам нелегко. Честнее всех, пожалуй, сказала об этом Татьяна Никитична Толстая на недавней встрече с читателями. «Любите ли вы современную поэзию?» — спросили ее. «Нет, — ответила писательница, — я ее не понимаю. Не понимаю — хорошо это или плохо». Как, скажите на милость, критику заявлять, что это — хорошо, а то — плохо? А если «плохо» — потому что «не понимаю»? Ведь по завету того же Пастернака «пораженье от победы» хороший поэт и сам «не должен отличать». Критик же и вовсе не является ни сверх-поэтом, ни всезнающим судьей, готовых решений нет. Ему бы найти в море поэзии то, что достойно внимания, и показать читателям, почему именно это достойно. И все это, если критику и поэту вообще удастся встретиться. Для встречи нужна публикация, поэт должен выйти к людям из своего творческого «подполья». Ведь сколько бы поэт ни писал в стол, сколько бы ни публиковался за свои же деньги малыми тиражами, а легитимизация его как поэта все-таки происходит при первой публикации в толстом литературном журнале.

В первом номере за 2023 год тульского литературного журнала «Приокские зори» состоялась первая публикация нового поэта — Надежды Григорьевой из города Узловая Тульской области.

Да, Надежда Григорьева пишет давно, имеет четыре сборника — два поэтических, один — небольшой — прозы, и еще сборник пьес и сценариев для детей и взрослых. В аннотации к своему первому сборнику «Лови Вселенную, художник!» Надежда Григорьева пишет, что временной промежуток между некоторыми стихотворениями 30 лет. Получается, пишет давно, но четыре сборника появились только сейчас — один за другим в течение двух лет. И только в 2023 году первая журнальная публикация. Долго же она решалась. Может быть, это просто занятость работающего учителя с 35-летним стажем? А может, сомнение в себе есть верный признак «настоящести» поэта? Рассмотрим поэтические сборники подробнее.

«Лови Вселенную, художник» — первый сборник, изданный в 2021 году. Большинство стихов — любовная лирика. Казалось бы, обычная тема для женской поэзии, но развивающаяся в книге история любви, а она именно развивается, от начала к концу сборника, выстроена как модель Вселенной. Я назвала бы это Теорией Большого Взрыва на поэтическом языке. Есть такая космологическая теория.

Изначально вселенная была более плотной и горячей. В поэтическом мире автора этому периоду соответствует влюбленность, весна. Неожиданная, невозможная встреча:

*«Но кто же знал, что встреча состоится?
Снится?
В окно закрытое вдруг бабочка впорхнет.
Вот!
А флейта льнет к доверчивым рукам.
— Но как?
Но как нашла среди тысячи миров
Его кров?
— По стуку. Пульсы наши бьются в унисон.
Вот он!
А на ресницах капельки с мороза.
Слезы?
И флейта вздрогнет в трепетных руках:
— Ах!»*

Лирическая героиня безмятежна и счастлива. Счастье телесно, оно идет изнутри — «у горла, у запястья... под кожей». Счастье простое, понятное, не требующее иносказаний, весна любви.

*«...я проглотила солнце?
Оно во мне смеется,
У горла, у запястья
И, кажется, под кожей.
Так вот что значит счастье.
А на тебя похоже!»*

Поэт выражает плотность и горячность этого мира такими строками:

*«Мы не любовники. Мы ближе.
Два в одном.
По ноткам в голосе я слышу —
Спад иль подъем?»*

*Мы не любовники — хороший,
Густой бальзам.
Простили все друг другу в прошлом —
И легче нам.*

*Мы не любовники. Мы СОЛНЦА!
Тепло и свет.
Нам стоит лучиком дотронуться —
Печали нет.*

*Мы не любовники — фу! пошло —
Играть в «люблю».
— Лови Вселенную, Художник!
— Уже ловлю».*

«Два в одном», «густой бальзам», «солнца» (большими буквами!), «тепло и свет» — вот составляющие элементы плотной и горячей Вселенной счастья лирической героини. Но за всем этим уже присутствует трещина, надлом, признак страха или осторожности — «фу! Пошло — /играть в «люблю». Нет-нет, говорит лирическая героиня, мы не любовники, мы два равновеликих солнца. И вдруг — взрыв! — тайные страхи оправдываются.

*«Вы выстрелили вашим «вам».
Попали.
И вновь дистанция, как там,
В начале»*

Весна любви закончилась, условного «лета» отношений не наступило.

Вместо него — большой Взрыв. Частицы Вселенной разлетаются, стремительно удаляясь друг от друга. Лирическая героиня, которую мы, разумеется, ассоциируем с автором, т.е. тот самый художник, пытается не дать погибнуть миру, собрать его заново — поймать. («Осколки.. искры.. раненные птицы... Из птиц которая моя?») Героиня видит обрывки гармоничного некогда мира, ловит те из них, на которые падает ее взор, складывает, но всегда сомневается, а так ли сложила? Гармонично ли?

*Как обидно дробить в слова
То, что свыше —
Мудрость тысячи раз права!
Тише... Тише...*

*В идеале — совсем молчи
О высоком.
Поднебесье взялись мельчить?
Грязи сколько!*

*В пыль бессовестно искромсав
Мирозданье,
Как из крошева слов спасать
Пониманье?*

Вот они, оправдавшиеся страхи «*В идеале — совсем молчи / О высоком*». Героиня чувствует себя виноватой, сама накликала беду, так откровенно радуясь своему счастью:

*«Кто ж еще? Сама и виновата,
Подпустила слишком близко так»*

Какое понимание спасает поэт? Между бывшими возлюбленными? Нет. Речь уже о спасении себя и своего мира.

*«Одиночество —
Как субстанция:
И не хочется —
Так останется.
Многоточьями?
Очень может быть.
На обочине
Пылью, крошечком.
Вы осколочки
Склейте дольками,
Но вот прочно ли?
И надолго ли?»*

Примет условного «лета» в стихотворениях практически нет. Солнце не светит, травка не зеленеет. Вместо лета — взрыв, безвременье, боль, сожаление, попытки возродиться.

С наступлением осени, а это часть, озаглавленная «*В безумии красок лидирует золото*», героиня уже собрала мир заново, возродила. И как в любом новорожденном мире, там происходят чудеса: плачет уходящее лето, разговаривают деревья, сама по себе звучит музыка, воспоминания то утекают сквозь царапины на снимках, то возвращаются.

*«Осень монетки кладет на асфальт,
Пятаками.
Ей ведь, наверно, никто и не рад —
Подкупает.*

*Осень монетки бросает к ногам
Из пригоршни,
Легче, наверно, думает, нам —
Нам лишь горше».*

* * *

*«В безумии красок лидирует золото.
Тем золотом память на снимке приколата.
На снимке царапина, стало быть — в памяти.
По капле в царапину Вы утекаете.
Вы утекаете в месяц по каплице.
Ладонью держала и пальцем — ну, как еще?
Держи-не держи, а за год капель — дюжина.
Два года. Устала. Подумала: «Нужно ли?»
Не нужно! Течете себе — и пожалуйста!
И краски я стала царапать без жалости.
Под старыми красками — вот она, милая,
Память моя, что сама и убила я.
Убила! До осени я в победителях.
Осень... Опять позолота лидирует».*

Вселенная автора теперь собрана из всего, что вечно изменчиво и непостоянно, поэт спокойно балансирует в вечной смене одного явления другим. И взаимная любовь, и расставание и одиночество становятся одинаково ценны для поэта. Героиня смотрит на свои раны будто бы со стороны, отстраненно, она уже способна говорить о своей боли:

*«На руке кольцо, но не на правой.
Ранена слегка, а след кровавый...»*

Но и это пройдет. В зиме заложена великая сила трансформации:

*«А в крахмально-снежной пыли
Промежутки слов застыли,
Чтоб в апрельской звонкой ночи
Вновь пролиться многоточьем».*

Круг событий замыкается. Была ли это история любви или история создания, разрушения и возрождения Вселенной? Или просто времена года сменяли друг друга?

Во втором сборнике, изданном в 2023 году, игра поэта становится масштабнее. Название «Аннушкино масло» отсылает нас к мотиву судьбы, рока. Помните, почему в романе Булгакова никак не могло состояться заседание МАССОЛИТа? *«Потому... что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится».*

Поэт, играя, предлагает читателю задачу — угадать судьбу по нескольким фразам, обрывкам чувств, отрывкам из диалогов. Воссоздать судьбу героя по нескольким точкам. Это отличительная черта всего сборника — ничего прямо не описано, но сказано всегда (или не всегда?) достаточно, чтобы читатель выстроил перед внутренним взором судьбу героев, как прошлую, так и будущую.

В сборнике собраны стихотворения двух периодов. Период до 2019 года включительно, где в основном стихи о любви во всех ее проявлениях. Характерным признаком здесь является острота чувств, переживаемых героиней словно впервые. И любое чувство — любовь ли, боль или печаль — проживается лирической героиней в моменте. Прошлого уже нет, будущего еще нет. Дальнейшая судьба не ясна. Все происходит здесь и сейчас. Этот ракурс — «будущего еще нет» — добавляет сопереживания, помогает полнее ассоциировать себя с лирической героиней.

*«Не ношу кольца,
Не звоню, не жду.*

*Ах, послушная
Я какая!
Уберу с лица
Слезы на ходу
И иду. Одна.
Отвыкая».*

Обыденность слога только подчеркивает остроту чувства, а настоящее и будущее время, в котором употребляются глаголы «не ношу... уберу... иду...», заставляют сжиматься сердце от неопределенности, незафиналенности ситуации. Что ж... знакомо каждой читательнице, да, пожалуй, и каждому читателю. Но в этой части сборника есть и «не цепляющие» стихотворения — где образ красив, но несколько избит, затерт от частоты употребления:

*«И укуталось в рваный плед,
Наготу под лохмотья пряча,
И покинуло этот свет
Состраданье, тихонько плача».*

Таких произведений несколько. Оправдать их невысокую художественную ценность можно было бы незрелостью начинающего автора. Если знать время создания. Это, к сожалению, не представляется возможным. В этом недостаток сборника.

Начиная с части «Алфавитный фрэш», стихи написаны в 2022 и позднее. И если в предыдущем сборнике автор, она же лирическая героиня, ловила осколки Вселенной, заново собирая расколовшийся мир, то здесь мир собран. И как же он собран автором, являющимся в миру учителем русского языка и литературы? Разумеется, в алфавитном порядке!

Уровень сборки — энциклопедический словарь. Теперь лирическая героиня обращивается вдруг то лирическим героем, то ребенком, даже собакой. Время не только современность, но и Древняя Русь, сфера интересов не только любовь, но и философские раздумья. Поражает разнообразие художественных приемов. Например, такое стихотворение:

*«Мышцы лица улыбаться устали,
И я не из стали.
Чем бы согреть эти зябкие плечи?
И впрямь нечем.
Веки прикрыты — защита не очень.
А впрочем...»*

Аллитерация в первых двух строках не просто хороша — это уже не обычная звукопись, ибо какой может быть звук у улыбки? Здесь интересней — если произнести эти две строки четко артикулируя звуки, то мышцы лица сами собой складываются в ту самую механическую улыбку, о которой пишет (между строк!) поэт, и — да, при этом мышцы устают. Следующая часть стихотворения уже проигрывает — во-первых, аллитерация «чи-щи-че-че» присутствует, но ничем не обоснована, во-вторых, «зябкие плечи» — увы — штамп.

Интересным получился диалог у Надежды Григорьевой с современником — тульским же поэтом Валентином Киреевым, и с классиком Михаилом Лермонтовым. Вот стихотворение Надежды Григорьевой:

*«Она не плачет, женищина одна.
Она давно и ни о чем не плачет.
Быть может, не о чем? Да ей ли уж не знать?!
А что не плачет — ничего не значит.*

*Бесслезье меловое по рукам
В ней разлилось и укрепилось твердью.
Монументально. Камнем. На века.
На камне памятка: «Не плакать. И не верить».*

Это стихотворение является ответом современнику, поэту Валентину Кирееву (это мы узнаем не из сборника, а на странице Н. Григорьевой на Стихи.ру) на строки из его стихотворения

*«...Где женщина любимая одна
О том, что больше не случится, плачет»*

В то же время это и диалог с Лермонтовым, его стихотворением «Завещание»:

*«Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея,
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!»*

О чем плачут женщины в двух последних приведенных цитатах, в общем, понятно и без цитирования всего стихотворения целиком. В обоих случаях женщина есть некий закреплённый образ, атрибут мужского мира — «покинутая героем возлюбленная» и «жестокосердная красавица». У Григорьевой женщина не плачет, но вот о чем именно — не известно, мы можем только угадывать за строками непростую историю. Позиционирование женщины как личности — яркая черта современной поэзии.

Подводим итоги: история Любви-Вселенной, созданная поэтом, прекрасна. Темы вечны, а приемы и средства выразительности точны и оригинальны. У автора не просто свой, не похожий ни на какие образцы, голос. Здесь героиня — подлинная современная женщина, не укладывающаяся в уже известные, безусловно, прекрасные, но несколько заезженные схемы. («Маленький домик, русская печка, пол деревянный, лавка и свечка, котик — мурлыка, муж работающий, Вот оно счастье — нет его слаще!»). Да, женщины так могут, но они могут и по-другому, говорит Надежда Григорьева. Женщины — разные.

Но есть у сборников и недостаток, о котором невозможно не сожалеть. Беда многих, долго молчавших поэтов и прозаиков в том, что, как ни назови первый сборник, это всегда немного «Избранное». Причем в значении «все, что нажито непосильным трудом». Если бы это была только история любви! Это была бы кристальной чистоты история, отлично выстроенная и цельная. Но причем же здесь другие темы — условно назовем их «Призвание» и «Родина» (каждая, кстати, отлично проработаны и достойны того, чтобы стать отдельными сборниками).

Профессиональная тема, тема работы с детьми, их воспитания и, можно даже сказать, «пестования», т.к. зачастую речь идет о трудных подростках или детях из неблагополучных семей, представлена необычайно трогательными стихотворениями и рассказами-миниатюрами — результат опыта работы в реабилитационном центре.

И — возможно, даже самая важная из всех — тема Родины. Родины как в историческом аспекте (триптих «Дон. Истоки» о Куликовом поле и Дмитрии Донском, рассказ «Это о войне или не о войне?» о Сталинградской битве), так и в аспекте «малой родины» (посвящение родной деревне, бабушке, двум близким сердцу лирической героини городам, даже поездкам, едущим на родину, но без нее...).

Если бы два поэтических сборника и один сборник рассказов смешать и собрать заново, какой чистоты Вселенные могли бы получиться! Пожелаем автору дальнейших успехов, изданий и переизданий своих трудов, порождающих эмоциональный отклик, пробуждающих мысли и... дающих работу критикам!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

ПОЭТ С «АВРОРЫ»

Взгляд с пристани в бинокль времени

В детские и отроческие годы, когда наша семья жила в Заполярье, в «маячных окрестностях» знаменитого города Полярного, главной базы Северного флота СССР до пятидесятих годов, пару летних месяцев проводил в отцовской деревне Дворцы на берегу калужской реки Угры. Обычно добирались от Мурманска до Калуги с пересадкой в Ленинграде. Получалось, что мурманский поезд приходил в Северную столицу утром, а следовавший дальше отходил только вечером.

Пользуясь дневной паузой, оставив на вокзале мать с двумя младшими, отец знакомил меня с Ленинградом. Благо это его почти родной город: в тридцатых годах жил здесь у своей старшей сестры и ее мужа Лазаря Федоровича, служившего в хозяйственном управлении ленинградского главка НКВД. Работал поблизости молотобойцем на Волховстрое — первенце сталинских пятилеток; из Ленинграда же и был призван на Северный флот.

...Непременно каждый раз, побывав в Петропавловской крепости, отец вел меня к недалеко пришвартованной «Авроре», на траверсе Нахимовского училища. Увидев же на палубе революционного крейсера столь хорошо знакомых по Полярному матросов в белых рабочих робах, орудующих швабрами, глупых вопросов не задавал: откуда на историческом памятнике, хотя бы и плавучем, служащие срочники в бескозырках и с погонами? Знал со слов отца, что «Аврора» значитя воинской частью в составе Балтфлота, а потому имеет свою команду из призывных матросов, сверхсрочников-старшин, «ундеров» на вольном флотском языке, и офицеров соответствующих рангов.

...Знал ли, что когда-нибудь судьба сведет в далекой от морей и крейсеров Туле с таким вот бывшим матросом с «Авроры»? По расчету годов получается, что вполне мог трех-четырёх-классником видеть на палубе «Авроры» матроса Ходулина: невысокого, плотного и коренастого, словом, с фактурой, что так уважают на кораблях с тесными коридорчиками, трапами и люками, которые следует скоренько раздирать, скользнуть в другой отсек и задраить за собой.

Но фамилию эту услышал только после окончания школы и переезду в Тулу, но зато как первую «писательскую» в этом городе. Приехав сюда первым (остальная семья подтянулась к началу осени) — готовиться к поступлению в местный политехнический институт на радиотехнический факультет, жил все у того же дядьки Лазаря Федоровича... как некогда отец проживал у него в Ленинграде. Человек с невероятной жизненной судьбой (о нем я в нескольких книгах писал), кроме всего прочего, дядька хорошо чувствовал художественное слово. Выписывая областную газету «Коммунар», обратил мое внимание на две фамилии под нередкими публикациями: «Ты, Лексей, со своего флотского севера в совершенно другой мир перебрался, так и знакомься с ним: какая промышленность, чем народ живет, какие писатели в городе и поэты известные. Вот Ходулина стихи недурные, а фельетоны Шпилевого с Косой Горы не в бровь, а в глаз его заводское начальство бьют! И юмор у него сочный, как у Шолома Алейхема. Не читал? — обязательно познакомься, не пожалеешь времени потраченного» (сам дядька, как и мой отец, из калужских старообрядцев-поповцев).

Действительно, очень часто в «Коммунаре» печатались стихи Валерия Ходулина, а в фельетонном подвале нередкой была подпись: «Инженер Шпилевой».

...Опять же, думал ли, что за торжественным столом в Доме творчества, еще не отнятом администрацией у *своих* литераторов, на праздновании 50-летия Тульской организации Союза писателей, буду «звоном бокалов» обмениваться с сидящими напротив мэтром тульской поэзии Ходулиным и тем самым «инженером Шпилевым» с пятилучевым крестом ордена Почетного Легиона на лацкане пиджака — за участие подростком во Французском Сопротивлении? Жизнь — она многолика, а земшар (по Маяковскому) достаточно тесен.

Еще до окончания Литературного института, с которого времени и полагаю себя причастным к словесному сословию (а до того ни единой художественной строчки не написал, тем более не опубликовал, не считая статей в журналах «Радио» и «Филателия СССР»...), примерно знал о «литературной иерархии» Тулы. Имена Харчикова, Лаврика, толстовского секретаря Булгакова, сказочника Панькина, скандального «Анатоля» Кузнецова, Лазарева и Минутко, Пахомова и Галкина часто слышал по городскому радио, читал в обеих городских «коммунарах», видел их выступления на телеэкране. И читал местных авторов — что под руку попадалось. Даже в журнале «Новый мир» роман Харчикова. Пару книг Натальи Парыгиной прочел. Запомнилось и «Серебряное эхо» Валерия Ходулина в изящном твердом матерчатом переплете. О ней почему-то язвили мои читающие — а тогда вся страна читала! — знакомые. И Володя Суворов, поэт из Новомосковска, учившийся со мной в Литинституте. Тонкости «язвления» не отложились в памяти.

Лично, хотя и мимолетно, познакомился с Валерием Георгиевичем где-то в восьмидесятом году, когда на редакционной практике от Литинститута «сидел» в «Молодом коммунаре» в высотке на Фридриха Энгельса. Поначалу меня, чтобы не мешался под ногами, отправили в отдел писем, утешив стандартно: «Помни, что все выдающиеся одесские классики вышли из отдела писем газеты «Гудок!»». Зачем-то в эту комнату своей энергической, крутобокой походкой зашел и Ходулин. Узнав о моей литинститутской принадлежности, сам выпускник «Школы Горького», она же «Дом Герцена», Валерий Георгиевич задержался на пару-тройку минут. Вспомнили имена общих преподавателей, почему-то не обошли вниманием и давнее уже открытие памятника Льву Толстому в Туле, а именно, как председатель облисполкома, представляя Владимира Солоухина, прибывшего на торжество от Союза писателей, назвал того Солодухиным...

Последующие пять-шесть лет после окончания Литинститута я как-то не делал попыток «вписаться» в писательскую среду Тулы, да и вообще серьезно занялся инженерным трудом, опять же кандидатская, потом докторская диссертации. Если того же Ходулина и видел-слышал, то только по теле-радио, иногда летом на выступлениях поэтов в Центральном парке.

Но, познакомившись с редакторами Приокского издательства, славной троицей — двумя Анатолиями, Федосовым и Филипповым, и Николаем Завалишиным, через них стал вхож и в круг тульских писателей, благо их «ставка» тогда размещалась на территории издательства. Начал активно публиковаться, заинтересованно присматриваться к местным избранникам музы словесности. Поначалу *status quo* Ходулина было неясным, но имя и фигура его зримо и за глаза постоянно присутствовали.

Через какое-то время с подачи добрейшего — в рамках своей должности — Виктора Федоровича Пахомова начал хлопоты о вступлении в Союз писателей. Тогда не зря говорилось, что «обилетиться» в нем потруднее, чем стать доктором филологических наук. С первого голосования редко кто проходил. Так и ваш покорный слуга только со второго захода удостоился. Несмотря на диплом Литинститута и положенный набор публикаций. Оба раза Ходулин голосовал против — тайное голосование в этом кругу и в тесной комнатке суть секрет полишинеля. Как уже соображал, в ос-

новном голосуют за-против не столько самого кандидата, сколько его рекомендатель. У меня такими были Панькин, Галкин и Щёлоков, люди на виду, потому было кому мелко уколоть...

Я застал тульскую писательскую организацию уже застabilизировавшуюся от потрясений, вызванных фокусом «Анатоля» Кузнецова с убийством на ПМЖ (правда, недолгое) в Лондон. Тогда тульская организация попала под глухой «колпак» со стороны властей всех уровней. От второго инсульта не оправился Александр Григорьевич Лаврик, стоявший у истоков организации. По той же причине неуютно чувствовали себя и многочисленные последующие руководители, в числе которых побывал и Валерий Ходулин: долго не задерживались, друг за другом сменялись. «Малохлебная» должность...

Но вот закрепился Виктор Федорович, а потом и вовсе близкий к областной администрации В. Я. Маслов сделал царский подарок тульским писателям: целиковский купеческий особняк — «Дом Каминского», он же Дом творчества. Именно с руководством Пахомова и бывшим купеческим особняком связаны у меня первые и самые яркие впечатления о тульских писателях. Постепенно стала ясна та роль, которую избрал и успешно исполнял Валерий Георгиевич.

Пишу — через «бинокль времени», тем более не столь уж и давнего — сугубо объективно, поскольку наши с ним отношения не выходили, на протяжении более чем четверти века, за пределы просто коллег по писательской организации: ни тени недоброжелательности, ни йоты какой-либо зависти, а с другой стороны, никаких временных «дружб» против кого-либо, без амикошества и лицемерия. И товариществом такие отношения рискованно назвать: различные круги общения и роды занятий в них вне писательской среды, а в ней самой также различная степень участия. Ходулин едва ли не с первых дней создания областной писательской организации при ней, а затем и в ней, а я — пришлый, уже почти на сороковом году ее существования, к тому же и не коренной туляк, не с тем, как говорится, характером и колоритом.

Плохого слова от него в свой адрес, в том числе и в передаче «доброжелателей», не слышал. Скорее, наоборот. Когда в Приокском издательстве вышла моя первая книга «На островах» — дипломная работа в Литинституте, Виктор Шавырин, кстати, тоже выпускник Литинститута, опубликовал в «Коммунаре» очень даже пристрастную рецензию на нее. Валерий же Георгиевич с истинной мудростью и скрытым юмором тульского мастера, хотя бы и в части поэзии, ободрил: не бери особо в голову, Алексей, у вас с Виктором разные занятия: ты пишешь свои повести и рассказы, а он их критикует; ведь гонорары-то в различных бухгалтериях получаете? Делить-то нечего вам!

Осталось только рассмеяться, а после пары стопок с оказавшимся рядом Володей Суворовым, однокашником все по тому же Литинституту, и вовсе осадок от рецензии пропал. Зла на Шавырина не то что не затаил, наоборот, в безработицу «лихих девяностых» устроил его супругу на работу в медицинский НИИ, где сам трудился замдиректором.

Еще помнится: когда издал очередную книгу, то Ходулин, явно внимательно прочитав ее, дал очень дельный совет: пусть ты будешь трижды грамотей и четырежды столько-то пядей во лбу, но перед изданием книги, раз сейчас редакторов нет (дело было в тех же девяностых), дай прочитать ее набор кому-нибудь из *наших*, хотя бы мне — сочту за доверие; ибо пишешь-то ты один, а читать будут многие! Надо каждое слово продумывать. Это как в граверном деле — каждый штрих. Накрепко засела в голове эта здравая мысль.

...Бог троицу любит, потому еще один эпизод из былого. Вхожу, не упомяну по какому поводу, ближе к зимнему вечеру в особняк на Каминского, а в крохотном кабинетике Пахомова как всегдалюдно, тепло, весело. Сам Виктор Федорович в шахматы режется с подопечными «на высадку». Харчиков и Дружков, бывшие косогор-

ский металлург и воркутинский шахтер, с нескрываемым интересом смотрят на принесенную мною поллитровку, а «завхоз» Марк Самойлович искусно разделяет закусочную селедку пряного посола. Ни дать, ни взять провинциальный литературный кружок девятнадцатого века! А между тем общий профессиональный разговор на тему о структурном построении романа. И подытоживает его как всегда зашедший на четверть часа Ходулин: трехчастный роман — это русская классика! Ее не перекроишь, не перепрыгнешь. Вот Харчиков не даст соврать, а Николай Константинович (то есть Дружинин) по-военному утвердит. Все, мужики, с вами хорошо, но мне еще в департамент культуры надо заскочить!

Так получилось, что в русскую литературу, в ее постижение я вошел с рассказов, повестей, а потом и романов Лескова. И Тулу, до приезда в нее, зримо ассоциировал с лесковским «Левшей», дополненной «Нравами Растеряевой улицы» Глеба Успенского. Да оно так и получилось, когда впервые увидел этот славный город во второй половине шестидесятых годов: сплошь деревянную, еще не перестроенную Иваном Харитоновичем Юнаком, прямо из века предшествующего. А нравы, характеры ее жителей, даже в чем-то схожих видом, и вовсе восхитили: совершенно особый, веками устоявшийся мир в центре страны, всего в двухстах верстах от Москвы!

Вот и в самом облике Валерия Георгиевича, главное в его стихах, в манере говорить и общаться — все живо в моем впечатлении проассоциировалось с традиционной Тулой. Чувствовалось во всем его естестве, что и сам он в своем творчестве прежде всего отображает родной город, тульский характер. Это вовсе не значило, что раз и навсегда отгородился и замкнулся в этом провинциальном кругу. Напротив, до самого окончания своего творческого пути, почти совпавшем с завидной длительности жизненным, он основательно участвовал во всероссийском литературном процессе. Ведь для поэта, в отличие, например, от сугубого прозаика, многое значит аудитория, в том числе живая, эстрадная. Отсюда и его непереносимое участие в литературных поездках: конкурсы, юбилейные встречи, памятные поэтические дни. Легок на подъем, неутомим, общителен.

Крепкий, коренастый, невысокий — типичный старотульский облик, так метко схваченный Лесковым и Успенским. Также и себе на уме, но необходимо для окружения, в положенную меру хитрован; в делах поэтических и общественно-литературных и себя не обидит — полный джентльменский набор признанного в Туле поэта: заслуженный работник культуры, Почетный гражданин, лауреат премии Тульского комсомола; другими гражданскими и литературными наградами не обделен... Но ведь и работал, не покладая рук, почти до окончания отведенного ему судьбой небольшого срока: не только писал стихи и литературную публицистику, но всегда состоял и на конкретной редакторской работе: от редактора Приокского книжного издательства до главного редактора газеты Косогорского металлургического завода.

В самих его стихах подспудно проступает музыкальная, песенно-частушечная ритмика. Потому-то они так легко перекладывались на песенный лад. А песен на его стихи под три десятка написано разными композиторами. Опять же немало тому способствовал его музыкальный слух и от природы поставленный голос. Недаром после службы на Балтфлоте, как сам Ходулин часто вспоминал, колебался он: поэтом стать или певцом? И все это в чисто тульской «аранжировке». Словом, был искренним человеком, что не обижался на свое «тульское призвание», а почитал себе за честь.

В житейском плане, как всякий коренной туляк с традициями казюка, не гонялся за журавлями в небе, но поступал с деловой практичностью. Во всяком случае, не печатал в областных газетах стихов с пометкой «перевод с цыганского» (ставка гонорара за «национальную поэзию» выше!), как один из известных наших поэтов. И не скрывал побочных литературных доходов от уплаты партвзносов, как то практиковал еще более известный тульский прозаик... Но охотно верю своему знакомому, что в безденежные девяностые годы видел Ходулина в торговом центре продающим свои

книги под собственное пение и аккомпанемент приятеля-гармониста... Ведь своим трудом — книгами и песнями — зарабатывал человек!

Опять же, как всякий потомственный (генофенотипически, позволим «ученое» словцо вставить) туляк, с осторожностью общался в сфере провинциальных сильных мира сего: от службы не отказывался, но особо-то и не напрашивался. Когда дозволялось «свободой пошалить», то привык видеть Валерия Георгиевича на частых демонстрациях прежних лет, причем каждый раз идущего в рядах очередной новой, обычно умеренно-экзотической «партии». Когда же власть строжала, то и «шалости» нивелировались. Все как у людей здравомыслящих, коими наш город всегда славился (см. русскую классику). Опять же в этом ни для кого и ни для чего обидного нет: сами наедине с собой подумайте.

...Но до конца поэтическую свободолобивость к субординации не приведешь ведь? Вспомните Пушкина с обилием его язвительных эпиграмм. Тем более, что родная тульская власть много почудесила в предыдущие года. Всем памятный градоначальник почти превратил наш сухопутный город в фонтанный Петергоф... хорошо хоть не в Венецию! А Толстовский сквер — в некоторое подобие погоста с покосившимися могильными плитами с текстами из Толстого. Причем на каждой плите выбито от одной до четырех грамматических ошибок (Харчиков и ваш покорный слуга сами считали). Многие другие чудеса творились.

Это мы к тому о прошедшем вспомнили, что время от времени по Туле ходили очень меткие стихотворные строки, явно из-под пера Валерия Георгиевича. Но сам он от авторства осторожно отказывался.

Вот расписался-то! И чем больше вспоминаю образ и облик *нашего* поэта, тем теплее на душе становится. Ведь Ходулин оказался волею судеб и завидного творческого и жизненного долголетия знаковой фигурой, а именно: связующим звеном, мостиком от прежней, «устоявшейся» областной писательской организации Союза писателей СССР к нынешнему слепку с нее, бледной полутени, лишь условно именуемой чем-то похожим... Помнится, при недавней выдаче новых членских билетов (СПР решил поправить финансовые дела, собрав со своих подопечных по тысяче рублевиков...) сказал Ходулину: уже третья членская книжка на руках, начиная от красно-обложечной, с тиснением ордена Ленина. Тот рассмеялся: э-э, почтеннейший, а у меня четвертая; первой была книжка в черных корочках! Истинно связующее звено...

И сейчас, два, редко три раза в год отбывая скучную, правда, короткую (а о чем говорить-то?), «повинность» присутствия на собраниях тульской писательской организации СПР, превратившейся в непонятное суконно-цинковое подобие общественной организации, с щемящей ностальгией вспоминаю ту прежнюю *нашу* организацию *профессиональных* писателей, из которых редко кто не учился в Литинституте или на Высших литературных курсах. А среди столь памятных лиц непременно присутствует Валерий Георгиевич.

...Очередное собрание в каминном зале Дома творчества. На правах «хозяина дома сего» Валерий Яковлевич добро и поощрительно оглядывает слетевшихся соколов острого писательского глаза и неустанных мастеровых гусиного пера. В президиуме почтеннейший Виктор Федорович и кто-то взятый писарем. Подтягиваются запоздавшие: Греков из своего Белева добрался, Панькин в тельняшке под расстегнутой на три верхние пуговицы рубашкой... мы с однокашником Володей Суворовым — задержались в компании с Федором Дмитриевичем Поленовым (тот, правда, только заправлялся с дороги) в ресторанчике, что устроился в полуподвале творческого здания...

Ни единого сонного лица! На каждый, самый малозначительный вопрос повестки дня бурный отклик собравшихся. По поводу и без него негодует неугомонный Харчиков. Пешков, тоже не манкировавший ресторанчик, с кем-то сцепился и артистически-театрально хватается за спинку стула, поднимая его в направлении собеседника. Пронзительно-водянистым тенорком интригует Овинников, тогда только присту-

пивший к сочинению многотомной эпопеи «Я и Вселенная» (что-то в этом роде...) и еще не печатающий своих визитных карточек с указанием диковинных реквизитов: доктор философии и филологии, генерал-майор казачьих войск и... летчик-космонавт СССР (!).

Полный восторг писательской раскрепощенности! Но и дела решаются неукоснительно. Особенно когда резюмируют Николай Константинович Дружинин, Сергей Иванович Галкин, редко, но метко выступающая Наталья Деомидовна Парыгина. И мало кто по существу может возразить логично составленным доводам Валерия Георгиевича Ходулина, который, как всегда, «только что из департамента культуры».

...Растрогался приятным воспоминаниям, скупая ностальгическая слеза выкатилась. Сходил на кухню, налил из заветной бутылочки империалистического виски «Макез Марк» (шт. Кентукки) стопку, ввел в организм. Они, мироеды, умеют качественные вещи делать, как говорил незабвенный Лёня Голубков из телерекламы МММ Сережи Мавроди, русского грека... Полегчало. И заодно отвечаю на вопрос, явно витающий в голове читателя (а остались ли они даже в единичном измерении? Вот в чем вопрос): а почему, дорогой автор этих воспоминаний, столь почитаемый вами Валерий Георгиевич не публиковался в редактируемых вами же «Приокских зорях»?

Отвечу: у нас обычное правило не зазывать авторов на свои страницы. Ходулин же, а это явно не в его характере, не набивал себе цену, как тот же Овинников, что постоянно при встречах интересовался: «А что это вы не приглашаете меня, автора эпопеи... см. выше..., публиковаться в вашем журнале?» Просто он очертил себе свой круг общения с читателями, а журнал наш, вполне возможно, несколько настораживал его статусом всероссийского. Так нам представляется: Ходулин и Тула — это поэтический симбиоз.

...Очерк этот пишется к первой годовщине ухода Валерия Георгиевича из столь посуровевшего нынешнего мира. Он пробудет в долгой памяти туляков... пока не исчезнет последний читатель, что не исключено.

Мир праху твоему, дорогой Валерий Георгиевич!

*Алексей Яшин
(г. Тула)*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

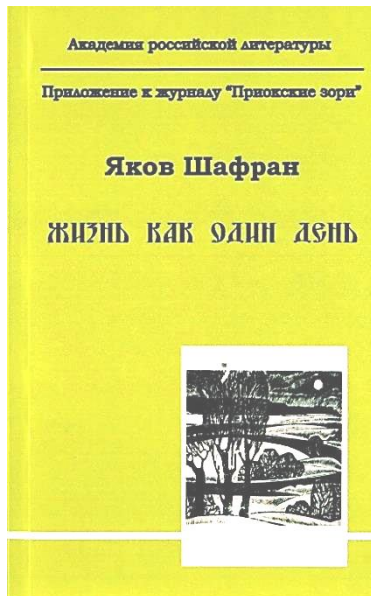
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2023.— № 1—2. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2023.— №№ 1—3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Дым Отечества*. В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах: ТРОПО «Знание», 2023.— Вып. 7 (Тула: ТПО) (Опубликованы материалы Геннадия Маркина, Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).— 275 с.
4. *Иртышъ — Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2023.— № 1—2 (41—42).— 374 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Дальний Восток*: Российский литературный журнал.— 2023.— № 2.— 240 с. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
6. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2022.— № 3—4.— 190 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
7. *Тула*. Литературный альманах.— Тула: Аквариус, 2022.— 412 с.
8. *Сергей Овчинников*. Пересечение судеб.— М.: ИД «Звонница-МГ», 2021.— 304 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 12.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 329 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 20.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2022.— 360 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Тулская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах.— Тула: Аквариус, 2023.— Вып. 10.— 90 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классиче-

ской русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2023-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Академия российской литературы поздравляет!

Уважаемые друзья, коллеги!

В нелегкий для Отечества час вклад российских писателей в укрепление и развитие Русского Мира имеет поистине неопределимое значение. Поддерживаем руководство страны и наших героев — военнослужащих, выполняющих свой долг на рубежах Родины — продолжателей славных традиций советского и российского боевого братства!

Правление Академии российской литературы поздравляет всех с ДНЕМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА!

Желаем крепкого здоровья, творческой энергии, реализации творческих планов и благополучия!

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ № 4

от 21 апреля 2023 года

Уважаемые члены Академии российской литературы!

20 апреля 2023 года в ходе творческой встречи литераторов Москвы и Подмосковья (ЦДЛ, Малый зал) состоялось общее собрание (Московское отделение) членов Академии (далее по тексту — АРЛ).

В ходе собрания были приняты решения о дальнейшей организационной и творческой деятельности Академии на предстоящий период 2023 года.

Общее собрание утвердило следующие предложения.

1. Руководящим органом Академии в соответствии с Уставом организации (утвержден 2 октября 2019 года) является Правление АРЛ.

Руководство АРЛ избрано (единогласно) в следующем составе:

Председатель Правления — Е.М. Скоблов.

Члены Правления:

П. Г. Гулдедава, Т. В. Камаева, О. Г. Карагодина, А. А. Ковалев, Г. Б. Осипов, А. Д. Тарасов, М. Ю. Чайкина, А. Д. Шепель, Н. Н. Шлезигер, А. А. Яшин.

Почетный Президент АРЛ Л. В. Ханбеков.

2. Издание печатного органа АРЛ — Международного литературного альманаха «Московский Парнас» и прием материалов для публикации осуществляется установленным порядком.

3. В списках членов АРЛ, публикуемых в альманахе «Московский Парнас», указываются только члены, выполняющие Устав и поддерживающие связь с Академией.

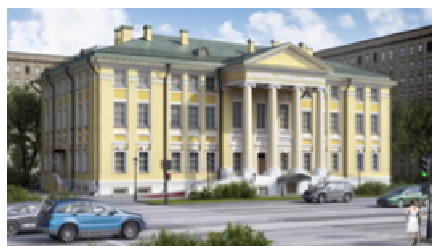
4. Общее собрание членов Академии организуется и проводится не реже 2 раз в год.

5. Прием новых членов в состав Академии РЛ приостановлен до особого решения Правления АРЛ.

Правление Академии российской литературы

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

21 февраля — День памяти выдающегося писателя, Нобелевского лауреата в области литературы Михаила Александровича ШОЛОХОВА. В этот же день отмечается Международный ДЕНЬ РОДНОГО ЯЗЫКА...

Шолохов в своих произведениях ярко и правдиво изобразил донское казачество со своеобразным укладом жизни, традициями, языком. Вот как писал А. С. Серафимович

мович о языке его ранних «Донских рассказов»: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды...».

Писатель хорошо знал жизнь своих героев, потому что родился и жил среди них. Для него представление о донской степи, станицах и хуторах, быте казаков и о них самих неразрывно связано с их своеобразным языком. В своем творчестве М. А. Шолохов использовал старинные казачьи песни, легенды и сказы, пословицы и поговорки. В основе донского говора, из которого черпал Шолохов все лучшее, лежит национальный русский язык.

С. Н. Сергеев-Ценский о языке шолоховских произведений писал: «В его произведениях мы видим алмазные россыпи русской речи. Не в словарях отысканное, не из запыленных фолиантов утащенное, а взятое писателем у самого хозяина языка — у народа — вот какое это слово! С молоком матери впитал писатель приемы народного творчества и принес их в русскую художественную речь. Поэтому так и поражают они своей смелостью и художественной силой. Мне думается, что творческий путь Михаила Шолохова, его каждодневное общение со своими героями, слитность во-едино с жизнью народной во всех ее направлениях — вот единственно правильный путь для настоящего писателя».

Язык произведений Шолохова — образец тесного, органического сплетения богатства народных говоров и литературного языка. Наши великие писатели, лингвисты и педагоги — Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, К. Г. Паустовский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский и др. — утверждали, что нет более надежного и эффективного средства обучения и воспитания, чем родной язык и родное слово. Называя язык величайшим богатством народа, М. А. Шолохов отмечал его роль в передаче из поколения в поколение мудрости народной: «Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах. Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость».

В нашей речи можно услышать особо запоминающиеся реплики шолоховских персонажей, многие используют просторечные и диалектные слова. Все это служит ярким подтверждением того, что язык великого писателя живет в народе...

Выступление Александра Андреевича Проханова на XVI съезде Союза писателей России 10 февраля 2023 г.

Я из того советского времени, когда в нашей литературе существовало два мощных направления, тогда они назывались: городская проза и деревенская проза. Кумиром городской прозы был Трифонов. Кумиром деревенской прозы были Распутин, Белов, Астафьев. И два этих великих направления, так или иначе, рассматривали роль государства в судьбах народа, в судьбах культуры, в судьбах поколения.

Трифонианцы — городская проза — винили государство за избивание ленинской гвардии, за подавление того раннего революционного пыла, процесса, который воспалил Гражданскую войну и который, казалось бы, захватил все грядущее русское будущее. Оно было подавлено, многие были истреблены и Сталин покончил с этой стихией, создал новое государство.

Деревенщики — деревенская проза, — которая мучительно переживала конец русской деревни, вместе с концом русской деревни и русского уклада ущемление и подавление русского фактора, русского сознания, русского мироощущения, русского чувства, русской семьи, русского говора. И в подавлении этой деревни оно тоже виныло государство, которое жестокой коллективизацией, поборами, давлениями на крестьян по существу разорило деревню.

И эти два направления пестовались государством: среди этих направлений были лауреаты, были орденоносцы, их приглашали в Кремль, тем не менее, все они тайно, явно глубоко, предьявляли укоризну государству. И эти два направления исчезли вместе с исчезновением государства советского. Исчезла ось координат, относительно которой они существовали, враждовали, создавали важнейшее, интереснейшее напряжение в нашей культуре, в нашей литературе, за счет которой и живет всякая живая культура, она живет полюсами, живет столкновениями, она в этих мучительных выборах находит какое-то удивительно не среднее, а сверхсостояние.

Что же теперь? Я присматриваюсь к современному литературному процессу и ищу, есть ли в нем направления, есть ли в нем тенденции, есть ли в нем такие крупные литературные группировки, в которых зреет новая философская концепция, новые культурные модели? Я пока их не нахожу. Может быть потому, что я недостаточно зрячий, недостаточно ясновидящий. Но они непременно появятся. Я думаю, относительно чего, какая ось координат возникнет для того, чтобы вдруг с нее вспыхнет, взорвались, зашумели эти две извечно русские тенденции — левая и правая, земное и небесное.

Мне кажется, что сегодня наше государство, оказавшись абсолютно неподготовленным к этой украинской войне, столкнувшись с огромным количеством трудностей, внешних, внутренних, военных, оно стремительно перестраивается. И эта перестройка происходит хаотически, где-то планомерно, а где-то спорадически, она мучительна, государство меняет кожу, уходят одни элиты, появляются другие, меняется репутация, одни рушатся, другие возникают, новые герои, старые уходят. В этой схватке сокрушаются конструкции, упорно возводимые после 1991 года, когда они у нас на глазах рушатся, эти бутафры падают нам на головы, появляются новые персонажи, новые герои, появляются новые мученики, появляются новые ясновидцы, появляются новые предатели и изменники, появляются новые скопидомы, появляются

новые таинственные маги, волшебники. Идет строительство новой типологии, человеческой, и, конечно, новых ситуаций, в которых эти типы участвуют и присутствуют — это драгоценное для художника время, время перемен. Повторяю, оно драгоценно для художника. Все остановившееся, все зашифрованное, все покрытое чехлами стабильности, здравого смысла — вдруг хлопается, чехлы распадаются и вся требуха реальная, общественная вываливается на поверхность. Хватай ее, пиши, находишься в гуще всего этого. Ну и, конечно, погибай при этом, если ты заглянешь в жерло пушки, которое готово выстрелить, готовься к тому, что она оторвет тебе голову.

И вот эта удивительная возможность для сегодняшнего литературного процесса, для сегодняшнего художника не просто возможность, а это вмененное глубинное свойство и обязанность художника зафиксировать этот процесс. И эта возможность, по-моему, драгоценная, особенно для молодого поколения. Потому что, конечно, время фиксируется в декларациях съездов, в декларациях крупных конгрессов, его фиксирует журналистика, его фиксируют всевозможные постановления и уклады. А по-настоящему его фиксирует только литература. Я помню из романа Бунина «Жизнь Арсеньева» поразительный эпиграф, а не сказано, чей он, он из какой-то русской летописи, из какого-то русского сказания. Он звучит так: «Вещи и дела, аще не написани бывають, тьмою покрываються и гробу безпамятства предаются, написавши же яко одушевлени...».

Литература не дает исчезнуть времени. Она не дает пропасть истории. Она воскресительна, она из мертвых подымает целые исторические эпохи. Я повторяю, это огромная возможность для сегодняшнего русского литературного процесса.

И вторая, мне кажется, удивительная такая миссия. Мы видим, как угасает язык. С исчезновением традиционной русской деревни исчез восхитительный русский язык, который питал и русскую дворянскую литературу, и русскую мещанскую литературу, и разночинную литературу. Исчез вот этот народ-языкотворец, живший в деревнях. Пришел язык нашей журналистики, язык гуттаперчевый, целлулоидный, с огромным комичным англицизмом, с ничтожным количеством определений, быстрым переходом от подлежащего к сказуемому. Это бедный язык, мобильный язык, на котором можно будет выписать, не знаю, рецепт какого-нибудь слабительного или, может быть, какого-то снотворного. А где язык? Кто его сохранит? Кто сбережет этот язык? Потому что есть язык — есть народ. Убывание языка — убывание народа. И, может быть, все то, что мы сейчас чувствуем — наше убывание, наше уменьшение, наше ослабление, связано с уменьшением и убыванием нашего языка. И здесь, как мне кажется, писатель является спасителем языка. Язык, уходя, исчезая из деревень, светелок, из дворянских салонов, он прячется в книге, он прячется в литературу. И литература, писатель, который является сберегателем языка, языкотворцем, его миссия божественная, восхитительная. Писатель — это такая скалка, которая не дает погаснуть этим лампадам русского языка и русского словотворчества.

Вот эти две составляющие, о которых я сейчас говорил, я смотрю на эти задачи с какой-то завистью. Наверное, мне не придется уже участвовать в этих новых литературных свершениях, создавать эти новые литературные движения. Но новые литературные движения — это не просто литературные движения. Русская жизнь, русская судьба, она коварна. Все серьезное, глубинное связано и с восхождением, и с падением государства, они рождались в литературе. В литературе рождались Рахметовы. В литературе рождались «лишние люди», Печорины. В литературе рождались Базаровы. В литературе рождались будущие революционеры, которые в чеховских рассказах были «Ионычами», а спустя 10 лет садились в седла Первой конной армии и становились чекистами и расстреливали по губерниям бывших чеховских героев, телеграфистов и офицеров.

Поэтому, конечно, мы, здесь все сидящие, казалось бы, узнали о процентном содержании в нашей писательской среде женщин, о процентном содержании в нашей

среде мужчин, о процентном содержании в нашей среде провинциалов, горожан. Но мы не узнали, какой процент в нашей среде будущих мучеников, будущих подвижников, будущих беглецов и скрытников. Они есть среди нас. И это изумительно, это восхитительно!

Поэтому как чудесно быть писателем вообще и с особенностью этой распри на кресте. Как изумительно быть молодым писателем, когда он наполнен любовью, чаянием, восхищением и который ждет от будущего только одного, только венка из роз, а не соснового венца.

Спасибо вам! С Богом! (Браво, бурные аплодисменты).

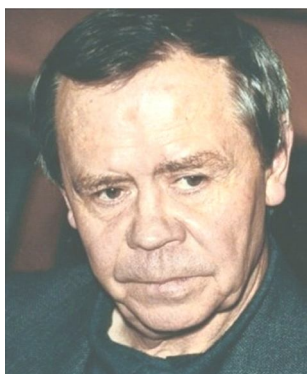
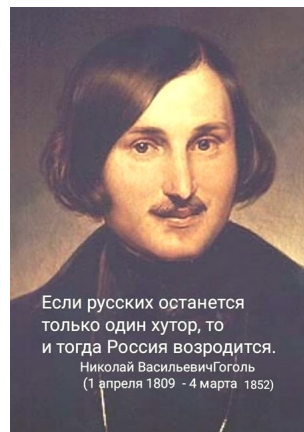
* * *

4 марта — День памяти НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ (1 апреля 1809 — 4 марта 1852) писателя, драматурга, публициста, признанного классика русской литературы.

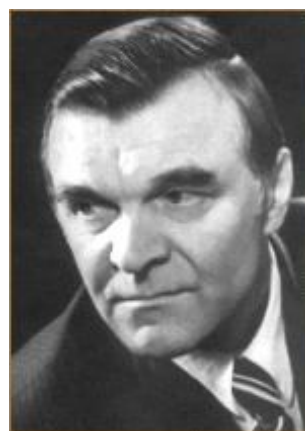
Царство Небесное и Вечная память русскому писателю Николаю Гоголю.

В настоящее время как никогда многие русские люди подверглись унынию. И слова из произведения великого писателя Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба» поднимают дух русского человека: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Слова, произнесенные Тарасом Бульбой показывают, что будущее за православным, русским, самодержавным миром: «Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!...»

15 марта 1937 г. в селе Усть-Уда Иркутской области в крестьянской семье родился русский писатель, прозаик, драматург, публицист, общественный деятель **Валентин Григорьевич РАСПУТИН.**

15 марта 1924 года в городе Орске родился писатель, публицист, сценарист, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны **Юрий Васильевич БОНДАРЕВ.**

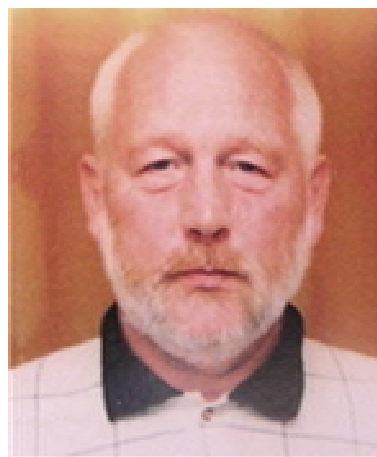

28 марта 1868 года в Нижнем Новгороде родился **Максим ГОРЬКИЙ** (настоящее имя — Алексей Максимович Пешков) — русский и советский писатель, драматург, общественный деятель.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравляем нашего главного редактора с совпадающими юбилеями: литературным, научным и жизненным!

Желаем здоровья, успехов во всех направлениях деятельности и всего самого доброго в жизни! В редакцию поступили поздравления от многих авторов и читателей журнала, в том числе от Е. Скоблова и Правления АРЛ (Москва), И. Егорова, Е. Асташкина и редколлегии журнала «Иртышъ-Омь» (Омск), Ю. Чернякова (Карелия), С. Лебедева (Тольятти), Л. Воробьевой (Минск, Белоруссия), Е. Трещева (Щекино), В. Богушева (Воронеж) и многих других. Ряд журналов («Московский Парнас», «Иртышъ-Омь», «Истоки» и др.) опубликовали развернутую творческую биографию юбиляра. Правление АРЛ наградило его Почетной грамотой, а Союз промышленников Алтая «Демидовский фонд» наградил Алексея Яшина медалью имени Акинфия Демидова. Поступили поздравления от руководства Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», ряда региональных отделений СПР.

Редакция «Приокских зорь»

Александр Проханову — 85!

Поэту Николаю Еремину — 80 лет!

Николай Николаевич Еремин родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г., Союза российских писателей с 1991 г.

и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин».

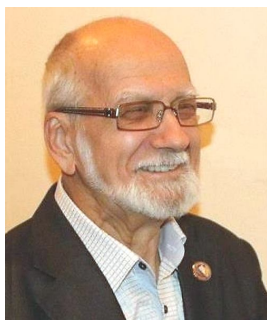

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Поздравляем Анатолия Юрьевича Аврутина с очередным лауреатством!

БОЛЬШАЯ УТРАТА

14 марта 2023 года после тяжелой болезни ушел из жизни председатель Правления Академии, главный редактор Вестника Академии — Международного литературного альманаха «Московский Парнас», член Союза писателей России, видный российский прозаик, поэт, литературный критик и общественный деятель Роман Константинович Тишковский.

Будучи верным продолжателем лучших российских культурных и литературных традиций, осуществляя главное руководство деятельностью Академии и выполняя основной объем работы по подготовке и изданию Вестника Академии, Роман Константинович до последнего дня, как истинный патриот России и верный сын Отечества, принимал самое активное участие в литературном процессе, прилагал все усилия для укрепления позиций русского языка в мире,

Роман Константинович Тишковский родился 22 июня 1935 года в Москве. В 1955-м окончил Московский Авиационный вечерний техникум (МАВТ). С 1955 по 1958 — служил в Советской Армии. В 1965-м окончил вечернее отделение Московского энергетического института (МЭИ), по специальности общая радиотехника. Первые строчки родились в 1943-м, в эвакуации в Казани. За годы писательской деятельности написано более пяти тысяч стихотворений и более пятидесяти поэм. Публиковался в многотиражках, районных газетах, коллективных сборниках и альманахах. С 2006 г. — редактор ежегодного коллективного сборника «Созвучие» Московского Совета литературных объединений (Совет существует с 1986-го). Призер ряда поэтических конкурсов, в том числе конкурса еженедельника «Неделя» (1984—85 гг.) «Плач Ярославны», посвященного 800-летию «Слова о полку Игореве». Роман Константинович является автором книг: «Я шел к тебе» (2002), «Пора комет» (2007), «Страсти по Байконуру» (2020), сборника статей о литературе «Письма в никуда» (2009), сборников: «Юношеские и армейские ПОЭМЫ (1946—1960), I том поэм» (2018), «ПОЭМЫ (1960—1975), II том поэм» (2019), «ПОЭМЫ (1970—1997), III том поэм» (2020) и книги-биллингвы «Белые туманы» — в переводах на польский язык (Люблин, 2019). В 2004 г. известный московский критик, создатель и главный редактор альманаха «Московский Парнас» Леонид Ханбеков выпустил книгу «размышлений о творческой судьбе Романа Тишковского» — «Неискренности чувства убоюсь». В 2007 г. руководством Союза писателей России «за верность традициям русской культуры и литературы» награжден Золотой Есенинской медалью. В 2009 г. Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов «за патриотическую и философскую лирику в книгах последних лет» — Золотой медалью имени Константина Симонова. Член Союза писателей России и Международного Сообщества писательских союзов, Академии российской литературы. С 2016-го — на пенсии. Ветеран труда. Рабочий стаж с 23.11.1951 по 30.11.2016 гг. В 2018 году утвержден на пост главного редактора Вестника Академии — Международного литературного альманаха «Московский Парнас». Редактор и издатель 16 номеров Вестника в период с конца 2018 по 2023 год. В 2019 году избран Председателем правления Академии российской литературы.

Добрая, светлая память!

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» выражают глубокие соболезнования родным и близким Романа Константиновича. Его вклад и наследие в русской литературе навсегда останутся в общественной памяти России, сердцах писателей, читателей страны и русского зарубежья.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisaifine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.08.2023
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**